

Лиз Мюррей

КНИГИ, КОТОРЫЕ
ВДОХНОВЛЯЮТ

КЛУБ БЕЗДОМНЫХ МЕЧТА- ТЕЛЕЙ

СЕГОДНЯ –
НА УЛИЦЕ,
ЗАВТРА –
В ГАРВАРДЕ

ПОКА У ТЕБЯ ЕСТЬ МЕЧТА, ВСЕ ВОЗМОЖНО!

Publishers Weekly

18+

КНИГИ, КОТОРЫЕ
ВДОХНОВЛЯЮТ

Лиз Мюррей

КЛУБ БЕЗДОМНЫХ МЕЧТА- ТЕЛЕЙ

СЕГОДНЯ –
НА УЛИЦЕ,
ЗАВТРА –
В ГАРВАРДЕ

ПОКА У ТЕБЯ ЕСТЬ МЕЧТА, ВСЕ ВОЗМОЖНО!

Publishers Weekly

18+

Лиз Мюррей

Клуб бездомных мечтателей

Liz Murray
Breaking Night: A Memoir of Forgiveness, Survival, and My Journey from
Homeless to Harvard

Copyright © 2010 Liz Murray
This edition published by arrangement with Hyperion, New York,
New York, USA. All rights reserved.

© Андреев А. В., перевод на русский язык, 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Имена и внешность главных героев были изменены.

Эта книга посвящена трем людям, любовь которых помогла мне ее написать.

Эду Фермину. За годы, что мы провели вместе, и за годы, которые нам еще предстоят. Спасибо тебе за то, что ты заботился о моем отце. Спасибо, что делился со мной планами и мечтами, а также что ты – часть моей семьи. Спасибо за то, что ты мне всегда помогал. Когда я думаю, что в моей жизни было хорошего, я вспоминаю о тебе.

Артуру Флику. За советы, как лучше рыбачить, за поездки на мотоцикле и за все наши путешествия, которые я всегда буду вспоминать с теплотой и радостью. Спасибо за то, что был моим ангелом-хранителем и помогал мне понять, что говорило мое собственное сердце. Ты прав, Артур, человек сам выбирает свою семью.

Робин Дайан Линн, щедрой и великодушной женщине, которой можно доверять. Робин, твоя душа – настоящее золото, и ты на многое готова, чтобы помочь другим. Ты делаешь мир лучше. Спасибо за то, что показала, как надо быть верной самой себе в любых жизненных ситуациях.

*Не давайте тому, что вы не можете
сделать, помешать тому, что можете.*

Джон Вуден

Тот, кто хочет петь, найдет песню.

Шведская пословица

Пролог

У меня осталась всего одна фотография моей матери. Небольшая черно-белая карточка, заломанная в нескольких местах. На ней мама сидит, немного ссутулившись, положив локти на колени. Я практически ничего не знаю о том периоде жизни матери, когда была сделана эта фотография. На обратной стороне оранжевым фломастером написано: «Напротив дома Майка на Шестой улице, 1971». В том году маме было семнадцать лет, то есть она на год старше, чем я сейчас. Я знаю, что Шестая улица находится в Гринвич-виллидж, но понятия не имею о том, кто такой Майк.

Судя по фотографии, мама была серьезным подростком. Ее губы плотно сжаты. Голову обрамляют черные кудрявые волосы. Больше всего мне нравятся ее глаза. Они – как два блестящих черных агата.

Я внимательно изучала черты матери, запоминала их и потом сравнивала со своим отражением в зеркале. Я распускала волосы точно так же, как у нее на фото. Стоя у зеркала, я медленно водила пальцем по своему лицу, начиная с глаз. Наши глаза очень похожи, правда, у матери они коричневого цвета, а у меня желто-зеленые, как у бабушки. Потом я начала сравнивать губы и поняла, что они у нас тоже очень похожи. Несмотря на то что у нас есть общие черты, моя мать гораздо красивее меня.

Я сравнивала наши лица много-много часов. Это была моя игра, в которую я играла, когда у меня не было дома и я жила у разных друзей. Ночью я подходила к зеркалу в ванной, запирала дверь и начинала сравнивать наши лица. Мои друзья мирно спали в соседней комнате. Их уложили спать родители, пожелав спокойной ночи. Пока они видели сны, я проводила у зеркала много часов, ощущая голыми ступнями холод от кафельного пола.

Я до рассвета стояла у зеркала. Если я ночевала у Джейми, то сразу после восхода солнца звенел будильник ее матери, после чего она шла в ванную. Если я ночевала у Бобби, то сигналом, что пора ложиться, были звуки грузовика, который вывозил мусор.

Я тихо подходила к своей раскладушке. Я никогда не позволяла себе слишком расслабляться, потому что не знала, где буду ночевать в следующую ночь. Потом я лежала на спине и продолжала в темноте водить пальцами по лицу, представляя маму. Я думала о том, что наши

жизни очень похожи.

В шестнадцать лет мама тоже была бездомной. Она, как и я, бросила школу. Точно так же, как я, мама каждый день принимала решение, где она будет спать в эту ночь: на крыше, в парке, в подъезде или в метро. Мама жила в Бронксе, и о том, что на темных улицах она находится в опасности, ей постоянно напоминали сирены полицейских машин и небольшие плакаты с фотороботами преступников, наклеенные на фонарных столбах.

Я размышляю, было ли маме страшно. Мне вот в последнее время все время страшно. Я постоянно думаю о том, где буду спать ночью: у друзей, в пустом вагоне или где-нибудь на лестничной площадке.

Я медленно вожу пальцем по лбу и губам. Мне так хочется почувствовать мамино тепло, когда она меня обнимает. Я думаю о маме и начинаю плакать. Потом поворачиваюсь на бок, вытираю слезы и накрываюсь с головой выданным мне одеялом.

Я стараюсь прогнать мысль о маме и запрятать ее в самые глубокие недра подсознания. Я старюсь думать, что происходит за стенами дома, увешанного портретами членов семьи Бобби, уйти мыслями туда, где на улицах Бронкса пьяные латиноамериканцы, сидя на ящиках, играют в домино, громко стуча кулаками о стол, в который победитель «вбивает» свою последнюю фишку. Я стараюсь думать о чем угодно, и постепенно мамин образ исчезает. Если я продолжу думать о ней, я не смогу заснуть. Мне нужен сон, потому что через несколько часов я снова окажусь на улице, и мне некуда будет податься.

Мама, Шестая улица, Гринвич-виллидж, 1971

I. Опасный район

Впервые отец узнал обо мне, когда мама пришла навестить его в тюрьме. Мама подняла подол платья, чтобы показать через разделявшее их стекло свой большой живот. Тогда моей сестренке Лизе было уже чуть больше года. Мама взяла с собой и ее, чтобы отец на нее посмотрел.

Позже, размышляя о своей жизни, мама говорила так: «Мы с папой не это планировали. Так получилось, дорогая».

Мама начала употреблять наркотики, когда ей было тринадцать. Она говорила: «Мы с папой хотели бросить. Мы думали, что рано или поздно станем точно такими же людьми, как и все остальные. Папа хотел получить постоянную работу, а я мечтала, что буду стенографисткой в суде».

Мама употребляла кокаин внутривенно. Так белый порошок давал более сильный «приход», и его требовалось меньше, чем когда нюхаешь. Весь наркотик без потерь попадал в кровь, проходя по венам, как шаровая молния. После дозы мама чувствовала себя хорошо и была готова встретить новый день.

«Порошок дает мне энергию», – говорила она.

Мама стала наркоманкой еще подростком. Она выросла в доме, в котором царила атмосфера насилия и злобы.

«Бабушка была чокнутой, Лиззи. Папа приходил домой бухой и начинал всех нас бить – электрическими шнурами, палками – всем, что под руку попадалось. Бабушка после этого шла на кухню и убиралась, бормоча что-то, словно ничего особенного не произошло. Она вела себя словно, блин, Мери Поппинс, пока мы все зализывали раны».

Мама была старшей из четырех детей в семье. Она часто говорила о чувстве вины перед братьями и сестрами, которых бросила в тринадцать лет, когда ушла из дома.

«Я больше не могла там оставаться даже ради Лори и Джонни. По крайней мере, Джимми повезло, и его забрали в другую семью. Надо было выбираться оттуда как можно быстрее. Понимаешь, под мостом было удобнее и безопаснее, чем дома».

Я спросила маму, чем она занималась под мостами.

«Ну, дорогая, что мы делали... Общались с друзьями, болтали о жизни. О наших фиговых родителях. О том, что здесь нам лучше. Мы говорили...

ну, и «торчали», конечно. А когда «торчишь», не имеет большого значения, где ты находишься».

Мамина наркозависимость началась с клея и марихуаны. Иногда она жила у друзей. Она зарабатывала на жизнь проституцией и порой работала курьером на велосипеде. Потом она постепенно перешла на амфетамин и героин.

«Тогда Гринвич-виллидж был совершенно запредельным местом. Я носила высокие кожаные сапоги, плащ-накидку и была худой, как палка. У нас тогда прикиды были очень серьезные, мы прикольно одевались. Говорили на жаргоне. Видела бы ты меня тогда!»

Когда мама познакомилась с папой в 1970-х, в моде были густые усы, диско-музыка и кокаин. Мама рассказывала, что отец был «красавцем и дико умным».

«Понимаешь, у него были мысли. А я общалась с полными недоумками и лузерами, а твой отец был совсем другим. У него голова хорошо варила».

Мой отец родился в семье ирландских католиков, проживавших в пригороде, из среднего класса. Его отец был капитаном морского корабля и сильно пил. Мать – работающая и тихая женщина, которая не хотела мириться с «мужскими глупостями», как она их называла.

«Лиззи, знай, твой дедушка был алкоголиком. Мерзкий человек, который много пил и очень плохо относился к людям, – сказал мне однажды отец. – А твоя бабушка не захотела мириться с этим. Ей было наплевать, что тогда разводов было мало, она взяла и развелась».

После развода мой папа уже никогда не встречался со своим отцом.

«Он, Лиззи, был очень непростой человек. Наверное, даже хорошо, что он от нас ушел. С ним все было бы только сложнее».

Детские друзья папы описывали его как ранимого ребенка, который очень остро переживал расставание с отцом. Его мать нашла работу, на которой трудилась целыми днями, а мой папа был предоставлен сам себе. Он или сидел дома один или вечерами навещал своих немногочисленных друзей. Иногда даже казалось, что он растет не у себя дома, а в чужих семьях. Его отношения с матерью были далеко не идеальными.

«Твоя бабушка не была общительным человеком, – рассказывал мне папа. – Она – типичная ирландка-католичка. О чувствах мы в семье не разговаривали. Если ты произносил слово «я», то дальше надо было говорить «хочу есть» или «замерз». Без вариантов. Мы с матерью не говорили о личном».

Хотя моя бабушка, может быть, и не испытывала материнской теплоты

к сыну, она делала все возможное, чтобы у него было обеспеченное будущее. Она хотела дать ему хорошее образование. Она работала бухгалтером на двух работах и все деньги вкладывала в образование сына.

Папа учился в лучших католических школах Лонг-Айленда. В средней школе Шаминейд^[1] отец сидел на одной скамье с детьми из самых богатых семей. Большинству его сверстников родители подарили на шестнадцатилетие первые автомобили, а папа добирался до школы на автобусах с пересадкой.

У папы были все предпосылки, чтобы стать успешным человеком. Однако частное образование не послужило хорошим стартом, потому что он стал наркоманом.

Папа читал американские романы, гостил на загородных дачах своих богатых одноклассников, игнорируя телефонные звонки матери, а в качестве развлечения «закидывался» амфетамином под трибунами на школьном поле для игры в американский футбол.

Папа был умницей, но постоянное употребление наркотиков привело к тому, что в школе ему было сложно сосредоточиться, потому что ночами он не спал. В последний год обучения в школе папа подал документы и был принят в колледж, расположенный в центре города. Он думал, что образование в хорошем колледже обеспечит его будущее. Но старые привычки забываются с трудом, и отец продолжал «торчать» на Манхэттене.

Через пару лет папа направил всю свою энергию не на учебу, а на продажу наркотиков, превратившись в известного дилера. Окружавшие его подельники не имели никакого образования и называли его «профессором». Папа был в наркошайке главным и занимался вопросами стратегического планирования и развития бизнеса.

Он два года отучился на психологическом факультете и одновременно с учебой устроился за минимальную плату социальным работником. Однако поддерживать два разных стиля жизни – студента/социального работника и наркодельца – оказалось непросто. В конечном счете папин выбор решили деньги. Он забросил колледж, ушел с работы, снял квартиру в восточной части Гринвич-виллидж и вместе с бригадой отсидевших в тюрьме подельников полностью посвятил себя наркоторговле.

Вот в такой наркоманской среде мои мать и отец впервые повстречались.

Через пару лет после их первой встречи они снова увиделись в квартире общего знакомого. Гости танцевали диско, а на подносах, словно прохладительные напитки, были выложены жирные дорожки кокаина

и амфетамина. Потом отец начал продавать матери наркотики. Мама жила на улице и никогда ранее не общалась с таким воспитанным и «продвинутым» человеком, как отец. У мамы было ощущение, будто она познакомилась с кинозвездой.

«Ты бы видела, как отец исполнял роль хозяина вечеринки. Он был лидером и вел себя так, что все начинали испытывать к нему чувство глубокого уважения».

Тогда маме было двадцать два, а папе тридцать четыре года. Мама одевалась по моде 1970-х – в микрошорты и балахоны в стиле хиппи. Папа говорил, что у нее были пышные длинные черные волосы и пронизательные глаза цвета янтаря. Он утверждал, что мгновенно в нее влюбился. Ему понравилось, что мама казалась одновременно невинной и жесткой.

«Она была совершенно непредсказуемой, – говорил он. – Было непонятно, наивная она или холодная и расчетливая. Она могла быть и той и другой».

Начался роман, и они стали неразлучны. Точно так же, как и любая другая влюбленная пара, они проводили время вместе, только в отличие от большинства не ходили в кино и рестораны, а вместе дырявили себе вену. Их объединили наркотики. Они принимали наркотики для того, чтобы заниматься сексом. Постепенно они отошли от своих компаний и подолгу гуляли по Манхэттену, взявшись за руки. Захватив с собой немного кокаина и пару бутылок пива, они уходили в Центральный парк, залезали на пригорки и, обнявшись, сидели в свете луны.

В начале 1977 года они начали жить вместе. Маме было двадцать три, когда в феврале 1978-го родилась моя старшая сестра Лиза.

Когда Лиза была совсем малышкой, папа взялся за осуществление одного из своих самых смелых планов. Он стал выписывать поддельные рецепты на болеутоляющие препараты для онкологических больных. Каждая из таблеток, по словам отца, могла «вырубить лошадь» и продавалась среди наркоманов по пятнадцать долларов за штуку. У папы со времен колледжа осталось достаточное количество знакомых, которые каждую неделю покупали несколько сотен таблеток, поэтому мама с папой просто купались в деньгах.

Папа не хотел сесть в тюрьму и действовал очень аккуратно. Терпение и внимательность к деталям, говорил он, способны сотворить чудеса. Он настаивал на том, чтобы все было сделано «правильно». Он внимательно изучил карту Нью-Йорка и разработал план посещения аптек, в которых мог «отоварить» рецепты, чтобы не светиться слишком

сильно. Самым опасным моментом этой авантюры было получение товара, потому что, по закону, в случае с такими сильными препаратами аптекарь должен был позвонить доктору, выписавшему рецепт, чтобы удостовериться в его подлинности.

Папа разработал план обмана аптекарей. В те времена телефонная компания не проверяла документы доктора, который подключал себе новый рабочий номер. Папа придумывал имена врачей, а иногда использовал имена профессоров, которые обучали его в колледже, например Ньюман, Коэн или Глассер. Аптекарь дозванивался до офиса «доктора» и говорил с его «секретаршей», которую изображала моя мама.

Мама с папой работали из дешевых меблированных комнат, которые снимали на неделю в разных частях города. «Рабочие дни» были длинными, и мама не могла заниматься Лизой. Ей тогда было всего несколько месяцев, и о ней заботились мамины друзья.

Наркопривилечники помогали папе подделывать рецепты, а он делился с ними частью доходов. Подельники изготовляли печати с именами «докторов» и высококачественные фальшивые бланки рецептов. Папа превращал эти бланки и печати в золото. Он считал свой план абсолютно «безопасным», но однажды мама допустила ошибку.

Правда, папа признался, что и сам совершил ошибку.

«Нам не надо было самим употреблять эти препараты. Это совсем лишнее, только мозги сжигает и заставляет идти на лишний риск, чтобы получить таблетки».

В общем, мама из-за своей зависимости не заметила опасности или просто очень хотела получить таблетки. Папа неоднократно предупреждал маму, как будет вести себя заподозривший неладное фармацевт. Мама могла бы и сама догадаться, что надо скорее бежать, когда она занесла рецепт в аптеку, а после того, как пришла на следующий день за лекарством, аптекарь попросил ее подождать еще двадцать минут. За это время фармацевт позвонил в полицию. Папа предупреждал маму о таком сценарии, но в критический момент она не прислушалась к его советам.

Мама всегда была упорной и шла до конца. Потом она объяснила мне свое поведение в тот роковой день: «Я не могла вернуться с пустыми руками. Ведь шанс, что он вынесет таблетки, все-таки был».

По звонку фармацевта подъехала патрульная машина. На маму надели наручники, и полицейский забрал ее. В то время мама была беременна мной, хотя еще этого не знала.

Оказывается, что ФБР уже более года собирало информацию на людей,

подделывающих рецепты, – то есть на моих родителей. Рецепты и кадры установленных в аптеках видеокамер стали неоспоримым доказательством преступной деятельности мамы и папы. Когда агенты ФБР пришли арестовывать отца в квартире в Ист-виллидж, они нашли дорогие шубы, золотые украшения, тысячи долларов наличкой и даже бирманского питона в большом аквариуме.

Моего отца обвинили в подделке документов. В день суда представители обвинения вкатили в зал три продуктовые магазинные тележки, доверху набитые поддельными рецептами, выписанными отцом.

– Вы можете что-нибудь добавить, господин Финнерти? – спросил папу судья.

– Нет, ваша честь, – ответил он. – Оставляю это без комментариев.

Суд хотел отнять у матери Лизу, но с момента ареста до суда мама регулярно посещала специальную программу для родителей с преступным прошлым. Кроме этого сердце судьи смягчил огромный живот мамы, и все обвинения с нее были сняты.

Мама была оправдана, а вот папа получил три года тюрьмы. В день, когда Рональд Рейган был выбран президентом, отца перевели в тюрьму Пассаик в городе Паттерсон, штат Нью-Джерси.

На суд мама принесла два блока сигарет и большую «колбасу» двадцатипятицентовых монет, чтобы звонить из тюрьмы. Она была уверена, что ее осудят и посадят. Однако судья удивил всех, включая мамино адвоката. Он с сожалением посмотрел на маму, осудил ее условно и закрыл дело.

До начала суда мама заплатила залог в тысячу долларов. Это были ее последние деньги. После получения условного срока маме вернули их в виде чека.

Мама решила использовать эти деньги на покупку краски, толстых занавесок и ковров для нашей трехкомнатной квартиры в Бронксе на Университи-авеню – в месте, которое в последующие годы станет одним из самых опасных в Нью-Йорке из-за высокого уровня преступности.

Я родилась в первый день осени. В тот год лето выдалось на редкость жарким. Дети из нашего района открывали на улицах гидранты, выпускавшие фонтаны прохладной воды, а мама около каждого окна поставила по вентилятору. Днем 23 сентября^[2] 1980 г. моя бабушка по материнской линии позвонила отцу, который еще не был осужден, но находился под следствием, и сообщила о рождении дочери. В моей крови были обнаружены следы наркотиков, но, к счастью, я родилась

здоровым и нормальным ребенком. Мама в период беременности мной и моей старшей сестрой продолжала употреблять. Я описала взявшую меня в руки медсестру, принимавший роды врач признал меня здоровым ребенком, четырех с половиной килограммов веса.

«Питер, она очень на тебя похожа. Просто твое лицо».

В тот же день папа дал мне имя Элизабет. Мои родители не были официально женаты, и отец после родов не мог заявить о своем отцовстве, поэтому я получила фамилию Мюррей – по матери.

Дома меня ждала колыбелька в свежевывкрашенной детской комнате. Лицо работницы социальной службы, которая однажды пришла к маме, чтобы проверить, как идут у нее дела, выражало крайнюю степень удивления. Наша квартира была в идеальном состоянии, холодильник полон еды, а мы с Лизой одеты в новые платья. Мама была рада, что социальная работница написала о своем визите самый лестный отзыв. Ей выделили пособие, чтобы она могла растить детей, и наша новая жизнь на государственной дотации началась.

В последующие несколько лет мама время от времени без нас посещала папу и привыкала к своей новой роли трезвой матери-одиночки. Иногда мы все вместе ходили в соседнюю церковь Толентин, где монахиня выдавала маме «кирпичи» сыра, гигантские брикеты арахисового масла без соли и буханки хлеба в коричневых бумажных пакетах. Мама держала в руках всю эту снедь, а монахиня осеняла нас крестным знаменем. Потом мы отправлялись домой, и моя старшая сестра Лиза везла меня в коляске.

Продукты из церкви, а также овсянку с изюмом мы ели на завтрак. На обед – хот-доги из свинины, которые в магазине *Met Food* стоили 99 центов за упаковку из восьми штук. В качестве гарнира к хот-догам мама делала макароны с сыром.

Наша бабушка по папиной линии помогала нам с одеждой. Она никогда не навещала нас, но одеждой помогала. К праздникам бабушка отправляла нам посылки, собранные в ее квартире на Лонг-Айленде, где, как говорил папа, на улицах стояли только красивые здания. В качестве коробок для посылок бабушка использовала большие картонки из-под бутылкированной питьевой воды или туалетной бумаги, внутри которых таились сокровища. Под слоем газет в них лежала яркая детская одежда, кухонные принадлежности, чудесные, свежееиспеченные печенья с грецким орехом в красивых жестяных коробках.

В посылки бабушка вкладывала вежливые письма, написанные аккуратным почерком, которые мама никогда не читала. Бабушка прикалывала письма к крышке коробки с нижней стороны. Иногда вместе

с письмом мы находили новую хрустящую пятидолларовую купюру.

Мама выкидывала письма бабушки, а деньги хранила в красной коробочке в комод. Когда в коробочке накапливалось достаточное количество денег, она вела нас в *McDonald's* и покупала «хэппи-мил». Себе на эти деньги она покупала сигареты, пиво в темных бутылках и мюнстерский сыр.

Папу выпустили из тюрьмы, когда мне было три года. В нашей квартире зазвучал мужской голос, который я слушала с удивлением. Я помню, что мама была очень рада. Папа быстро двигался, поэтому мне было сложно рассмотреть его лицо.

«Я твой па-па», – четко повторял он, словно я могла что-то не понять и напутать в этом двусложном сообщении.

Я пряталась за мамиными ногами и тихо плакала. В ту ночь я спала не как обычно с мамой, а одна в своей кроватке. Из-за двери в мамину спальню слышались возбужденные голоса родителей.

В течение нескольких месяцев после выхода папы из тюрьмы мама стала с меньшим рвением относиться к своим обязанностям по дому. Она перестала убираться и на несколько дней оставляла немытой посуду в раковине. Она стала гораздо реже водить нас в парк. Долгими часами я сидела и ждала, пока мама обратит на меня внимание, и размышляла над тем, почему же теперь я ей не нужна. Я решила, что должна вернуть себе ее расположение.

Я поняла, что у мамы с папой есть общие привычки, которые они мне не объясняли. Они аккуратно и быстро раскладывали на кухонном столе ложки и другие предметы, словно готовились к какому-то таинственному ритуалу. Их слова были краткими, а общение быстрым. Обязательными составляющими их ритуала были небольшое количество воды из-под крана, ремни и жгуты. Стоя у двери на кухню, я внимательно наблюдала за движениями их рук, пытаюсь понять, чем они занимаются. Завершив приготовления, родители говорили мне, что их не надо беспокоить, и закрывали дверь кухни, оставляя меня в полном неведении по поводу того, что должно было произойти.

Однажды летним вечером я поставила свою детскую коляску (ту, которая, в конце концов, сломалась от моего веса) прямо перед закрытой дверью кухни. Я никуда не ушла, а решила подождать. Я наблюдала, как тараканы заползают в щель под кухонной дверью. С тех пор, как мама перестала регулярно убираться, тараканов у нас стало много. Время шло. Наконец дверь открылась, и мама вышла. Ее лицо было напряжено, а губы плотно сжаты. Я почувствовала, что она закончила свои дела.

Я подняла руки и сказала:

– Дело сделано!

Мои слова маму немного ошарашили. Она наклонилась ко мне и спросила:

– Что ты говоришь, дорогая?

– Дело сделано! – радостно повторила я, довольная тем, что она обратила на меня внимание.

Мама крикнула в сторону кухни:

– Питер, она все знает! Посмотри на нее, она уже все понимает!

Я была в восторге от того, что мне нашлась роль в игре родителей, и каждый раз, когда они закрывали за собой дверь кухни, я становилась напротив двери.

В конце концов они перестали закрывать дверь.

* * *

К тому времени, когда мне исполнилось пять лет, наша семья из четырех человек окончательно и бесповоротно превратилась в бесполезный балласт для американского общества, которое обязано было нас содержать. Первого числа каждого месяца маме приходил чек, и этого дня в нашей семье ждали, словно Нового года. С раннего утра атмосфера в доме была радостной. Воздух словно заряжался электричеством, и мы, дети, знали, что мама с папой будут в хорошем расположении духа, по крайней мере, в ближайшие сутки. И в этом смысле родители всегда оправдывали наши ожидания.

Правительство оказывало социальную помощь тем, кто по каким-либо причинам был не в состоянии работать. Правда, многие живущие на пособие соседи, которые с таким же нетерпением ждали приближения первого числа и синего конверта в почтовом ящике, внешне казались мне совершенно здоровыми. Мама получала пособие из-за заболевания глаз, которое было у нее с рождения. Я лично присутствовала на интервью, после которого социальные службы приняли решение, что мама имеет право на пособие.

Сотрудница социальной службы сказала матери, что ее собственное заболевание глаз настолько серьезно, что если бы она села за руль автомобиля, то «смела бы все живое на своем пути». Потом соцработница взяла маму за руку и поздравила с тем, что та имеет право на пособие, и похвалила, что может самостоятельно переходить улицу.

– Распишитесь. Ваш чек будет приходить по почте первого числа каждого месяца, – сказала она на прощание.

И чек действительно приходил. В нашей семье ничего не ждали с таким нетерпением, как этот чек. Появление почтальона влекло за собой череду событий, неизменно повторявшихся из месяца в месяц. В эти дни я должна была извещать родителей о прибытии почтальона. Я сидела у окна и ждала нашего благодетеля.

«Лиззи, кричи, как только его увидишь. И всегда смотри налево, он приходит именно оттуда».

После того как я извещала родителей о появлении на горизонте почтальона, мама вынимала из комода свое удостоверение, брала чек из почтового ящика и как можно быстрее шла занимать очередь в пункт, где обналичивали социальные чеки. В ритуале, происходившем первого числа, я играла роль стоящего «на шухере» наблюдателя.

Я высовывалась из проржавевшей оконной рамы и вытягивала шею как можно дальше. Я ощущала огромную ответственность за поставленную передо мной задачу. Как только на горизонте появлялся почтальон в синей форме с тележкой (наш любимый Дед Мороз, который приходил двенадцать раз в год), я кричала родителям.

Мама обычно сидела в продавленном кресле и, нервничая, выдергивала из него кусочки набивки.

– Проклятье, он не торопится донести сюда свою задницу, – жаловалась она.

В это время папа ходил из угла в угол, в тысячный раз проговаривая план действий после обналичивания чека.

– Так вот, Джини, сперва мы покупаем немного «первого», потом оплачиваем счет за электричество. Потом берем двести грамм докторской колбасы для детей. И мне нужны деньги на жетоны для метро.

Увидев вдалеке почтальона, я оказывалась перед выбором. Я могла сообщить об этом сразу, а могла подождать несколько секунд, которые гарантировали полное внимание родителей к моей персоне. Мне было приятно, что родители думают обо мне, и казалось, что я для них что-то значу. Казалось, что моя жизнь для них важна точно так же, как и деньги, которые они ждали. Но, увидев почтальона, я никогда не могла сдержаться и сразу сообщала о его появлении. Мой крик: «Я вижу его! Идет!» означал, что в действие вступал план, разработанный родителями на день.

* * *

В месте, где обналичивали чеки, было все необходимое для привлечения внимания и взрослых и детей. Детям нравились автоматы, в которых за двадцать пять центов можно было купить маленькие игрушки

в прозрачной пластиковой упаковке. Мои сверстники с нетерпением ждали монеток, которые родители давали им после обналичивания чека, и бежали к автомату, чтобы получить кольцо с пластиковым пауком, фигурку динозавра, которая в воде увеличивалась в размерах в десять раз, или переводные картинки-татуировки с изображениями супергероев и красных сердец.

Над окошком кассира под стеклом на общее обозрение были выставлены лотерейные билеты, манившие тех, кто страдал от игровой зависимости, и женщин, которые надеялись, что несколько долларов могут принести неожиданную удачу. Женщины, купившие лотерейные билеты, перед тем, как стереть монеткой защитный слой над заветными цифрами, часто набожно крестились. Для большинства людей все эти «прелести» были недоступны до тех пор, пока они не отойдут со своими деньгами от окошка кассира.

Главным образом в очереди стояли хмурые женщины с детьми, держа в руках счета, которые необходимо оплатить. Мужчины (если они вообще присутствовали) толклись поодаль, подпирая стены помещения. Те мужчины, которые приходили вместе со своими женщинами, держались в стороне и ждали того благодатного момента, когда чек превратится в деньги. Многие из них приходили заранее, чтобы вытрясти деньги из своих жен или подруг. Женщины отдавали им часть полученных средств и перебивались тем, что оставалось. Я настолько привыкла ко всему происходящему, что практически не обращала внимания на окружающих меня людей.

Лиза стояла около автоматов с детскими игрушками. Я держалась поближе к родителям, которые отличались от большинства присутствующих тем, что действовали слаженно и сообща. Родители были объединены общей целью, осуществить которую помогал мамин чек. Они предвкушали, и я купалась в волнах их радости.

Мне очень нравились минуты, которые я проводила в очереди вместе с мамой, – потому что тогда я могла быть ей полезной. Это был мой звездный час, то время, когда я была маме нужна.

«Впереди нас еще восемь человек, мам. Уже семь. Не переживай, кассир быстро работает и скоро всех обслужит».

Мама улыбается, и я знаю, что она мне благодарна. Пока я объявляю количество людей перед нами, ее внимание будет сконцентрировано на мне. Я бы вообще поменяла остаток дня на то, чтобы перед нами в очереди было на десять человек больше, потому что все это время мама гарантированно будет со мной. Мама слишком часто бросает меня и идет

заниматься своими делами.

Однажды мы всей семьей пришли в театр *Loews Paradise* на улице Гранд-Конкорс, чтобы по уцененным билетам посмотреть «Алису в стране чудес». По пути в театр папа объяснял нам, что улица Конкорс когда-то была роскошным районом, в котором жили только богатые люди. Но это было раньше, потому что теперь вокруг нас были грязные кирпичные дома, кое-где украшенные кариатидами и облупившимися ангелочками, которые иногда обрамляют подъезды зданий. Наконец мы заняли свои места в пустом зрительном зале театра.

Мама не высидела с нами до конца спектакля. Она очень старалась, но три раза выходила «покурить», а когда вышла в четвертый раз, уже больше не вернулась. Когда вечером мы пришли с папой домой, в квартире играла грустная музыка. Мама глубоко затягивалась сигаретой и рассматривала свое худое голое тело в большом зеркале.

«Где были, ребята?» – спросила она абсолютно естественным тоном, и мне показалось, что мне приснилось, будто она ходила с нами в театр.

Но в очереди к кассиру для обналичивания чека мама никуда не могла убежать. Она могла ерзать и нервничать сколько угодно, но никуда не могла уйти без денег. В эти минуты я брала ее за руку и задавала вопросы о том, какой она была в детстве.

«Не знаю, Лиззи. Я была непослушным и плохим ребенком. Я воровала и прогуливала школу. Сколько еще людей перед нами, дорогая?»

Каждый раз, когда я оборачивалась к ней лицом, мама просила меня смотреть на кассира и считать, сколько человек осталось перед нами в очереди. Разговаривать с ней было непросто, потому что надо было следить за очередью и выуживать из нее ответы на мои вопросы. Я всегда уверяла ее, что мы уже почти у цели, хотя мне хотелось, чтобы нам пришлось ждать как можно дольше.

«Не знаю, Лиззи. Ты лучше, чем я была в твоем возрасте. Ты не плакала, когда была маленькой. Ты иногда издавала звуки, словно кашляешь: кхе, кхе. Ты очень мило и вежливо кашляла. Вот Лиза была просто сумасшедшей, она рвала мои журналы, била посуду, постоянно кричала. Но ты – никогда. Я, честно говоря, думала, что ты отстаешь в развитии или просто чокнутая, но врачи утверждали, что у тебя с головой все в порядке. Ты была хорошим и послушным ребенком. Так сколько людей перед нами, дорогуша?»

Я всегда задавала ей эти вопросы, даже зная, что она будет говорить мне одно и то же.

– А каким было первое слово, которое я произнесла?

– «Мама». Ты дала мне бутылочку и сказала: «Мама». Словно хотела, чтобы я бутылочку наполнила. С ума сойти.

– А сколько мне тогда было лет?

– Десять месяцев.

– А как долго мы живем в нашей квартире?

– Несколько лет.

– А сколько?

– Лиззи, двигайся. Скоро моя очередь.

* * *

В квартире мы расходились по разным комнатам. Мы, дети, сидели в гостиной, а мама с папой – на кухне. В отличие от всех остальных дней месяца, первого числа еды у нас было в достатке. Мы с сестрой ели «хэппи-мил» и смотрели черно-белый телевизор. Мама с папой сустились на кухне: позвякивали ложками, придвигали стулья, после чего наступала тишина. Мама плохо видела, поэтому искать и прокалывать ее вену приходилось папе.

После этого все мы вместе проводили остаток этого лучшего дня месяца. Мы сидели и лежали перед телевизором в гостиной. На улице периодически слышались сигналы автобусика, который развозил по району мороженое, а дети играли в салки.

Мы были вместе. Мои пальцы пахли маслом, на котором в *McDonald's* жарят картошку, Лиза ела чизбургер, а мама с папой пребывали в блаженном отрубе.

* * *

– Лиззи, видишь щель между подушками дивана? Приложи к ней ухо, прислушайся и ты услышишь шум океана.

– Правда?

– Конечно. Не заставляй меня повторять тебе дважды, ты ведь знаешь, что я это не люблю. Сама решай: хочешь услышать прибой океана или нет.

– Хочу, хочу!

– Тогда прислони ухо между подушками и слушай.

– О'кей.

Когда я была совсем маленькой, моя старшая сестра Лиза была для меня непререкаемым авторитетом. Она обладала завидными талантами. Например, она умела заплетать волосы в косы, громко щелкать пальцами и насвистывать популярную мелодию из мюзикла «Очарованный». Она казалась мне настоящей королевой, хорошо

осведомленной в самых разных важных вопросах. Все, что исходило из ее уст, я воспринимала как единственное объяснение мира. Даже если я была с ней в чем-то несогласна, то думала, что она более опытная и имеет доступ к секретным знаниям, наподобие того, как учительница арифметики знала и понимала свой предмет. Я свято верила всему, что говорила старшая сестра, которая этим пользовалась и часто довольно подло шутила надо мной.

– Хорошо, а теперь накрой голову подушкой от дивана.

– Зачем?

– Не зли меня. Ты хочешь услышать звук океана или нет?

Конечно, я хотела услышать звук океана. Я знала, что звуки прибоя таятся в морских раковинах, которые мы привозили из поездок с мамой на Очард-бич, с пляжа, который на самом деле был расположен очень далеко от океана. Так почему же нельзя услышать звук прибоя в щели между двумя подушками дивана? Откуда я могла знать, что Лиза собирается сделать после того, как я накрою голову подушкой? Как я могла догадаться, что она сядет мне на голову и громко пукнет прямо в лицо?

– Вот тебе, Лиззи, звук океана! Чувствуешь морскую прохладу и брызги прибоя? – смеялась сестра в то время, как я пыталась из-под нее выбраться.

На Хэллоуин Лиза вместе со своей подругой Дженесой «попробовали для моей безопасности» все конфеты, которые я собрала за вечер у соседей, оставив мне только самые невкусные леденцы, полученные от нищей старушки. Пока подруги «проверяли» мои конфеты, я прятала в кулачке пластинку жевательной резинки и думала, что их обманула.

Несмотря на это определенные плюсы от того, что у меня была старшая сестра, все-таки были. Благодаря Лизе я кое-чему научилась. Я видела, как она «разруливает» те или иные домашние ситуации, и получала бесценный опыт, которым пользовалась.

Я наблюдала поведение Лизы с родителями и училась на ее ошибках. По крайней мере, сестра помогала мне понять, *что* не стоит говорить родителям и как не надо с ними себя вести. С ее помощью я могла добиваться родительского одобрения и внимания, что для детей в нашей семье было совсем не простой задачей.

В те времена суббота была специальным днем, когда жители Манхэттена могли выбрасывать на помойку мебель и крупногабаритные предметы. Наличие такого дня и относительная близость к центру давали папе основания утверждать, что «наша жизнь прекрасна». Жители центра города выбрасывали на помойку вещи, которые были практически новыми.

Оказавшись у мусорного контейнера, надо было просто внимательно смотреть, что в нем находится, и выбирать нужные вещи.

У папы на примете было несколько «богатых» помоек, которые он регулярно посещал. Часть своей добычи он отдавал мне. В моей комнате уже стояло несколько игрушечных солдатиков, краска на которых кое-где облупилась. Папа подарил мне старые наручники, которые я прикрепляла вместе с игрушечным пистолетом к ремню и изображала полицейского. Кроме этого в моей коллекции был найденный отцом набор маленьких мячиков в кожаном мешке, которыми можно играть в вышибалы.

Возвратившись с помойки, папа приносил добычу и рассказывал, как и где он добыл все это богатство. Он говорил, как спокойно рылся в мусоре, а прохожие разевали рты от изумления, когда он находил дорогие и абсолютно функциональные вещи. В этих историях папа всегда выступал героем, недооцененным людьми, которым приходится менять свое мнение после папиных подвигов.

Иногда я обходила помойки вместе с ним. Я чувствовала себя довольно странно, когда папа, не обращая ни на кого внимания, деловито рылся в помойке, а рядом проходили незнакомые люди. Я старалась представить, как они видят моего отца, одетого в грязную фланелевую рубашку, аккуратно заправленную в замызганные джинсы, который что-то бормочет себе под нос, изучая содержимое контейнера. Какое впечатление должен был производить этот человек с темными волосами, красивым и суровым лицом, стоящий тут с маленькой дочкой? Что думали о нем люди, которые стороной обходили помойку с ее неприятным запахом? Мне было очень неудобно, и казалось, что я голая.

Папа заметил мою реакцию и спросил:

– Лиззи, тебе что, стыдно?

Он выпрямился над кучей мусора и снял с головы бейсболку.

– Какая разница, что они о нас думают! – Он внимательно посмотрел мне прямо в глаза и наклонился поближе. – Если ты видишь что-то хорошее – бери, и пусть они все, что думают, себе в задницу засунут. То, что они думают, это их собственные проблемы, а не твои.

Я почувствовала гордость от того, что папа делится со мной такими важными жизненными секретами. Ага, значит, не надо обращать внимания на то, что люди о тебе думают. Я хотела принять папину жизненную позицию, но понимала, что не могу сделать это прямо сейчас, и мне предстоит над этим поработать. Иногда у меня даже получалось: когда я собирала всю силу воли, мне удавалось пренебрежительно улыбаться прохожим, которые пялились на нас с папой. В эти моменты я повторяла

про себя папины слова: «Это их собственные проблемы, а не мои».

Папа искренне считал поиски «сокровищ» на помойке благородным занятием и испытывал определенную гордость за то, что делает. Он много раз рассказывал историю, как нашел практически новый электросинтезатор в тот момент, когда какой-то прохожий назвал его «собирателем падали». Увидев синтезатор, прохожий спросил, собирается ли папа взять его себе или оставить. Папа с особенным удовольствием любил повторять ответ, которым он наградил прохожего: «Размечтался, парниша».

«Они потеряли, мы приобрели», – говорил папа, когда выдавал мне найденные на помойке почти новые игрушки или дарил маме блузку с разошедшимся швом, который можно было легко зашить.

Вернувшись с «охоты за сокровищами», папа садился на кровать и, напевая какую-то старую песню, слова которой было совершенно невозможно разобрать, начинал медленно открывать сумку с добычей. Мы окружали его и с нетерпением ждали, что он нам покажет. В этот момент папу нельзя было отвлекать, потому что он не любил, когда прерывают последовательность его действий. Если его перебивали, он терял логическую нить, и ему приходилось начинать все сначала, отчего он очень злился. Мама называла эту папину привычку маниакальной.

Мы с Лизой сгорали от нетерпения.

– Что ты принес? Скажи, что? – спрашивала Лиза.

– Папа, пожалуйста, скажи, – поддакивала я.

– Ребята, не торопитесь.

Папа не мог расстегнуть молнию сумки. Молнию не заело, просто папа расстегивал ее как-то по-своему. Он продолжал напевать и медленно ковыряться с молнией.

– Дааа-да-дум, дорогая, ты моя единственная, – напевал он.

Мама только что проснулась. Она смотрела на нас и молчала.

Наконец папа извлек на свет божий игрушечный фен для волос из яркого розового пластика и передал его Лизе. В пазы и пластиковые швы игрушки забились грязь и пыль. Вместо кнопок на фене были наклейки с надписями «high» и «medium». Наклейки для самого слабого режима «low» не было.

Лиза закатила глаза и с иронией произнесла:

– Спасибо, папочка.

– Я был уверен, что тебе понравится, – ответил отец, роясь в сумке в поисках того, что принес для меня.

– Мы уже можем пообедать? – спросила Лиза.

– Через минуту, – ответила мама и подняла вверх палец, чтобы

показать, что папа еще не закончил.

Наконец папа вынул из сумки сине-белый грузовик с зеркальными окнами на огромных шинах. Грязь забилась во все щели машины, от чего ее белые части стали серого цвета, словно эта игрушка проехала много километров.

Даже до того, как папа вынул и показал мне «подарок», я знала, как должна себя вести. Мое поведение с родителями и реакция на их действия были продуманными, и я всегда тщательно подбирала слова, которые им говорила. Я ничего не пускала на самотек и не полагалась на волю случая. Я действовала так, чтобы обратить на себя их внимание. В данном случае папа дарил мне игрушку для мальчика, и я точно знала, как надо реагировать на такой подарок. Я прекрасно помнила многочисленные комментарии отца о «девчачьих» вещах и женском поведении.

Мама часто смотрела женские ток-шоу, на которых обсуждались вопросы «лишнего веса» и того, как «надо вести себя с мужем, не давая ему садиться на шею». Во время этих ток-шоу папа часто вставал, начинал ходить по комнате из угла в угол и изображать женское «нытье».

«О, мир так несправедлив ко всем женщинам! Давайте все друг другу пожалуемся! Ой, как все плохо!»

Папа отрицательно относился к привычке Лизы рассматривать свое лицо. Лизе нравилось сидеть перед зеркалом, внимательно изучать отражение, гримасничать, надувать губы, «строить глазки» и так далее. Она могла битый час провести за этим занятием.

Папа реагировал на это следующим образом: он закатывал глаза, поднимал подбородок, растопыривал пальцы и прислонял их к затылку, чтобы показать, будто у него на голове корона. В такие моменты папа начинал говорить высоким и писклявым голосом, который, как я поняла, ассоциировал со всем женским:

«Ну, посмотрите на меня, пожалуйста! Не хотите смотреть? Ну, тогда я сама буду собой любоваться!»

После этого папа начинал громко хохотать над собственными шутками, отчего Лиза съеживалась и уходила от зеркала.

«Козел», – тихо сказала она однажды в ответ на издевки папы.

Еще в самом раннем возрасте я решила, что буду смеяться над всем «девчачьим», чтобы угодить папе; я постараюсь, чтобы он позабыл, что я девочка. Я никогда не говорила высоким голосом. Платья для папы были «полной ерундой», следовательно, и меня эта одежда не интересовала. Я поняла, что моя тактика сработала, когда папа начал приносить мне

игрушки для мальчиков. Передавая их мне, он смотрел на меня долго и с улыбкой, как никогда не смотрел на старшую сестру.

Я резко выхватила машину (которая мне действительно понравилась) у него из рук и громко воскликнула:

– Вау! Спасибо, папа!

Я начала возить грузовик по столу и издавать урчащие звуки мотора.

Папа улыбнулся и снова засунул руку в сумку. Он повернулся к маме и сказал:

– И, наконец, самое интересное.

Мама смотрела на него выжидательно. Она направила на нас вентилятор, но прохладнее из-за этого не стало, потому что вентилятор продолжал гонять горячий и влажный воздух.

«Наверняка, это что-то очень любопытное», – подумала я, глядя, как папа разворачивает газеты, в которые был аккуратно завернут последний предмет.

– Смотрите, – гордо произнес он, держа на вытянутых пальцах коробочку для украшений из толстого стекла, как официант, который подает к столу изысканное и дорогое блюдо.

Мама издала длинный вздох восхищения и взяла коробочку в руки. До этого она не проявляла никаких чувств, но теперь ее реакция подсказала мне, что маме коробочка очень понравилась. Правда, я не знала, что она в ней будет хранить, потому что драгоценностей у нее не было, но это уже совсем другой вопрос. Мама рассматривала коробочку, а папа рассказывал:

– Ты бы видела, какое выражение лица было у женщины, которая смотрела, как я роюсь на той помойке. Но ты прекрасно знаешь, как я реагирую на подобное поведение. – Он поднял правую руку с вытянутым средним пальцем: – Да пошла ты! Не лезь не в свое дело.

Внутри стеклянная коробочка оказалась неглубокой. Крышка ее была сделана из толстого серебра со сложными узорами на внешней стороне. В углу крышки красовалась серебряная роза. Если повернуть розу, то коробочка начинала издавать мелодию, а роза медленно крутилась, словно балерина. В общем, коробочка была изумительно прекрасной. Я тут же захотела, чтобы папа подарил ее мне.

– Папа, можешь мне ее подарить? – опередила меня Лиза. Папа молчал.

– Такая хорошая вещь. Зачем ее выбрасывать? – спросила мама.

– Не знаю. Я нашел ее на помойке под домами с лифтами на Астор-плейс, – ответил папа, резкими и быстрыми движениями развязывая шнурки. Обычно он завязывал шнурки на двойной или даже тройной узел.

– Хорошо, мы можем наконец-то поесть? – спросила Лиза.

Я была рада, что она подняла этот вопрос, потому что в животе у меня бурчало от голода, но сама я не осмеливалась напомнить о еде. Мы с утра ничего не ели. На завтрак у нас были куски хлеба с майонезом. Мы часто ели на завтрак хлеб с майонезом и яйцами. Мы с Лизой дружно ненавидели и то и другое, но, по крайней мере, такая однообразная диета не давала нам помереть от голода. Запивали мы все это обычной водой. Прошло пять дней после получения маминого чека, денег уже не было, да и большая часть еды из холодильника тоже исчезла. Я была очень голодна.

– Подождите, – сказал папа. – Мне тут с одним вопросом нужно разобраться.

Лиза села смотреть телевизор, а мама с папой ушли в спальню. Я наблюдала за тем, чем они занимаются, из своей комнаты.

Мама что-то искала среди пластинок в кладовке. Поскольку в доме был папа, она вряд ли поставила бы пластинку Джуди Коллинс^[3]. Мама была в хорошем настроении, поэтому искала, наверное, что-нибудь полегче. Потом мама с папой начали слаженно работать, занимаясь чем-то мне еще не известным.

Папа сидел на краю кровати и просеивал пальцами какое-то вещество, похожее на грязь. Потом он взял со скрипучей тумбочки у кровати журнал *New Yorker*, положил его на колени и взял в руки бумагу для самокруток. На журнале он скрутил самокрутку, проводя языком по полоске клея на бумаге, потом забил ее непонятным веществом. Мама несколько раз щелкнула зажигалкой и зажгла самокрутку. Она три раза глубоко затянулась, после чего передала ее папе. Я никогда раньше не видела, чтобы папа курил.

– Вы чем там занимаетесь? – не удержалась я. Я стала спрашивать их, почему они не курят уже свернутые сигареты, которые мама хранит в комоде, и почему эта сигарета не пахнет табаком.

Родители нервно рассмеялись.

– Лиз, ладно, довольно вопросов, – сказал папа, захихикал и снова передал сигарету маме. Мне показалось, что я веду себя наивно, и я покраснела. – Довольно вопросов, – повторил папа.

Я почувствовала странный запах дыма и закрыла нос воротом рубашки, чтобы им не дышать. Мои родители уже были в своем, далеком от меня мире, в который мне не было доступа. Я начала глазами искать глаза матери в надежде на то, что она расскажет мне секрет, но мама избегала моего взгляда. Журнал *New Yorker* со странным веществом лежал

на кровати.

– Мы будем есть или нет? – с раздражением выкрикнула моя старшая сестра в тот момент, когда на экране появились титры после кинофильма.

– Сейчас, дорогая, – ответила мама и неуверенно двинулась на кухню. Она делала большие шаги, словно космонавт на поверхности Луны. Никто, кроме меня, не заметил ее странной походки и поведения.

Конфликт начался сразу после того, как мама поставила перед нами тарелки с едой.

– Я больше не могу есть яйца, – пожаловалась Лиза. – Я хочу курицу.

– У нас нет курицы, – спокойно ответила мама и вернулась в комнату к папе, чтобы затянуться странной сигаретой.

– Я хочу настоящей еды. Меня тошнит от яиц, мы их каждый день едим. Одни яйца и сосиски. Я хочу курицу.

Папа в спальне согнулся от смеха, а потом произнес:

– Представь, что яйцо – это маленькая курица.

– Да пошел ты! – огрызнулась Лиза.

– На самом деле вкусно, – примирительным тоном сказала я.

– Не ври. Я знаю, что ты это не любишь точно так же, как и я, – прошипела Лиза.

Она не поддерживала мою соглашательскую политику, направленную на примирение всех членов семьи. Лиза считала, что на родителей надо давить и требовать то, что ты хочешь.

Я показала ей язык и начала густо поливать свою яичницу кетчупом, чтобы забить вкус яиц. Лиза была совершенно права, и я действительно ненавидела яйца. По телевизору показывали, как Дональд Трамп «ручкается» с каким-то начальником из мэрии. Я начала есть быстрее, стараясь чаще глотать, чтобы поскорее закончить эту муку. Я катала игрушечную машину вокруг тарелки и «озвучивала» движение рокотом воображаемого мотора, отчего кусочки яичницы изо рта летели в Лизу и оказывались вокруг меня на столе.

Лиза продолжала препираться с мамой, но я знала, что мать не переспорить. Если в доме не было никакой другой еды, кроме яиц, то надо есть яйца. Я прекрасно понимала и соглашалась с этой логикой. Если бы Лиза помолчала, мы бы спокойно могли есть и не спорить. Но с другой стороны, я была рада тому, что Лиза собачится с родителями, потому что на ее фоне я выглядела паинькой. Я хотела стать хорошей и послушной дочерью, которая не любит себя в зеркало, любит играть в машинки и без пререканий ест яичницу.

Но Лиза не сдавалась. Когда она окончательно и бесповоротно поняла,

что курицы ей не предложат, она заорала: «Я вас ненавижу!» — но к тому времени в спальне стоял коромыслом дым, слышалась гитарная музыка с мужским вокалом, и никто из родителей ничего ей не ответил.

Лиза считала, что достойна лучшей участи. Если бы меня спросили – почему, я бы ответила, что это наверняка связано с событиями, которые произошли за год до моего рождения.

Когда мама была мной беременна, у нее произошел нервный срыв. Папа тогда сидел в тюрьме, и маме было сложно заботиться о маленькой Лизе, поэтому мою старшую сестру передали на восемь месяцев на воспитание в приемную семью.

Лиза попала в богатую бездетную семью, в которой о ней очень заботились. Ей было там так хорошо, что, когда мама пришла ее забирать, Лиза заперлась в кладовке и отказалась выходить. Маме пришлось силой вытянуть плачущую Лизу из ее укрытия и притащить в квартиру на Университи-авеню. Кажется, что Лиза так и не смирилась со своей участью, и ей очень сложно угодить. Судя по всему, у нее выработалось ощущение, что ее обделяют и ей все должны. Каждый раз, когда она получала меньше, чем рассчитывала, она топала ногами и громко негодовала. А она практически всегда считала, что получает меньше, чем ей положено.

Лиза в очередной раз прокричала: «Я вас ненавижу», сложила на груди руки и уставилась в экран телевизора.

– И вообще, я совсем не бедная. Мой папа – Дональд Трамп! – громко заявила она.

– Ну, тогда проси курицу у папы Трампа, – сострил папа.

Мама начала хохотать, а сам папа бил себя по колену от смеха.

Резким движением Лиза своей тарелкой толкнула мою так сильно, что кусочки яичницы разлетелись по всему столу. Она встала и демонстративно проследовала в комнату, с грохотом хлопнув дверью. Этот звук потонул в завываниях хрипящих колонок. Мама с папой переместились в гостиную и растянулись на подушках, как червяки, у которых полностью отсутствуют кости.

– А я, между прочим, все яйца съела, – гордо заявила я, но меня никто не услышал.

* * *

Моя бабушка по материнской линии жила в районе Ривердейл напротив парка Ван-Кортландт, в доме, выстроенном в 1960-х годах. Бабушка курила, молилась и ежедневно звонила нам из телефонного автомата. Контакт с бабушкой был единственной семейной связью, которой бог нас благословил.

Папина мама, как я уже писала, время от времени отправляла нам

посылки с Лонг-Айленда. Но из-за того, что отец был наркоманом, все остальные члены его благополучной семьи обходили его стороной. За всю мою жизнь ни одни папины родственники ни разу не навестили нас в Бронксе.

Несмотря на то что мама в тринадцать лет ушла из дома, они со своей матерью потом помирились. После того как мы с Лизой появились на свет, бабушка приезжала в гости регулярно, каждую субботу. Она покупала с пятидесятипроцентной скидкой по карточке пенсионера билет на автобус и прибывала к нам на Университи-авеню.

Перед прибытием бабушки мама начинала судорожно убираться в квартире. Она заправляла простыни под матрасы, ставила немытую посуду в раковину под поток горячей воды из крана, заметала пыль под кровать и распыляла освежитель для воздуха прямо над нашими головами.

Во время уборки перед визитом бабушки Лиза сидела у телевизора и смотрела музыкальную передачу *Video Music Box*, периодически говоря, что мама не стеклянная и ей ничего не видно. Передача шла по каналу, который у нас ловился плохо, поэтому картинка была очень зернистой.

Бабушка приезжала в двенадцать часов дня, и мама всегда начинала уборку прямо перед ее приездом. Однажды бабушка посетила нас в жаркий летний день. Она вошла в дверь в тот самый момент, когда капли только что распыленного освежителя начали конденсироваться из воздуха и появляться у меня на лбу. Бабушка была одета не по погоде слишком тепло и тяжело дышала после того, как поднялась по лестнице на второй этаж.

Я обняла ее и почувствовала резкий запах сигаретного дыма, исходивший от ее свитера. Ее седые волосы были аккуратно уложены в пучок. Зеленые глаза были ясными, а кожа – морщинистой со старческими пятнами. Лиза даже не отвела глаза от телеэкрана, и бабушке пришлось наклониться, чтобы ее обнять. Я обхватила бабушку за талию и спросила, как прошла поездка на автобусе. Бабушка на все вопросы всегда отвечала кратко и с улыбкой.

«Все было просто замечательно, моя дорогая. Благодарю Господа за то, что он мне позволил еще раз увидеть моих прекрасных девочек», – ответила она.

Бабушка была очень религиозным человеком. В своей кожаной дамской сумочке, которую она ни на секунду не оставляла и даже ходила с ней в туалет (эту привычку она объясняла тем, что дома у нее столько «ужасных прощелыг»), у нее лежала Библия короля Якова^[4], две пачки

сигарет, чай в пакетиках и заколки для волос.

Обычно никто, кроме меня, не стремился поддержать с бабушкой разговор. Мама утверждала, что бабушка настолько одинока, что готова заболтать любого человека, согласившегося ее слушать, и больше всего ее интересуют религиозные темы. Мама говорила мне, что я рано или поздно, как и все остальные, потеряю интерес и перестану общаться с бабушкой. Потом мама заявила, что у бабушки с головой не все в порядке:

«У нее не все дома. Я думаю, она страдает, что в свое время не смогла мне помочь. Лиззи, ты потом поймешь, что я имею в виду».

Но тогда я не могла понять. Бабушка была совершенно другой, чем остальные взрослые. Она отвечала на все мои многочисленные вопросы. Я интересовалось всем – начиная с того, из чего состоит радуга, кончая тем, кто из нас с Лизой больше похож на маму в детском возрасте. Бабушка спокойно отвечала на все вопросы и убеждала меня, что все на земле происходит по воле Господа. Мама смотрела на нас и говорила, что наша дружба родилась на небесах.

Бабушка обычно располагалась на кухне, где разливала чай и щедро делилась рассказами из Библии. Мне нравился бабушкин чай с двумя кусочками сахара и молоком, который я пила в дыму маминых и бабушкиных сигарет. Я сидела, поджав колени к подбородку, потягивала сладкий чай и слушала рассказы о том, что грехи не дадут человеку попасть в рай.

«Не ругайся, Лиззи. Бог не любит, когда сквернословят. Помогай своей матери и убирайся дома. Бог все видит, слышит и никогда ничего не забывает. Он знает, когда ты плохо поступаешь. Поверь мне, дорогая, очень много грешников не сможет войти во врата рая и жить в вечной любви. Будь осторожна, наш Господь Бог всемогущ».

Кроме религиозной темы бабушка была готова обсуждать всего лишь один вопрос – кем я хочу быть, когда вырасту.

«Я хочу быть комиком и читать со сцены шутки», – заявила я, вспомнив, как смотрела по телевизору передачи, в которых одетые в костюмы мужчины нервно рассказывали анекдоты невидимой публике, и их уверенность постепенно возрастала с каждым взрывом смеха. Мне казалось, что бабушка одобрит мою идею. Вместо этого она озабоченно посмотрела на меня и поставила стакан, чтобы поднять палец к небу.

«О боже! Лиззи, ни в коем случае не делай этого. Никто смеяться не будет, поверь мне. Дорогуша, тебе надо стать служанкой с проживанием. Я начала работать служанкой, когда мне было шестнадцать

лет. Это прекрасно – ты живешь в чудесной семье, занимаешься их детьми, ешь бесплатно и вообще зарабатываешь на жизнь так, как богу угодно. Вот это вот замечательно! Стань служанкой с проживанием. И кроме всего прочего, это отличная подготовка к замужеству, поверь мне».

Мне было сложно понять, о чем вообще говорила бабушка. Я быстро представила себе жену и мужа, сидящих за квадратным столом в большом доме. У них есть младенец, здоровый орущий крепыш. Я должна обслуживать эту пару, лица которой словно в тумане, и этого младенца. Бабушка улыбнулась, словно хотела меня подбодрить. Ее видение моего будущего настолько меня разочаровало, что я решила: вслух я буду со всем соглашаться, но в душе о моих собственных желаниях никогда не забуду. Я улыбнулась и кивнула, делая вид, что всем довольна. Потом я быстро сказала, что мне надо взять кое-что из гостиной, и перешла к Лизе на диван.

Но бабушке не была нужна ни я, ни кто-то другой. Она не испытывала острой необходимости иметь собеседника для поддержания разговора. Если бабушка оставалась на кухне одна слишком долго, то она становилась на колени и продолжала вести разговор лично с богом. Лиза немного убрала звук телевизора, и мы слышали, что бабушка на кухне страстно читает «*Ave Maria*», клацает четками и доходит до состояния, когда ритма становится больше, чем слов. Это означало, что она вышла на «прямой контакт».

Лиза совсем выключила телевизор, когда молитвы стали громче. Меня испугал голос бабушки и как она просила знамения свыше о том, что ей делать, – словно она с богом по телефону говорила. В таком состоянии транса бабушка могла находиться часами. Она не двигалась и не открывала глаз, а на столе стыл чай с молоком в стеклянной кружке. На кухню во время бабушкиных трансов выходить было запрещено.

– Лиза, я хочу послушать.

Мне казалось, что бабушка «достучалась» до небес и, выслушав ее слова, я могу узнать совет бога. Лиза только скривилась в презрительной улыбке.

– Ты такая глупая, – ответила она. – Бабушка просто сумасшедшая. Это она верит, что слышит голоса. Она не говорит с богом, она – ку-ку.

Много раз мама рассказывала нам, каким ужасным было ее детство из-за психической болезни бабушки. Мама училась в школе, расположенной достаточно далеко, и должна была возвращаться домой всего через несколько минут после окончания уроков. Если она опаздывала хотя бы на пару минут, бабушка ее жестоко била.

Бабушка била ей всем, что под руку попадется: электрическими проводами, туфлями и так далее. В результате тело мамы от попы до колен представляло сплошной синяк. Бабушка ночью будила маму, ее сестру Лори и брата Джонни, давала детям в руки кастрюли и ложки и приказывала громко стучать и выкрикивать придуманную бабушкой фразу: «Итс-а-битс-пара-китус, итс-а-битс-пара-китус». Таким образом бабушка пыталась заглушить голоса в собственной голове.

Отчасти именно поэтому мама и ушла из дома. Она говорила, что любит слушать грустный блюз и фолк, которые напоминают ей то, что пришлось пережить в детстве.

«Все это сильно изменило мою жизнь, – объясняла мама. – Кем я могла после всего этого стать – мисс Америка?»

Потом бабушка находилась на сильнодействующих медицинских препаратах, которые – вместе с разговорами с богом – помогли ей немного успокоиться. Без таблеток и бога в ней очень быстро просыпалось что-то дьявольское.

«Но ты должна понимать, что она в этом не виновата, – убеждала меня мама, и я понимала, что она на самом деле очень любила бабушку. – Это наследственное. Такая же болезнь была и у твоей прабабушки. Раньше у меня самой бывали такие приступы, но не сильные. Я лечилась, и все прошло. А вот бабушка так до конца и не вылечилась. Она одной ногой находится совершенно в другом мире и ничего не может с этим поделать».

После того как папа однажды увидел, что у мамы галлюцинации и она слышит голоса, ее на три с половиной месяца положили в больницу Норд-Централ в Бронксе. До моего рождения маму лечили разными лекарствами, потом стали давать психотропные препараты, применяющиеся в том числе при шизофрении. Папа утверждал, что у мамы больше не будет приступов, ведь последний был уже очень давно. Я надеялась, что мама не заболеет, потому что мысль о ее болезни меня сильно пугала.

На кухне бабушка громко смеялась над шуткой, понятной только ей одной.

– Вот и понеслось, – сказала Лиза и покрутила пальцем у виска. До описываемых событий я не считала странные разговоры бабушки признаком сумасшествия и покраснела.

– Да я понимаю, что она не говорит с богом, – ответила я. – Ты что, считаешь, что я сумасшедшая?

* * *

Летом мы ходили в места, где можно было бесплатно поесть, например

в школы, в которых давали бесплатные обеды. Нам с Лизой приходилось уговаривать маму встать с кровати, одеть нас, одеться самой и не опоздать к началу школьного обеда. Правда, мы очень редко приходили вовремя. Мама всегда тянула до последней минуты, а потом вскакивала и начинала суетиться.

– Сидите и не двигайтесь! – кричала мама. – Если вы будете ворочаться, мы точно опоздаем.

Мама расчесывала мне волосы гребнем, отчего моя голова дергалась из стороны в сторону, и мне казалось, что она вырвет клочок волос.

– Больно, мама!

– У нас всего пятнадцать минут, Лиззи. Нам надо идти. Я расчесываю так нежно, как могу. Если ты перестанешь дергаться, тебе не будет больно, – говорила мама.

Я прекрасно понимала, что все это совсем не так. Лиза показывала мне язык. Она уже была готова, потому что ее волосы были мягче и их легче было причесать. От злости у меня горели щеки. Я твердо держала голову, когда гребень с мелкими зубчиками застрял в огромном колтуне. Мама с силой дернула, выдернув пучок волос, словно высохшую траву. Я зажмурила глаза, на которых мгновенно выступили слезы, и изо всех сил вцепилась в матрас.

– Ну, вот видишь, как все отлично расчесывается, когда ты сидишь смирно.

После этого я до вечера терла рукой место на голове, откуда она вырвала клочок волос.

Мы опаздывали и рисковали прийти, когда еда уже остынет. Мы опаздывали третий раз за эту неделю. Могло быть еще хуже – если бы мы пришли тогда, когда еды вообще не осталось. Это было очень плохо, потому что до следующего чека оставалось еще долго и еды дома не было никакой, и бесплатный обед стал единственной возможностью один раз за день нормально поесть.

Стоял июль. Несусветная жара выгнала обитателей нашего района из квартир без кондиционеров на изрытый трещинами тротуар.

Я приветливо помахала рукой старушкам, которые устроились в шезлонгах на лужайке с выжженной травой. Каждая из старушек вынесла с собой радиоприемник. Они слушали радио и обменивались сплетнями и новостями.

– Привет, Мэри. – Я помахала рукой женщине, которая иногда давала мне пять центов на конфеты, когда мы встречались на лестнице нашего дома.

– Доброе утро, детки, доброе утро, Джини, – ответила та.

На углу около магазина пожилые пуэрториканцы, сидя на прогнивших ящиках, играли в домино. Мама называла их «грязными стариками» и говорила, чтобы я на них никогда не смотрела и близко не подходила, потому что у них грязные мысли и если им дать возможность, они готовы сделать самые грязные вещи. Проходя мимо пуэрториканцев, я смотрела на носки своих туфель, чтобы показать маме, какая я послушная. Пуэрториканцы кричали маме вслед слова, которые я не понимала: «Venga aquí, blanquita»^[5]. Они свистели и причмокивали, а их губы блестели от пива.

Потом мы прошли мимо нескольких маминих приятельниц, которые внимательно следили за своими играющими детьми. Связки ключей женщин были украшены брелоками с флагами Пуэрто-Рико и фигурками лягушек коки^[6] в соломенных шляпах. Женщины поднимали вверх связки ключей и позвякивали ими, чтобы привлечь внимание детей. Малыши играли вокруг гидрантов, а ребята постарше тусовались около уличных перекрестков.

На перекрестке Университи-авеню и 188-й улицы громко звучала сальса. Мама щурилась от солнца, и мы с Лизой помогали ей перейти улицу.

– Мама, осталось четыре улицы. Держись.

Мама улыбнулась:

– Хорошо, дорогая.

* * *

Школьная столовая пропахла рыбой. Я не любила рыбу, но, вздохнув, взяла разделенный на четыре секции поднос и встала в очередь. Перед горой из кусочков блестящих от масла рыбных палочек я остановилась как вкопанная.

– Тебя дома вкуснее кормят? – с иронией спросила меня одна из женщин на раздаче.

– Нет, – понуро ответила ей и покорно взяла рыбу.

– Не спи в очереди, двигайся, – услышала сзади я и быстро взяла скользкую бумажную упаковку пинты молока. Стараясь не растерять кусочки жареного картофеля, я присела за длинный стол.

Лиза прокалывала вилкой рыбные палочки, и из них сочился ярко-желтый сыр. Я смотрела на выгоревший от солнца плакат на стене, на котором были изображены здоровые дети, поднявшие вверх пластиковые вилки и ложки, чтобы показать важность здорового питания.

Стоящая рядом с нами женщина с папкой и зажимом для бумаги спросила маму:

– Скажите, а сколько лет вашим детям?

– Семь и младшей почти пять. – Мама улыбалась и щурилась, но я знала, что из-за слабых глаз она не могла хорошо рассмотреть собеседницу.

Та записала что-то на листе бумаги, бормоча: «Вот как», – словно мама сообщила ей что-то из ряда вон выходящее и интересное.

Женщина продолжала задавать вопросы личного характера о деньгах, которые получает наша семья от социальных служб, о мамином образовании и о том, живем ли мы вместе с папой. Она спрашивала, работает ли он, и тому подобное. Я перекатывала во рту ломтик картофеля, после чего разгрызала его единственным передним зубом. В центре картофель был холодным, как лед. Казалось, что я ем мокрый картон.

– Так когда вы планируете начать обучение вашей дочери? – спросила женщина и показала на меня пальцем. Я съежилась и придвинулась поближе к маме. Женщина с папкой разговаривала с мамой таким же тоном, каким незнакомые взрослые обращались ко мне, чтобы сообщить, как сильно я подросла.

– Этой осенью, в государственной школе № 261, – ответила мама.

– Вот как? Спасибо, что уделили мне время. Приятного аппетита, дети, – сказала женщина и начала разговор с какой-то другой мамой.

– Моя девочка растет, – сказала мама и обняла меня одной рукой. – Представляешь, ты через два месяца пойдешь в школу.

Я задумалась о смысле слов «расти» и «взрослый» и обвела глазами столовую, рассматривая взрослых и пытаюсь понять, что лично для меня будет означать превращение во взрослого человека.

Я наблюдала за тем, как женщина с папкой расспрашивала другую нервную маму. Мне не понравилось, что моя мама отвечала на все вопросы женщины с улыбкой. Это очень напоминало визиты в социальные службы, когда сотрудница сидела, словно неприступная королева, в своем большом деревянном кресле напротив мамы, разговаривавшей заискивающим тоном, будто она чего-то просила. Мне не нравилось, что мы боялись посещений нашей квартиры представителями социальных служб и что перед этим надо было судорожно убираться. Мне не нравилось и то, что приходится заискивать перед работниками школьной столовой. Меня пугала власть незнакомых людей, которые могли дать, а могли и отнять, и то, что вся наша жизнь зависела от тех, кого мы не знаем.

В школьной столовой кормили только детей, и по просьбе мамы Лиза

незаметно передала ей кусочек рыбы. Оглядевшись кругом, мама быстро положила этот кусочек в рот. Я смотрела на маму с Лизой и размышляла о том, что такое быть взрослым.

На выходе из столовой я задержалась около лестницы, ведущей к классным комнатам государственной школы № 33. С тех пор, как Лиза начала ходить в школу, утро я могла проводить с мамой, и мне это очень нравилось. Мы могли просыпаться во сколько хотим, и если дома была еда, мама намазывала мне бутерброд с арахисовым маслом и виноградным желе. Мы сидели на диване и смотрели телевизор.

Маме больше всего нравилась передача с ведущим Бобом Бейкером «Угадай цену». Мама говорила, что Бейкер – «один из последних джентльменов», и во время этой передачи сидела очень близко к экрану и щурилась, чтобы лучше видеть, когда Боба показывали крупным планом. Белые волосы Бейкера были аккуратно причесаны, а костюм идеален. Вместе с мамой мы пытались угадать цену призов и «выигрывали» лодки, мебельные гарнитуры и кругосветные путешествия. Когда кто-нибудь из участников шоу выигрывал по-крупному, я вставала и громко аплодировала. Иногда мама пылесосила, а я часами смотрела телевизор в квартире, освещенной косыми лучами утреннего солнца. Это было мимолетное и приятное время, когда я думала, что мама принадлежит мне одной и никому другому.

Иногда папа водил меня в библиотеку, где предлагал выбрать книжки с картинками. Себе в библиотеке он брал толстые фотоальбомы, на страницах которых были изображены задумчивые джентльмены в костюмах. Эти альбомы валялись по всему дому, потому что папа никогда их не возвращал. Дело в том, что он каждый раз получал читательский билет на новую фамилию. Иногда вечерами я брала одну из этих книг, относила к себе в комнату и пыталась читать ее так же, как делал папа, – прямо под светом лампы на тумбочке около кровати. Я долго выискивала слова, которые могли быть мне знакомы. Но предложения и слова оказывались слишком длинными, я быстро уставала и засыпала около раскрытой книжки с желтеющими страницами, ужасно довольная тем, что у меня с папой есть общее занятие.

Когда я поняла, что мне, как и Лизе, придется по утрам уходить, я очень расстроилась. Мне казалось, что я что-то безвозвратно теряю.

Я подолгу размышляла, какой моя жизнь будет в школе и как эта самая школа поможет мне стать взрослой. Я думала о том, какой взрослый из меня выйдет, потому что меня окружали самые разные виды взрослых. Хотя мне очень хотелось, я так и не отваживалась спросить совета у мамы,

потому что понимала – от моих вопросов мама будет только больше переживать, что мы еле-еле сводим концы с концами. Поэтому я решила, что сама рано или поздно разберусь с этим вопросом.

* * *

В конце той недели ведущий на телешоу – в костюме, но почему-то в треуголке с яркими лентами – объявил, что сегодня, четвертого июля мы отмечаем День независимости. После этого он вместе со своей коллегой с копной пышных волос попрощался с телезрителями, и по экрану поползли титры. Какофония из телевизора чуть не заглушила звуки стоящего рядом со мной вентилятора, который тщетно пытался взлететь, как вертолет. Я, не двигаясь, сидела на диване.

Днем мама обещала, что отведет нас к воде – посмотреть салют. Я побежала в комнату и надела синие шорты и майку психоделической расцветки, чтобы выглядеть ярко и празднично. Но я слишком долго одевалась у себя в комнате. К тому времени, как я собралась, мама уже ушла в бар и даже никого об этом не предупредила. Этот бар она обнаружила относительно недавно и стала ходить в него все чаще и чаще.

Все началось в День святого Патрика в марте. В тот день мама с папой неожиданно отвели нас посмотреть парад, о котором все мы слышали по телевизору.

Мы стояли под мелким дождем на 86-й улице, проходящей рядом с Центральным парком. Мужчины дули в волынки и били в барабаны так сильно, что звук отдавался у меня в груди и в ногах. Мы с Лизой нарисовали на щеках клевер с четырьмя листиками. Папа сказал, что это для удачи. По дороге домой в поезде я заснула у папы на коленях.

Мама не дошла с нами до дома. Мы только собирались выходить на остановке Фордхэм-роуд, как она повстречала старую приятельницу, которая направлялась в тот бар и утверждала, что праздник святого Патрика без выпивки – это деньги на ветер.

Дома, даже не смыв со щек четырехлистники клевера, я взяла одеяло и уселась на подоконник ждать маму. Так я просидела несколько часов, периодически засыпая и просыпаясь. Мама появилась в три часа ночи, источая запах перегара и передвигаясь сложным зигзагом. Она упала в кровать и спала, как после кокаинового отрыва, – целые сутки не просыпаясь. После этого она зачастила в тот бар. Она могла оборвать разговор на полуслове или встать во время обеда и, ничего не говоря, просто уйти.

В тот вечер, четвертого июля, я сидела в синих шортах и яркой майке

на диване, переключала каналы, где показывали практически только празднование Дня независимости. Я много думала и пришла к выводу, что мама убежала в бар из-за меня. Это произошло потому, что я слишком часто стала задавать ей вопрос, действительно ли ей надо идти в бар и во сколько она вернется, если туда пойдет. Иногда я даже провожала ее до входной двери, держась за ее руку, чтобы чувствовать ее присутствие как можно дольше.

Она уже выходила из двери, а я все еще держала ее руку и спрашивала: «Значит, скоро увидимся, мама? Скоро? Ладно, мам?» Я повторяла эти слова до тех пор, пока не слышала звук закрывающейся двери подъезда. Я решила, что я своим поведением действую маме на нервы. Именно из-за моей настойчивости и навязчивости мама и уходит в бар.

Через пару часов по телевизору перестали показывать празднование Дня независимости. Я уже решила лечь спать, как совершенно неожиданно дверь открылась и вошла мама.

– Угадай, кто пришел! – сказала она. Я услышала чирканье зажигалки и решила, что она закуривает сигарету. Но потом до меня донеслись странные звуки, словно в комнату влетел рой пчел.

– Посмотри, что я принесла, дорогая! Иди, позови сестру.

Мамин бенгальский огонь горел, как палочка волшебника, и яркие искры разлетались от него по всей комнате, освещая голую мамину руку. В ее глазах блестели отражения искр.

Мама начала размахивать бенгальским огнем, и я заметила, что в другой руке у нее пластиковый пакет с петардами.

В тот вечер мы так и не дошли до воды, чтобы посмотреть на большой салют. Мы вышли на крыльцо дома и в окружении соседей взорвали все петарды и запустили все фейерверки, которые у нас были. Римские свечи взлетали высоко в небо, а петарды громко взрывались. Папа помогал мне с Лизой зажигать фейерверки и следил за тем, чтобы мы не обожглись и не пострадали. Он нашел в мусорном бачке пустую бутылку, протер ее куском газеты и показал мне, как вставлять в нее петарду, чтобы она вылетала из бутылки, как ракета. Мама сидела на крыльце и болтала с соседкой по имени Луиза из квартиры 1 а, дочери которой взрывали свои петарды рядом с нами.

– Смотри, Лиззи, – говорил папа уверенным голосом. – Палочку фейерверка надо засунуть в бутылку вот так. Теперь поджигай фитиль и не обожгись.

Я сидела на корточках на тротуаре, и папа смотрел, как я поджигаю фитиль. Папа практически накрыл меня сверху своим телом, словно

большой пингвин маленького птенца. Я вдыхала запах его пота, смешанный с дымом от спичек. Своими огромными руками папа брал мои руки, показывая, как правильно засунуть фейерверк в горлышко бутылки. Потом мы отходили и наблюдали, как петарда летит в ночном темном воздухе, оставляя за собой яркий розовый хвост.

Мы с Лизой по очереди запускали петарды из бутылки, и через полчаса купленный мамой запас фейерверков закончился. Каждый взлет петарды сопровождался громкими аплодисментами. Я обернулась через плечо и посмотрела на родителей. Мама держала папу за руку и улыбалась.

Это было лето 1985 года, прямо перед тем, как я пошла в школу. Это был последний раз, когда я помню нашу семью счастливой. Все, что происходило до этого в нашем доме, мне не с чем было сравнивать. Я не представляла, насколько наша семья отличалась от многих других семей. Тогда я знала главное: у меня есть мама и наши родители заботятся о нас. Я не знала, что они нам многого недодавали, и это не имело никакого значения, ведь я и понятия не имела, что еще мне было нужно.

Лето заканчивалось. И с летним теплом уходило единство и сплоченность нашей семьи. Это было последнее лето, когда наша семья была более-менее стабильной. Наверное, все мы жили в маленьком закрытом мире, созданном только для нас. Я тогда думала, что мы – совершенно обычная семья, живущая на Университи-авеню, ничем не отличающаяся от всех остальных. Иногда дела у нас шли не очень, но у нас было самое главное – мы были вместе.

* * *

В тот август я завела привычку залезать на стул на кухне и считать дни на бесплатном календаре из магазина *Met Food* над холодильником. Этому я научилась у своей старшей сестры. Вот уже два августа подряд Лиза неодобрительно щурилась на календарь, на котором, кроме дат и дней недели, были приклеены скидочные купоны на курицу и замороженные бурито по девяносто девять центов. Лиза была недовольна приближением учебного года. На следующий день я должна была пойти в школу вместе с ней.

– Все, ты попалась, – заявила Лиза, роясь в своих школьных принадлежностях, чтобы найти что-нибудь, чем она могла бы со мной поделиться. – Больше тебе дурака валять не придется. Теперь у тебя будет работа, как у всех нормальных людей.

Я вспомнила, как Лиза возвращалась из школы и прямоком направлялась в свою комнату, чтобы делать домашнее задание.

Она с усталым видом выходила из комнаты через несколько часов, а я все это время сидела у мамы на коленях и смотрела телевизор. Закончив с домашними заданиями, Лиза отбирала у меня пульт под предлогом, что она весь день работала, а я прохлаждалась, сидя на заднице. Теперь я сама собиралась в школу и чувствовала, что больше Лиза не сможет обвинять меня в безделье.

Сестра вынула стопку старой линованной бумаги, которую она нашла в кладовке, и разделила стопку пополам.

– Бери, пригодится, – с видом знатока сообщила она. – Клади лист разлиновкой вверх, а то ребята начнут над тобой смеяться. Вот увидишь, дети друг над другом часто смеются.

Маленькими ручонками я вкладывала листы бумаги в папку, скрепленную тремя никелированными кольцами. Я уже много раз видела, как это делает Лиза. В это время мама непрерывно ходила по комнате из угла в угол.

– Завтра в школу! Лиззи, как время-то летит! Ты же только что в памперсах ходила! В памперсах! – Мама, видимо, не отдавала себе отчета в том, что она кричит.

Перед этим она уединилась с папой на кухне, где хорошо «ускорила». Ее челюсть была напряжена, желваки ходили под скулами, губы были плотно сжаты, а глаза – дикие. Я знала, что теперь она может долго так бегать по комнате и говорить.

Я всю неделю просила маму собрать меня в школу, но она не хотела вылезать из кровати. К счастью, пришел чек. Теперь она укололась и вернулась к жизни. Независимо от причин, ее внимание меня очень радовало.

– Нет, ну посмотрите на нее! В школу собирается. Я глазам своим не верю. – Мама зажгла сигарету и затянулась так глубоко, что кончик сигареты засветился, как маяк. – Тебе, Лиззи, в школе очень понравится. Ты будешь отлично учиться.

Я мгновенно заразилась ее энтузиазмом. Я была уверена, что в школе мне очень понравится.

– Слушай, а у тебя есть тетрадка? – спросила мама неожиданно с чувством заботы на грани срыва.

Было полдвенадцатого ночи. Я пару часов назад нашла старую папку-скоросшиватель под Лизиной кроватью. Лиза дала мне писчей бумаги, которую мы прошлой весной нашли в мусоре и которая уже тогда была желтой.

– Да, мам, вот здесь.

Я с трудом подняла вверх толстую папку, но она даже на нее не посмотрела.

– Отлично. Я тебя уже подстригла?

– Подстригла? Нет. А надо?

– Конечно, дорогая. За день до школы все получают новые вещи, всех стригут и все чистят зубы. Садись около журнального столика, я сейчас принесу ножницы и тебя подстригу. Может быть, не всю голову, но челку точно. В любом случае все смотрят только на челку.

Она открыла выдвижной ящик. Ее движения были нетерпеливыми, незаконченными, ее мысли и энергия переключались на что-нибудь другое до того, как она доводила любое действие до конца.

– Лиззи, все будет хорошо. Вот увидишь...

Было видно, что у нее нездоровая активность.

Я слышала, как мама, гремя, перебирает вещи в ящике. Лиза ушла спать, напоследок сказав, что ей надо выспаться, потому что вставать рано. Мне она настоятельно посоветовала сделать то же самое, если я хочу утром нормально проснуться.

Глядя на мамины движения, я занервничала. Она вообще умеет стричь волосы? А слабые глаза ей в этом деле не помеха? Я совсем не хотела, чтобы моя стрижка была похожа на ее: мамины волосы были длинными и волнистыми, но совершенно неухоженными и торчали в разные стороны. Я начала волноваться.

– Вот, нашла! – сказала мама, размахивая ржавыми ножницами.

Папа был на кухне, и я слышала, как он что-то бормочет. У меня не было выбора, поэтому я решила расслабиться.

Я должна была сидеть абсолютно без движения. Мама держала мой подбородок, чтобы я не дергала головой. Она велела мне закрыть глаза, чтобы в них не попали волосы. Чтобы волосы не падали на пол, я держала на коленях лист бумаги. У меня никогда раньше не было челки, но, кажется, мама не принимала этого во внимание. Она брала пряди моих волос и отрезала. Когда я почувствовала, что холодный металл ножниц касается моего лба в паре сантиметров над бровями, то начала паниковать.

– Мама, ты уверена, что надо так коротко отрезать? – спросила я.

– Дорогая, все под контролем. Осталось только немного подровнять. У меня почти получилось, но сейчас придется еще чуть-чуть отрезать. Пожалуйста... не двигайся.

На полу лежали пряди волос. Мама нервно притопывала ногой и иногда ругалась.

– Черт!

Мое сердце учащенно билось. Постепенно мама отрезала мне всю челку, и у меня над лбом оказался «ежик». Мама положила ножницы на журнальный столик, и я начала ощупывать голову руками. Вместо челки у меня был короткий щетинистый «ежик». Слезы потекли из моих глаз.

– Ма-ма, ты слишком коротко отрезала. Зачем так коротко?

Но мама уже надевала туфли, чтобы идти в бар. По ее лицу я поняла, что кокаиновый кайф прошел и ей надо было успокоить нервы алкоголем. Она снова стала для меня недоступной.

– Знаю, дорогая. Но волосы отрастут. Мне надо было сделать все равно, но эти чертовы ножницы совсем не годятся для стрижки волос.

Лиза говорила, что дети в школе часто дразнятся и смеются. Я представила, что мне придется пережить, и тихо заплакала. Мама взяла меня за руку и отвела в ванную около входной двери. Она встала за мной, и мы посмотрели на наше отражение в зеркале. Мама уже надела жакет. Она нагнулась, положила подбородок мне на плечо и погладила по голове.

– Дорогая, это всего лишь волосы, они отрастут. Когда я была маленькой, моя сестра Лори подстригла волосы у моей любимой куклы. Я очень разозлилась. Но она сказала, что волосы у куклы снова вырастут, и, представляешь, я ей поверила!

Я утерла слезы и уставилась в наше с мамой отражение в зеркале. Мамины глаза бегали из стороны в сторону, а на руках было несколько порезов от ножниц, к которым прилипли мои волосы.

– Твои волосы точно отрастут, Лиззи. Все будет хорошо. Тебе школа очень понравится, поверь мне.

Я увидела, как мамино отражение поцеловало мое отражение в лоб, после чего мама вышла из квартиры. Я услышала ее быстрые шаги по мраморным ступенькам лестницы подъезда и звук захлопнувшейся входной двери.

II. Взрослое детство

– Они не любят красный цвет. Я точно тебе говорю – надо побольше красного цвета в волосы, и все они сбегут. Клянусь, Лиззи, я от своих только так и избавилась.

– Так я тебе и поверила. Врунья!

В отсутствие родителей, когда ей было нечего делать, Лиза начинала шутить со мной злые шутки. Порой мама с папой исчезали на целый день в поисках наркотиков, а Лиза придумывала новые способы, как надо мной посмеяться.

– Мне надо заплести твои волосы в косички. И это должны быть не просто косички, все косички должны торчать в разные стороны.

– Зачем все это? Ты врешь. Какое отношение косички имеют к вшам?

Я, конечно, верила Лизе, но к тому времени она уже столько раз надо мной подло шутила, что я всегда была настороже. У меня в голове не укладывалось, как косички помогут решить мою проблему.

– Как хочешь, Лиззи, – сказала сестра и отвернулась от меня. – Я просто пытаюсь тебе помочь. Ты же хочешь, чтобы тебе помогли? Я знаю, как избавиться от вшей, но если тебе этого не нужно, то я могу этого не делать.

Но я очень хотела избавиться от вшей, которые мучили меня вот уже несколько недель. Пытаясь убить надоедливых насекомых, я расчесала себе всю голову. Кожа стала красной и зудела. Ночью я чувствовала, как вши ползают под волосами, и часто просыпалась, потому что мне снился кошмар – что вши откладывают яйца мне под кожу.

Когда вши только появились, я их почти не замечала. Дочка коменданта нашего дома по имени Дебби пришла к нам домой и предупредила маму о необходимости осмотреть наши волосы, потому что у жильцов появились вши.

– Все это из-за этих козлов, которых мой отец пускает переночевать в подвале, – разглагольствовала Дебби. – Половина этих идиотов родились на помойке. Джини, проверь своих детей, ведь они часто в подвал заходят. Вши – это не сахар, я сама все утро провела, стараясь от них избавиться.

Я вспомнила, что в прошлые выходные заходила в квартиру коменданта, которая была соединена с подвальным помещением коротким коридором. Я увидела, что мама передала Бобу деньги, а тот дал ей что-то,

завернутое в фольгу.

Был полдень, и ванильное мороженое в моей руке таяло на глазах. В подвале люди просыпались или еще спали на расстеленных на полу грязных матрасах. Дебби была там же, она встала, чтобы обнять маму. От Дебби несло пивом. В подвале было много людей, некоторые – без одежды. С потолка свисала клейкая лента от мух, усеянная черными точками мертвых насекомых, и все это освещала пара прикрепленных к потолку электрических лампочек без плафонов.

Я увидела, что один из обитателей подвала, мужчина без рубашки, приподнялся и принялся тереть глаза. Он начал трясти и разбудил девушку, которая спала с ним рядом. Я переминалась с ноги на ногу на полу, заставленном пустыми пивными бутылками и переполненными пепельницами. Мужчина с девушкой поцеловались.

После того как Дебби ушла, мама заглянула в гостиную и спросила, не появились ли у нас вши. Я тогда еще не знала, что такое вши, и ответила: «У меня голова чешется». Лиза ответила то же самое. Мама пообещала купить специальный шампунь, и на этом разговор закончился. С тех пор прошел почти месяц, но обещанный шампунь так и не появился. Именно поэтому я позволила Лизе заняться своими волосами.

– Передай мне заколку, – попросила Лиза. После завершения каждой косички Лиза с гордостью поворачивала меня к зеркалу, чтобы я могла оценить ее работу. После того как она один раз рассмеялась, я начала подозревать что-то неладное.

– Прости, Лиззи, ничего не могу с собой поделать. Ты действительно смешно выглядишь. Ты бы сама смеялась, если бы увидела меня с такой прической. Ладно, не волнуйся, все это часть лечения.

Я немного успокоилась и позволила Лизе продолжать. Однако она начала хихикать все чаще, а я злилась все сильнее. В какой-то момент, когда Лизе стало очень смешно, я вскочила, но потом попросила ее закончить. Что мне оставалось делать? Никакого другого лечения мне никто не предлагал. Лиза нехотя согласилась, заявив, что я не должна ставить под сомнение добрую волю тех, кто хочет мне помочь. Я решила, что буду думать не о ней, а о том, как мне станет хорошо без вшей.

Она неистово крутила косички, от чего вши активизировались и начали кусаться сильнее. С тоской я смотрела на медленнодвигающуюся минутную стрелку. Мама с папой обещали купить еды, но отсутствовали уже несколько часов. Я думала, что они скажут, когда придут и увидят, как Лиза в очередной раз меня разыграла.

Мне показалось, что прошло часа три. Мои колени ныли от того, что я

стояла на тонком ковре, и я уже изнемогала от нетерпения. Лиза, наконец, закончила:

– О'кей, готово. Теперь, Лиззи, надо найти что-нибудь красного цвета, чтобы воткнуть тебе в волосы. Вши боятся красного цвета. Найди что-нибудь подходящее. Только побыстрее.

– Красного цвета?

Лиза нашла красное платье Барби, одну из папиных мусорных находок, и надела его на самую длинную косичку у меня на макушке. Пустые рукава торчали в стороны, а из ворота выглядывал пучок волос, скрепленный заколкой.

– Думаешь, что этого достаточно?

– Нет, нужно больше красного. Давай быстрее, чем дольше тянешь, тем сложнее будет от них избавиться!

В комнате я не заметила ничего подходящего, поэтому залезла в свои ящики и начала перебирать их содержимое. Пересмотрев все и ничего не обнаружив, я вспомнила, что в мамином комодке есть кое-что подходящее. Я открыла комод и вытащила букет красных пластмассовых роз. Лиза начала попрыгивать от возбуждения:

– Отлично! Надевай их на волосы, куда только можешь.

Я принялась отсоединять цветки розы от стеблей и прикручивать их косичками поближе к коже. Я старалась максимально закрыть всю поверхность головы. Держались розы на удивление неплохо. Закончив с цветами, я посмотрела на свое отражение в зеркале и увидела красное сияние вокруг головы, увенчанной на макушке красным платьем Барби, торчащим, словно рог единорога. Я посмотрела на Лизу, которая объяснила, что должно пройти минут двадцать, прежде чем я увижу результат. Пока мне следовало сидеть и не двигаться. Я закрыла за ней дверь ванной комнаты и залезла в ванную, надеясь, что испуганные красным цветом вши начнут массово покидать мою голову.

Потом я решила, что лучше снять одежду, чтобы вши не спрятались в складках ткани, разделась догола, села в ванну и принялась терпеливо ждать.

Время шло, но ничего не происходило. Лиза постучала в дверь и спросила, как идут дела. Я попросила ее подождать. Поверхность ванны холодила мои ноги, и через некоторое время я начала дрожать. Потом неожиданно услышала звук от упавшей в ванную вши.

Я начала крутить головой и услышала звук второго падения насекомого. Прошло некоторое время, но больше ничего не произошло. Две вши извивались на дне ванны, и это напомнило мне, что произошло

со мной недавно в школе.

В прошлом году, когда я ходила в «нулевку», преподавательница сказала, чтобы мы разбились на пары. Я не хотела быть в паре, потому что боялась, что партнер увидит мою плохо отрезанную челку. Я знала, что тогда надо мной начнут смеяться. Дети и так пялились на мою прическу. Скоро меня начали называть «девочкой со странной прической». Я старалась держаться от всех в стороне. Теперь я была в первом классе и надеялась, что смогу стать нормальной девочкой, но этому помешало появление вшей.

Это произошло во время урока миссис МакАдамс, на котором учительница устроила тест по правописанию. Моим соседом по парте был мальчик по имени Дэвид. Помощница учительницы, миссис Рейнолдс, тучная женщина с шеей индюка и выпадающими волосами, курсировала по классу, чтобы никто не шалил во время теста.

В классе было слышно, как карандаши царапают бумагу и как шагает миссис Рейнолдс, обутая в дешевые туфли. Я старалась как можно красивее вывести на листе бумаги слово «воскресение».

Миссис МакАдамс продиктовала следующее слово – «время». Я склонилась над листом бумаги и вдруг почувствовала, что у меня очень чешется голова. Я почесалась, и маленький серенький жучок упал с головы прямо на середину листа. Мое сердце учащенно забилося, я быстрым движением смахнула жучка с парты и начала осматриваться вокруг, чтобы увидеть, заметил ли кто-нибудь из учеников это неприятное происшествие. К счастью, никто не обращал на меня внимания.

Однако этим дело не закончилось. Голова опять зачесалась, и на этот раз из волос вывалилось сразу два насекомых. Один упал на пол, а второй – на стол между мной и Дэвидом. Миссис МакАдамс продиктовала следующее слово, которое я совершенно упустила. Я делала вид, что не замечаю, как насекомое ползет к Дэвиду.

Кожа головы зудела все сильнее и сильнее, но я собрала силу воли в кулак и не чесалась. Дэвид неожиданно поднял руку и произнес:

– Миссис Рейнолдс, у меня на парте появилось какой-то странное насекомое.

Вошь ползла по аккуратно написанному Дэвидом слову «время».

Девочка, сидящая с другой стороны от Дэвида, закричала:

– Ой, ужас какой! Дэвид, фу, как мерзко!

– Да это не от меня, – оправдывался мальчик. – Я не знаю, откуда он взялся.

Он густо покраснел и от смущения закрыл уши руками.

Миссис Рейнолдс поспешно подошла к нему, чтобы узнать, что произошло. Однако она почему-то решила, что это насекомое – таракан, и принялась искать у нас еду. Миссис Рейнолдс разразилась речью о том, что в классную комнату нельзя приносить еду, от которой заводятся тараканы. В этот момент моя голова стала зудеть так сильно, что я ее снова почесала, и на мой листок с тихим звуком упала еще одна вошь. Девочка, сидевшая справа от меня, все это увидела.

– О боже, эти существа валяются у нее из волос! – воскликнула моя соседка по имени Тамейка.

Все ученики завопили от возмущения.

Миссис Рейнолдс взяла меня своей костлявой рукой за запястье и под вопли одноклассников вывела из класса в коридор, а из него в учительскую. Она приказала мне сесть в кресло, которое вытащила на середину комнаты. Миссис Рейнолдс взяла из морозилки фруктовый лед на палочке, раздвинула рукой мои волосы и провела мороженым по коже головы. Она стряхнула мороженое, и с него на кафельный пол упало несколько вшей.

Миссис Рейнолдс потащила меня назад в класс, но не разрешила входить, а сказала, чтобы я подождала на пороге. Она зашла в класс, открыла учительский шкаф и начала в нем что-то искать.

Глядя на меня, Тамейка наклонилась к своей соседке и что-то ей прошептала, после чего обе начали хихикать. Миссис МакАдамс ударила кулаком по столу и велела всем вести себя «прилично», чем переключила внимание всего класса на меня. Наконец миссис Рейнолдс нашла то, что искала. Она показала мне бутылку уксуса и сообщила:

– Нашла. Пошли. Ты иди впереди, а то эти твари прыгают.

Класс взорвался от хохота. Я чувствовала себя униженной и думала о том, как миссис Рейнолдс собирается использовать найденный уксус.

Она вывела меня на площадку перед школьным зданием, на которой стояли два учителя и курили. Рядом с нами проходила оживленная улица, ездили автомобили и даже был слышен шум надземки, станция которой была совсем рядом. Я думала, стоит мне убежать или нет.

Миссис Рейнолдс крепко взяла меня за плечо, заставила сесть на корточки и упереться ладонями в стену. Она засучила рукава.

– Это старое средство против блох, которым пользовались в нашей семье. Не переживай, больно тебе не будет. Главное – держи глаза закрытыми, а обо всем остальном я сама позабочусь.

Она стала лить уксус мне на голову, от чего мгновенно стали зудеть расчесанные раны. Миссис Рейнолдс резкими круговыми движениями

втирала мне в волосы уксус, от запаха которого меня чуть не тошнило.

В моем поле зрения были только стена и наши ноги – мои в кедах и учительницы в дешевых туфлях. Вскоре вокруг нас собралась небольшая толпа вышедших на перемену учителей.

Я думала о том, что уже никогда не смогу войти в класс. Я сгорала от стыда и не представляла, как снова смогу смотреть в глаза моим одноклассникам. Наверняка я уже не буду больше сидеть рядом с Дэвидом и Тамеикой. Я хотела задохнуться от запаха уксуса, чтобы в моей смерти обвинили миссис Рейнолдс.

Через некоторое время учительница разрешила мне встать.

– Достаточно. Ты же не хочешь, что кто-нибудь принял тебя за салат? – Она улыбнулась. Через мгновение улыбка исчезла, и она добавила строгим тоном: – Марш назад в класс.

* * *

Сидя в ванне у нас в квартире, я открыла воду и подставила под нее голову. Поток воды смывал вшей. Кожа головы болела, натянутая многочисленными косичками. Я вспомнила, что средство миссис Рейнолдс не имело эффекта, и начала подозревать, что Лизино лечение окажется точно таким же.

Я встала и уставилась на свое отражение в зеркале. На меня смотрело довольно странное существо. Мне не удалось равномерно распределить розы по голове, и мне помогла Лиза. В результате у меня на голове была словно купальная шапочка из симметрично вплетенных в волосы роз.

Вошь преспокойно выползла на красное платье Барби. Значит, Лиза меня опять разыграла. Или, может быть, она что-нибудь забыла? Я оделась и вышла из ванной.

– Твое лечение не действует. Что теперь будем делать?

Лиза согнулась пополам от смеха. Сразу же после этого я услышала голоса родителей, поднимающихся вверх по лестнице. Лиза просто помирала от хохота. В этот момент я окончательно поняла, что стала жертвой очередной шутки. Ей снова удалось меня обмануть.

Сестра схватила меня за руки, чтобы я не смогла снять с себя «украшения». Я вырвалась, бросилась в свою комнату и захлопнула дверь. Там я начала срывать с себя пластиковые розы.

Я сняла с косички красное платье Барби и со всей злостью выбросила его в открытое окно. За платьем в окно полетели заколки. В соседней комнате родители шуршали пакетами. Я всем телом навалилась на дверь, чтобы никто не зашел в мою комнату. С другой стороны на дверь давила

Лиза, пытаясь ее открыть. Одной рукой я держала дверь, а второй вырывала розы из волос. После того как я сняла последнюю розу, я отпустила дверь, и Лиза упала лицом вниз на пол моей комнаты, усеянный пластиковыми розами.

– Что у вас здесь происходит? – озабоченно спросила мама, заглядывая в комнату. Я горько расплакалась. – Что произошло? Лиза, что ты наделала?

– Ничего! Лиззи попросила меня помочь ей сделать прическу, а теперь плачет. Понятия не имею, почему.

– Вон! – заорала я.

– Лиза, скажи... – начала было мама, но я прервала ее криком:

– Идиотка! Убирайся!

Лиза встала с пола и молча вышла из комнаты.

Мама обняла меня, и я утонула в ее тепле.

– Ну, что с моей крошкой произошло? Расскажи, пожалуйста.

Она гладила меня по голове и утирала слезы. Мама поцеловала меня в лоб и в обе щеки, в ее глазах было столько любви, что я чуть не расплакалась. Все мои обиды на Лизу быстро улетучились.

– Все хорошо, мама с тобой. Не плачь, дорогая, рассказывай.

Мир состоял из людей, которым я была омерзительна, и во всем мире любила меня только одна мама. Только она умела обнять меня так, чтобы я позабыла обо всем плохом. Я хотела, чтобы мама меня обнимала и раз за разом спрашивала, что со мной случилось. Я так хотела чувствовать тепло ее тела и звук голоса, которые создавали иллюзию, что я не одна и что нахожусь в безопасности. Я зарылась лицом в складках ее платья и вздрагивала каждый раз, когда мне казалось, что она собирается встать и уйти.

* * *

Я очень старалась быть хорошей ученицей. Я хотела быть ребенком, который всегда делает домашнее задание, поднимает руку во время урока и знает ответы на все вопросы. Я хотела быть, как Мишель, которая на уроках чтения читала лучше всех. Или как Марко, который знал все ответы на уроках математики. Я хотела получать хорошие оценки, как они. Но этого не происходило.

Может быть, получать хорошие оценки мне мешала ситуация, сложившаяся у нас дома. Дело в том, что в последнее время я сильно недосыпала. Ежедневно мама с папой занимались только тем, что старались добыть наркотики. Их стремление к кайфу стало таким

сильным, что они не могли и не хотели с ним бороться. Я могла посмотреть на календарь, показать на любой день и сказать, как этот день пройдет и что мама с папой будут делать в определенное время, настолько действия родителей стали предсказуемыми.

Деньги, полученные по маминому чеку, исчезали через пять-шесть дней после его обналичивания. После этого мама начинала выпрашивать деньги у посетителей баров. Среди завсегдатаев этих заведений было несколько стариков, которые могли дать ей доллар-два или, по крайней мере, сдачу мелочью, которую они получили. Иногда мама просила дать ей мелочь, чтобы заказать песню в музыкальном автомате, и прикарманивала пятьдесят или двадцать пять центов. Иногда мама выходила с мужчинами в туалет или за угол на улицу, после чего возвращалась через несколько минут, заработав несколько долларов.

Маме надо было заработать минимум пять долларов. Именно столько стоил самый маленький «чек» разбавленного аспирином кокаина. Вернувшись из бара, мама громко говорила папе: «Питер, у меня есть пять долларов». Папа быстро надевал пальто и старался выйти из дома так, чтобы его не заметила Лиза.

Папа знал, что Лиза поднимет страшный крик, когда узнает, что он идет покупать наркотики тогда, когда мы сидели без еды. Поэтому он старался ускользнуть незаметно, чтобы не слышать криков и ругани.

«Ты опять собираешься тратить деньги на наркоту, когда мы голодные сидим! У меня в животе от голода сводит! Я не обедала, а ты опять за свое!»

Я слушала Лизины крики и была с ней совершенно согласна. Я понимала, что преступно тратить деньги на наркотики, когда в холодильнике стоит банка заплесневевшего майонеза и лежит старый кочан вялого латука. У нас с Лизой были все основания быть недовольными.

Однако для меня этот вопрос не был таким простым, как для Лизы. Мама говорила, что наркотики ей нужны, чтобы забыть те кошмары, которые ей пришлось пережить со своими родителями. Я не знала, какие воспоминания пытается подавить наркотиками папа, но подозревала, что и у него в детстве были большие проблемы, потому что, если он не «торчал», то мог неделю лежать, не вставая, в кровати с синдромом абстиненции. В таком состоянии он превращался в человека, которого я вообще не могла узнать.

Лиза не просила у родителей чего-то сверхъестественного. Она хотела, чтобы на столе был обед. Я тоже этого хотела. Но я прекрасно видела, что,

если мы с Лизой целый день не ели, то наши родители не ели несколько дней. Когда я думала, что мне нужна зимняя куртка, я смотрела на спортивные тапочки отца, обмотанные клейкой лентой, чтобы не отвалилась подошва. Я видела, что мама с папой не в состоянии дать мне то, чего нет у них самих.

Мои родители не хотели сделать мне больно. Я не могла обвинить их в том, что они заботились о ком-то другом, а не обо мне. Просто они не были теми родителями, которых мне хотелось бы иметь.

Помню, как мама украла пять долларов из письма, которое бабушка отправила к моему дню рождения из Лонг-Айленда. Банкнота была приклеена к открытке с поздравлениями и подписью бабушки. Я спрятала банкноту у себя в ящике и планировала пойти в магазин и купить конфет. Но мама улучила момент, когда я вышла из своей комнаты, и украла деньги, чтобы купить наркотики.

Когда через полчаса после этого она вернулась домой с пятидолларовым «чеком», я была вне себя от ярости. Я требовала, чтобы она вернула мне деньги, и называла ее словами, которые мне сейчас даже не хочется вспоминать. Мама молчала. Схватив со стола «чек» и шприц, она бросилась в ванную комнату. Я последовала за ней, ругая ее самыми плохими словами. Я думала, что мама хочет уколиться, но ошибалась. Мама выбросила «чек» в туалет и спустила. Она уничтожила свою дозу и начала горько плакать.

– Я не чудовище, Лиззи. Я просто не могу остановиться. Прости меня, если можешь, дорогая, – сказала она, глядя на меня заплаканными глазами.

Я и сама была в слезах. Мы сидели на полу ванной комнаты и плакали. Шприц лежал на краю раковины. Вены на маминых руках были в маленьких точках от уколов. Тихим голосом мама повторяла:

– Прости меня, Лиззи.

И я ее простила. Ведь мама не желала мне зла. Просто она была наркоманкой, и у нее развилась зависимость.

– Конечно, мама, я тебя прощаю, – сказала я ей.

Я простила тогда и простила ее через пару месяцев, когда она вынула из морозилки индюшку, которую получила в церкви, и продала соседке, чтобы купить очередной «чек».

Мне было очень больно и голодно, когда родители оставляли меня без еды. Но я не винила ни маму, ни папу. Я не сердилась на них. Я ненавидела их зависимость и наркотики, но не своих родителей. Я любила их и знала, что они любили меня. Более того, я была в этом совершенно уверена.

Даже когда мама «торчала», она регулярно подходила к моей кровати, чтобы укрыть меня одеялом, если я раскрывалась во сне. Мама часто пела мне «Ты мое солнце». Она целовала меня и повторяла, что дети – это лучшее, что у нее есть.

«Вы с Лизой – мои ангелы, мои птенчики», – часто повторяла она. Я засыпала с исходившим от нее запахом сигарет и кокаина, которые были для меня как колыбельная для обычных детей.

Однажды около четырех часов утра папа сдался на мои уговоры и пошел со мной гулять по свежевывавшему снегу. В свете уличных фонарей снег блестел, как россыпь бриллиантов. В это время на улицах никого не было. Папа рассказывал мне о том, как в колледже изучал психологию и что полезного я могу почерпнуть из этой науки.

«Я люблю тебя, Лиззи», – говорил он.

Так по пустым улицам мы прогуляли несколько часов.

Наркотики разрушали нашу семью. Хотя из-за них страдали мы с Лизой, я очень жалела своих родителей. Мне казалось, что я могу спасти их от наркотиков. Мне казалось, что жизнь родителей находится в опасности. Они в любое время дня и ночи шли за наркотиками, а жили мы в районе, в котором был высокий уровень преступности, водителей такси убивали за двадцать долларов, прохожих грабили, а женщин насиловали.

Мама была почти слепой, но тем не менее могла выйти за наркотиками в любое время, даже ночью. При этом она настолько плохо видела, что могла пройти мимо меня или Лизы днем по улице, не увидев и не узнав нас. Она различала формы предметов, таких, как человек или стоящий автомобиль, и могла отличить красный цвет светофора от зеленого. Плохое зрение ее не останавливало.

Несколько раз на маму нападали на улице. Однажды ночью ее пытались ограбить. Преступник угрожал ей ножом и, не найдя денег, побил ее: поставил синяк под глазом и разбил губу. После возвращения домой мама рассказала, что грабитель был очень зол из-за того, что не нашел денег.

Однажды, когда мама пришла домой с очередным «чеком», я заметила, что ее джинсы разорваны, а нога в крови. Мама сказала, что ее ударила машина.

«Не волнуйся, Лиззи, ничего страшного. Машина ехала с маленькой скоростью. Со мной уже такое было, когда я работала велокурьером», – сказала она и попросила папу сделать ей укол.

Она, кажется, не понимала, что из-за своей неосторожности и слепоты подвергала себя огромной опасности. А может быть, ее это просто

не волновало. Ясно было одно – если мама решила что-то сделать, она делала.

Несмотря на плохое зрение, мама три недели проработала велокурьером на Манхэттене. На должность курьера не нанимают людей с плохим зрением, но мама не сказала об этом своему работодателю. Она одолжила у знакомых велосипед и бесстрашно выехала на улицы, забитые людьми и машинами. Работу курьером мама бросила только после того, как разбила велосипед и не смогла найти новый. Если мама хотела чего-то добиться, она этого добивалась.

Папа тоже не очень сильно о себе заботился. Для того чтобы добыть наркотики, он мог ночью пешком идти через районы Бронкса, которые контролировали банды. Особенно опасными в те времена считались Гранд-авеню и 183-я улица.

Однажды ночью он пришел домой избитым. На соседнем углу бандит несколько раз ударил папу головой об асфальт, после чего папа целый час полз до дома. На следующий день как ни в чем не бывало он снова бежал за наркотиками. Чтобы добыть дозу, он был готов рисковать жизнью днем и ночью. Чаще всего он ходил к одной синей двери на втором этаже дома на Гранд-авеню, где и обменивал скомканные банкноты на «чеки» с порошком.

Ночью мне не спалось, потому что я волновалась за родителей. Я смотрела в окно, ожидая возвращения мамы или папы. Обычно поход родителей за наркотиками отнимал тридцать-сорок минут. Если они задерживались дольше этого времени, я начинала подозревать самое худшее и готовилась звонить 911. Довольно часто телефон в нашей квартире был отключен из-за неоплаченных счетов, но я знала, что могу позвонить из телефонной будки на углу улицы.

Я всегда старалась быть полезной для родителей. Лиза громко протестовала, когда кто-то из них шел за наркотиками. Ее комната находилась как раз около входной двери, и, чтобы выйти на улицу, папа или мама должны были прошмыгнуть мимо нее. Я стояла на «шухере» в коридоре и следила, чтобы Лиза не заметила уход мамы или папы из квартиры. Папа, готовый к выходу, как герой из детективного сериала, ждал в гостиной.

– Дай знать, когда можно идти, – тихо говорил он и ждал моего сигнала.

– Давай! – шептала я.

Выходя из дома, папа всегда кивал мне головой, чтобы показать, что благодарен. В эти моменты я чувствовала себя на седьмом небе

от счастья. Мне казалось, что мы члены одной команды.

– Не волнуйся, я тебя прикрою, – отвечала я.

После ухода папы я не хотела ложиться спать, потому что в это время могла пообщаться с мамой. Она с нетерпением ждала его возвращения, разложив на столе шприцы, ложки и жгуты. В эти минуты в предвкушении наркотиков мама была разговорчивой, и ее янтарные глаза светились предчувствием радости. Я не думала, что мне надо выспаться перед школой. Мы с мамой сидели в гостиной, и она рассказывала о своем детстве в конце 1960-х – начале 1970-х годов.

– Видела бы ты меня тогда, Лиззи, – говорила мама. – Я носила высокие сапоги на каблуках.

– Правда? – отвечала я, словно не слышала эту историю уже сто раз. Я делала вид, будто каждая деталь маминого рассказа меня поражала, пугала или радовала.

– Да, и прическу афро. У меня всегда были густые и кудрявые волосы, это благодаря итальянской крови некоторых моих предков. А у папы были огромные бакенбарды, просто настоящие котлеты!

Мы общались с мамой, как две подруги. Мы говорили о моде, одежде, наркотиках, сексе, мужчинах и особенно – об ужасах, которые мама пережила в детском возрасте. Очень многое из того, что она мне рассказывала, я не понимала, но делала вид, что все мне совершенно ясно. Я кивала и была рада, что мама посвящает меня в самое сокровенное. Мама никогда не замечала или не обращала внимания, что я слишком мала для ее рассказов и могу в них чего-то не понять. И она продолжала делиться со мной своими историями.

Мне нравилось, когда мама находила в своем детстве какие-нибудь положительные моменты. Но я знала, что ее оптимизм связан с предвкушением наркотиков. После того как кайф пройдет, она будет видеть во всем только негатив.

Кто другой выслушал бы маму, когда ей плохо? В эти тяжелые моменты я могла и хотела быть с ней рядом. Когда мама ждала наркотики, я часто подходила к окну и смотрела, не идет ли папа, а мама рассказывала мне разные радостные истории.

– Мы тогда постоянно «торчали». Кислотой можно себе все мозги сжечь. Особенно во время хорошего рок-концерта. Главное, ты, Лиззи, никогда кислоту не принимай. От нее начинаешь представлять себе совершенно нереальные вещи. Очень странная штука.

До появления папы мама готовила свои «причиндалы»: ложки для растворения порошка, китайские плошки для супа, в которых была

вода, и шнурки, которые она использовала в качестве жгута. Мама с папой всегда пользовались двумя отдельными шприцами. Мама продолжала рассказывать, внимательно изучая иглы шприцев. Я с интересом наблюдала за ее действиями.

– В то время мне часто предлагали работать моделью. Проблема в том, что все «агенты», которые это предлагали, хотели со мной сначала переспать. Так что ты держись от таких ребят подальше. Секунду...

В качестве проверки она набрала в шприц воды, надавила на поршень, и вода маленьким фонтанчиком брызнула из иглы.

– Так вот, – продолжала она. – Мужчины бывают абсолютными подлецами, но все равно в те времена было весело.

Мама готовилась, словно медсестра. Вскоре появлялся папа с пакетиком лекарства, излечивающего их недуг.

Так повторялось изо дня в день. Мама с папой делали укол и начинали носиться по квартире, как сумасшедшие. Лиза крепко спала, и я могла спокойно общаться с родителями.

Я оберегала их. Они «торчали», но они были со мной.

Реакция родителей на наркотик всегда была одинаковой. Глаза широко раскрывались, и мелкие судороги пробегали по их лицам. Мама начинала ходить кругами по комнате, она шаркала ногами, растопыривала руки и говорила в потолок. В моменты сразу после «прихода» она никогда не смотрела мне в глаза.

Минут через двадцать их начинало отпускать. Пик наслаждения проходил, и мамины рассказы становились другими.

– Папа обещал, что отвезет меня в Париж. Ты понимаешь, что это значит? В Париж! Я же была его любимой дочерью. Я это знала, и Лори это знала. Когда я была совсем маленькой, он сломал мне ключицу. Он тогда хотел меня из окна выбросить! – кричала мама, обратив взгляд в потолок. Мне было ее очень жаль, и я очень хотела, чтобы она позабыла былые обиды и боль.

В это время папа супермедленными движениями чистил «приборы», проливая воду и ошибаясь. Он так сильно «торчал», что не понимал, что делает.

– Лиззи, мой папа стал таким из-за алкоголя. Он очень меня любил. Ты же веришь мне, правда? – спрашивала мама, потягивая пиво из огромной бутылки. Обычно в это время она начинала плакать.

Мама растягивала ворот майки, отчего было видно ее худое тело и несимметричную ключицу, которая неправильно срослась после того, как отец ударил ее о стену. На ее лице был страх, и я понимала, что она

не забыла тот ужасный момент в своем раннем детстве. Она принимала наркотики, чтобы забыть все пережитое и нормально себя чувствовать. Она страшилась, что подобная трагедия может повториться.

– Мам, я тебя люблю, я здесь, с тобой, – говорила я ей в такие минуты.

– Я знаю, Лиззи, – отвечала мама.

Но я понимала, что смысл моих слов не доходит до нее. Она всегда была настолько грустной, что казалось, она пребывает в совершенно другом измерении.

Когда мама говорила, я внимательно ее слушала, побросав все, чем до этого занималась. Мне казалось, что ее боль передается мне, настолько близкий у меня с ней был контакт. Я придвигалась к ней поближе и говорила как с другом, хотя не всегда понимала, что именно я говорю.

– Он тебя все равно любил, ведь он был твоим папой. Наверное, он стал злым от пива, мам. Если бы он бросил пить, он был бы прекрасным папой.

Если от моих слов маме становилось лучше, то, увы, ненадолго. Когда кайф ее отпускал, она одевалась и, утирая слезы, выходила на темные улицы в поисках нового «чека». Папа оставался в спальне. Он лежал, словно в коматозном состоянии, иногда подергиваясь от действия наркотиков, которые гуляли в его крови.

Я снова садилась у окна и, глядя на Университи-авеню, повторяла про себя как мантру телефонный номер экстренной помощи. «911», – твердила я про себя, глядя, как мама удаляется в сторону бара, чтобы повторить все то, что я уже много раз видела.

В эти ночные часы меня спасал телевизор. Я отмеряла время получасовыми сегментами передач. Я смотрела телепередачи и рекламу до тех пор, пока в эфире в пять часов не появлялись первые утренние новости. Это означало, что можно ложиться спать, что я и делала, когда восток уже начинал алеть зарей.

К этому времени закрывались все бары, и единственными людьми на улицах были проститутки, бомжи и наркоманы – точно такие же несчастные люди, как и мама. После закрытия баров мама возвращалась домой и падала в изнеможении на кровать рядом с папой. В это время я тоже ложилась спать.

Ранним утром в нашей квартире были слышны энергичные звуки новостей и громкий храп мамы. Я надевала синюю ночную рубашку, которую прислала мне бабушка из Лонг-Айленда, бросала последний взгляд на маму, которая спала не раздеваясь, и папу в нижнем белье, выключала телевизор и ложилась в кровать. Я засыпала с мыслью, что,

если бы родители не употребляли наркотики, они бы больше уделяли времени мне и Лизе.

* * *

«Лиззи, вставай!» – будила меня своим криком Лиза. Когда я ходила в детский сад, сестра вела себя по утрам достаточно резко, но когда я пошла в школу, ее отношение только ухудшилось.

«Каждый день одно и то же! Да вставай же скорее!» – вопила Лиза. Она срывала с меня одеяло, отчего мне становилось холодно.

На улице слышался гам детей, которые ждали школьного автобуса. На переходе через улицу стояла женщина со свистком, которая следила за безопасностью детей. За ночь я обычно спала не более двух часов.

Каждое утро Лиза вставала по звонку будильника. Она умывалась и одевалась, после этого начинала будить меня. Сестра будила меня сперва нежно, но я не вставала, поэтому она начинала орать, вытаскивать меня из кровати и насильно одевать.

В нашей квартире редко было включено отопление, поэтому, когда Лиза стаскивала с меня одеяло, мне становилось ужасно холодно. Я свертывалась калачиком, чтобы не замерзнуть, и продолжала спать, крепко держась за подушку, которую Лиза пыталась вытащить у меня из-под головы. В те минуты я ненавидела Лизу сильнее, чем ненавидела школу, из-за которой не могла выспаться, и сильнее, чем детей, которые меня в ней третировали. Кроме этого мне казалось, что Лизе нравится надо мной издеваться. Я чувствовала, что она получает удовольствие от роли, которую добровольно на себя взяла.

«Я твоя старшая сестра, и ты должна меня слушаться! – орала она. – Или я вылью на тебя холодной воды! Вставай!»

Она брала чашку холодной, как лед, воды и выливала мне на голову. Я была вне себя от злости. Но иногда даже после этого не вставала.

По утрам, после того, как я всю ночь не спала с родителями, мне казалось, что я только закрывала глаза, как Лиза начинала меня будить.

В то утро я нехотя встала и, стараясь не создавать лишнего шума, чтобы не разбудить родителей, оделась. Лиза совершенно не обращала внимания на то, что они спали. Она каждые три минуты кричала, что я опоздаю, если не потороплюсь. Холод на улице меня немного бодрил, но в теплой школе № 261 с флуоресцентными лампами я снова засыпала. Я хотела спать, и у меня не было никакого желания учиться.

Каждый день миссис МакАдамс задавала нам домашнее чтение. Однако

я уже научилась читать на книге «Хортон» и перешла на книги третьеклассницы Лизы и детективы, которые читал папа. Я чувствовала себя слишком уставшей и поэтому игнорировала объяснения грамматики и правописания. Мои глаза постепенно закрывались, и я начинала сладко дремать.

Я думала о том, проснулась ли мама и смотрит ли она без меня телевизор. Может быть, она пойдет прогуляться? Если бы я была дома, взяла бы она меня с собой?

После разбора грамматики миссис МакАдамс перешла к математическим задачам. Я совершенно не понимала того, что она объясняла. Каждая минута казалась часом. Я сидела и представляла, под каким предлогом я могла бы попросить у школьной медсестры освободить меня от занятий: грипп, боль в животе, лихорадка, чума. Некоторые из этих предлогов были наполовину правдивыми: когда миссис МакАдамс вызывала ученика для ответа, у меня все в животе съеживалось, и казалось, что меня вот-вот стошнит.

После уроков я быстро запихивала тетрадки в портфель и старалась уйти раньше остальных. Меня нервировали одноклассники. Я напрягалась, когда они стояли слишком близко ко мне. Мама помогла мне избавиться от вшей при помощи специального шампуня. Но даже без вшей я сильно отличалась от моих одноклассников. Они это видели, и я об этом знала. Я плохо одевалась, и моя одежда была грязной. Носки я носила целую неделю подряд, а нижнее белье меняла крайне редко. Я понимала, что от меня плохо пахнет.

Но, с другой стороны, как говорил папа, какое мне дело до того, что обо мне думают? «Это их проблемы». Я пыталась убедить себя, что мнение других мне совершенно безразлично. Я по многим параметрам была гораздо более взрослой, чем все они, вместе взятые.

В свои шесть лет я могла материться в присутствии родителей, ложилась спать, когда мне вздумается, знала о сексе и могла смешать дозу кокаина, чтобы запустить ее по вене. Но, с другой стороны, все остальные дети были более собранными и продолжали оставаться детьми в то время, когда я их переросла. Они свободно общались друг с другом, завязывали дружеские отношения и мило поднимали на уроках руку, чтобы ответить на вопрос учителя. Я повзрослела быстрее, чем они, но пропустила многие шаги в моем детском развитии. Я была другой.

Именно ощущение, что я сильно отличаюсь от остальных ребят, было основным камнем преткновения. Поэтому я чувствовала себя среди них неудобно и плохо. В конце уроков я была счастлива, что могу уйти

и больше их не видеть.

Я выходила на улицу и после короткой прогулки оказывалась дома. Слава богу, что еще один школьный день был позади и я могла отдохнуть. Я спала до вечера на диване в гостиной, чтобы не пропустить ничего из того, что могло произойти.

* * *

Я долго объясняла маме, почему мне не нравится школа и мои одноклассники. Наконец в декабре мама разрешила мне в течение месяца практически каждый день оставаться дома и не ходить в школу. Папа просыпался днем и был очень раздосадован, когда видел, что я не пошла на занятия.

«Лиззи, ты опять прогуливаешь?» – возмущался он.

Не знаю, почему он так сильно на это реагировал, ведь за месяц мог бы привыкнуть, что я не хожу в школу.

«Завтра обязательно иди», – говорил он, но на следующее утро не будил меня к началу уроков. День за днем он видел, что я не хожу в школу, и только неодобрительно качал головой.

Однажды в четверг, после того, как Лизе не удалось меня разбудить и она ушла одна, в дверь нашей квартиры громко постучали. Родители спали. Я подошла к двери и услышала, что за ней разговаривают два человека – мужчина и женщина. Они снова постучали, на этот раз еще сильнее. Потом я услышала, что голоса за дверью обсуждают плохой запах. Я поняла, что они говорят о нашей квартире.

За последние полгода мама с папой практически не убирались. В одной из комнат было разбито стекло, потому что мама в приступе злости ударила в него, при этом сильно поранив руку. Мы, как могли, заклеили окно клейкой лентой и пластиковыми пакетами, чтобы дождь и снег не попадали внутрь квартиры. Но из разбитого окна дуло, на полу часто появлялись лужи, и во всей квартире было холодно. Помню, что той зимой я и Лиза переболели гриппом. У нас сломался холодильник, и папа клал пакеты молока и сыр на подоконник. Однако плохой запах, которые учуяли неизвестные визитеры, шел из ванной.

Там забился водослив. Тем не менее Лиза продолжала мыться в ванной. Она брала ведро, переворачивала его и мылась, стоя на нем. Вода в ванной не уходила и за несколько месяцев стала черной. Края заросли слизью, и от протухшей воды шел мерзкий болотный запах.

Стук в дверь прекратился, и я увидела, как под нашу входную дверь просунули записку. Потом я услышала удаляющиеся шаги неизвестных

посетителей.

Я выглянула из окна моей комнаты на улицу. Чернокожий мужчина с «дипломатом» и загорелая женщина в длинном пальто подходили к припаркованной машине. Мужчина поднял голову, посмотрел на окна нашей квартиры, и мне показалось, что он меня заметил. Я отскочила от окна. Незванные посетители сели в машину и уехали.

Я подошла к входной двери и подняла просунутый под нее лист бумаги. Там было написано, что родителей Элизабет Мюррей просят позвонить господину Домбия по поводу ее отсутствия в школе. Был написан телефон, по которому надо позвонить, и типографским способом отпечатан контур руки взрослого, которая держит маленькую детскую руку.

Я посмотрела, проснулись мама с папой или нет. Потом сложила письмо, разорвала его на мелкие клочки, засунула их в разные углы мусорного ведра и накрыла банановыми корками и пивными банками, чтобы их совсем не было видно.

* * *

Однажды мама пришла домой и сообщила нам, что познакомилась с женщиной по имени Тара.

«Я стояла в очереди за «чеком» и, представьте себе, увидела белую женщину. Там белых не много. Я с ней разговорила. – Мама сделала паузу и задумалась. – Она мне нравится».

Вскоре мама подружилась с Тарой так крепко, что они начали вместе употреблять наркотики в квартире маминой новой подруги на пересечении 233-й улицы и Бродвея. Через некоторое время мы с Лизой тоже стали там постоянными гостями.

У Тары начинался тик лица, если она нервничала. Она носила толстые свитера и джинсы-«варенки», отчего казалось, что она собирается на концерт какой-нибудь рок-группы 1980-х годов. Правда, возраст у нее был не самый юный – ей было уже немного за сорок. У нее была дочка по имени Стефани – дикое семилетнее существо, которое в любой момент могло закатить истерику и над которой мы посмеивались. У Стефани была темная кожа оливкового цвета, темные глаза и черные волосы, судя по всему, унаследованные от отца, с которым Тара уже не общалась. Мама сказала мне, что отец Стефани был известным актером в одном популярном сериале 1970-х годов. Как утверждала Тара, дочери не досталось ни копейки из денег, которые в свое время зарабатывал ее отец.

В Тариной квартире мы смотрели мультики по телевизору и играли, а мама с Тарой «зажигали» на кухне. Тара в отличие от родителей во время приготовления дозы много и постоянно болтала. До этого я считала, что молчание родителей во время приготовления дозы было обусловлено процессом. Я слушала болтовню Тары с мамой и задавалась вопросом, действительно ли мои родители так близки, как я привыкла думать.

Общение мамы с Тарой было ограничено тремя главными темами: отцом Стефани, качеством приобретенного «чека» и излюбленными способами употребления. Тара нюхала, и потом я поняла, что большинство людей именно так и употребляли этот наркотик. Мама с папой предпочитали внутривенно. Маме практически каждый раз надо было объяснять Таре, почему она предпочитает уколы.

– Джини, да боже ты мой! Зачем ты себя дырявишь?

– Лучше это, чем полностью убить свой нос. Ты хочешь, чтобы у меня к пятидесяти годам перегородки в носу вообще не осталось? – объясняла свою точку зрения мама.

– Ну ладно, не будем об этом, Джини. Он считает, что ребенка вырастить очень легко. Отправил по почте чек, и все дела. Правда, он их практически никогда и не отправлял.

Я поняла, что мама может быть очень разговорчивой с людьми, по крайней мере, тогда, когда не «торчит».

– Я тебя понимаю, – обычно отвечала мама, и этого было вполне достаточно для того, чтобы Тара продолжила свой монолог.

– Я его засужу, отберу все до последней нитки. Я ему такое отношение к ребенку не прощу, – говорила Тара, тыкая вверх двумя пальцами, между которыми была зажата сигарета.

Как выяснилось, у мамы с Тарой было много общего. Обе выросли в сложных семьях, обеих били отцы, обе родили раньше, чем планировали, и жили за счет государства. Из всех наркотиков им больше всего нравился кокаин. Правда, способы употребления кокаина у них были разными. Тара понимающе кивала, когда мама рассказывала, как утомительно ждать ежемесячного денежного чека, и что гораздо проще «растряссти» на деньги мужиков в баре или просто попросить у прохожего на улице.

Тара считала, что добывать деньги таким образом – низкое и недостойное ни ее, ни мамы занятие. Но когда маме хотелось уколоться, ей было совершенно все равно, где взять деньги. Мама не была гордой.

«О, Джин, тебе надо с этим заканчивать. Тебе надо встретить кого-нибудь типа моего Рона, который обо мне заботится. Может быть, он и тебе поможет. Не надо просить и унижаться, честное слово».

В следующее воскресенье мы встретились с Роном, который оказался мужчиной за шестьдесят, с бледной кожей и большими карими глазами. Он был одет в пиджак серого цвета с заплатками на локтях. С детьми и взрослыми он разговаривал разными голосами.

– Привет, красавицы. Как у вас сегодня дела? – спросил он. Мы рядком сидели на диване в квартире Тары в ярком солнечном свете.

Стефани встала и обняла его за ногу. Мы с Лизой воздержались от проявления чувств. Он попытался завоевать наше доверие конфетами. Я быстро взяла три леденца и начала один из них разворачивать. Рон улыбнулся и погладил меня по голове.

– Молодец, – сказал он.

Лиза держала свою конфету в кулаке и не сказала ни слова. Выходя на кухню, Рон ей подмигнул. Лиза повернулась ко мне:

– Не ешь эту гадость, – сказала она твердо и выбила конфету у меня из рук.

– Почему? – заныла я.

– Мы его не знаем, вот почему!

– Опять ты все обламываешь! – протестовала я.

С первого дня Лиза невзлюбила Рона.

– Это незнакомый человек, поэтому и относись к нему как к таковому, – советовала она.

Но как он мог быть незнакомым человеком, когда он был другом Тары? Разве незнакомый человек будет угощать нас обедом? И будет ли незнакомый человек покупать нам конфеты и возить в своей большой красной машине? И разве мама может так быстро расположиться к незнакомому человеку?

Рон покупал Таре большую часть ее наркотиков, и мама решила, что Рон начнет и ее так же поддерживать.

Пока мы со Стефани лежали на ковре и смотрели телевизор, Тара на кухне знакомила Рона с мамой. Вскоре после этого они втроем ушли в спальню Тары, закрыв дверь, и долго не выходили. Время от времени из-за двери раздавался смехок или глухой удар, но чем они там занимались, сказать было сложно. Наконец Рон вышел из спальни и, потирая руки, спросил:

– Ну, что, красавицы, проголодались?

Он отвез нас в ресторан быстрого питания, специализирующийся на блинах, который был расположен неподалеку от квартиры Тары на Бродвее.

Рон удивил нас, сказав, что может получить все, что пожелает. Нам с Лизой это было непонятно. Например, мы не представляли, что такое иметь неограниченный доступ к еде. В ресторане мы с сестрой заказали по огромной стопке блинов, которую не смогли доесть до конца. Я вылила на свою стопку практически целую бутылку кленового сиропа – никто даже бровью не повел. Мы не понимали, почему Стефани заказывает блюда из яиц – мы уже успели наесться яйцами на всю жизнь. Во время еды Стефани барабанила вилкой по столу и пиналась ногами во все стороны.

За обедом взрослые говорили шепотом. Больше всех говорил Рон. Он наклонялся к Таре и маме, чтобы никто, кроме них, его не слышал. Руки Рон держал на бедрах женщин, и я заметила, что маме это неприятно.

Нашей следующей остановкой стал угол улицы в Бронксе. Это был плохой и бедный район с большим количеством выгоревших зданий. На углу улицы стояли черные люди, обвешанные золотыми украшениями, и слушали музыку. Рон дал маме и Таре деньги, и мама приказала нам с Лизой оставаться в машине. Вместе с Тарой они вышли на улицу и передали деньги наркодилеру.

Рон на переднем сиденье обернулся к нам:

– Вы у меня настоящие красавицы. Просто супермодели.

Стефани засмеялась. Я внимательно следила за действиями мамы.

Мне не понравился человек на улице, с которым мама разговаривала. Я закрыла глаза и открыла их только тогда, когда услышала, что мама снова села в машину. Когда Рон отъехал, Тара сообщила ему, что они взяли два «чека» по десятке. Хотя мама говорила ей, что мы знаем о наркотиках все, Тара зачем-то шифровалась.

– Тара, а я знаю, как пишется «чек» на десятку, – сказала вдруг Лиза.

– Ой, помолчи, – отрезала Тара.

Мы вернулись в квартиру Тары, где они с мамой «закинулись» наркотиками.

* * *

Рон начал каждое воскресенье заезжать за нами в Тарину квартиру на своей красной машине. Всю неделю я с нетерпением ждала этого дня. Любопытно, что при папе мама никогда не обсуждала наши воскресные развлечения. Инстинктивно я понимала, что мама хочет скрыть от папы встречи с Роном. Все выглядело так, словно мы невинно проводим время с маминими друзьями.

Рон, видимо, ждал наступления воскресенья с таким же нетерпением,

как и я, потому что он неизменно появлялся в одиннадцать утра без опозданий и три раза сигналил у подъезда. Потом мы совершенно без цели несколько часов катались. Тара на переднем сиденье включала радио, и мы подпевали песням в эфире.

Мы всегда обедали в блинном ресторанчике, где объедались блинами и сосисками. Рон что-то нашептывал Таре с мамой, и женщины громко смеялись.

– Вот тут-то и надо валить, если хочешь спасти свою задницу, – сказала Тара и ударила кулаком по столу.

– Тара, ты просто супер, – заметила мама. Стефани, как водится, пинала под столом все что попало. Когда мы смотрели в другую сторону, Рон сладострастно пялился на груди Тары и мамы.

* * *

Однажды Тара не смогла никуда поехать в воскресенье, и мы встретились с Роном без нее и Стефани. Рон предложил съездить к нему домой в Квинс.

– Поехали, – уговаривал маму Рон. – Ты «чек» по дороге купишь. У меня отличная квартира, вам понравится.

В Квинс мы добирались долго. В тот раз я впервые увидела автобан. Я смотрела на пролетающие мимо нас машины, Лиза спала.

Тары не было, и разговор Рона с мамой не клеился. Он включил радио, и в салоне раздался грустный и немного гнусавый голос какого-то певца кантри. Мама молчала. Рон положил ей руку на бедро, но мама отодвинулась.

Рон жил в двухэтажном особняке с лужайкой и гаражом. Внутри дома было много растений в горшках, в центре гостиной стояло огромное черное пианино. Вся мебель была из светлого дерева. Мама с Роном направились на кухню, а Лиза включила телевизор и стала смотреть мультфильмы.

Через несколько часов я проснулась от того, что Рон положил мне тяжелую руку на плечо.

– Девочки, подъем.

– А где мама? – спросила Лиза.

– Она пошла в магазин, чтобы купить пива.

Рон был в трусах. Интересно, почему мама оставила нас с ним?

– До магазина отсюда далеко, поэтому она еще не скоро придет. Она попросила, чтобы я за вами присмотрел, и сказала, что вам надо помыться, – сказал Рон. Он наклонил к груди подбородок и говорил

с фальшивой искренностью в голосе.

Я могла не мыться долго, иногда до пары месяцев, поэтому такое пожелание мамы показалось мне странным. Однажды наша учительница заметила у меня на шее полоску грязи и сказала, что, когда я буду вечером принимать душ, то должна обязательно хорошенько помыть шею. Водослив нашей ванны забился, а обтираться мокрой тряпкой у меня не было желания. Поэтому дома я просто потерла рукой шею и увидела на ладони катышки грязи.

Я решила, что мама хотела использовать возможность и помыть нас в ванной в квартире Рона.

Рон встал около унитаза, а мы с Лизой залезли в ванну с водой и густой пеной. Я никогда раньше не видела Рона в трусах и подумала, что было бы неплохо, чтобы он оделся. Я заметила, что Рон очень худой, а проглядывавшие сквозь майку соски были большими, как у женщины. Ванная комната была идеально чистой и пахла лимоном. Рон не отводил от нас глаз. Я чувствовала себя неловко и залезла поглубже в воду, подтянув колени к подбородку. Я чувствовала, что Лиза начинает злиться.

Рон говорил:

– Ваша мама сказала, чтобы вы все части тела очень тщательно помыли. Чтобы все было до скрипа чистое. Давайте-ка, покажите ноги. Поднимите их над водой.

Мы послушались и показали ему ноги.

– Так, а теперь самое ответственное. Надо помыть ваши писи. Встаньте и покажите мне, как вы их моете.

– Зачем? – спросила я.

– Так ваша мама хотела. Поднимайтесь из воды.

– Я знаю, как принимать ванну, – с раздражением ответила Лиза. – Тебе нет необходимости нас контролировать.

Рон сглотнул слюну, и его взгляд забегал по стенам ванной. Впервые за все это время он отвел от нас глаза.

Я уже поднялась из воды и начала делать то, что приказал Рон, когда услышала голос Лизы. Вообще-то странно, что она стала возражать только сейчас; я почувствовала, что ей не нравится эта ситуация, еще когда Рон привел нас в ванную. Я поняла, что Лиза не на шутку разозлилась из-за того, что мама ушла, и ей не нравится, как Рон на нас смотрит.

– Выйди! Мы сами здесь разберемся!

– Хорошо, хорошо. Значит, старшая сестра будет ответственной за мытье, – пробормотал Рон, пятясь.

– Убирайся! – заорала Лиза.

Рон поспешно вышел и закрыл за собой дверь. Не говоря ни слова, мы с Лизой оделись.

* * *

Через пять недель после этих событий у мамы произошел первый за шесть лет нервный срыв, и нас с Лизой отправили на обследование в больницу. Все, что произошло в тот вечер, я помню отдельными фрагментами.

Я лежала на спине и наблюдала, как доктор достает две резиновые перчатки и надевает одну из них. Я никогда раньше не видела человека в одной перчатке, и хотела сказать ему, что он забыл надеть вторую. Но доктор отвернулся от меня и начал говорить с медсестрой. Я смотрела на белые стены, белые халаты и белые бумаги. На одной из бумаг я увидела свое имя – Элизабет Мюррей и рядом дату рождения – 23 сентября 1980.

«Мне шесть лет, – подумала я. – И здесь меня зовут Элизабет, а не Лиззи».

– Элизабет, ты не голодна? Хочешь чего-нибудь? Супа или бутерброд? Скажи, дорогая, а тебя папа случайно руками не трогает?

Я очень устала. Это был длинный день, а до этого несколько плохих недель, во время которых маме становилось все хуже и хуже. С мамой творилось что-то странное. Она начала плакать. Совершенно неожиданно она могла поднять вверх руки и начать кричать: «Убери свои руки! Я тебя убью!»

Потом мама перестала кричать и замолчала. Она надела пальто до пят и, когда к ней обращались, только поднимала воротник пальто, пряча в него лицо. Глаза у нее стали дикие, и она перестала нас узнавать.

Когда приехали полиция и «Скорая», она решила, что те хотят забрать у нее пальто. Борьба с полицейским была короткой и показала, что полисмен хорошо помнит приемы, заученные в полицейской академии. Потом мама начала звать на помощь. Двери соседей в коридоре по мере продвижения процессии приоткрывались и потом быстро закрывались.

– Элизабет, доктор должен сделать тест. Это совсем не больно, просто немного неприятно. Но ты же у нас смелая девочка, верно?

«Нервный срыв» – такими словами кто-то описал состояние мамы. Папа говорил, что это далеко не первый и не последний мамин нервный срыв. Нас с Лизой посадили в полицейскую машину, которая поехала за «Скорой» с мамой.

Потом я закрыла глаза и не открывала их до нашего приезда

в больницу.

Я никому не сказала о том, что винить за мамин нервный срыв надо меня, ведь это я рассказала ей, что произошло с Роном. Когда мама вернулась в его квартиру с упаковкой из шести банок пива, Лиза позвала ее в ванную, чтобы поговорить. Но я опередила Лизу и рассказала о случившемся. Мамино лицо побагровело, она выбежала из ванной комнаты, и я услышала, как она ударила Рона по лицу. Потом мы долго ехали с мамой на поезде, и Лиза рассказала, что Рон хотел ее фотографировать. Мои волосы так и не успели высохнуть после мытья. После этого мама в течение нескольких дней расспрашивала меня о том, что произошло в квартире Рона.

– Лиззи, расскажи маме все. Расскажи, что с тобой делал Рон.

Я сгорала от стыда, в горле пересохло, и я не могла смотреть маме в глаза. Я рассказала ей, как мне было страшно тогда в ванной, и как Рон однажды ущипнул Стефани за грудь, когда она плохо себя вела. Потом я рассказала, как однажды в квартире Тары Рон помогал мне растегнуть ширинку и как меня трогал. Мне было очень трудно рассказывать, как Рон одной рукой держал меня, а пальцы второй засовывал мне в вагину. Тогда я до крови прикусила губу, чтобы не закричать.

Я не рассказала маме одного. Я не рассказала ей, что знала – это очень плохо и я могу закричать, чтобы позвать маму на помощь. Но я этого не сделала, потому что Рон заботился о маме, Лизе и мне. После того, как Рон ушел, я достала банку вазелина и смазала себя внутри, чтобы меньше болело.

То есть я сама способствовала маминему нервному срыву. Я могла бы остановить Рона, но я этого не сделала.

В кабинете доктора я услышала, что мама сама виновата в том, что с ней случилось. Ведь она употребляла наркотики и не пила лекарства от шизофрении. Я знала, что врачи ошибаются.

– Осмотрите детей, – приказала сестре женщина в белом халате на высоких каблуках. – Вы бы слышали, что мать говорит об их отце. Найдите доктора и проведите осмотр. Надо понять, что там случилось.

Доктор намазал какой-то гель на пальцы перчатки. Медсестра достала клацающий металлический инструмент.

– Элизабет, дорогая, потерпи чуть-чуть. Ножки поставь сюда и не двигайся.

Мои ступни чувствовали прикосновение холодного металла. Подол моего больничного платья подняли, словно парус, а ноги раздвинули. От холода по телу пошли мурашки. Доктор придвинул свое кресло

поближе.

Лежа на кушетке в кабинете доктора, я мечтала, чтобы мама была рядом и обняла меня. Я хотела, чтобы все в нашей семье было по-старому. Доктор пододвинул электрическую лампу поближе.

В том месте, которое, по словам мамы с папой, я никогда не должна была трогать, я ощутила резкую боль. Там меня папа никогда не трогал.

Я почувствовала внутри себя металлический штырь, а потом пальцы доктора. От этих болезненных ощущений я захныкала и стала приподнимать бедра, но медсестра крепко держала меня. У меня на глазах выступили слезы.

– Вот и все, Элизабет. Можешь одеваться.

Все внутри меня болело. Я осторожно спустилась с кушетки и увидела на внутренней стороне бедра струйку крови.

В соседней комнате моя старшая сестра проходила точно такую же процедуру.

Я наклонилась, чтобы посмотреть, откуда течет кровь, и с ужасом увидела, что она сочится из влагалища. Я в панике стала осматривать комнату, чтобы найти что-нибудь, чем забинтовать или закрыть рану. Я схватила из металлической коробки несколько ватных тампонов, засунула их себе в трусы и заплакала.

Мои слезы падали на больничное платье. Я смотрела в потолок, крепко прижимала тампон и думала о том, что я уже никогда не буду нормальной.

III. Цунами

После маминого срыва в 1986-м ее психическое состояние становилось все хуже и хуже. За четыре года у нее было шесть приступов шизофрении, и после каждого она проводила в больнице от одного месяца до трех. Я боялась маминых приступов из-за того, что во время них она очень сильно менялась, и из-за неприятных воспоминаний, которые каждый из этих рецидивов болезни оставлял.

Я помню, когда один раз за мамой приехала полиция, она разговаривала с телевизором. Полицейские стояли в гостиной, а на их туго затянутых ремнях время от времени оживали рации, взрываясь потоком сообщений. Я сидела на кушетке и теребила кайму моей розовой ночной рубашки, а полицейские застегивали на маминых запястьях наручники. Мама никогда не отправлялась в больницу по собственной воле.

В психбольнице ее существование было крайне аскетичным: одноместная палата с отталкивающим грязь покрытием на полу, тумбочка для личных вещей и раковина для умывания. Взгляд мамы был расфокусированным, а глаза пустыми.

Со временем частота употребления наркотиков увеличилась в два или три раза. То, что она совершенно не в себе, становилось очевидным по тому, что она теряла возможность говорить законченными предложениями, и по месту на сгибе локтя, которое от постоянных уколов превращалось в сплошную воспаленную рану, похожую на раздавленную сливу. Я начала ценить время, проведенное мамой в психбольнице. Если у мамы была возможность, она постоянно принимала наркотики. Единственными периодами, когда она их не принимала, были пребывания в больнице.

На антинаркотических плакатах в школе было написано, что наркотики – это форма замедленного самоубийства. Я начала думать, что психбольница – это единственный способ спасти маму. После того, как она в ней оказывалась, у меня появлялась небольшая надежда, что она перестанет «торчать».

После каждого пребывания в психбольнице Норд-Сентрал-Бронкс казалось, что мама в состоянии начать новую, здоровую жизнь. Она прибавляла в весе, что было особенно заметно по талии и бедрам, темные круги под глазами исчезали, и прекрасные черные волосы снова

казались блестящими и густыми. Мама начинала регулярно посещать встречи «Анонимных наркоманов». Около зеркала появлялись яркие брелки, которыми в «Анонимных наркоманах» отмечали определенные периоды жизни без наркотиков: день, неделя, месяц. Но мама всегда срывалась.

С гнетущей неизбежностью у мамы наступал новый период. Она переставала ходить на собрания. Она сидела в комнате перед телевизором, перепрыгивая с канала на канал. Наступало время идти на собрание, но она этого не делала. Она пропускала одно собрание, второе, третье. Когда приходил месячный чек с пособием, мама спускала все деньги за выходные. После этого она несколько дней спала, не просыпаясь, а телефон разрывался от звонков из «Анонимных наркоманов».

Как выяснилось, кокаин полностью убивал эффект препаратов, которые она принимала в психлечебнице. После периода употребления наркотиков маме снова надо было лечиться, и папа превращался в родителя-одиночку, который должен был взять на себя всю заботу о детях.

Надо отдать ему должное, в периоды маминого лечения папа был на высоте. Точно так же, как маме проще было держаться в рамках семейного бюджета, когда папа сидел в тюрьме, так и папа в мамино отсутствие умел растягивать социальные деньги на весь месяц.

Я вдруг поняла, что суммы пособия, которую мама с папой просаживали за несколько дней, хватает на то, чтобы целый месяц каждый день есть обед и даже перекусывать по вечерам. Напевая любимые мелодии старых хитов, папа проводил несколько часов у плиты, жарил стейки по два доллара и подавал их с гарниром из картофельного пюре или макарон.

Два раза в неделю мы навещали маму, и в эти дни папа давал нам с Лизой по четыре двадцатипятицентовые монеты. Половину я сохраняла и клала в копилку в форме Винни Пуха. Я собирала эти деньги не на что-то конкретное, а просто для того, чтобы взвесить в руках копилку и сказать себе, что все деньги внутри принадлежат мне. К окончанию четырехлетнего периода, в который мама периодически попадала в психбольницу, я могла точно посчитать время ее пребывания в клинике по количеству монет.

К середине 1990-го у меня набралось более двадцати долларов мелочью, но потом мама нашла их и потратила. Я называла эти деньги «сумасшедшими двадцатипятицентовыми монетами» по аналогии с состоянием мамы, лежавшей в психлечебнице. Когда мама лежала

в клинике, папе было легче экономить, потому что он не так часто, как она, употреблял наркотики – всего семь или восемь раз в неделю. Папа не устраивал себе «загулы», постоянно покупая наркотики, пока у него есть деньги. Казалось, что он был почти счастлив, когда не «торчал».

Сразу после маминой выписки у родителей были короткие периоды, когда они употребляли мало. В такие дни мы все вместе ходили смотреть кино, мама расчесывала мне волосы, а папа пылесосил ковер и каждую неделю посещал библиотеку.

Но я знала, что светлая сторона родительских характеров рано или поздно может, как движение маятника, смениться на темную, когда они полностью уходили в себя и в наркотики.

Движение этого маятника определялось различными стадиями маминой психической болезни. Летом 1990-го «привычное» движение маятника их судеб резко изменилось, и родители ушли в восьмимесячный «загул». Этот период совпал с худшим периодом их супружеских отношений.

Отношения родителей как пары становились все плачевнее. Они сильно ухудшились за последние четыре года, в самый долгий период пребывания мамы вне клиники. В это время изменилось и мое отношение к маме. Я ловила себя на мысли, что желаю, чтобы ее снова забрали в больницу, чтобы она снова окончательно сошла с ума. Я хотела избавиться от негативной атмосферы, которая сложилась вокруг матери.

Это было лето перед тем, как мне исполнилось десять лет. После многочисленных громких ссор и споров, зачинщицей которых являлась главным образом мама, родители начали спать раздельно. Причиной раздоров явились мамины подозрения, что с папой что-то не то, что, возможно, он ей изменяет.

«Он виноват, – говорила мама. – Он что-то задумал».

После каждого нервного срыва матери и ее пребывания в клинике доктора заявляли, что она «окончательно излечилась». Тем не менее в последнее время у мамы появилось странное чувство, что с папой что-то не то, у нее возникали какие-то подозрения.

«Лиззи, у него определенный склад характера. Ты поймешь, о чем я говорю, когда подрастешь».

Мама во время болезни много чего себе придумывала. Однако и я начала задумываться, верить мне папе или нет. Я защищала папу перед мамой, но иногда задумывалась – чем он занимается во время своих долгих и не объясненных нам уходов из дома. Иногда я вспоминала один связанный с папой, смутно запомнившийся мне эпизод.

Мне тогда было шесть, а Лизе восемь лет. Мы вместе с папой шли

гулять в парк. По мере приближения к парку папа вдруг отпустил мою руку и подтолкнул в сторону Лизы. Я запомнила, что в этом действии было что-то необъяснимое и подозрительное.

«Иди с Лизой. Она отведет тебя к Мередит».

Мне показалось странным, почему сам папа передумал идти с нами в парк. Я потянулась к нему, но папа оттолкнул меня. Его руки тряслись.

«Пошли, – сказала Лиза. – Пойдем к Мередит, вот она, впереди».

На другой стороне улицы у начала тропинки, ведущей в парк, стояла девочка подросткового возраста, улыбалась и приветливо махала нам рукой. Помню, что у девочки были каштановые волосы.

Через несколько лет Лиза подтвердила, что это был реальный случай. Она сказала, что до того, как папа познакомился с мамой, у него родилась дочка – наша сестра по имени Мередит. Папа ушел из той семьи, когда Мередит было всего два года.

Я не могу припомнить ни одного случая, когда папа упомянул имя Мередит при маме. Мередит никогда нас не навещала. Иногда мне казалось, что я выдумала это воспоминание, в глубине души зная, что это не так. Иногда мы с Лизой говорили, что было бы неплохо встретиться с Мередит и познакомиться с ней поближе.

Папа очень много времени проводил вне дома, поэтому я могла только догадываться, чем он в это время занимается. Иногда папино поведение казалось мне загадочным.

Было ли поведение папы действительно таковым или нам только казалось, но мама была очень враждебно настроена по отношению к папе, за словом в карман не лезла, высказывала все, что думает, кричала и провоцировала. Папа воспринимал ее выходки спокойно и относился к ним с безразличием.

«Всему есть свои пределы, через какое-то время просто перестаешь обращать на это внимание», – говорил он мне.

Подобное отношение вызывало еще больше негатива со стороны мамы. Неудивительно, что они в конце концов перестали быть парой, и когда мама переселилась на диван, казалось, что она должна была сделать это значительно раньше.

С переездом мамы в гостиную пространство превратилось в настоящую помойку. Повсюду валялись окурки сигарет, спички, ключи, нижнее белье, старые журналы, тарелки с присохшими остатками еды и жужжащими над ними мухами. Днем мама спала, а папа был в городе. Я ходила на цыпочках, чтобы ее не разбудить, закрывала окно, чтобы на нее не дуло, и укутывала ее одеялом, чтобы она не простыла. Стоя у маминого

изголовья, я чувствовала запах пивного перегара из ее рта. Проснувшись, мама несколько раз в день бегала в магазин за гигантскими бутылками пива, которые она выпивала жадными глотками, и часто плакала.

Теперь мама с папой перестали «торчать» вместе. Папа мог читать, сидя около настольной лампы, и смеялся так громко, что было слышно в туалете. Он старался не конфликтовать с мамой, не пускать ее в спальню и не давать ей свои книги. Если в спальне было все необходимое – старые журналы аккуратно сложены в замысловатой, одному ему понятной последовательности, и у кровати стояла пустая бутылка из-под лимонада, чтобы не надо было выходить в туалет, папа мог часами не выходить из комнаты. Чтобы чувствовать себя спокойно, ему достаточно было знать, что он плотно закрутил крышечку на бутылке лимонада, и все ручки на газовой плите повернуты на «выкл».

Когда ссоры родителей становились слишком громкими, мы с Лизой запирались в своих комнатах, расположенных в противоположных концах квартиры. Лиза слушала музыку, я читала. Сидя за столом, я читала папины детективы, биографии и другие книги на совершенно разные и неожиданные темы. Скорость моего чтения увеличилась, и я заканчивала книгу за неделю. Это помогло мне успешно сдать все тесты в конце учебного года, несмотря на то что моя посещаемость школы была весьма sporadicческой. Я могла неделями не появляться в школе, но была в состоянии разобраться и понять любой литературный материал, который мне предлагали. После успешной сдачи экзаменов меня переводили в следующий класс, совершенно не задаваясь мыслью, выучила я что-нибудь в школе или нет.

Через некоторое время я начала искать развлечения, не связанные с чтением или школой. Мне надо было забыть то, что происходит у меня дома. Свои экспедиции и исследования района, в котором мы жили, я начала сразу после окончания первого класса. В июле 1987-го я познакомилась с братьями Риком и Дэнни. Хотя между ними было два года разницы, они были настолько похожи, что их часто принимали за близнецов. У обоих были прекрасные зубы, кожа цвета сладкой карамели и одинаковые прически. Я была на год младше Рика и на год старше Дэнни, отчего чувствовала себя словно их сестра, правда, без пуэрториканских корней.

Мы познакомились, когда братья прыгали на выброшенном на свалку матрасе на Университи-авеню. Они были грязными, почти дикими, как и я сама, и непохожими на моих ровесников из школы. Я поняла, что с ними мне будет легко завязать контакт.

– Можно мне попрыгать на вашем трамплине? – спросила я Рика, который скакал на матрасе.

– Пожалуйста, – ответил он и улыбнулся.

В тот день мы провели за игрой целый час. Разговорившись, мы поняли, что у нас много общего. У Дэнни в детском саду № 261 была та же воспитательница, что и у меня. Точно так же, как у меня, их любимой едой были макароны с сыром производства компании *Kraft*. Рiku прятки нравились больше, чем игра «Шумное море, замри!», и мы с ним родились в один день, только он был ровно на год старше меня.

В тот же день я оказалась в их вычищенной до блеска трехкомнатной квартире в окружении их родственников: старшего брата Джона, младшего Шона и мамы, которую тоже звали Лиз. Она приятно пахла специями и широко улыбалась мне, накладывая щедрые порции риса с бобами. Потом мы допоздна «рубились» с братьями в видеоигру. Я уснула, не раздеваясь, и кто-то заботливо накрыл меня одеялом.

На протяжении последующих трех лет я стала почти членом их семьи. Я постоянно оставалась у них ночевать, ела еду, приготовленную по латиноамериканским рецептам, ходила вместе с ними в зоопарк в Бронксе и была запечатлена на многих семейных фотографиях. Было бы любопытно узнать реакцию незнакомого человека или нового друга семьи Фернандез, который, рассматривая фотографии, видел, как я позирую во время причастия братьев или обнимаю их бабушку во время семейного пикника.

По снимкам было видно, как я расту и взрослею вместе с Риком, Дэнни, Джоном и Шоном. Моими любимыми фотографиями были те, которые снимали во время наших совместных с Риком дней рождений. Мама Рика просила написать кремом наши имена на торте. На фото видно, как мы с Риком задуваем свечки, а руки хлопающей в ладоши мамы Лиз размазаны и похожи на крылья колибри в полете – из-за низкой выдержки фотоаппарата.

Я очень любила их семью, но никогда не рассказывала им, что происходит в моей собственной. Рик, Дэнни и Лиз, конечно, спрашивали меня, но я не выдавала семейных секретов и каждый раз ловко меняла тему разговора.

Тогда я завязывала волосы резинкой в хвостик. Я знала, что вся грязная, поэтому, как только приходила к ним в квартиру, тут же шла в туалет и терла шею, с которой грязь скатывалась в катышки, и кожа становилась розовой, как у поросенка. Чтобы никто не почувствовал вонь моих грязных кед, я засовывала их в самый дальний угол квартиры, куда-нибудь поближе

к мусорному ведру на кухне. Спрятав улики, которые выделяли меня среди других детей, я могла расслабиться. Вернувшись домой, я никому не рассказывала, где и с кем проводила время.

Я инстинктивно чувствовала, что мне не стоит рассказывать маме с папой о Рике, Дэнни и их матери. Когда мама валялась в отрубе на диване, над ней кружились мухи, а сигаретные окурки плавали в пиве, как-то язык не поворачивался сказать, что я ходила на пикник или плавала в бассейне, купалась, загорала и ела домашнюю еду с семьей Рика и Дэнни. Сестре и папе такую информацию тоже не очень хотелось выдавать. Любая полученная вне дома радость казалась мне предательством. Я всегда что-то скрывала: дома и в квартире Рика и Дэнни, в школе – куда бы я ни пошла, я никому никогда полностью не открывалась. Чтобы не обращать на себя излишнее внимания в школе, быть дома «хорошей» дочерью и не испугать своих друзей, я была вынуждена это делать.

После того как мне исполнилось девять лет, мне все сильнее и сильнее хотелось быть на улице, на людях, потеряться в этом мире. Улицы и переулки Бронкса были заполнены людьми, белье ярко-фиолетового, зеленого и желтого цветов сохло на веревках и развевалось, как флаги. Я жаждала движения, и дружба с Рики и Дэнни, когда они были без родителей, давала мне возможность двигаться.

Втроем мы бродили по Бронксу до тех пор, пока не начинали гудеть ноги. Мы шли только ради того, чтобы понять, как далеко мы можем зайти, шли по Гранд-Конкорс, по Джером-авеню, под путями надземки четвертого маршрута до тех пор, пока рельсы не уходили в землю и надземка не становилась подземкой.

Мы на много километров уходили от Университи-авеню и доходили до стадиона команды «Янкиз». Там Бронкс заканчивался и начинался Манхэттен, и названия улиц становились незнакомыми, вместо домов из красного кирпича появлялись расположенные рядом с забитыми машинами трассами автомастерские. Здесь мы поворачивали назад и шли домой другой дорогой. Вечерело, улицы становились опасными, под фонарями появлялись компании с огромными и шумными магнитофонами. Мы были детьми улиц, нарушителями порядка, как нас бы называли обыватели. Мы делали все то, что делать не стоит, в особенности то, что опасно.

Однажды мы случайно подожгли сарай на территории дома престарелых. Сперва в квартире Рика и Дэнни мы смотрели передачу о спелеологах – исследователях пещер. На экране мужчины ползли по опасным туннелям и пещерам, а Лиз кормила нас бутербродами

с ветчиной и сыром и поила лимонадом.

«Вот это моим трем мушкетерам», – говорила Лиз, передавая бутерброды.

Потом в парке «Акведук» я придумала соорудить факел из толстой ветки, на один конец которой мы закрепили резинками пук бумаги. Я взяла у Рика зажигалку и подожгла конец нашего факела, сказав, что мы должны «исследовать» темный и непонятный сарай около дома престарелых, который в нашей игре заменял пещеру.

Мы залезли в сарай через дырку в стене, и я случайно подожгла деревянное сооружение. В главном здании дома престарелых незамедлительно сработала сигнализация. Я первой вылезла из сарая, а Дэнни заворуженно смотрел на огонь, стоя внутри.

– Йо, выходи, горит! – Я схватила его за рубашку и потянула. – Скорей убегай! – закричала я.

Опрометью мы бросились из сарая и спрятались за микроавтобусом. Из-за укрытия мы в ужасе наблюдали за тем, как пожарные тушили пламя, а небольшая группа престарелых в халатах следила за их работой.

– Наверное, они в бинго играли, когда начался пожар, – высказал предположение Рики.

Мы исследовали места под мостом на 207-й улице и гуляли вдоль путей северной ветки метро. Иногда мы клали рядом с рельсами камушки, которые сбивал проходящий поезд. Просто ради прикола и для того, чтобы доказать свою смелость мы, лавируя между автомобилями, перебежали через скоростную трассу Кросс-Бронкс. В магазинах нашего района мы воровали шоколадные батончики и выходили из магазина по одному, чтобы меньше привлекать к себе внимание. Я съедала три батончика за время, которое требовалось, чтобы пройти три квартала или пересечения улиц. Мы кидали камни в окна складов и с упоением слушали звук разбивающегося стекла. Смех сближал нас, а чем смелее были наши выходы, тем больше удовольствия мы от них получали.

Однажды в июле 1990-го мы за несколько часов собрали все лежащие перед входными дверьми в квартиры половички в домах на Гранд-авеню и выбросили их в шахту лифта. Мы все делали молча, поэтому нас никто не заметил.

Мы стояли на первом этаже в подъезде и думали, что бы такого еще наделать. Дэнни достал из кармана отвертку и начал вскрывать почтовые ящики. Я осмотрелась, увидела прислоненный к стене железный штырь для поднятия металлических жалюзи и протянула его Рiku, который вопросительно посмотрел на меня.

– Приколись, – сказала ему я и показала на небольшую коробочку, расположенную между открытыми дверьми лифта ближе к потолку.

– Точно, попробуй туда засунуть, – поддержал идею Дэнни, бросавший в воздух почтовые конверты.

Рик засунул конец штыря в металлическую коробку между дверьми лифта. Появилась яркая искра, и раздался треск. Рик отпрянул. Он поднял руку, и я увидела, что пальцы его руки почернели. Дэнни громко и истерично рассмеялся, и его смех поднялся вверх по лестничному пролету, а потом вернулся к нам в виде эхо. В воздухе запахло дымом.

– Ну, вот я и попробовал, – сказал немного ошарашенный разрядом тока Рик.

– Молодца, – рассмеялся Дэнни.

В отличие от братьев, я не должна была возвращаться домой к определенному времени, поэтому всегда уговаривала их поиграть подольше. Я не стремилась, чтобы у них были неприятности с матерью, просто я не хотела с ними расставаться. Иногда мы гуляли и играли почти до рассвета, когда серое небо начинало розоветь новым днем. Такие гуляния до первых петухов в Бронксе называют устойчивым выражением «переломить ночь».

После того как ребята возвращались домой, мне было нечем заняться. Я медленно брела к себе, вспоминая все, что мы успели сделать за день. Я входила в наш дом, а потом и в квартиру 2 в и думала о том, что мы будем делать сегодня. Может быть, у нас получится пробраться в кинотеатр и побыть там весь день или мы пойдем в зоопарк, в который по средам пускали бесплатно.

На улице воздух был сухим. По сравнению с ним в нашей квартире было очень влажно. Влажность и запах шли от забитой ванны. Папа называл содержимое забитой ванны «биомассой». Дома было совершенно темно за исключением свечения телевизора с приглушенным звуком. Если Лиза была в своей комнате, то она слушала музыку Дебби Гибсон. В маминой спальне виднелся только огонек ее сигареты. Она слушала свои грустные песни. Если звучала пластинка с записью песен горбатых китов, значит, мама уже прокрутила свою ночную порцию Джуди Коллинс.

– Привет, мам! – говорила я огоньку сигареты. Из комнаты раздавался глубокий вздох и слышался звук глотка из бутылки с пивом.

– Привет, Элизабет, – отвечала мама. Крик китов заглушал ее слова. Мое полное имя она использовала только при приближении приступа шизофрении, и поэтому я мгновенно напрягалась.

– Мам, у тебя все в порядке? – спрашивала я, на два шага входила

в комнату и рукой нащупывала матрас. Я садилась на край матраса, как можно ближе к двери.

– Даже не знаю, – отвечала она. – Элизабет, мне очень одиноко.

Огонек ее сигареты вспыхивал ярче.

– Где папа?

– Кто его знает, – отвечала мама.

– Вы снова поссорились?

– Твой папа не очень заботливый человек, Элизабет. Но подробнее об этом я расскажу тебе, когда подрастешь, – отвечала мама, размахивая в воздухе сигаретой.

– Расскажи мне про папу, – просила я.

– Нет, сейчас не буду. Ты его только защищаешь... Я очень одинока... А я так хочу, чтобы меня любили... Знаешь, быть любимым – это так важно, – отвечала она, слегка повысив голос, и делала глоток из бутылки.

Пластинка с криками огромных невидимых китов продолжала играть, наполняя комнату звуками глубокого океана.

Сердце начинало биться быстрее. Мне не нравилось, когда мама чувствовала себя покинутой. В этом было слишком много негатива и даже ненависть к окружающим. Налицо все признаки приближающегося нервного срыва.

Правда, непосредственно перед коллапсом мама полностью теряла понимание, кто она такая. В прошлый раз она перепутала счет за электричество с чеком на социальное пособие, решив, что она *Con Edison*, что на самом деле было названием компании, которая прислала счет. Тогда я совершила большую ошибку, назвав ее «мамой».

– Я не твоя мать, я Эдисон, мелкая ты сучка! – кричала мама. – И денег никаких ты от меня не получишь!

Чек социального пособия все это время лежал в кармане ее штанов, мама, соответственно, ничего не покупала, и холодильник был пуст. Когда нам с Лизой стало совсем неудобно ходить и попрошайничать у соседей, мы съели зубную пасту и помаду для потрескавшихся губ с синтетическим вкусом вишни.

Я знала, какую стадию болезни переживала мама. Она уже почти перестала говорить и скоро перестанет нас узнавать. Вскоре она вообще перестанет с нами общаться и начнет что-то бормотать про себя и разговаривать с людьми, которые, как ей кажется, находятся рядом. Нам придется подождать, пока она окончательно потеряет рассудок, тогда можно вызывать «Скорую» и ее увезут в психбольницу как человека, который полностью не отдает отчета в своих поступках. После этого мы

с Лизой, насколько в наших силах, приберемся в квартире, вынесем огромные пакеты мусора, распылим повсюду освежитель воздуха и плотно закроем дверь ванной. Папа позвонит в «Скорую» и в полицию, и маму снова увезут. Судя по ее настоящему поведению, жить нам осталось около месяца.

– Я тебя очень люблю, – говорила я маме заботливым тоном.

– Нет, Элизабет, меня должен любить мужчина. Понимаешь? Надеюсь, что всем это понятно? Мне нужна мужская любовь. – Она начинала плакать и повторять: – Мне нужна мужская любовь.

– Папа тебя любит, – говорила я, но она мне не отвечала. – Он тебя очень любит, – тихо шептала я уже скорее для себя, чем для нее.

* * *

Однажды днем в четверг я обувала кеды, чтобы выйти на улицу, когда неожиданно раздался стук в дверь. Я подумала, что это социальные работники, и с опаской стала красться к двери, чтобы тихонько посмотреть в глазок. К моему ужасу, мама, одетая только в грязную длинную майку, уже отпирала замки. Зная состояние квартиры – сигаретные окурки, прожженный ковер, гниющий мусор и грязную одежду, я запаниковала.

Дверь открылась, и мамапустила белого мужчину двадцати с небольшим лет, одетого в безукоризненный костюм. Это наверняка социальный работник, который обязательно упомянет состояние дома в своем отчете. Я оцепенела от ужаса.

Потом я схватила стул, смахнула с него полотенцем грязь и предложила ему сесть. Тут из своей комнаты вышла Лиза и, к моему величайшему изумлению, обратилась к мужчине по имени.

– Мэтт, я правильно ваше имя запомнила, не так ли? – спросила Лиза. Неужто сама Лиза вызвала социальную службу?

– А вы Лиза? – спросил молодой человек слегка удивленным голосом.

– Да, – ответила Лиза. – Давайте в гостиной сядем, там есть журнальный столик.

Удивленная таким началом разговора, я на всякий случай побежала в свою комнату, чтобы накинуть рубашку с длинными рукавами. Как-то раз один социальный работник заявил, что я слишком худая, и грозился по этой причине перевести меня в приемную семью. Лиза села на диван прямо на мамины джинсы и заложила пряди своих длинных волос за уши. Я выбрала место рядом с социальным работником. Входная дверь открылась, и из магазина появился папа.

Насвистывая, папа вошел в комнату. Увидев незнакомого человека,

который искал чистое место для того, чтобы поставить свой атташе-кейс, папа резко остановился. Я надеялась, что молодой человек не заметит ползущего рядом с его ботинком таракана. Настроение папы резко ухудшилось.

– Здрасьте, – произнес папа не самым дружелюбным тоном.

– День добрый! Меня зовут Мэтт, – произнес молодой человек и протянул папе руку.

Тон Мэтта был слишком вежливым, здесь явно что-то было не так. Они пожали друг другу руки, и по выражению папиного лица я поняла, что все это не осталось без его внимания. Я убрала несколько стоявших на журнальном столике тарелок, но Мэтт уже положил свой кейс на колени.

Мама не вовремя решила слишком широко расставить ноги, забыв, что она всего лишь в майке. Папа предостерегающе посмотрел на меня и сел на стул прямо напротив. Я неожиданно осознала, что мы впервые за долгое время сидим за одним столом всей семьей. В молчании мы смотрели на Мэтта.

– Ну что ж, – начал Мэтт и окинул взглядом окружающую его обстановку: частично сломанные жалюзи, переполненные пакеты с мусором и бегущих тараканов. Он расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и прокашлялся. – Меня попросили прийти к вам и рассказать о возможностях, которые дает «Британская энциклопедия».

Я поняла, что он не социальный работник, и у меня как камень с шеи свалился. Однако мгновенно напрягся папа.

– Простите. – Он приподнял бровь и наклонился поближе к Мэтту. – Откуда вы к нам пришли?

Папа чувствовал подвох.

Тут я вспомнила один эпизод, который произошел недели за три до этого. Мы с Лизой смотрели телевизор и увидели в рекламном блоке анонс «Британской энциклопедии». Мальчик с девочкой делали домашнюю работу и периодически сталкивались с разными сложностями. Они спрашивали своих родителей – такую современную занятую пару, которая на все вопросы детей неизменно отвечала: «Дорогие, посмотрите это в словаре». Дети открывали том «Британской энциклопедии» и потом получали одни пятерки. Рекламный спот заканчивался идиллической картинкой семьи, собравшейся у зажженного камина вокруг журнального столика – гораздо более чистого, чем наш.

Лиза внимательно следила за рекламой. Когда голос за кадром сообщил, что компания готова провести презентацию энциклопедии

на дому и выдать в подарок два тома энциклопедии, Лиза схватила ручку и записала телефонный номер. Мне и в голову не могло прийти, что она им позвонит.

– Вот, пожалуйста, – сказал Мэтт. – Ознакомьтесь с брошюрами нашей компании.

Он вынул из кейса кипу рекламных материалов, облизнул пересохшие от волнения губы и поправил галстук.

– Принести вам стакан воды? – спросила я, желая показать, что хоть кто-то в нашей семье является нормальным.

– Нет, спасибо, – ответил Мэтт, даже не посмотрев в мою сторону. – Будьте любезны, – произнес он и раздал нам брошюры.

Не дождавшись своей очереди, мама нетерпеливо выхватила брошюру из его рук. Мэтт слегка подпрыгнул от удивления и продолжил раздавать материалы.

Я потела от смущения. Мэтт тоже явно потел. Он откашливался через каждые два слова – видимо из-за удушающего запаха из ванной. Лиза надела очки, чтобы прочитать содержание брошюры. Мне было непонятно, удобно ли она себя чувствует в этой ситуации или не очень.

– Преимущества, которые вы... хм... получаете от того, что у вас дома есть... хм... справочный материал самого известного... хм... издательства в мире, поистине огромны, – вещал Мэтт.

Папа сжал брошюрку в кулаке так, что костяшки побелели, и произнес: «Это понятно», чтобы ускорить презентацию.

Перед лицом Мэтта зажужжала пара мух, и, делая вид, что он открывает брошюру, он от них отмахнулся. В этот момент мама сказала свое веское слово:

– И вы думаете, что можете вот так врывать в чужие дома, и все это вам сойдет с рук? – спросила она Мэтта.

– Простите, мэм, я вас не совсем понял.

– Пожалуйста, не обращайтесь внимания и заканчивайте, то есть, я хотела сказать, продолжайте, – быстро сказала я.

Мама уставилась на Мэтта.

– Мама, – сказала Лиза, подняв голову от брошюры. – Я попросила Мэтта прийти, поэтому он здесь.

Мама продолжала пристально смотреть на Мэтта.

Вне зависимости от психического состояния матери Лиза всегда обращалась к ней так, будто все в полном порядке. Я не знаю, какой реакции мамы ожидала Лиза, но после неадекватных действий моя сестра расстраивалась. Мне поведение Лизы казалось нерациональным. Очевидно,

что мама была не в своем уме, но нельзя утверждать, что и Лиза вела себя совершенно здраво. От этого мне казалось, что у меня не старшая сестра, а младшая.

— А сколько все это стоит? — поинтересовалась Лиза у Мэтта, который начал ерзать под пристальным взглядом мамы.

— Ну, наша компания предлагает целый ряд способов оплаты и рассрочку...

Папа снова скрестил руки на груди и прервал Мэтта вопросом:

— Скажите, сэр, а предлагаемый вами набор энциклопедий точно такой же, какой имеется в библиотеке?

Папа часто вел себя так, словно окружающие пытаются его надуть, но он это прекрасно понимает.

— Иметь свой собственный набор энциклопедий — это, так сказать, совершенно другая история, — начал Мэтт и потом повернулся к Лизе: — В качестве ответа на ваш вопрос, мэм, хочу сказать, что наша компания предлагает рассрочку платежей, которая позволяет практически каждой семье...

Мама начисто забыла о присутствии Мэтта и глубоко засунула указательный палец себе в нос. Мэтт стойко делал вид, что этого не замечает, хотя нахмурился, когда мама вытерла сопли о подлокотник софы. Я хотела поддержать и подбодрить Мэтта, показать ему, что понимаю, как весь этот цирк выглядит со стороны, но тот лишь изредка бросал в мою сторону взгляд.

— Скажите, — спросила Лиза, — а как быть в ситуации, когда нас интересуют отдельные книги? Допустим, о президентах или о войнах?

Я не могла понять, чем думала Лиза, когда задавала этот вопрос. Какое значение имеют детали какой-нибудь забытой военной кампании или название города, в котором родился Авраам Линкольн, когда мы могли много дней подряд ничего не есть? Мэтт объяснял способы оплаты и разные виды рассрочек, хотя, судя по всему, понимал, что мы не в состоянии себе это позволить. Лиза кивала, мама рассматривала свои сопли, а папа ерзал на стуле. Я надеялась, что Лиза поняла, какую ошибку она совершила, вызвав этого несчастного к нам домой.

Я не уверена, кто вздохнул с большим облегчением после окончания этого позорища: Мэтт или я. Когда на протяжении последующих почти четырех месяцев пребывания мамы в психбольнице по телевизору показывали рекламу «Британской энциклопедии», папа демонстративно складывал на груди руки и показывал глазами на Лизу. Я каждый раз вспоминала позор, который мне пришлось пережить во время первого

и последнего визита гостя в наш дом.

Обещанные за визит два бесплатных тома энциклопедии нам так и не прислали. Лиза была этим очень расстроена.

* * *

Через пять дней после визита продавца «Британской энциклопедии» маму в очередной раз забрали в психлечебницу. Чек на социальное пособие мы еще не получили. Я была жутко голодна и безрезультатно искала на кухонных полках хоть что-нибудь съедобное. Когда голод стал нестерпимым и меня начало от него трясти, я решила: необходимо что-то предпринять. Я вспомнила знакомого Рика и Дэнни по имени Кевин. Хотя он был ненамного старше меня, у него всегда были деньги, и он постоянно хвастался тем, что знает, как их заработать.

Было десять часов утра. Днем Кевина на улицах не было, поэтому я вместе с Риком и Дэнни пошла в район пересечения Фордхэм-роуд и Университи-авеню, где могла его найти. Кевин стоял на остановке автобуса № 12 перед Акведук-парком, в месте, которое в народе называлось «Улица мертвых кошек». Парни из района Гранд-авеню спускали здесь своих бультерьеров на уличных кошек, после чего в воскресенье утром здесь можно было увидеть много окровавленных кошачьих трупов. Я не любила это место, потому что у меня не вызывал радости вид окровавленного кошачьего меха на асфальте.

Мы перешли на противоположную сторону Университи-авеню, а потом на Фордхэм. Кевин заглянул в заднюю дверь подошедшего автобуса, но не сел в него. Водитель что-то прокричал ему вслед, однако Кевин проигнорировал тираду водителя. Казалось, он совершенно не удивился, когда заметил нас. Со скучающим выражением лица он смотрел так, словно ожидал нашего появления. Рик нас представил:

– Йо, Кевин, эта наша подруга Элизабет. Слышь, расскажи нам о своей работе.

– Хотите заработать? – спросил с улыбкой Кевин.

Рики с Дэнни ответили неопределенным жестом – наполовину кивком, наполовину пожиманием плечами.

– Да, – ответила я прямо и без колебаний и сделала к нему шаг. – Я хочу. Ты покажешь, где я могу заработать? – Я чувствовала жжение желудочного сока в пустом животе. – Я готова работать где угодно. Лучше всего прямо сейчас.

Кевин показал нам, как надо запрыгивать на автобус без билета. Мы встали чуть в отдалении от остановки, чтобы не привлекать излишнего

внимания водителя. Как только пассажиры начали выходить из подошедшего автобуса и закрыли нас от водителя, мы вбежали внутрь через заднюю дверь. Кевин сообщил, что мы едем на автозаправку, расположенную рядом с зоопарком в Бронксе, там, где Фордхэм-роуд вливается в автостраду. Там система самообслуживания, и мы можем заправлять машины и получать за это чаевые.

В автобусе Кевин рассказывал нам о секретах своего ремесла, а я кивала и слушала. Когда я поняла, что его «работа» не является официальной, у меня появились некоторые сомнения. Тем не менее я их не высказывала, а внимательно слушала его советы.

– Надо стоять с тупым лицом. Выражение на лице должно быть такое, словно ты и мысли не допускаешь, что они не дадут тебе на чай. Клиенты обязательно что-нибудь подкинут, в особенности если им помогла белая девчонка. И вы, парни, обязательно что-нибудь получите. Не волнуйтесь, мы все заработаем. Надо просто хватать «пистолет» и не слушать их, если они начнут протестовать.

Все произошло так, как рассказывал Кевин. Сперва мне надо было понять, как вставлять «пистолет» в бензобак и при этом не проливать бензин на асфальт, но через пару часов практики я делала все, как профессиональный работник заправки. К вечеру я заработала более тридцати долларов.

Служащие заправки иногда вылезали из своей будки и отгоняли нас. Они кричали, что нам нельзя находиться на территории, и грозились вызвать полицию. Но мы бежали быстрее, чем они, к тому же, как выяснилось, только один человек имел право выйти из будки, а другой должен был оставаться внутри. Они не могли нас поймать, потому что мы внимательно следили за их действиями и разбегались в разные стороны, когда один из них выходил наружу. Не проходило и пяти минут после того, как нас прогоняли, как мы снова возвращались на свои «рабочие места». Я обратила внимание, что Кевин показывал им средний палец, когда замечал, что они смотрят на него из будки.

Мне надо было найти общий язык с «клиентами». Сперва я говорила так тихо и неуверенно, что водители не понимали, что я от них хочу. «Что тебе надо?» – спрашивали они. Иногда они просто игнорировали мой вопрос. Потом я набралась храбрости и стала громко и четко предлагать: «Давайте я вас заправлю!» Некоторые отказывались. Потом я поняла, что надо вести себя уверенно. Я начала смело брать «пистолет» и с вежливой улыбкой говорить: «Я вас заправлю». Такой подход давал практически гарантированный результат.

Было приятно зарабатывать деньги, и я осталась на заправке после того, как Кевин, Рик и Дэнни разошлись по домам. Я сделала короткий перерыв и купила «хеппи мил» в соседнем *McDonald's*. Я проглотила свой чизбургер на ходу, возвращаясь к заправке, и облизала пальцы – мне показалось, что ничего вкуснее я никогда в жизни не ела. Голод прошел, и я осталась там до заката, когда небо стало темнеть и от вечернего холода по телу пошли мурашки. Потом я на автобусе поехала домой. По дороге я вспоминала уходящий день и размышляла о возможностях, которые дает мне заработок. Я была на седьмом небе от счастья.

Я поняла, почему Кевин позволил нам работать вместе с ним: когда нас несколько человек, то работникам заправки сложно кого-либо поймать. Так как мы следили за движениями работников, Кевин работал весь день без перерыва и хорошо заработал. Мы с Кевином были вместе один день, и больше я с ним уже не виделась.

Наша короткая встреча помогла мне понять, что я в состоянии изменить к лучшему ситуацию, в которой нахожусь. Кевин показал мне, что безденежье – ситуация, которую многие воспринимали как что-то окончательное и бесповоротное, может оказаться всего лишь временной. Все можно изменить. Интересно, какие новые возможности ждут меня впереди?

На Фордхэм-роуд ярко горели витрины магазинов. Из окна автобуса я видела людей, которые выходят с пакетами покупок. Я подумала, что много раз проезжала с мамой в автобусе мимо бензоколонки, на которой сегодня работала, и даже не подозревала, что могу заработать на ней денег.

Я проезжала мимо магазинов и думала, какие перспективы они мне могут сулить. Может быть, в этих магазинах работают люди, которые меня наймут. Я понимала, что в мои девять лет никто не может нанять меня официально, но, может быть, мне предложат убратся или подмести пол за какие-нибудь минимальные деньги? Может быть, я смогу решить ситуацию с продуктами, даже когда заканчиваются деньги социального пособия. Наверняка среди всех этих многочисленных магазинов найдется один, в котором мне предложат работу.

Я откинулась на сиденье. Мелочь оттягивала карманы, и денег в них должно было хватить на китайскую еду для папы, Лизы и меня. Прислонившись головой к стеклу, я задремала. Я была рада, что могу изменить ситуацию, в которой находится моя семья.

* * *

На следующее утро я спрятала оставшиеся от вчерашней работы двадцать долларов в моей комнате и пошла по Фордхэм-роуд в поисках работы. Я понимала, что в условиях, когда сотрудники заправки будут меня гонять, я не смогу рассчитывать на эту работу на сто процентов. Мне нужно было найти что-то постоянное, на что я могла положиться и в чем я могла бы быть уверена. Я заходила в магазины и просила переговорить с кем-нибудь из сотрудников, но никто не воспринимал меня всерьез.

«Тебе нужна работа? Тебе нужен другой сотрудник или тебе нужна работа?» – спрашивали меня. Я старалась максимально четко им сказать: «Да, мне нужна работа. Может быть, вам нужно просто подмести пол». Но куда бы я ни заходила, реакция была одинаковой и никто не хотел воспринимать меня всерьез. Некоторые даже смеялись надо мной.

«Послушай, для того, чтобы работать, тебе должно быть, по крайней мере, четырнадцать лет. А тебе сколько? Десять?» – спросила одна женщина с толстой золотой цепью на шее, погладила меня по голове и улыбнулась. Остальные сотрудники магазина громко засмеялись. Я вышла из магазина смущенная и расстроенная. Я не сомневалась, что могу работать, если мне разрешат это делать. Однако чем чаще я слышала отказы, тем сложнее мне было найти в себе силы, чтобы снова задать этот вопрос в следующем магазине. Я почувствовала неуверенность. Я осознавала, что мои волосы немытые, кеды старые, а под ногтями грязь. Возбуждение и решимость, которые я испытывала вчера, исчезли, как утренняя роса с восходом солнца.

Я прошла практически всю улицу Фордхэм, дошла до конца торгового района и оказалась рядом с заправкой, на которой работала вчера. Я не планировала здесь очутиться. Рик и Дэнни сказали мне, что заработали вполне достаточно и в ближайшее время не будут работать. «Что ж, – подумала я. – Раз я уже здесь, то, может быть, вернусь домой с деньгами».

Я решила, что поработаю в первой половине дня до обеда, а потом направлюсь в район Гранд-Конкорс, в котором было много магазинов, и попробую предложить свои услуги там.

Первые два часа работы на заправке прошли хорошо, хотя я постоянно озиралась в ожидании появления работников. В это время было очень много автомобилей с семьями внутри. В машинах плакали малыши, дети моего возраста с любопытством на меня поглядывали, взрослые считали деньги. Из окон пахло описанными памперсами и фастфудом.

Мои карманы наполнялись мелочью, которая колотила мне по ногам,

когда я перебегала от одной колонки к другой. Потеря покупателя – это потеря дохода. Я подумала, что теперь могу позволить себе купить в *McDonald's* все, что угодно. Более того, я могу себе позволить купить билет на автобус и уехать, если мне очень захочется. Я поняла, что пока работаю, не обязана быть там, где мне не нравится. У меня есть выбор. Ко мне вернулось вчерашнее возбуждение. Я не замечала течения времени.

К часу дня я заработала почти столько же, сколько за весь вчерашний день. Три раза мне приходилось убегать от работников заправки. После последнего раза я решила, что на сегодня с меня хватит. В третий раз сотрудник заправки ухватил меня за майку. Он кричал, что меня арестует полиция, и тащил внутрь помещения заправки. Я вырвалась и убежала.

У подножия холма я присела на скамейку, чтобы отдышаться и посчитать деньги. В карманах оказалось двадцать шесть долларов. Я обгорела на солнце, и моя кожа стала розовой. Я решила продолжить поиски работы и пошла по Гранд-Конкорс. Майка намокла под мышками и на спине, и каждый раз, когда я заходила в магазин с кондиционером, мне становилось нестерпимо холодно.

Время шло, но и на Конкорс удача мне никак не улыбалась. Как и утром, никто не воспринимал меня всерьез, и я решила возвращаться домой. По дороге я обдумывала, где еще стоит попытать удачу – на Кингсбридж-авеню или через мост на Дикмане.

Поблизости от нашего дома я зашла в супермаркет *Met Food*. Я решила украсть что-нибудь съестное. По опыту я знала, что это у меня получится. Я остановила свой выбор на стейке и упаковке масла. Конечно, я могла купить все это на заработанные деньги, но пока я не была уверена, что это постоянный доход, решила тратить по минимуму. Пока можно продолжать воровать, как я неоднократно делала с Риком и Дэнни. Я была уверена, что меня не поймают.

Под конец дня в магазине толпилась масса людей, и я не сомневалась, что смогу выйти незамеченной. Покупатели стояли в кассы длинными извивающимися очередями, а между ними протискивались работники мясного отдела в белых, испачканных кровью халатах и несли на плечах ящики с мясом. Я знала, что поимкой воров в магазинах занимаются менеджер и его заместитель, поэтому начала искать их глазами в толпе. Однако вместо них я увидела то, что привлекло мое внимание. Несколько ребят чуть постарше меня в обычной одежде стояли за кассами и упаковывали приобретенные покупателями товары за чаевые.

В общей сложности я насчитала четырех упаковщиков. Это были черные или латиноамериканские мальчишки, рядом с которыми стояли

небольшие контейнеры, в которых покупатели оставляли им чаевые. Мне тут же захотелось найти пустой контейнер и встать за кассой, но я решила остановиться в отделе «Хлеб» и посмотреть, как ребята работают, чтобы научиться. Мальчики использовали отдельный пакет для хлеба или яиц. Тяжелые предметы они распределяли с покупками среднего и легкого веса. Улыбка и несколько вежливых фраз почти всегда заканчивались чаевыми. Я сделала глубокий вздох и со смешанным чувством страха и возбуждения подошла к кассе.

Кассирами в магазине работали молодые латиноамериканки в плотно обтягивающей одежде, в синих фартучках и с залаченными прическами. Я заняла место за одной из кассирш, которая мне мило улыбнулась. Мы не сказали друг другу ни слова, но я поняла, что она совершенно не против моего появления. Я оторвала от стопки пластиковый пакет, и кассирша незамедлительно стала отправлять мне пробитый на кассе товар. На меня посыпались пластиковые упаковки нарезки, торт, жестяные банки с супами и бутылка с лекарством от расстройства желудка. Высокий, средних лет мужчина смотрел, как пробивают его товар, через толстые линзы очков. Он не возражал против того, что я упаковываю его покупки.

«У коробок острые углы, их надо класть в два пакета. Колбасу и мясо надо положить сверху, так они не подавятся. И не больше двух бутылок воды в каждый пакет», — думала я.

Я закончила упаковывать товары до того, как покупатель успел расплатиться, и была горда своим достижением. Глядя мужчине прямо в глаза, я передала ему пакет. Однако мужчина совершенно не обратил на меня внимания, взял покупки и пошел к выходу. Я ожидала, что он поймет свою ошибку и вернется, но он продолжал идти. Тут я вспомнила, что у каждого упаковщика есть свой контейнер для чаевых.

Раздался голос менеджера: «Внимание всех покупателей! Магазин закрывается через десять минут. Спасибо, что вы делаете покупки в нашем магазине. Хорошего вам вечера!» Под лентой кассы я нашла небольшую пустую пластиковую площадку, бросила в нее несколько монет из кармана и поставила рядом с собой.

В поле зрения появилась огромных размеров женщина в платье с цветочками. За ней следовали ее дети, толкавшие три доверху наполненные тележки с продуктами. Глядя на количество покупок, могло показаться, что они провели в супермаркете целый день. Увидев движущуюся на меня гору еды, я слегка запаниковала. Трое детей разгружали тележки быстрее, чем я успевала упаковывать товар. Их мать размахивала, как веером, кучей купонов:

– Повнимательнее, мисс, я не хочу переплачивать! – Кассирша, занятая своей работой, на нее даже и не взглянула. – Вот так-то, – продолжала дама. – Я вас предупредила. – Один из трех детей начал спорить с другим. Дама повернулась к своим чадам и наградила одного из них подзатыльником, который раз и навсегда закончил спор. – Выкладывайте товар из тележки и ведите себя прилично! – рявкнула она. Я внутренне напряглась, потому что совершенно не была уверена, что я получу от нее что-то на чай.

Дама снова обратила свой взор на проезжающие по конвейеру покупки: двухлитровые бутылки колы, чипсы, куски мяса и пудинги, которые, пройдя руки кассирши, ударялись о дальнюю стенку лотка, куда попадали все товары. Я работала максимально быстро и не смотрела на покупательницу.

«Мясо к мясу, хлопья к хлебу. Галлоновые бутылки молока в отдельный двойной пакет», – проносилось в моем мозгу.

Я закончила упаковку товаров, когда кассирша все еще разбиралась с купонами покупательницы. Глядя на набитые пакеты, я ощутила прилив гордости. Все пакеты весили приблизительно одинаково, товар был разложен аккуратно – так, чтобы пакет не разорвался и его было удобно нести. Я стояла и ждала.

Тут из ближайшего пакета я увидела кончик упаковки готового ланча;

из-за прозрачного пластика на меня смотрели кусочки вареной колбасы, сыра и крекеры. Я ощутила вкус сыра с колбасой и поняла, как голодна. Я смотрела на еду как замороженная. Во рту моментально собралась слюна. Магазин уже закрывался, несколько кассиров закончили работу и пересчитывали выручку. Входная дверь уже работала только на выход, и я поняла, что опоздала с покупкой или воровством еды.

Я наклонилась и сделала вид, что завязываю шнурки. Никто не меня не смотрел: кассирша разговаривала с другой сотрудницей магазина, а покупательница ковырялась в своих купонах. Я быстрым движением схватила упаковку ланча, и засунула ее под конвейерную ленту, туда, где недавно нашла контейнер для чаевых. Я распрямилась и глупо улыбнулась. Мое сердце громко стучало.

– Дети, пошли! – закричала дама, засовывая в сумочку кассовый чек. – И ни у каких автоматов мы не останавливаемся! Даже не просите! – Я передавала ей сразу по два пакета с продуктами, а она, в свою очередь, вручала их детям. Когда я услышала ее голос, думала, что провалюсь под землю от стыда. – Какая у тебя хорошая улыбка! – сказала покупательница, нежно глядя на меня. – Из-за чувства вины я так и не смогла посмотреть ей в глаза. – Вот, дорогая, держи, – произнесла дама и положила мне в руку долларовую бумажку.

Я натянуто улыбнулась и сказала:

– Спасибо, мэм.

– Какая замечательная улыбка! – повторила покупательница и уже своим детям закричала: – Все, уходим!

Она ринулась к автоматически открывающимся дверям, и за ней следом, нагруженные покупками, семенили ее чада. Последний, самый маленький, шел вразвалочку, как пингвин.

Я засунула доллар в карман и дождалась, пока дама с детьми выйдет из магазина, чтобы засунуть упаковку ланча в пластиковый пакет. К этому времени все покупатели ушли, и в магазине остались одни кассиры.

Я схватила пакет и выскочила из магазина. Я шла гораздо быстрее, чем это было необходимо, и постоянно оглядывалась через плечо. За пару перекрестков до дома я вскрыла упаковку и засунула в рот крекеры с сыром и колбасой. Я проглотила еду, как голодный волк.

* * *

Я звонила в комнату отдыха психиатрического отделения больницы Норт-Сентрал в Бронксе. Прижатая к уху трубка стала горячей, а длинные гудки слились в один, нескончаемо длинный. Я набирала семь цифр

номера на дисковом телефоне, слышала щелчки отсчета цифр, потом щелчок соединения и длинный гудок. В этом было что-то успокаивающее. Рядом со мной папа смотрел телевикторину и бил себя по колену, когда давал правильный ответ.

Я уронила трубку на стол и начала придремывать от однообразия длинных гудков. Во сне мне казалось, что ставшая с палец ростом мама кричит мне издали: «Лиззи, Лиззи, это ты?» Я проснулась и поняла, что действительно слышу ее по телефону. Я схватила трубку:

– Мама?

– Лиззи, ну я так и думала, что это ты. У нас опять было чертовое рукоделие. Я тебе чашку сделала. Немного кривоватая, но, думаю, сойдет.

– Вы там керамикой занимаетесь? Ты научилась делать чашки? – спросила я. – Как твоё самочувствие?

– Лучше. На самом деле мне довольно плохо... Вот бы «чек» сюда, хоть самый маленький... Давненько я ничего не употребляла. Здесь не сестры, а сплошное гестапо. Никто сигареты не даст. Так что чувствую себя неважно.

Мама жаловалась, что медперсонал постоянно запрещает ей курить за «плохое поведение», то есть за то, что она ругается и опаздывает на групповые занятия.

– Я здесь, как в тюрьме, – жаловалась мама. – Они не представляют, как хочется курить. Они же сами не курят.

– Понимаю, мам.

Мамины наказания в психбольнице были для нас щекотливой темой. Медперсонал знал нас с Лизой по именам, они расспрашивали о школе, выпавших молочных зубах и помнили наши дни рождения. Тем не менее я настороженно относилась к их теплоте. Мне не нравился их интерес к моей персоне, а также власть, которую они имели над матерью. Я делала вид, что не замечаю оценки за мамино поведение, которые были написаны на доске, и что они говорили с ней тоном, которым люди обычно выговаривают своим детям.

Я отворачивалась, чтобы не смотреть, как мама стояла, как полагается, на три метра сзади санитаров, нервно притопывая ногой в больничных тапках, одетая, как клоун, в полинявшие свитера с чужого плеча. Я не любила смотреть, как для того, чтобы ее куда-либо вывести, надо было открыть уйму дверей. У меня были сложные отношения с людьми, которые держали маму под замком, мне казалось некорректным дружески общаться с ними, не принижая при этом маму. Поэтому во время визитов в больницу я смотрела в пол, отходила в сторону и общалась с мамой

только шепотом.

Гораздо проще было смотреть на остальных пациентов больницы: на потного китайца, который медленно засовывал себе в штаны шашки, на престарелую даму с поджатыми губами, выступавшую по коридору, словно модель по подиуму, или на человека, который буравил взглядом стену, а из его рта текла слюна. Я не знала, с какой планеты прилетели они, но была уверена в том, что маме после всех медицинских препаратов через месяц или два станет гораздо лучше. В отличие от них, с лечением ее болезнь уходила. Я сравнивала маму с другими пациентами и была рада, во-первых, что есть те, положение которых гораздо хуже, чем у мамы, и, во-вторых, что она рано или поздно отсюда выйдет.

– Слушай, мам, когда тебя выпишут, мы пойдем в *McDonald's*.

Я еще не рассказала маме о моей новой работе.

– Конечно, сходим.

– Нет, я не прошу тебя сводить меня в *McDonald's*. Я тебя сама туда свожу, я теперь там работаю.

– Ух, ты! Да ладно?! Я сама ребенком работала на ферме. Меня поместили в приемную семью фермеров на шесть месяцев.

Я слышала по голосу, что она стала совершенно вменяемой.

– Мы доили коров. Совершенно омерзительное занятие. Но еда была гораздо лучше той, которую покупаешь в магазине. Мы на самом деле не знаем, сколько лет пролежали в банке консервированные бобы.

– Так тебя скоро выпишут? Я чувствую, что тебя скоро должны выписать. По голосу слышу.

– Скоро. Доктор говорит, во вторник.

– Правда?

– Конечно, дорогая.

– Значит, получается, на этой неделе?

– Да, Лиззи. Я тебя люблю, дорогая. Дай, пожалуйста, папу.

– Даю, я тоже тебя очень люблю.

Папа брал трубку и глубоко в нее вздыхал. Не отрывая глаз от телевизора, он говорил: «Привет, Джин», и потом с паузами: «Не волнуйся... Да... Ага...»

Пока они говорили, я зашла в Лизину комнату. Лиза сидела на кровати и при моем появлении тут же закрыла грудь одеялом. Она была без майки. Я остановилась.

– Ой, извини.

– Лиззи, ты разве не видишь, что я одеваюсь? – с раздражением спросила она.

На тумбочке рядом с кроватью лежал пустой пакет с разноцветными буквами.

– Извини. С мамой говорила. Уже выхожу.

– Я через минуту, – сказала сестра, не глядя мне в глаза. – Дверь за собой закрой.

– Хорошо, – ответила я и задом вышла из комнаты.

Я хлопнула дверью так, чтобы она не закрылась полностью, а оставила щелочку. Издалека раздавалось папино «даканье» на мамины высказывания. Я на несколько шагов отошла от двери в Лизину комнату, но не ушла, а решила понаблюдать.

Сестра опустила одеяло, и на ее груди я увидела розовый бюстгальтер. Я ужасно удивилась. Лиза ни словом не обмолвилась про бюстгальтер. Правда, недавно я видела, как она искала за диваном монеты, а потом пересчитывала долларовые бумажки, которые ей удалось сэкономить. У мамы был всего лишь один грязный бюстгальтер. Я особо и не думала, что нам с Лизой в один прекрасный день придется приобрести себе что-то подобное.

Лиза стянула две чаши бюстгальтера и попыталась вставить крючок в петлю посередине. Для того, чтобы ей не мешали волосы, она заколола их заколкой. Два раза Лиза пыталась соединить половинки бюстгальтера, и оба раза у нее ничего не получилось. Наконец ей удалось застегнуть бюстгальтер. Мне было непривычно видеть ее голой. Мы перестали принимать вместе ванну, когда мне было три, а ей пять лет. Мне было любопытно посмотреть, как устроен бюстгальтер. «Лиза становится женщиной», – подумала я и почувствовала себя обманутой и покинутой. Первый раз это чувство я испытала, когда увидела у Лизы в спальне упаковку тампонов. Если бы мы были ближе, мы бы разговаривали чаще, а не десять раз в месяц. Тогда, возможно, Лиза делилась бы со мной своими секретами.

Если судить по моему собственному поведению, одежде и телу, то можно было сказать, что я мальчик. Я любила лазать по деревьям и играть с мальчишками, поэтому меня часто звали «девчонкой-сорванцом». Мне не очень было по душе это определение. Да, мне нравилась физическая активность, но это еще недостаточный повод для того, чтобы называть меня мальчиком. Но меня точно так же не привлекали и чопорные девочки, которые красиво сидели, почти не двигаясь, и сплетничали. Получается, что я не чувствовала себя ни мужчиной, ни женщиной. Мне казалось, что я аутсайдер. После того как Лиза прогнала меня, мне стало грустно и одиноко.

Лиза сняла бюстгальтер и надела майку. Она достала вешалку и аккуратно повесила бюстгальтер в шкаф. На стенах ее комнаты висели плакаты из журналов для подростков с ретушированными фотографиями поп-идолов. Лиза взяла осколок зеркала и накрасила губы розовым блеском.

Прислонившись к стене, я взглянула на собственную грудь, которая была такой же плоской, как у Рика или Дэнни. Я была одета в майку с изображением черепашек ниндзя и высокие черные кеды. В моих волосах были колтуны. А Лиза в своей комнате оценила эффект розового блеска в осколке зеркала, улыбнулась своему отражению и похлопала ресницами.

Я протянула руку, чтобы открыть дверь ее комнаты, но поняла, что мне совершенно нечего ей сказать. Я постояла еще немного, глядя на свою старшую сестру, развернулась и ушла.

* * *

Я проснулась от громкого удара входной двери. Я открыла глаза и увидела, что расстроенная мама с заплаканными глазами вбегает в квартиру. Она бросила Лизино зимнее пальто на кресло и упала на кровать. Я встала, выключила телевизор и спросила, что случилось.

Мама погасила свет в своей спальне и разрыдалась. Она не замечала моего присутствия.

– Что случилось, мам?

– Лиззи? – переспросила та удивленным тоном, словно не ожидала моего присутствия в квартире. – Ничего, дорогая... Просто неудачный вечер. – Она скинула с ног туфли. – Я думала... что смогу поменять у него Лизино пальто на «чек».

Она разрыдалась еще сильнее. Я всегда чувствовала страшное бессилие от того, что не могу помочь маме, когда она так расстроена.

Она говорила про местного наркодельца, у которого хотела поменять Лизино пальто на «чек» с кокаином. Мама периодически пыталась получить наркотики за самые разные вещи. Когда у нее не было денег, она находила дома предметы сомнительной ценности для обмена на наркотики и появлялась в квартирах местных дилеров – жестоких, вооруженных и сидевших в тюрьме людей – со старыми туфлями и будильниками. За это они прозвали ее *Diabla*, что по-испански значит «женщина-дьявол». Эта кличка отражала отчаянное поведение матери, которая ни перед чем не останавливалась, чтобы получить наркотики.

Словно не понимая, что наркодилеры – опасные и своенравные люди, мама мирно ждала своей очереди среди клиентов, приобретающих товар

за деньги. Когда подходила очередь матери, она вместо наличных выкладывала на стол наркодилера свой товар: старый видеопроектор, видеоигры, детские игрушки или продовольственные товары. Она громогласно объясняла ценность того, что принесла, и не уходила, когда ей начинали угрожать. Я даже не знаю, как при таком поведении она ни разу не пострадала, но если это и происходило, мама никогда об этом не говорила.

Я точно знаю, что один знакомый с родителями наркодилер предупреждал папу, что будет продавать только ему, чтобы не видеть эту *Diablo*, которая только мешала спокойному ведению бизнеса. Этот наркоделец сказал папе, что иногда он бесплатно выдавал маме небольшую «понюшку», чтобы та ушла.

В тот вечер наркодилер отказался обменять Лизино пальто на наркотики из принципа.

– Он мне вот чего дал, – хныкала мама и передала мне странную монетку. – И еще он пытался меня поучать. Будто он сам ангел.

Наркодилер увидел, что ему предлагают пальто детского размера, вернул его и выдал маме монетку. Мама объяснила, что такие монетки выдают в организации «Анонимные наркоманы» в качестве награды за то, что человек некоторое время не «торчит», а также предупреждения о возможных сложностях. Мама не обратила внимания на иронию того, что получила монетку «Анонимных наркоманов» из рук наркодилера. Она лежала в кровати и содрогалась от рыданий.

Я не отходила от мамы, пока она не заснула. Потом я залезла в свою кровать, накрылась одеялом и стала изучать полученную от мамы монетку. Эта монетка хранилась у меня много лет. Время от времени я ее вынимала и проводила пальцем по выгравированным на ней словам «Молитвы спокойствия»:

«Господи, дай мне спокойствия, чтобы принять то, что я не могу изменить, и смелости изменить то, что могу, а также мудрости, чтобы понять разницу».

Когда я была маленькой, я не очень хорошо понимала значение этой молитвы. Я знала, что ее читают хором на собраниях «Анонимных наркоманов». В подвалах городских церквей люди берутся за руки и зачитывают ее. В это время их дети едят бесплатное печенье и пьют приторно сладкий лимонад. Эту молитву читают два раза: в начале встречи и в конце.

«Господи, дай мне спокойствия...» Это классическая фраза любого собрания «Анонимных наркоманов» наряду с другими, широко

известными, наподобие «бросить наркотики», «избавиться от зависимости» и свидетельств людей «избавившихся». Я знала жизненные этапы, которые проходит наркоман: сначала привычки, разрушающие его самого и семью; помощь, которую человек получает в «Анонимных наркоманах»; и тонкую границу между новой жизнью и старой, к которой человек хочет и одновременно боится вернуться.

Иногда бывшие наркоманы появлялись в нашей квартире после этих встреч. Они хотели помочь маме, и я видела – чтобы до нее «достучаться», они использовали меня с Лизой. Особенно хорошо я помню одного белого, очень высокого мужчину с зелеными глазами. Он садился на корточки, заглядывал нам в глаза и угощал печеньем. С набитым печеньем ртом и несколькими печеньюшками, зажатыми в руке, я смотрела на него. Мужчина рассказывал маме о трезвости. Мама курила одну сигарету за другой и покачивалась взад-вперед (как я потом узнала, это побочный эффект лекарств против шизофрении). Мужчина безрезультатно пытался найти с мамой общий язык.

За две недели до этого маму выписали из психлечебницы, и ей было очень сложно оставаться трезвой. Однажды сразу после собрания «Анонимных наркоманов» мама повела нас к наркодилеру. Я помню, что высокий мужчина говорил в тот вечер очень убедительно.

«Вы же знаете, мисс, когда вы достигли предела? Когда упали так, что дальше уже упасть нельзя? Вы понимаете, что вы на дне, когда перестаете копать глубже». Он пытался заглянуть в мамины глаза, но она не хотела его слушать.

Позже в тот вечер мама поменяла на «чек» тостер и мой велосипед.

* * *

По опыту я знала, что в маме уживаются по крайней мере пять разных личностей: сумасшедшая мама, пьяная или под воздействием мама, трезвая и хорошая мама, счастливая в день получения чека мама, а также милая мама, только что выписавшаяся из больницы. Последняя личность была, пожалуй, самой приятной, но мама никогда дольше двух недель в этом образе не выдерживала.

Вернувшись из лечебницы, мама веселила нас рассказами из жизни пациентов. Она беззвучно смеялась собственным шуткам, ударяя рукой по колену. Она все еще пахла больничным мылом, запах которого мне очень нравился, потому что сразу после выписки из клиники мама часто нас обнимала. Новая мама меньше курила, она ходила по квартире, напевая, и время от времени останавливалась, чтобы поцеловать в лоб меня

или Лизу. Мама была дома, и я была счастлива.

Однако на этот раз казалось, что санитары привезли нам другую маму. На женщине была мамина одежда, и доставили ее по правильному адресу. Санитары представили всех маме, которая внимательно смотрела на нас и обстановку в квартире. Все вроде бы сходилось, но казалось, часть маминой личности куда-то исчезла. Мама сидела, совершенно не двигаясь, и шла, словно манекен. Она не ерзала, как обычно, импульсивность в ее действиях полностью исчезла.

Мама вяло и как-то механически обняла нас. Она с очевидным трудом улыбнулась, и стало заметно, что мускулы лица ей повинуются с трудом.

– Ты принимаешь другие таблетки? – озабоченно спросила я, пока мама в полной тишине распаковывала свои вещи.

– Может быть, Лиззи, может быть.

Лиза вела себя более агрессивно и засыпала маму вопросами. Мама говорила мало и, не закончив предложения, отошла от Лизы. Глазами она шарил по стене, полу и потолку, но не смотрела на Лизу. Первую неделю после выхода из больницы мама спала с папой в одной кровати, после чего снова вернулась на диван.

Мама часами могла неподвижно сидеть у окна. Ее глаза были широко открыты, а тело – словно доска, как у манекенов в витрине магазина одежды. Погода на улице соответствовала маминому состоянию. Дождь шел всю неделю, смывая грязь с улиц. Воды с неба падало так много, что экстренные сообщения о погоде передавали даже во время рекламных пауз. Небо было серым, как будто на улице был вечный вечер.

– Наверное, перед цунами стоит вот такая погода, – заметила мама однажды вечером, когда мы сидели и смотрели через окно на пузыри на лужах.

– А что такое цунами? – спросила я больше из-за желания ее расшевелить, чем из любопытства.

Мама ковырнула пальцем отходящую от оконной рамы краску:

– Цунами – это гигантская волна, которая смывает деревни и ее жителей, Лиззи. Это волна величиной с гору.

Иногда во время разговора складывалось ощущение, что общаешься не с мамой, а с другим человеком. Это было очень странное чувство, словно ищешь знакомую маму в прошлом. Мы перестали «совпадать по фазе», нам было сложно найти что-то общее. Мысль о том, что я так много не знаю о человеке, который сидит напротив меня, пугала.

– Как может волна уничтожить деревню? – спросила я. – Ведь волны ходят в океане, а деревни на суше.

– Волны бывают разными, Лиззи. Это не обычная волна, она гораздо больше.

Вспыхнула молния, осветив потоки воды на оконном стекле. Раздался гром, от которого сработала сигнализация сразу в нескольких машинах на улице.

– А какой высоты цунами? – поинтересовалась я.

– Огромной. Как наше здание. Шесть этажей или даже выше. – Мама подняла руку над головой, и ее лицо исказилось от внутреннего усилия. – Огромная волна, Лиззи. Перед тем как удариться о землю, она закрывает небо.

– Вау! А ты сама когда-нибудь видела цунами? – Я хотела услышать что-то личное из маминой жизни.

– О, нет. Цунами в наших местах не бывает. Но цунами мне часто снится. Однажды, когда я была еще маленькой, я видела по телевизору передачу про цунами, и потом мне долго снилось, что я плыву изо всех сил, а за мной поднимается волна. И каждый раз во сне я умирала. Мне ни разу не удалось уплыть.

– А сейчас тебе этот сон снится?

– Случается иногда. Например, прошлой ночью. Наверное, именно поэтому я и вспомнила сейчас о цунами.

– А почему люди не уедут, когда узнают, что на них идет цунами? – спросила я. Мама пристально смотрела на улицу.

– Они бы уехали, но цунами всегда приходит неожиданно. Тогда уже поздно уезжать. Дорогая, я немного вздремну. Я устала.

– Мама, а если очень быстро бежать от цунами?

– Не поможет, Лиззи. Если ты видишь цунами, значит, волна тебя обязательно накроет.

* * *

Мама с папой быстро разделились с социальным пособием. Нам с Лизой они купили на тридцать долларов продуктов. Уже через неделю денег в доме не было, и нам приходилось ограничивать порции. Каждый день я хотела подработать упаковкой продуктов в *Met Food*, но все кассы были заняты другими упаковщиками. Мы с Лизой честно делили оставшуюся еду.

Однажды вечером я приготовила себе бутерброд с арахисовым маслом и виноградным желе и стала делать диораму, которую задала нам миссис Беннинг. Дождь лил как из ведра, и холодный ветер задувал в приоткрытое окно.

В октябре мы читали «Паутинку Шарлотты»^[7]. Из бумаги я аккуратно вырезала фигурки Шарлотты, Уилбура и Темплтона и расположила их в коробке из-под обуви в сцене, когда Шарлотта вплетает в паутинку слово «скромность». Три лучшие диорамы от каждого класса будут выставлены на первом этаже школы на протяжении всего декабря. Завтра утром школьная библиотечка миссис Пиндерс выберет победителей. Герои получились у меня хорошо, и я надеялась на победу.

Я всю ночь занималась своей диорамой. Все получилось очень красиво: низкая ограда сарая, и карандашная стружка в виде сена. Я отошла, чтобы полюбоваться своим творением, и осталась очень довольна. Я сидела за столом в гостиной, а мама с папой тем временем периодически выходили из квартиры – в поисках наркотиков или в бары. Они разговаривали на повышенных тонах, но я не вслушивалась, о чем именно. В очередной раз мама вышла на улицу, под стену дождя, который накрыл Университет-авеню.

Около четырех часов утра я почувствовала, что невероятно устала. Веки и руки стали тяжелыми, как свинец. Мама с папой не было дома, и я легла в кровать, поставив диораму на комод. Из-за дождя шума проезжающих по улице машин практически не было слышно. Вдруг я почувствовала, что меня будит мама.

– Привет, дорогая, – сказала она и присела на край моей кровати. В руке у нее была бутылка пива.

– Привет, мам. – Я протерла глаза и приготовилась выслушать и утешить ее. – Хочешь поговорить? У тебя все в порядке? – спросила я.

Мама плакала, и слезы на ее лице блестели в свете луны. Она вытерла лицо рукой, ничего не сказала и продолжала плакать. Я всегда знала, как себя вести, когда мама говорила, но ее молчание ставило меня в тупик.

– Мам, поговори со мной... Ты же знаешь, что я тебя люблю... Пожалуйста, говори, не молчи. Тебе в баре сказали какую-нибудь гадость? Рассказывай...

– Я люблю тебя, дорогая. Не верь никому, кто будет говорить, что ты не мой ребенок. Поняла меня? Ты вырастешь, но все равно навсегда останешься моим ребенком.

– Мама. Пожалуйста, ну в чем дело?

Лицо мамы исказилось от внутренней боли. Я мечтала, чтобы сегодняшняя ночь была похожа на те другие ночи, когда мама щекотала мне лицо своими длинными прядями волос. Но я понимала, что у нее бывают и трудные моменты. В такие ночи, когда ей тяжело от груза воспоминаний, ей самой нужна поддержка. И я помогала ей, слушала

и утешала.

– Мам, не плачь. Я тебя люблю. Я здесь, рядом с тобой. Мы все тебя любим. Что бы ни случилось, все, в конце концов, обязательно уладится.

Я хотела посмотреть ей в глаза, но в ее глазах была пустота. Я знала, что меня ждет длинная ночь, когда мы можем проговорить до рассвета. Мне становилось тяжело уже при одной мысли о том, что меня ждет. Я вспомнила о конкурсе диорам и о том, что сегодня утром пройдет тест по чтению, и мечтала, чтобы мама была такой же усталой, какой чувствую себя я. Может быть, если мама устанет, она заснет.

– Мам, поговори со мной.

Я взяла ее за руку, мокрую от слез.

– Лиззи, я всегда буду в твоей жизни. Всегда. Когда ты вырастешь... – Мама всхлипнула и застонала так, что я перепугалась. – Когда ты вырастешь, и у тебя будут свои дети, я буду с ними сидеть. Я доживу до твоего окончания школы. Ты всегда будешь моим ребенком. Ты меня понимаешь? Ты вырастешь, но навсегда останешься моей маленькой девочкой.

– Давай я тебя обниму. – Я начала дрожать, но попыталась побороть страх. – Конечно, я знаю, что ты всегда будешь рядом. И я всегда тебе помогу. Не волнуйся, мам.

– Лиззи, дорогая, я больна... У меня СПИД. Такой диагноз мне поставили в больнице. Папа считает, что пока я еще более-менее нормально себя чувствую, не стоит вам говорить. У меня взяли кровь в больнице. И обнаружили СПИД.

В моей голове появились образы смертельно худых мужчин на больничных койках и носилках. Вспомнила, как кто-то сказал, что все больные СПИДом рано или поздно умирают. Значит, и мама умрет? Я расплакалась от горя.

– Мама, ты умрешь? Ты умрешь, мама?

Моя сонливость улетучилась, словно ее и не было. Я видела плачущую маму в свете уличного фонаря. Все в комнате было, как раньше, но мама была другой.

Мама обняла меня, и донышко пивной бутылки, которую она все еще держала в руках, больно уперлось мне в спину. Сотрясаясь от рыданий, мы долго обнимали друг друга.

– Мама, не умирай.

– Не сейчас, дорогая. Я умру, но не сейчас. Проживу еще несколько лет.

– Как? Не может быть, мам!

Теперь настала моя очередь рыдать, как дитя, давясь собственными

слезами.

– Я еще долго буду жить. Долго-долго. Не волнуйся, я никуда не денусь, дорогая. Я не умру. Я еще долго не умру. Может быть, у меня и нет СПИДа, кто знает? Забудь то, что я тебе сказала.

Легко сказать. Я прекрасно знала, что мама не в состоянии держать секреты. Я была уверена, что у нее СПИД. Потом, такие новости просто не забываются. Конечно, мне хотелось, чтобы мама все это выдумала, чтобы это был просто период помутнения рассудка перед тем, как снова отправиться в психбольницу.

– Мама, но ты же только что сама сказала... Мам, не ври мне! Ты умираешь или нет? – Я давилась собственными слезами. У меня начиналась истерика.

Мама резко встала и взялась за дверную ручку.

– Забудь то, что я тебе сказала. Спи. И не обращай внимания на мои слова. Кто в наши дни может быть в чем-либо уверен? Никто ничего не знает. И вообще, я просто пошутила. У меня все в порядке, – сказала мама и сделала глоток из бутылки. – У меня все в порядке, – повторила она и закрыла снаружи дверь.

– Подожди! – закричала я. – Мама! Подожди! Мааааааа!

Я знала, что она ушла потому, что я неправильно среагировала на полученную информацию. Я сама расклеилась, я не выдержала. Я разревелась, когда мне надо быть сильной и твердой, как скала.

Я громко кричала и звала, но мама не вернулась. У меня самой не осталось сил идти за ней. Я была не в состоянии встать с кровати.

Я начала глубоко и размеренно дышать, чтобы успокоить нервы. Тишина из маминой комнаты меня подавляла. Подумать только, всего десять минут до этого я спала, а у мамы не было СПИДа!

Я хотела помочь, но у меня ничего не получилось. Я хотела дать маме то, что ей было нужно, но только все испортила. Я неоднократно отдавала маме чаевые, которые получала за упаковку товаров в магазине, или деньги, которые мне присылали в подарок на день рождения в открытках из Лонг-Айленда. Может быть, я сама оплатила зараженную иглу, от которой мама заболела СПИДом?

– Ах ты идиотка, – сказала я вслух про саму себя.

В ярости я бросила подушку и попала в диораму, куски которой упали с комода на пол.

IV. Крах

Если и до этого все обитатели нашей квартиры жили своей собственной жизнью, то к тому времени, когда мне исполнилось двенадцать, каждый из членов нашей семьи превратился в обособленный континент, отгороженный дверью своей комнаты. Я уже и не надеялась, что мы сможем когда-нибудь снова стать единой семьей. Я большую часть времени проводила вне дома, заливая бензин на автозаправках или пакуя товары в магазине. Лиза, уединившись в своей комнате, слушала громкую музыку и держала дверь запертой. Папа выезжал в город или гулял по району. Мама завела знакомство с омерзительным человеком, присутствие которого в нашем доме только отдаляло нас друг от друга.

Леонард Мон был экстравагантным худющим мужчиной, похожим на персонажа с картины «Крик» Эдварда Мунка. Он был лыс, за исключением небольших пучков волос по бокам черепа, а его глаза вылезали из орбит, словно его кто-то душит. Он был нервным и взбалмошным и страдал от психического заболевания, похожего на то, что было у мамы. Свой недуг Леонард запивал горстями разноцветных таблеток. Мама познакомилась с ним в баре, и во время разговора выяснилось, что вкус и предпочтения в мужчинах у них одинаковы. Мама с Леонардом начали «заседать» на кухне, превратив ее во что-то среднее между притоном, лаунж-баром и клубом по интересам, где жалуются на все и вся. И, конечно, кухня превратилась в место подготовки и употребления наркотиков.

Циклы общения мамы с Леонардом были напрямую завязаны на получение социального чека. Папа исполнял роль посыльного, приносящего наркотики. В его отсутствие мама с Леонардом трепались о жизни и поглощали огромные бутылки пива. После получения чеков мама с Леонардом и папой гуляли две недели или до тех пор, пока под глазами всех участников «марафона на стойкость» не появлялись глубокие темные круги и не оставалось ни одного доллара. Леонард исчезал, чтобы появиться сразу после получения чеков. Он не оставался на скучные будни, когда у нас не было денег, а мама спала днями напролет.

Папа, Лиза и я смеялись над Леонардом. Никто из нас, включая, думаю, и саму маму, не испытывал к нему особой любви. У него был резкий и высокий голос, он считал себя пупом земли и не любил детей (несмотря

на то что по профессии был учителем). Но в нашей семье решения не принимались на основе того, нравится нам что-то или нет, точно так же, как и не принимались, исходя из принципа, что для семьи хорошо, а что – плохо. Главным фактором любых решений были наркотики, а Леонард любил наркотики, следовательно, когда у него были деньги, он был желанным гостем.

Иногда я сопровождала папу, когда он шел за наркотиками, и мы смешили друг друга, передразнивая Леонарда, который постоянно ныл и жаловался женским голосом. Папа вводил в банкомат пин-код карточки Леонарда, с которой снимал деньги на очередной «чек». Я выпучивала глаза и говорила голосом Леонарда: «О, Джини! Жизнь такая слооожная, оооо!»

Папа сгибался пополам от хохота, колотил себя рукой по колену, стоя около банкомата в те предрассветные часы, а потом просил меня еще раз изобразить Леонарда. Когда мы поднимались на наш этаж, голос Леонарда раздавался еще задолго до того, как мы подходили к двери нашей квартиры.

«Ооо, эти дети, Джини, если бы их не было, моя работа была бы такой приятной! Ах, эти маленькие твари! Мне так хочется их отшлепать, когда они плохо себя ведут!»

Леонард вообще был противником того, чтобы заводить детей. И он не стеснялся об этом говорить. Через открытую дверь соседней комнаты я прекрасно слышала, как он театральным шепотом жаловался маме:

«О, они такие неблагодарные! Я просто не знаю, как ты своих переносишь! – Он затягивался сигаретой, причмокивая. – Я и на работе их терпеть не могу, просто не представляю, как ты переносишь их у себя дома!»

«Леонард, перестань», – слабым голосом протестовала мама.

Мама никогда не спорила с ним по этому поводу. Мне думается, причина была проста – социальный чек. Поэтому мама спокойно попивала свое пиво и не реагировала на выпады учителя, ненавидевшего детей.

Возможно, если бы дело ограничилось детоненавистничеством, я бы не возражала против присутствия Леонарда в нашей квартире. Но кроме этого (и многого другого) мне не нравились его бесконечные разговоры о том, что он так же, как и мама, является ВИЧ-положительным. Мне было очень больно слушать это.

Данная тема начинала обсуждаться после того, как первая эйфорическая стадия действия кокаина заканчивалась. В это время реальность била, словно молотом по голове, и у человека возникали

меланхолические мысли.

«Джини, у меня сердце так стучит! Возьми меня за руку», – просил Леонард.

Мама уже несколько лет не держала меня за руку. Последнее наше искреннее объятие было тогда, когда она сообщила мне, что больна СПИДом. Несмотря на это, мама послушно брала его за руку, сцепив с ним пальцы.

«Джини, я так не хочу заболеть! – гнусавил Леонард. – Хотя если мы заболеем, то не доживем до старости. Это, слава богу, нам не грозит. Приятно, Джини, не правда ли?»

Когда он вел такие разговоры, я находилась от них не более чем в трех метрах. Я была так близко, что чувствовала дым их сигарет. Я четко слышала каждое произнесенное слово.

«О, Джини, это же так хорошо! Все равно все наши лучшие года закончатся к сорока».

«Знаю, Леонард. Это обнадеживает, – соглашалась мама. – Нам не грозит старость».

* * *

Если у меня и были иллюзии насчет того, что употребление наркотиков совершенно безвредно, они окончательно исчезли с маминым диагнозом и появлением Леонарда. В конце концов, мне надоело смотреть на разные стадии их наркозависимости, мне надоело видеть их руки с венами, которые они лихорадочно искали под ярким светом флуоресцентных ламп, миг, когда иголка прокалывает кожу, кровь, которую затягивают в шприц, проверяя, что игла попала в вену и в ней нет пузырьков, после чего вводят содержимое шприца, и эйфорическое выражение лица сразу после укола.

Мне надоели пятна крови от промывания шприцев, которые были везде: на хлебе, на стенах, даже в сахарнице. Возможно, больше всего меня раздражал вид мест на теле, в которые иголка втыкалась наиболее часто. Это место могло разбухнуть, потемнеть и начать пахнуть. Мне надоело видеть, как мама ищет неушедшую вену на своем теле и находит ее между пальцами ног. Я все в большей и большей степени наблюдала бесполезность их жизни. Перед моими глазами разыгрывалась драма, как в кино, где я смотрела черно-белую ленту о том, как жизнь родителей проходит не просто впустую, а со знаком минус. Я от всего этого устала. Если раньше я могла каким-либо образом участвовать в этой составляющей их жизни, то теперь я хотела закрыть глаза или уйти далеко-далеко, чтобы этого не видеть.

Я перестала сопровождать папу до банкоматов или наркочилеров. Я даже не стала ему объяснять, почему я так поступаю. Ощущение недовольства и протеста толкало меня на улицу, и я часто в полном одиночестве гуляла по Фордхэм-роуд. Иногда я ходила к помойке около магазина одежды, куда выбрасывали некачественный товар. Это место показал мне папа. Пока родители бегали за наркотиками, я набивала рюкзак вещами, в которых, например, неправильно прошит шов. Однажды ночью, когда я ковырялась в этой мусорке, я увидела, как папа быстрыми шагами шел по Фордхэм-роуд к дилеру. Я не окликнула его и не остановила. То, что я не окликнула его, было грустно, но если бы я сделала это, было бы не менее грустно.

Иногда в школе шутили над моей грязной одеждой: пришитым на спине карманом или одной слишком длинной штаниной джинсов, которые были на пять размеров больше нужного. Но чаще всего я не появлялась в школе и гуляла, выбирая день ото дня новый маршрут. Или приходила к открытию *Met Food* и вместе с кассирами ждала, пока менеджер поднимет «железный занавес» магазина.

В школе я была как сеть, которую бросают в воду. Сеть проходит сквозь воду и в нее что-то попадает, иногда что-то очень непредсказуемое. Мое образование состояло из несистематизированной информации, полученной из книг, которые папа «забывал» возвращать в библиотеку, и того, что я могла услышать в редкие дни посещения школы. Но я всегда была в школе в последние недели учебного года и сдавала все необходимые тесты и зачеты, поэтому меня со скрипом переводили в следующий класс.

Когда я прогуливала школу, то ездила на метро из Бронкса на Манхэттен просто для того, чтобы побыть в толпе. Мне нравилось слушать разговоры людей, их споры, песни музыкантов в переходах и самый любимый звук – звук смеха. Я терялась в толпе. Кто обратит внимание на худую и неумытую девочку с грязными и свалявшимися волосами, не поднимающую глаз? Я была невидимкой. Существовал определенный риск, что меня заметит полиция или представители специального подразделения социальной службы, следящей за прогульщиками, но игра стоила свеч. Мне нужно было ощущать пульс жизни, и ради этого я уходила из дома. Вскоре я постоянно отсутствовала в двух местах: в школе и дома.

Иногда я прогуливала не одна, и ко мне присоединялись Рик и Дэнни. Вместе мы катались по маршруту метро № 4, часами, туда-сюда по Лексингтонской ветке. Путешествия в компании отличались от моих

одинокых прогулок. С Рики и Дэнни мы искали приключений. Мы могли забраться в пустую будку машиниста и объявить по громкой связи пассажирам, что в последнем вагоне предлагают бесплатные сэндвичи и прохладительные напитки. Иногда мы бросали в толпу «бомбу-вонючку» – стеклянный пузырек, источавший жуткий запах, и смотрели, как люди затыкают нос.

Мы выходили только на станции «Боулинг-Грин» (если нас, конечно, не начинал ловить контролер). На «Боулинг-Грин» мы пересаживались на паром до Статен-Айленд. Если сесть на самую нижнюю палубу парома, идущего с материка, то морские брызги летят прямо в лицо и хорошо видна пена за бортом. Билет назад на Манхэттен стоил пятьдесят центов, но его можно было и не покупать, если спрятаться в мужском туалете, пока контролеры ходят по парому в поисках «зайцев».

Возвращение на Манхэттен обращало меня к реальности. В толпе школьников, одетых в отглаженную форму или в хорошую, модную одежду, я чувствовала себя одинокой. Глядя на них, я думала, что в этот день пропустила в школе.

В любой день к нам в дом могла прийти сотрудница социальной службы, к которой я была приписана. Именно ее, женщину по имени мисс Коул, я застала у нас дома, когда вернулась после очередной поездки на Статен-Айленд. В этом месяце она появлялась у нас уже второй раз. Мама впустила ее в дом за полчаса до моего прихода. Они с мамой о чем-то говорили, когда я вошла в комнату, держа портфель, словно театральный реквизит. Я поняла, что у нас мисс Коул, по запаху духов, который резко выделялся из всех остальных запахов в нашем доме.

Мисс Коул заговорила первой, чтобы показать, кто здесь главный.

– Рада тебя видеть, Элизабет, – сказала она, подняв подбородок. Она закинула ногу на ногу и положила руку на колено. Из папиной комнаты перенесли вентилятор и поставили напротив мисс Коул, сидевшей около окна. – Элизабет, я здесь, потому что, хотя ты обещала ходить в школу, мне сегодня позвонила миссис Пиблз и сообщила, что ты не была на занятиях всю неделю. Объяснись, пожалуйста. Почему ты не ходила в школу, Элизабет?

Я подумала, что в ее вопросе были прямота и неотразимая логика. С одной стороны, было понятно, почему она его задает, но с другой, учитывая хаос нашей семейной жизни, ее вопрос был довольно бессмысленным. Если бы логики было достаточно для того, чтобы что-то изменить, можно было бы спросить маму, почему она принимает наркотики. Почему холодильник всегда пустой? Почему она стала ВИЧ-

положительной, когда у нее есть две дочери и впереди вся жизнь? В жизни нашей семьи было много вопросов, но мисс Коул предпочла задать только один – и тот обращенный ко мне.

Я посмотрела на маму, которая сгорбилась в кресле и прикрыла глаза.

– Я ничего не могу с этим поделать, Лиззи. Ты обязана ходить в школу. – Мама сказала эти слова не мне, а стенке.

Мисс Коул постучала золотым кольцом на пальце по стеклу журнального столика.

– Присаживайся, Элизабет, – сказала она.

Я ненавидела ее за то, что она называет меня Элизабет, безнаказанно врывается в наш дом и говорит, как я должна себя вести, но послушно присела на краешек стула. Мисс Коул посмотрела на меня так, что я поняла – сейчас она перейдет к делу. Если бы я уже много раз не видела это выражение лица, я бы, возможно, относилась к ее словам более серьезно.

– Ты обязана ходить в школу, Элизабет. Если ты не будешь этого делать, то я заберу тебя из твоей семьи и помещу в другую. Вот и все. Твоя мать сказала мне, что отправляет тебя в школу, но ты в нее не ходишь. Эту ситуацию надо менять. Кроме этого вам с сестрой стоит разобраться с хламом в этой квартире. Скажи об этом Лизе. Это просто омерзительный дом, настоящий свинарник.

Я обратила внимание на то, как она произносила слово «омерзительный». Она растягивала гласные в слове и улыбалась. Она была облечена властью для того, чтобы делать подобные утверждения. И мисс Коул нравилась власть, которую дает ее работа.

– Я вообще не представляю, как вы можете здесь жить. Ты уже достаточно большая для того, чтобы что-то сделать по поводу ситуации в доме. – Она сказала это с возмущением и потом продолжила спокойным тоном: – Мы знаем, в какие семьи переводить таких девочек, как ты.

Эта назидательная часть лекции была самой неприятной. Я бы с удовольствием сбросила на нее с крыши воздушный шарик, наполненный водой. Я даже представляла ее реакцию: крик, и ее дешевая прическа плющится от удара. Я бы от этой сцены долго смеялась.

– Тебе точно не понравятся дома и семьи, в которые я могу тебя перевести. Будь уверена, что если ты не убираешься здесь, то там ты только этим и будешь заниматься. Тебе придется мыть туалеты. И девочки в этих семьях любят драться.

Мое воображение нарисовало картину: я драю туалет, еще более грязный, чем наш, черный, скользкий и вонючий. Из коридора за моей

работой следят большие злобные девушки, одетые в рванину.

– Если ты так этого хочешь, я заберу тебя из твоей семьи. Если ты не будешь ходить в школу, то это произойдет мгновенно. – Мисс Коул перешла к своей любимой части выступления, и на ее лице появилась улыбка. – Соберись или собирай манатки, Элизабет. Тебе решать. – Лицо мисс Коул исказила гримаса смешанных чувств отвращения и отчаяния. – Разве ты сама не хочешь жить нормальной жизнью? Ты об этом никогда не задумывалась?

Ей нравилось то, что она делала, я чувствовала это. За фасадом ее слов не было никакой искренности, никакого стремления или желания изменить мою жизнь, и я это совершенно точно знала. Как и многим другим ее коллегам из социальной службы, мисс Коул нравилось выговаривать и шпынять других, ей нравилось шоу, которое она перед нами разыгрывала.

В ее словах не было заботы и любви, которые могли бы положительно повлиять на ситуацию. «Соберись!» Многие это мне уже говорили, но никто не объяснил, что именно они имеют в виду. Кто подавал мне пример в том, что надо убираться в квартире и не прогуливать школу? Между словами и действиями взрослых была такая большая разница, словно они находились на разных сторонах глубокого каньона, в который можно было провалиться. Как была связана моя повседневная жизнь с теми далекими и туманными целями, о которых мне говорили взрослые? Если образование и работа имели в жизни людей такое большое значение, почему же у моих собственных родителей не было ни того, ни другого?

«Соберись» – что вообще значит это слово? Мне надо было самой об этом догадаться, или я должна была найти ответ в назидательных лекциях мисс Коул, которая вела себя словно гневный праведник по отношению к грешнику?

Я была вне себя от злости, но старалась держаться как можно спокойнее. Я проводила мисс Коул до двери, около которой она погрозила мне пальцем с длинным и загнутым ногтем:

– Элизабет, я могла бы прямо сейчас перевести тебя в другую семью. Я могу это сделать в любую минуту. Не забывай об этом. Не забывай о том, что я к тебе хорошо отношусь.

Я вернулась в комнату, в которой мама легла и накрыла голову подушкой. Часы показывали около трех, скоро домой должна вернуться Лиза. Я закрывала за собой дверь комнаты, когда услышала приглушенный подушкой голос мамы:

«Лиззи, ты сегодня упаковывала продукты? У тебя есть деньги? Мне бы

пять долларов очень не помешали».

«Мам, извини, денег совсем нет».

Мама перевернулась на спину и издала звук, представлявший собой что-то среднее между стоном и недовольным ворчанием. К ее ягодице прилипла монетка в один цент. По всему моему телу прошла легкая дрожь. Я даже не знала, что чувствую по поводу матери: злюсь на нее или мне просто грустно за ее потерянную жизнь. Я зашла в свою комнату, вытянулась на кровати и поняла, что утратила все эмоции, словно превратилась в дерево. Из соседней комнаты раздалась мамины громкие всхлипывания. Я смотрела в потолок и ощущала себя совершенно пустой.

* * *

В ту ночь в квартире появился Леонард Мон со своей зарплатой и вместе с родителями они гуляли до утра. Из спальни я слышала звон пивных бутылок, шаги и хлопанье входной двери. Я вышла в прихожую, закрывая майкой нос от сигаретного дыма, позвонила Рiku и Дэнни и предложила им «потусить» до рассвета, сходить в кино или что-нибудь придумать.

Я надевала свитер, когда что-то в разговоре Леонарда с мамой привлекло мое внимание. Они шептались о ком-то. Леонард нервно постукивал ногой о пол, что заглушало некоторые слова. Я прислушалась.

Они обсуждали одного мужчину, с которым мама познакомилась в баре. Как я поняла из разговора, это знакомство произошло достаточно давно, и в последнее время их отношения становились все ближе. Этого мужчину они называли по кличке или по фамилии – Брик^[8].

– Не знаю, Леонард. Он внимательно слушает меня. Мне так не хватает общения с мужчиной, который меня слушает. И нам вместе хорошо, понимаешь, о чем я?

Видимо, мама встречалась с этим мужчиной.

– О, Джини, не отпускай мужчину, с которым тебе хорошо. Я бы никогда такого не сделал. Мужчины, у которых есть работа, они такие ответственные и зрелые. – Леонард перешел на шепот: – Давай, Джин. Ты заслуживаешь лучшего.

Я была готова выкинуть его из квартиры. Он минуту назад улыбался папе, а сейчас советовал маме изменять ему с другим. Леонард был подлым и ужасным лицемером. Я слушала их разговор и понимала, что мама встречалась с этим Бриком уже какое-то время. Я узнала, что он тратит на нее деньги, что они занимаются любовью и что маме нравилось то, что он вообще не употребляет наркотики, только иногда выпивает, чтобы

успокоить нервы. Мама описывала своего любовника, образ которого начинал складываться у меня перед глазами. Новая ситуация выглядела угрожающей для папы – основы нашей семьи.

Брик неплохо зарабатывал. Он был охранником в одной из модных художественных галерей на Манхэттене. Мама утверждала, что ранее он служил на флоте. Он жил в хорошем районе, имел большую однокомнатную квартиру и был одиноким. Судя по всему, я стала далеко не единственной в нашей семье, кто проводил ночи вне дома. У меня складывалось ощущение, что папа знал о маминой связи.

Я посмотрела вокруг. Состояние нашей квартиры явно ухудшилось: разбитые лампы, пустые пивные бутылки, окурки на ковре. В воздухе чувствовалась влажность и частицы грязи и пыли. С появлением Леонарда и его денег родители начали «торчать» две с половиной недели в течение месяца. Я ощутила вину, что самоустранилась из квартиры и этим способствую тому, что ситуация катится в пропасть.

Дверь открылась, и в нее вошел, насвистывая, папа. Мама с Леонардом притихли. Я открыла и закрыла дверь моей комнаты, громко прокашлялась и сделала шаг в сторону гостиной. В этот момент вышла мама, чтобы снять с дверной ручки свой потертый ремень, который она использовала как жгут.

– Питер, секундочку! – бросила она папе через плечо.

Папа в это время отсчитывал Леонарду сдачу с его двадцатки.

Я открыла рот, чтобы обратиться к маме, но поняла, что мне совершенно нечего сказать, и поэтому снова его закрыла. На телеэкране пошла заставка сериала «Новобрачные». Я попыталась обратить на себя внимание мамы и громко откашлялась. Мама быстро взглянула на меня и сказала: «Питер, я первая», – и с ремнем в руке вернулась в гостиную.

Мои теплые отношения с мамой закончились. Мы начали общаться, как посторонние люди. Это продолжалось вот уже два года после того, как мама сообщила мне о своем диагнозе. Я ни с кем не обсуждала то, что мама мне тогда сказала. Иногда мне казалось, что тот разговор мне приснился. Я думаю, что она ничего не рассказала Лизе, потому что сестра не поднимала со мной этот вопрос. Было ощущение, что у нас с мамой есть общий грязенький секрет и от этого она начала меня сторониться. Накопилось слишком много неозвученных вопросов, поэтому нам стало сложно общаться.

Папа «втер» маму первой, и она начала шмыгать носом. Следующим «пошел» Леонард Мон. Папа укололся в ванной, как он теперь часто делал. Я встала и пошла на встречу с Риком в тот момент, когда Леонард начал

нести всякую чушь «на приходе».

Знание, что у мамы ВИЧ, не сделало наше с ней общение проще. Мне было горестно сознавать, что она больна, и мне было точно так же горестно, что она забыла нас. Если быть до конца честной, знание о том, что она больна, гнало меня от нее. Я понимала: если нахожусь рядом с мамой, то нахожусь рядом с ее болезнью. Понимание, что я теряю мать, было таким невыносимым, что его хотелось всеми силами избежать.

Я взяла рюкзак и прошла мимо открытой двери на кухню, в которой ныл Леонард: «Ой, Джини, сердце так бьется! Возьми меня за руку!»

Мама схватила его за руку, и это показалось мне омерзительным. Я быстро вышла, чтобы не слышать ужасных разговоров, которые я знала наизусть.

* * *

Я познакомилась с Бриком приблизительно через неделю после этих событий. Был будний день, мама разрешила мне прогулять школу, и мы вдвоем отправились в галерею, в которой он работал. Мама сказала, что он хочет угостить нас обедом. Мы вышли из метро на 23-й улице, и мама начала волноваться по поводу своего внешнего вида.

– Лиззи, я нормально выгляжу? Как думаешь, свитер сидит нормально?

На ней был розовый свитер с V-образным вырезом на шее, и она с утра не пила и не кололась. Длинные кудрявые волосы были аккуратно скреплены заколкой. Я уже давно не видела маму в чем-то другом, кроме грязных джинсов и маек.

– Мама, ты отлично выглядишь, не паникуй. Почему ты так переживаешь, что он о тебе подумает? Какая тебе разница? – спросила я.

– Для меня это важно. Он мне нравится. – Меня шокировала прямота ее слов. Мы с ней уже давно не общались начистоту. – Твоей маме нравится один мужчина. Я уже очень давно не влюблялась.

Она нервно улыбнулась. Папы словно никогда и не существовало.

Признаться, я и сама сильно волновалась. После того, как Лиза ушла в школу, а папа – в город, я долго убеждала маму взять меня на встречу с Бриком. Мы уже давно не были с ней вдвоем и не говорили по душам. Я чувствовала себя не очень уверенно. Несмотря на то что я спорила с матерью, в глубине души я хотела, чтобы она взяла меня за руку и откровенно со мной поговорила. Я хотела, чтобы мама спросила моего совета, поинтересовалась, как я вижу всю эту ситуацию. Вместо этого мама говорила только о Брикe: как для него важна его работа и продвижение по службе, какой он положительный и практически семейный человек.

В моей голове возник следующий план: я познакомлюсь с Бриком, выскажу маме свое «фи», и она увидит в нем кучу недостатков. Так я сохраню нашу семью.

Потом по пути от метро мама долго распиналась о замечательной репутации галереи, словно эта репутация является гарантией того, что Брик хороший человек. Мы перебрались на другую сторону улицы и подошли к высокому и узкому зданию, через огромные окна которого на разных этажах я заметила скульптуры и картины. Мама подвела меня к входу для сотрудников, мы вошли внутрь и двинулись к гардеробу, в котором с девяти до пяти работал Брик, забирая и выдавая посетителям верхнюю одежду и совмещая это с функциями смотрителя залов и охранника.

– Во время выставки посетители покупают билеты, но Брик нас проведет бесплатно, – сказала мама.

Она с гордостью произнесла эти слова. Мне показалось, чем с большей теплотой она о нем говорит, тем более чужой она мне становится. Я пожалела о том, что так долго держалась от мамы на расстоянии. Я начала паниковать при мысли, что мама нашла что-то поинтереснее, чем ее собственные дети и семья. Ведь она же никогда с такой гордостью не отзывалась о нас с Лизой и не говорила, как много и упорно мы работаем. Мама знала все внутренние коридоры галереи, и я поняла, что она уже неоднократно здесь бывала. От этого у меня появилось чувство, что меня предали.

Брик оказался лысым плотным мужчиной, который много курил, говорил очень мало и часто кивал в знак согласия с мамой. Он ее хотел, это я увидела сразу. Брик смотрел на маму бесстыдно, словно раздевая. У меня мгновенно возникло к нему чувство недоверия. Я с подозрением относилась к мужчинам, которые покупают нам вещи. Я понимала, что таким мужчинам что-то от нас надо, как было в случае с Роном.

Втроем мы поели в ближайшей кафешке. Брик разрешил мне выбрать суп. Я болтала ложкой в моем супе с протертыми грибами и наблюдала, как они флиртуют. Брик взял маму за руку и прямо у меня на глазах начал ее ласкать. У него были короткие, желтые и сильно обгрызенные ногти. Казалось даже, что ему было мало ногтей, и он грыз кончики своих пальцев.

Мама с вождением смотрела в его глаза. Она так долго не отрывала взгляда, и я подумала, что не ожидала от нее такой концентрации внимания.

– Я уже рассказала Лиззи о том, какая у тебя большая квартира и как тебе в ней одиноко, – заявила мама.

Брик смущенно посмотрел на маму и ответил ей голосом курильщика, уничтожающего в день четыре пачки сигарет:

– Да нет, Джин, у меня все нормально.

Она игриво ударила его по плечу.

– Ой, да ладно, Брик! Конечно, тебе одиноко. Он мне это сам говорил, Лиззи, – бросила она мне. И нервно рассмеялась.

Когда мы вошли в галерею, я ошибочно приняла за Брика одного слегка смазливового молодого темноволосого парня, который стоял с ним рядом. Свою ошибку я поняла тогда, когда мама подошла к Брику и с любовью обняла его за толстую шею. Это произошло в момент, когда тот запихивал в карман чаевые. Брик заговорщически посмотрел на меня, сказал: «Шшш!», подмигнул, улыбнулся, обнажив желтоватые зубы, и показал пальцем на небольшую табличку над гардеробом с надписью «Никаких чаевых, пожалуйста». Мама долго не могла отпустить его из своих объятий, пока я терпеливо ждала, переминаясь с ноги на ногу.

Перед уходом на обед мама попросила меня «постоять на стреме». Я увидела, как Брик достал спрятанную за мусорным ведром большую бутылку пива и пошел в туалет, чтобы ее выпить. Пока он расправлялся со своим пивом, мама объяснила:

– Он только иногда пьет, чтобы нервы успокоить. У него как-никак напряженная работа. Сплошной стресс.

Сидя за столом в кафе, я с неприязнью смотрела, как они вцепились друг в друга. Мама положила руку на его толстое бедро в форменных штанах. Неожиданно я осознала, что всего два раза в жизни видела, как родители целуются. И оба этих раза я видела их поцелуи очень быстро и мельком. Теперь мама шарила руками по всему телу Брика, и это казалось мне не просто надругательством над папой, а надругательством над истинной природой мамы. Я почувствовала себя ужасно одинокой. Я чуть не подпрыгнула на стуле, когда мама снова вернулась к обсуждению размеров квартиры Брика. Тут я не выдержала:

– Мама, не пора ли нам идти?

Обеденный перерыв закончился, и вдвоем мы снова вернулись в галерею. Мама поцеловала Брика долго и страстно. После этого мы вдвоем бродили по галерее, рассматривая произведения искусства. Я старалась не смотреть на маму, а глядела на картины. Мама пыталась со мной заговорить, но я делала вид, что не слышу. Когда мы подошли к части экспозиции, которую сотрудник галереи назвал «современным искусством» и которая состояла главным образом из бессистемных сгустков краски на больших ярко-белых холстах, мама в очередной раз

завела свою песню о том, какой Брик замечательный и мне надо узнать его поближе.

Я продолжала делать вид, что не слышу, но когда мы поднялись с первого этажа на второй и вошли в зал, в котором были собраны современные интерпретации древнеегипетского искусства, я не выдержала и огрызнулась:

– Мам, извини, но, честное слово, у меня нет никакого желания близко знакомиться с Бриком. Я бы лучше его вообще не знала. – Я стояла, повернувшись к ней спиной, и рассматривала имитацию египетского саркофага. – Я понимаю, что он твой друг, но, может быть, тебе не стоит проводить с ним так много времени.

Мама замолчала и потом спросила у какого-то посетителя, который час. Мы вошли в имитацию небольшой гробницы, стены которой были покрыты розовыми иероглифами, в свете электрических ламп казавшимися оранжевыми.

– Он скоро заканчивает работу, может быть, мы все вместе куда-нибудь поедем? – предложила мама, закрывая своим телом выход из гробницы.

– Неплохо они все сделали, правда? – спросила я у мамы, разглядывая ряды иероглифов. – У нас в школе было задание, в котором мы переводили древнеегипетские надписи. Ты знала, что многие из надписей в гробницах являются заклинаниями против тех, кто грабит сокровища в гробницах?

– Лиззи, я думаю о том, чтобы завязать с наркотиками. Я думаю, что мне пора с этим заканчивать.

– Согласна, мам, – ответила ей я. – Только скажи, если я чем-то могу помочь.

– Правда, дорогая? Сейчас мне действительно надо бросать. Мне надо быть там, где нет наркотиков. Понимаешь меня? – Она нагнулась ко мне, потому что я присела на корточки перед стеной, разглядывая иероглифы.

Глаза мамы были ясными и чистыми. Я подумала, что она вот уже почти неделю не кололась, хотя несколько раз ходила в бары, в которых пила свой любимый коктейль «Белый русский». Я подумала, что, может быть, на этот раз мама действительно решила завязать с наркотиками.

– Если ты не хочешь, чтобы рядом были наркотики, не надо приносить их в дом, – сказала я, все еще не глядя на маму. – Все, в общем-то, довольно просто. Было бы желание.

– Лиззи, но папа-то их приносит! Он будет колоться, и тогда мне самой будет очень сложно устоять. Я не представляю себе ситуации, когда передо мной лежат наркотики, а я их не употребляю. Такое просто исключено.

Я не знала, что ей ответить. Я понимала, что она права, потому что

не слышала от папы, чтобы он хотел бы «завязать». Мне неожиданно стало тесно в ограниченном пространстве гробницы. Я потрогала плексиглас, отделявший меня от стены, на которой был изображен солдат, храбро смотрящий вперед.

Единственной моей мыслью в тот момент было: «Мама, я не хочу, чтобы ты бросала папу». Именно это я и сказала.

– Хорошо. Я дам папе шанс. Может быть, и он бросит, тогда все останется на своих местах. – Мама положила руку мне на плечо. – Знаешь, Лиззи, я же не вечная. Я уже не ребенок. Мне надо завязывать с этим стилем жизни. Я хочу увидеть, как вы вырастаете. Поэтому... поэтому что-то надо менять.

На мои глаза навернулись слезы. Я обернулась к маме. Она села напротив меня и крепко взяла меня за обе руки. Ее прикосновение было теплым и обнадеживающим. Я была рада, что наконец-то мама со мной душой и телом. Как долго я об этом мечтала!

– А если папа не бросит? – спросила я.

– Может и не бросить.

Мы замолчали. И я и она прекрасно понимали, что папа не бросит.

* * *

Учитывая количество моих прогулов, я совершенно не ожидала, что меня переведут в шестой класс, то есть в среднюю школу, однако это произошло. Судя по всему, некоторые из моих одноклассников были удивлены этому событию не меньше, чем я.

В день выдачи дипломов об окончании начальной школы Кристина Меркадо сказала, повернувшись к своим подругам: «Как, и Элизабет перевели? Зачем мы вообще сюда ходили, если дипломы раздают просто так. Правильно, девчонки?»

Все эти годы Кристина и ее подруги были очень негативно ко мне настроены. Когда я садилась близко к ним, они начинали обмахиваться тетрадками и громко кашлять, чтобы привлечь внимание к моей грязной одежде и к тому, что мне не помешает помыться. Они шипели в коридорах во время перемен и рисовали на меня карикатуры, на которых у меня в волосах ползали жуки и волны дурного запаха исходили от моего тела. Во время церемонии вручения дипломов я потела в моей накидке и четырехугольной шляпе с кисточкой и радовалась, что никто из членов моей семьи не присутствовал на церемонии и не слышал слов Кристины.

В то время, когда я получала свой диплом, мама лежала на кровати и приходила в себя после ночи, проведенной в компании с «Белым

русским». Папа был где-то в городе в одном из своих таинственных походов, так раздражавших маму до того, как ей стало все равно.

После окончания церемонии, когда родители начали фотографировать своих детей с преподавателями и одноклассниками, я тихо вышла через заднюю дверь. В коридоре перед дверью нашей квартиры я сняла накидку и шапку, чтобы мама не корила себя за то, что пропустила важное событие в жизни дочери.

Когда к вечеру мама проснулась и извинилась, что не появилась на церемонии, я сказала:

– Было очень скучно, тебе бы не понравилось. Я сама была дико рада, что оттуда выбралась. Я бы тоже с удовольствием осталась дома и поспала, но не хотела учителей расстраивать.

Не знаю, сколько дней прошло после окончания начальной школы, но вскоре после этого мама стояла над моей кроватью в обтягивающей майке и с аккуратно причесанными волосами и просила меня поехать вместе с ней в квартиру Брика.

– Дорогая, поехали. Я сделала все, что могла. Пожалуйста, поехали со мной, – умоляла она.

Но, вцепившись в подушку, я кричала:

– Не поеду! И тебе не советую! Мы же семья, мам. Ты не должна нас бросать! – Я умоляла ее: – Пожалуйста, не уходи! Останься со мной дома!

Я пыталась ее уговаривать, даже когда они с Лизой вышли из квартиры на улицу и сели в такси. Я не помню случая, когда я хотела чего-то больше, чем тогда, упрашивая маму остаться. Судя по тому, что Лиза собрала свои вещи в две наволочки, которые закинули в багажник автомобиля, она хотела уехать не меньше, чем мама. Уже сидя в машине, мама опустила окно и закричала:

– Я буду ждать тебя, дорогая! Приезжай, когда захочешь!

Такси тронулось, и они исчезли.

Первые несколько месяцев жизни без мамы я занималась хозяйством. Я пустила старые майки на тряпки и протерла все в квартире, убрала и вынесла мусор, помыла посуду. Каждый вечер, когда показывали наши любимые передачи, я включала черно-белый телевизор и выкручивала звук на максимум. Когда темнело, я включала свет в каждой комнате нашей трехкомнатной квартиры и оставленный Лизой приемник (он оказался слишком большим и тяжелым, чтобы взять его с собой), чтобы музыка гремела в ее пустой спальне. Свет и звук создавали иллюзию, что в нашем доме много людей.

Папа ни разу не сказал, что грустит после отъезда мамы с Лизой.

Правда, он стал еще более тихим, чем обычно. Когда он не «торчал», то спал весь день, закрыв шторами окна и выключив свет. Но я заметила, что ему одиноко – по тому, какими сутулыми стали его плечи и насколько тщательно он избегал упоминаний о маме и Лизе.

Иногда, когда папа выходил в город, я открывала мамин шкаф, доставала ее одежду и выбирала то, в чем буду ходить. Чаще всего я надевала мамин розовый халат, который был слишком длинным для меня и волочился по полу, садилась перед телевизором, ела хлопья и смотрела «Угадай цену». Я говорила себе, что мама рано или поздно вернется и сядет со мной рядом, скажет, что сожалеет о том, что уходила, и пообещает больше никогда нас не покидать. Я носила ее одежду, чтобы позвать ее и сказать, что мне ее не хватает.

Я начала ходить в среднюю школу № 141. Тогда на какое-то время нам снова подключили телефон, и мама несколько раз звонила и рассказывала, какая у Брика чистая квартира.

– И район Бедфорд-парк гораздо лучше, Лиззи. Кстати, и Лиза такого же мнения. – Странно, что она всегда звонила тогда, когда стояла у плиты и готовила. – Представляешь, я не употребляю кокаин уже несколько месяцев! И чувствую себя отлично. Я же тебе говорила, что мне надо сменить обстановку.

На заднем плане я слышала голос Брика: «Джин, переворачивай отбивные!» – и звуки шипящего масла на сковороде.

Мама продолжала:

– Больше не могу говорить, мы садимся есть. Я люблю тебя, дорогая!

В трубке раздавался щелчок, и мама исчезала.

* * *

В средней школе все было совсем по-другому, чем в начальной. Я уже не могла рассчитывать, что сдам тесты в конце учебного года и меня переведут в следующий класс. Той осенью я начала ездить на набитом орущими двенадцатилетними детьми автобусе в школу. На дорогу в одну сторону уходило полчаса. Я отходила в школу без перерыва целый месяц.

Потом я начала прогуливать еще больше, чем в начальной школе. Дорога была длинной, а учителей, ведущих занятия, несколько, и мое желание посещать школу закончилось. В редкие дни, когда я была в классе, учителя не знали моей фамилии, а я – их.

В дни, когда я возвращалась после нескольких прогулов в школу, я находила в моем ящике для корреспонденции записки от учителей, которые просили связаться со школьным координатором, занимающимся

прогульщиками. Эти записки меня нервировали, но я их полностью игнорировала. По пути к автобусу я рвала их в мелкие клочки и выпускала длинным бумажным шлейфом, который разносил ветер.

Я умела избегать учителей и социальных работников. Я уже привыкла, что все эти люди пытаются влезть в жизнь нашей семьи. Все они превратились для меня в одно недовольное существо, качающее головой, неодобрительно грозящее пальцем и разглагольствующее о том, как надо жить. Я закрывалась от них и не читала их посланий, я вычеркнула их из моей жизни.

Папа часто уходил в город, чтобы повидаться с друзьями, а я валялась на кровати и смотрела телевизор. Иногда я открывала ящики маминого комода и искала вещи, которые могли бы напомнить о ней. Или я просто спала, накрывшись маминым розовым халатом, как одеялом.

* * *

Однажды, когда папа ушел в город, я весь день провела за изучением содержимого кладовки, в которой хранились их с мамой вещи. В глубине кладовки я обнаружила гигантские залежи вещей 1970-х годов. За ящиками старых пластинок и бобин магнитофонных лент я нашла пакет с надписью магазина *Farmers' Market* и изображением пахущего поле старика на фоне стога сена. Я вывалила содержимое пакета на кровать в родительской спальне. Внутри оказалась пара трубочек для курения марихуаны, подвеска из янтаря в форме слезы, билет в музей с оторванной полосой контроля, а также толстая стопка фотографий, углы которых стали от времени загибаться, как носы турецких туфель.

Там было три дешевеньких серебряных кольца, на самом маленьком из которых был вырезан пацифистский знак. Это кольцо село на один из моих пальцев, как влитое. Среди вещей была табачная труха и остатки марихуаны. Я не знала большинства изображенных на фотографиях людей лет двадцати с чем-то, одетых в хипповскую одежду психоделической расцветки, с «фенечками», с длинными волосами, подвязанными кожаными шнурками, позирующих в парках около старых автомобилей.

Все это являлось неоспоримым доказательством, что у мамы была до меня своя жизнь, а также тревожным напоминанием, что она может построить свою жизнь без меня и дальше.

Среди фотографий я нашла одну, на которой были изображены мама с папой на тогда еще новой кухне нашей квартиры. У папы были густые бакенбарды, а на голове гораздо больше волос, чем сейчас. У мамы была прическа афро и блузка в «огурцах». Родители не смотрели в объектив,

а понурили головы, словно им только что сообщили плохие новости.

«Жалко выглядите, – сказала я им. – И вообще вы жалкие».

Просматривая фотографии, я поняла, что в жизни родителей встречались и приятные моменты. Там была одна фотография, снятая в нашей гостиной. На ней мама с папой лучезарно улыбались, и на обоих были солнечные очки с красными стеклами. Они были одеты в похожие замшевые куртки и держались за руки. Никогда раньше я не видела, чтобы родители держались за руки.

На другой фотографии была изображена смеющаяся мама. Она сидела по-турецки на ковре в белой майке и микроскопических джинсовых шортах. Ее голова была закинута назад, а на ее руках лежала какая-то большая змея. На следующей фотографии мама задувала горящие свечи на торте. Несколько стоящих вокруг и хлопающих в ладоши людей я не знала. Папа был рядом с мамой. Он склонился, чтобы поцеловать ее в щеку.

Я никогда не наблюдала проявлений нежности между родителями, и мне казалось, что я смотрю на совершенно незнакомых людей.

Самой красивой фотографией оказался черно-белый портрет мамы, сделанный в старших классах школы. У нее было задумчивое выражение лица, и она была такой привлекательной, что могла бы быть моделью. Я долго вглядывалась в эту фотографию, понимая, что смотрю на маму до того, как она неожиданно родила детей, до ее психического заболевания и задолго до того, как она получила ВИЧ. Я подумала, что, возможно, мама подсознательно стремится вернуться в те счастливые времена своей старой жизни, когда не было дочери-прогульщицы, которая ее постоянно перебивает, сводит с ума и вообще действует на нервы. Я собрала фотографии в пакет, но засунула в карман джинсов этот мамин портрет.

Поставить пакет на полку оказалось сложнее, чем его оттуда снять, поэтому мне пришлось принести из кухни стул и встать на него. Со стула я увидела, что на полке лежит старая пыльная деревянная коробочка, которую я ранее не заметила. Я водрузила пакет на место и вынула деревянную коробку, которая, учитывая ее небольшой размер, оказалась гораздо тяжелее, чем я предполагала. Я села на кровать и положила коробку на колени.

Внутри коробки оказался блокнот, перевязанный резинками. Когда я попыталась их снять, резинки лопнули от старости, и на пол выпало несколько фотографий. На первой странице блокнота размашистым папиным почерком было написано «Сан-Франциско». Между страницами лежали фотографии, на которых был изображен молодой папа с копной

волос в период жизни до встречи с мамой. На одних фото он показывал пальцем на мост «Золотые ворота», на других – жарил гамбургеры с друзьями, валялся на пляже и смеялся на вечеринках.

На одной из фотографий папа был изображен перед книжным магазином под названием *City Lights Bookstore*. Он стоял в ряду из четырех молодых хорошо одетых мужчин, изображавших серьезность и щурившихся в лучах солнца.

Кроме прочего были две черно-белые фотографии папы, на обратной стороне которых незнакомым мне почерком было написано «*B City Lights*». На одной из них папа читал книгу и, вероятно, даже не подозревал, что его фотографируют. На другой он сидел в аудитории среди людей с серьезными лицами, слушавших стоящего на сцене бородатого человека, который вознес руки к небу, что-то рассказывая.

К обратной стороне блокнота скрепкой был прикреплен конверт с выцветшим от времени написанным от руки адресом отправителя на Лонг-Айленде. Я узнала этот адрес. Это был адрес моей бабушки. Я открыла короткое письмо, в котором бабушка выражала удивление по поводу того, что чек на оплату папиного образования вернулся из бухгалтерии его университета. Бабушка писала, что бывший сосед папы по студенческому общежитию сообщил его новый адрес в Калифорнии. Бабушка задавала резонный вопрос о том, как долго папа намерен «отдыхать» и когда планирует вернуться к учебе. Письмо было подписано словами «С любовью, твоя мама» в точно таком же стиле, как бабушка подписывала все поздравительные открытки на день рождения папы, которые отправляла на наш адрес.

К бабушкиному письму скрепкой было прикреплено еще два нераспечатанных письма, написанных самим папой некому Уолтеру О'Брайену в Сан-Франциско. На каждом из конвертов стояла печать «Вернуть отправителю». За всю свою жизнь я ни разу не видела, чтобы папа написал кому-нибудь письмо. Мне было очень интересно узнать, что именно он написал, но я знала, что и так зашла слишком далеко и если их открою, то мне так просто это с рук не сойдет. Поэтому я решила посмотреть фотографии.

На одной из них был изображен спуск с крутой горы и указатель с названием улицы Ломбард-стрит. Это фото было отправлено какой-то женщиной папе на нью-йоркский адрес. Женщина писала, что скучает по папе и его «плохому вкусу в поэзии». Она также писала, что их общий друг Уолтер тоже скучает по папе, и они надеются, что он скоро вернется в Сан-Франциско.

Папе нравилась поэзия? Я не могла в это поверить. Он читал только детективы и публицистику, в которой освещались чаще всего довольно мрачные факты или какая-нибудь весьма тривиальная информация. Насколько я знала папу, он не интересовался поэзией.

Я подобрала выпавшие фотографии. На одной из них была изображена маленькая девочка в розовом платье. Я подумала, что это я сама, но потом обратила внимание, что фото потускневшее и старое. На обратной стороне было написано «Мередит».

Я долго вглядывалась в фотографию, сопоставляя с ней свои воспоминания о Мередит, когда мы с Лизой видели ее в парке. Я сравнивала лицо Мередит с папиным. Интересно, где она сейчас, почему папа ее оставил и никогда о ней не говорил. Потом я задумалась, что еще мог наделать папа, о чем я не имела ни малейшего понятия.

Потом я увидела фотографию с подписью «Питер и Уолтер, 4 июля». На фото папа улыбался, и глаза у него были счастливые. Вторым изображенным на фотографии человек, Уолтер, был высоким, худым и молодо выглядевшим. У него была светлая кожа, рыжие волосы и веснушки. Уолтер тоже улыбался, положив руку на папино плечо. На заднем фоне были люди с американскими флагами, и фотография была сделана не в Нью-Йорке, а в неизвестном мне месте. Казалось, что фото снято во время пикника.

Наконец я взяла последнюю фотографию. Это был полароидный снимок на самом дне стопки. Сначала я не поняла, что на нем изображено. Я долго смотрела на фотографию, пытаюсь переварить то, что увидела. Это было фото двух целующихся мужчин. Одним из них был рыжеволосый папин приятель Уолтер, который был упомянут в письме и на чей адрес были отправлены возвратившиеся к папе письма. Вторым мужчиной на фотографии был папа.

Меня охватила паника, и я быстро собрала письма и фотографии в деревянную коробку. Я засунула блокнот в коробку, словно могла спрятать в нее то, что только что для себя открыла. Я быстро водрузила коробку на место, надела мамин розовый халат и выбежала из комнаты.

Я упала в кровать, накрыла голову подушкой и вспомнила все сомнения и предостережения мамы по поводу отца. Я вспомнила, как она обвиняла его в том, что он хранит какие-то секреты и не любит ее. Тогда мне казалось, что эта мамина паранойя вызвана болезнью. Я защищала папу и считала, что его незаслуженно обвиняют. Что знала мама? И что вообще происходило с папой?

Я долго плакала. Я плакала от того, что мне не хватает мамы и Лизы. Я плакала потому, что в кладовке бывшей родительской спальни лежали доказательства, что я на самом деле не так уж хорошо и знала своего папу. Он все еще встречался с этим Уолтером? Или он встречался с другим мужчиной? Может быть, папа и заразил маму СПИДом?

На протяжении последующих месяцев я много времени проводила у себя в комнате за закрытой дверью. Каждый вечер, когда папа возвращался с наркотиками или после своих прогулок в городе, он давал мне китайскую еду или кусок пиццы. Мы обменивались парой фраз, после чего папа шел на кухню и «вмазывался», а я ела в своей спальне.

Однажды папа принес найденный где-то маленький черно-белый телевизор и разрешил мне поставить его у себя в спальне. Я объяснила, что мне неудобно сидеть на диване в гостиной. Иногда перед сном папа подходил к закрытой двери моей спальни и говорил: «Спокойной ночи, Лиззи. Я тебя люблю». Я выдерживала паузу, после чего произносила: «Я тоже тебя люблю, папа».

* * *

Через несколько месяцев меня забрали представители социальной службы детской опеки. Когда они появились на нашем пороге, я не стала драться или убегать. И в глубине души я очень расстроилась оттого, что папа тоже не протестовал и не спорил.

В ответ на многочисленные просьбы из школы № 141 решить вопрос моих прогулов два не улыбающихся социальных работника взяли меня, чтобы перевести в «учреждение». Один из них сказал, что он мистер Домбия, второй не сообщил, как его зовут.

Пока папа подписывал документы, официально передающие уход за мной государственным органам, мне дали десять минут на сборы. Я взяла одежду, мамину монетку из «Анонимных наркоманов» и ее черно-белую фотографию.

Папа неловко обнял меня. Его руки тряслись.

– Прости, Лиззи, – сказал он.

Я отвернулась, потому что не хотела, чтобы он увидел мои слезы. Если бы я не прогуливала школу, всего этого не произошло бы.

Я села на заднее сиденье автомобиля. Никто не сказал мне ни слова. Я пыталась понять, куда мы едем, но плохо слышала из-за рева мотора и сильного акцента социальных работников. Я смотрела в окно и не узнавала улицы. Мы подъехали к большому кирпичному офисному зданию без вывески над входом.

Меня привели в комнату, похожую на кабинет врача.

– Присядь, – сказала высокая женщина, показала на стул и вышла.

Дверь кабинета осталась открытой. На стенах ничего не висело. На окнах были толстые и ржавые решетки. Солнце освещало замусоренную улицу с задней части здания. Я заметила, что в коридоре сидит девочка с дредами и в тренировочных штанах. Взгляд у девочки был совершенно отсутствующий, как у пациентов психлечебницы, в которой лежала мама. Прошло полчаса, но никто мной не занимался. Я встала со стула, вышла в коридор и заговорила с девочкой.

– Привет, ты здесь за что?

– Они думают, что я пырнула ножом моего кузена. Блин, как мне это надоело! – пробормотала девочка, даже не поднимая на меня глаз.

– Вот как... – ответила я и вернулась на свое место в комнате. Не знаю, сколько прошло времени, но высокая женщина наконец вернулась. Она захлопнула дверь комнаты, открыла папку, недолго почитала, повернулась и посмотрела на меня поверх очков.

– Разденься, пожалуйста, – сказала женщина.

– Догола? – переспросила я.

– Да, мне нужно тебя осмотреть.

Я не хотела раздеваться, но выбора у меня не было. Женщина пролистала бумаги в папке, а я положила свою одежду на свободный стул. В комнате было прохладно, и у меня по коже пошли мурашки.

– Нижнее белье тоже надо снять.

– Зачем? – спросила я, но сделала так, как меня просили.

Все стало бы более понятным, если бы мне объяснили, что происходит. И я бы гораздо меньше боялась. Однако женщина говорила со мной холодным бюрократическим тоном, который предполагал, что я для нее не человек, а всего лишь работа.

Женщина не сразу ответила на мой вопрос. Она посмотрела в свои бумаги и начала вещать, как «с листа».

– Элизабет, я проведу твой осмотр и задам тебе несколько вопросов. Пожалуйста, отвечай на них честно. Понимаешь?

– Да, – ответила ей я. Я стояла перед ней совершенно голая.

Женщина посмотрела на меня и карандашом показала на синяк на голени.

– Откуда у тебя вот это, Элизабет?

У меня на теле было много синяков. У меня светлая кожа, и поставить на ней синяк очень легко. Каждый раз, возвращаясь с улицы после игры, я замечала на теле новые синяки. Ну как я могла знать, откуда взялся тот, о котором она спрашивала?

– Не знаю... На улице играла.

Женщина что-то записала.

– А вот этот? – спросила она, показывая на другой синяк.

Как я должна была отвечать на ее вопрос? И что будет, если я скажу «не знаю»? Что она подумает? Что папа меня бьет? Если это так, значит ли это, что нашей квартиры я уже не увижу? У меня было больше вопросов, чем ответов. И вообще, почему никто не объяснил мне, что со мной происходит?

– От велосипеда... От того, что залезала и слезала с велосипеда.

Женщина долго продолжала задавать свои вопросы. Она просила меня повернуться, поднять руки и вытянуть ноги. Наконец, она разрешила мне одеться. Женщина вышла из комнаты, в которую сразу вошел латиноамериканец с едой. Он не сказал ни слова. Он просто кивнул и положил на стол что-то завернутое в целлофан. Внутри целлофана оказались куски ветчины, сыра и черствая булка. Он дал мне пакетик сока и удалился так же беззвучно, как и вошел. Через некоторое время снова появился мистер Домбия, мы вышли и сели в автомобиль. Сложив руки на груди, я бездумно уставилась в окно.

Приют Святой Анны оказался неприметным, но суровым кирпичным зданием в Нижнем Ист-Сайде Манхэттена. По внешнему виду – что-то среднее между домом престарелых и государственной школой. Позже

девушки сказали, что заведение официально называется «Диагностический центр с проживанием», в котором содержат проблемных детей: хронических прогульщиков, страдающих умственными заболеваниями, малолетних преступников и так далее, чтобы потом отправить ребенка на постоянное место содержания или обучения. По слухам, здесь надо было пройти трехмесячный курс консультирования со специалистами-психологами.

У меня сохранились отрывочные воспоминания о моих трех месяцах пребывания. Я помню урывками запахи, картинки и звуки. Я в то время была не участником, а больше свидетелем собственной жизни. Даже если я очень напрягаюсь, все рано воспоминания остаются отрывочными.

Я помню, что привели меня туда двое мужчин-сотрудников, между которыми я была зажата, словно колбаса в сэндвиче. Они показали свои пропуска на входе, раздался звук электрического замка, точно такой же системы, как в психбольнице у мамы, и мы вошли. Двери открывались и закрывались автоматически.

Я пыталась понять, считают ли меня сумасшедшей. Если меня послали туда, где никто не говорит со мной человеческим языком, значит, со мной что-то не так?

Толстая, лысая и похожая на тролля женщина кивнула моему эскорту, те молча развернулись и ушли. Когда они выходили из двери, в здание ворвались звуки улицы, заполненной людьми, наслаждающимися свободой. Я очень четко осознала, что я теперь не принадлежу к их числу.

Ситуация сложилась очень печальная. Мне нельзя было здесь находиться, да и папа был в слишком плохом состоянии, чтобы оставаться одному. Я знала, что разберусь с картой метро и обязательно доеду отсюда до дома, если, конечно, смогу убежать. Но глядя на все, что меня окружало, я поняла, что в этом здании были приняты серьезные меры предосторожности от потенциальных побегов. На всех окнах стояли крепкие решетки, а внутри здания все было пусто и стерильно, что исключало вероятность где-то спрятаться.

– Зови меня «Тетушка», – сказала женщина. – Я здесь главная. Ты будешь жить на третьем этаже. Никаких конфликтов. Ты меня поняла, девочка? – На третьем этаже по коридору шли несколько меланхоличного вида девушек. – Вот твоя комната. Ты будешь жить с Рейной и Сашей. И учти – мы не терпим неуважительного отношения. Отбой в девять вечера, завтрак в семь, и занятия не пропускать. Если есть вопросы, спроси соседок. – Женщина кивнула в сторону девушек.

Рейна была худой чернокожей с узким лицом. На ее голове торчали

короткие косички. Она, кажется, не умела молчать и постоянно что-то тараторила о девушках, которые «говорят лишнее и за это получают по полной. Понимаешь, о чем я?». Рейна постоянно делала паузы в разговоре, чтобы получить подтверждение собеседника.

– Ага, – отвечала я на все, что она мне говорила.

Моя вторая соседка Саша оказалась тихой девочкой, в особенности если сравнивать с разговорчивой Рейной. Каждый раз, когда Саша выходила из комнаты в туалет, Рейна начинала поливать ее грязью, говоря, какая та «страшная» и «себялюбивая».

– Я сама дома очень кайфово одевалась, правда, потом проблемы начались. А эта слишком много о себе думает, и если это будет продолжаться, я ее, суку, урою!

Говорить о стиле и моде в стенах резиденции Святой Анны было делом бесполезным, потому что все хорошие вещи воровали, и к тому же всю одежду стирали с хлоркой, что неизбежно убивало не только цвет, но и сами вещи. Чуть позже я поняла, что Рейна была не совсем адекватна, а молчание Саши объяснялось не заносчивостью, а скорее стратегическими соображениями.

Рейна смотрела на меня так, будто пыталась понять, что со мной делать.

– Белая, ты мне нравишься, давай дружить. Будем друг другу помогать, понимаешь, о чем я?

– Конечно, – ответила я.

* * *

В первый вечер я сидела за столом в столовой и наслаждалась горячей едой. Неожиданно я почувствовала, как живот и ноги обжигает горячая жидкость. Я закричала от боли. Меня облили горячим супом, и на джинсах остались рисинки и кусочки моркови. Группа девушек, согнувшись от смеха, удалялась от меня. То, что они сделали, оказалось по душе многим, и я услышала: «Так тебе и надо, белая сучка!»

В конце дня всех выстроили перед раковинами, чтобы почистить зубы на ночь. В туалете на окнах тоже были решетки. По поведению девушек я поняла, какие из них являются наиболее сильными и уважаемыми. Такие умывались и чистили зубы чуть дольше остальных, поправляли волосы и смотрелись в зеркало, пока остальные в очереди ждали. Все остальные быстро умывались и механически чистили зубы.

Пахло зубной пастой, шампунем и мылом, которое нам выдавали. Потом, стоя босиком на кафеле с полотенцем в руке, мы ждали своей

очереди в душевую кабинку. Одновременно происходила переключка, и надзирательницы записывали количество минут, проведенных каждой из нас в душевой кабинке. Из закрытых занавесками кабинок вместе с паром поднимался запах мыла с добавлением какао-масла.

Время мытья никто не затягивал. Все боялись появления Тетушки и того, что она начнет ругаться и угрожать. Пока мы мылись, большой холл в коридоре оставался пустым и освещенным конусами света потолочных ламп.

«Лорин, Элизабет, Райа, вы не в своей собственной ванной! Поторопитесь, а то Тетушка потеряет терпение. Вы копаетесь, как улитки».

Первый раз в жизни меня заставляли мыться перед сном. Мне казалось странным, что все люди моются каждый день. Но мне понравилось, что кожа чистая и как она соприкасается с выстиранной одеждой. Тетушка рьяно следила, чтобы в девять вечера все выключали свет. Во время ночной смены в коридоре сидела одна из надсмотрщиц.

Кроме самого факта заточения, мне было трудно привыкнуть к поминутному распорядку дня, которому неукоснительно следовали. Очень раздражали громкие крики Тетушки со звоном ключей, пристегнутых к поясу ее платья. Каждое утро мы просыпались в шесть тридцать. Именно в это время открывали настежь двери наших комнат, и Тетушка начинала кричать:

«Поторапливаемся, девочки! Подъем, подъем, подъем!»

Иногда какая-нибудь новенькая девочка отказывалась вставать, и ее вытаскивали из кровати.

«Не надо с Тетушкой связываться, тебе дороже обойдется. Только попробуй и увидишь, что Тетушка здесь главная».

* * *

– Расскажи мне, что ты думаешь о том месте, где сейчас находишься.

– Я здесь застряла.

Я игнорировала написанное на лице доктора чувство неудовольствия. Время шло, а я молчала. Длинная стрелка на часах с логотипом препарата *Prozac* медленно и терпеливо ползла по кругу. Вместо цифры «12» на циферблате красовалась огромная бело-зеленая таблетка.

Доктор Эва Моралес пила кофе из кружки с надписью «*Cornell University*» – Корнелльский университет. Эта чашка, точно так же, как и девушки из приюта, не покидала стен здания. Чашка перемещалась от стола до накрашенных красной помадой губ доктора, сидевшей в офисе без окон. Мы встречались с ней три раза в неделю по сорок минут

на протяжении всего моего пребывания в приюте Святой Анны.

«Последовательность дает положительный результат, а показателем того, что будет положительный результат, является последовательность», – говорила доктор, делая небольшой кивок на каждом слове.

Обычно мы обсуждали мою «недостаточную дисциплинированность». Кроме этой проблемы, доктора интересовали вопросы: «Тебе не кажется, что у тебя слишком длинные волосы?» и «Если ты будешь оставаться такой же застенчивой, у тебя никогда не будет друзей».

Доктор Моралес знала всего два выражения лица: сочувствующее (одна рука подпирает щеку) и задумчивое (прикушенная губа и сцепленные пальцы рук). Сочувствующее выражение лица неизбежно приводило к сентенции: «В жизни надо брать быка за рога и отвечать за свои поступки».

Похоже, она считает, что всю мою жизнь я не отвечала за свои поступки.

Доктор была настолько далека от того, о чем сама говорила, что мне иногда казалось – наши встречи проходили, только чтобы она могла практиковать фразы, заученные во время обучения. Большую часть беседы я просто кивала, соглашалась и делала вид, что поражена озарениями и банальными трехкопеечными мудростями, которые она высказывала.

«Я хочу тебе помочь, но все знают, что нельзя помочь человеку, который сам этого не хочет», – говорила доктор, подняв брови и пытаясь вывести меня из затяжного молчания.

«Я понимаю», – отвечала ей я. Я очень часто использовала эту фразу.

Я старалась выглядеть максимально внимательной, чтобы ей не надо было повторять то, что она сказала. Так что в течение сорока минут мы с доктором старались «понять» друг друга ради какого-то мифического прогресса. Я понимала, что если буду с ней соглашаться, то скорее окажусь дома. Я должна была показать ей, что меня надо вернуть домой, а не держать в приюте Святой Анны.

Поэтому я делала понимающее лицо, кивала и демонстрировала ей, что поражена ее логическими конструкциями. Да, я совершенно согласна с тем, что мне пора задуматься о своем будущем. Да, я хочу быть образованной девушкой, полностью использующей свой потенциал. Да, вы очень хорошо мне помогаете, и я меняюсь в лучшую сторону, доктор Моралес.

* * *

Через несколько дней после моего заселения в приют Святой Анны я

поняла, что Рейна имела в виду, обещая «урить» Сашу, – когда Тетушка затащила в нашу спальню плачущую Сашу с красными, как помидоры, глазами.

– Шуточки решили с Тетушкой пошутить? – спросила она меня с Рейной. С лысой головой и курносый носом, она была похожа на бульдога. – Кто из вас налил хлорку в Сашин шампунь? Хотите, чтобы я догадалась?

Рейна стала так убедительно доказывать, что она не могла это сделать, что я на секунду засомневалась в том, что это сделала именно она.

– Это Элизабет! Я говорила, что ей достанется от Тетушки, но она меня и слушать не хотела! – выпалила Рейна. – Она сказала, чтобы я не вмешивалась не в свои дела. Так что это не я сделала, клянусь богом, чтоб мне с этого места не встать!

Тетушку убедили ее аргументы.

– Я никогда... – начала я.

– Я не знаю, как в твоей семье принято, но у нас такое поведение не проходит. Пошли со мной! – приказала мне Тетушка. Я последовала за ней в коридор, а Рейна победно ухмыльнулась.

* * *

Меня поместили в «тихую комнату» – очень маленький карцер с плохим освещением и жестким ковром, в котором отбывали наказание провинившиеся девушки.

В карцере было маленькое окошко с решетками. Из окошка была видна кирпичная стена соседнего здания и если вытянуть шею и смотреть вверх, то и небольшой клочок неба. Карцер пах потом и мочой.

– Ненавижу это место, ненавижу, – сказала я вслух.

После инцидента с хлоркой меня перевели из комнаты с Рейной и Сашей в номер, в котором была только одна соседка по имени Талеша. Ей исполнилось пятнадцать лет, то есть она была на два года старше меня. У Талеша была темная кожа, небольшие глаза и полугодовалый сын. Талеша – старше меня, поэтому Тетушка решила, что с ней я должна буду держать себя в рамках.

Я зашла в комнату с пластиковым пакетом для мусора, в котором были мои вещи. Талеша придержала мне дверь и улыбнулась. У нее были длинные дреды, крупные губы и трехсантиметровые ногти цвета металлик.

Как только дверь закрылась, Талеша упала на свою кровать и сказала:

– Я знаю, что не ты налила хлорку в Сашин шампунь. Ты здесь единственная белая, поэтому точно себе такого бы не позволила.

Это Рейна, черт ее возьми. — Она внимательно на меня посмотрела и добавила: — Ты не выглядишь сумасшедшей.

— Я не подливала хлорки в Сашин шампунь, — сказала я.

— Как ты здесь оказалась? Где твоя семья? — спросила Талеша.

Я поняла, что не хочу рассказывать ей всю свою историю и даже думать не могу о том, как папа один справляется со всем в квартире на Университи-авеню, поэтому только пожала плечами и начала распаковывать свои вещи.

Талеша жила здесь уже больше года. Это была ее вторая «отсидка» в приюте Святой Анны, и поэтому она знала все про его обитательниц. Она рассказала мне о прежней жизни многих девушек, которые здесь содержались, и даже о прошлом самой Тетушки. Как выяснилось, мама Рейны курила кокаин и в один прекрасный день пришла к своему дилеру с предложением отдать дочь за кокаин.

— Она говорит им: «Рейна может вам убрать в доме и навести порядок», и парни отвечают: «Йо, отлично, пусть уберется, это же тоже денег стоит». Но суть в том, что мама дочку потом не забрала.

Узнав историю Рейны, я поняла, что моя мама не такая уж и плохая. Она бы никогда себе такого не позволила.

Талеша продолжала рассказ:

— А ты в курсе, что у Тетушки раньше были длинные дреды? Однажды она заболела и волосы выпали. Она по сей день хранит свои дреды в пакете за кушеткой в своем офисе!

— Да ладно! Ты серьезно? — удивилась я.

Я не верила в эту историю до тех пор, пока через пару месяцев своими глазами не увидела, как Тетушка гордо демонстрирует дреды надзирательницам. Из пластикового пакета она вынула длинные, как змеи, дреды и объявила: «В моей семье были индейцы. Мой отец из племени чероки. Я могу дреды снова в любой момент отрастить. И они на мне, кстати, отлично смотрятся».

Больше всего Талеша говорила о своем сыне Малике. После отбоя она могла часами рассказывать о том, как здорово, когда у тебя есть бойфренд, и как себя чувствует беременная женщина.

«Когда видно, что ты беременна, люди начинают в автобусе место уступать. Когда у тебя ребенок, у тебя есть человек, которого ты любишь».

Много раз ночью Талеша плакала, потому что скучала по сыну. Она говорила, как ненавидит свою мать за то, что та взяла ребенка, а саму Талешу отправила в приют. Иногда она начинала мечтать, как здорово она будет жить с Маликом, когда выйдет из приюта. Она хотела снять дом

с большим участием, чтобы Малику было где играть.

Иногда после того, как Талеша засыпала, я долго думала о своей собственной семье и плакала. Я думала, как папа один справляется в большой квартире, как болезнь постепенно разрушает мамино тело и что я, к сожалению, не могу им помочь.

* * *

Меня выписали из приюта Святой Анны весной, когда на Нижнем Ист-Сайде расцвели вишни. Я не знаю, кто именно – доктор Моралес, мистер Домбия или Тетушка – принял решение, чтобы попечительство обо мне передали Брику. В любом случае я была счастлива выбраться из приюта. Я покинула приют без сожаления, разве что с небольшой грустью о том, что расстанусь с Талешей.

«Удачи, подруга! Мне тебя будет не хватать», – сказала на прощанье Талеша и обняла меня так тепло, как меня уже давно никто не обнимал. Я поблагодарила ее за все, пожелала удачи, собрала вещи в черный мешок для мусора и спустилась вниз к мистеру Домбия.

На шумной улице Манхэттена у приюта Святой Анны я осознала, что не имею никакого понятия о том, как сложится у меня жизнь. Несмотря на то что я «возвращалась домой» к маме и Лизе, я окажусь там, где никогда не была. Каждый раз, когда мы общались с мамой по телефону, она убеждала меня, что нет жизни лучше, чем у Брика. К сожалению, мамины расчеты не включали папу.

Я села на заднее сиденье такси рядом с мистером Домбия, который сообщил водителю мой новый адрес на бульваре Бедфорд-Парк. Я почувствовала, что не еду домой, а меня перевозят из одного места, в котором я не хочу быть, в другое.

V. В тупике

Квартира Брика состояла из одной спальни и гостиной. Все пространство было завалено предметами и рекламными материалами, связанными с сигаретами. Везде валялись штрихкоды с сигаретных пачек, которые он собирал, чтобы отправить в компанию и получить за это какой-нибудь подарок. На спинках стульев висела куча маек с сигаретными брендами.

Пластиковые тарелки в его доме были разноцветными, в виде перевернутых шлемов бейсболистов. Они были получены в обмен на вырезанные с коробок сока штрихкоды. С упаковок на бутылках газировки или соуса были сняты штрихкоды, а сами товары распаханы куда попало в ожидании часа, когда их используют. Массовые закупки смеси для выпечки дали Брику бесплатную подписку на журналы *Sports Illustrated* и *Better Homes and Gardens*. Везде стояли переполненные пепельницы с раздавленными окурками и сгоревшими спичками. И я знала, что папа сказал бы, что нигде не видно ни одной книги.

В то утро, когда я приехала с мистером Домбия, мама намазывала майонез на сэндвич с ростбифом, а Брик сидел в ожидании, когда его обслужат. От сигарет дым стоял коромыслом. Из трехкопеечного радио на столе неслись звуки песни «*Only you*». Дверь нам открыла Лиза и неловко меня обняла. Ее губы были ярко накрашены, а в ушах торчали большие золотые кольца, гораздо более массивные, чем было ей к лицу.

– Дорогая! – радостно приветствовала меня мама. – Наконец-то ты здесь!

Она крепко меня обхватила, держа в одной руке нож.

Мы обнялись, и я почувствовала, что она похудела. Она весила, наверное, как ребенок. Я уже была выше ее ростом и тяжелее. Меня поразила эта разница, от которой я почувствовала себя старше своих лет.

– Мам, мне тебя очень не хватало, – прошептала я ей на ухо.

В это время Брик подписывал разложенные мистером Домбия на кухонном столе бумаги по передаче ответственности за меня ему, а не государству.

– Приятно ощущать себя свободным человеком? – спросил меня Брик и зашелся надрывным кашлем заядлого курильщика.

Я не ответила ему, потому что вопрос показался мне излишне грубым,

а вместо этого посмотрела на маму, которая сказала:

– Лиззи, я так рада, что ты здесь!

– Не забывайте, – произнес мистер Домбия и снял темные очки. Зубочистка, которую он постоянно держал во рту, сейчас словно прилипла к нижней губе. – Вы на испытательном сроке. Посмотрим, какие успехи Элизабет покажет в школе. И вообще посмотрим, как она приживется на новом месте. Если возникнут проблемы, Элизабет снова вернется в нашу систему.

Несмотря на то что в приюте Святой Анны обучение сводилось к шитью, которым мы занимались под надзором женщины по имени Ольга, чисто формально я закончила седьмой класс.

На следующий день после переезда в квартиру Брика я должна была пойти в восьмой класс средней школы № 80. Маме надо было сходить со мной, чтобы меня записали.

– Пенни Маршалл^[9] и Ральф Лорен^[10] ходили в эту школу, – сообщила мне мама, когда мы пересекли трассу Мошолу по пути в учебное заведение. – Правда, тогда его звали Лифшиц. Ну, представь себе марку одежды под брендом «Ральф Лифшиц». Никто в жизни не купит. – Я никак не отреагировала на ее сообщение. – В общем, Лиззи, – продолжила мама, – это хорошая школа. – И потом добавила, скорее для себя, чем для меня: – Надеюсь, что ты ее закончишь.

Я не была уверена, что смогу выдержать неделю школы, но при одной мысли о возвращении в приют Святой Анны у меня заболело все тело.

Охранник сказал, что нам надо найти координатора учебного процесса, который определит класс, в который я пойду. Началась перемена, и дети бегали из одного помещения в другое, играя в догонялки. Они были хорошо одеты, с красивыми ранцами, они смеялись, но я чувствовала себя гораздо старше их.

Мы шли к офису координатора, и мама вела себя так, что я начала ее стесняться. Через головы бегающих вокруг нас учеников она громко рассказывала довольно похабные истории о своих новых друзьях из местного бара. Мама перестала употреблять кокаин и постоянно принимала всякие лекарства, от которых ее руки и ноги непроизвольно дергались, словно она была марионеткой в руках невидимого кукловода. «Дороги» вен на ее руках от многолетних уколов были особенно заметны при хорошем освещении школьного офиса. Там, где вены были проколоты тысячи раз, образовались фиолетовые пятна. Я была уверена: все, кто их увидит, поймут, что это.

В офисе оказалась еще одна мама с ребенком – мальчиком моего

возраста. Женщина была одета в аккуратный офисный костюм и удобные туфли. Мама говорила, а та ерзала на своем стуле, словно ей неприятно, и что-то шептала на ухо сыну. Мама недавно коротко подстриглась и была одета в одну из маек Брика с надписью: «*Marlboro. Вот что значит быть мужчиной*». Я сгорала от стыда.

Координатор вызвала следующих посетителей, которыми оказались приличная мама с сыном. Мама расслышала только слово «следующий», вскочила и встала между мальчиком и его мамой.

– Нет, мам, они следующие, – смущенно пробормотала я, но женщина жестом показала, чтобы мы пошли первыми. Мама даже не заметила этой сцены, потому что уже спокойно сидела у стола координатора.

В средней школе № 80, как и во многих других, учеников распределяли по сильным и слабым классам. В качестве названий разных по уровню классов могли использовать такие слова, как «Звездный» (*Star*), «Преуспевающий» (*Excel*) или «Земля» (*Earth*).

– Цель нашей встречи, – сказала координатор, женщина уже в годах, похожая на библиотекаршу, – определить успеваемость и уровень знаний вашего ребенка.

– Она очень умная, – убежденно заявила мама. – Определите ее в самый сильный класс, там ей место.

Мне стало стыдно. Я пыталась придумать, как бы мне отгородиться от мамы, потому что она глупо и громогласно гордилась мной без каких-либо оснований.

Координатор рассмеялась и сказала, что вопрос успеваемости ребенка и мнение родителей о способностях чада – совершенно разные вещи. Существуют записи и оценки, которые я получила в моей прошлой школе. Я нервно теребила заколку в волосах. Я разрывалась между чувством стыда, страхом и любовью к матери, которая очень разочаруется, если узнает о моей успеваемости.

Координатор быстро просмотрела документы в папке и радостно сообщила:

– У меня как раз есть для тебя прекрасное место.

Она вынула список учеников класса «Земля» и вписала в него мою фамилию. Класс «Земля», как она мне сообщила, является местом, где учатся «дети, твердо стоящие ногами на земле».

– Сейчас, Элизабет, у них обед. Приходи в класс к мистеру Стрезу к двенадцати дня, – сказала она и передала записку для учителя. После того как мама встала, координатор добавила: – Тебе стоит ходить в школу. Будет обидно, если снова начнешь пропускать. Моложе ты не станешь,

дорогая, и есть вещи, которые можно упустить безвозвратно.

Мы с мамой съели по куску пиццы перед школой, наблюдая за проезжающими машинами. За школьной оградой с криками играли дети. Я быстро прожевала свой кусок и смотрела, как мама курит, практически не прикоснувшись к еде. Улицу перешла женщина с тремя малышами в одной коляске. Граффити на стенах нигде не было. Все в Бедфорд-парке было по-другому.

Мама рассказала поучительную историю: когда они с братом и сестрой учились в средней школе, то заходили к учителю, который вел занятия у брата или сестры, чтобы рассказать, как тот болен и плохо себя чувствует, чтобы его освободили от занятий. После этого они встречались за школой, долго смеялись и пробирались в кино на целый день. Мы вместе похихикали, но после этого мама стала неожиданно серьезной:

– Я бы хотела, чтобы все было иначе. Я жалею о том, что не ходила в школу, Лиззи, потому что сейчас я уже ничего не могу изменить. Не попадай в ситуацию, когда у тебя во взрослом возрасте нет никаких вариантов выбора. Ты же не хочешь оказаться в тупике.

– А ты в тупике, мама? Ты чувствуешь, что в тупике с Бриком? – спросила я.

– Нам повезло, что он у нас есть, – ответила мама.

Я снова обратила внимание на мамину хрупкость. Мы сидели под открытым небом в незнакомом мне районе и ели на деньги совершенно незнакомого мне человека. От этого мама со своей близорукостью и полным отсутствием перспектив показалась мне еще меньше, чем она была на самом деле. Ей ничего другого не оставалось, кроме как переехать к Брику. Если бы мама не ушла к нему, куда бы она вообще пошла? Что еще она могла сделать для себя, меня и Лизы? Она использовала слово «в тупике». Наверное, не стоит сейчас расспрашивать ее о Брикe, решила я. Когда угодно, но только не сейчас.

Мы сидели в молчании. Я подумала, что когда-нибудь я пройду мимо этой школы, а ее уже не будет на земле. Я решила сделать мысленный снимок этого момента, как мы сидим и едим. Вот мамино тело, полное жизни и чувств. Мы любим друг друга, этого никто не сможет изменить.

«Я всегда буду в твоей жизни... Ты вырастешь, но все равно будешь моим ребенком», – сказала мама в ту страшную ночь, когда рассказала мне, что у нее СПИД.

Я наклонилась и сорвала два белых и круглых одуванчика и протянула один маме. Она взяла его той же рукой, в которой держала сигарету, и внимательно рассмотрела.

– Спасибо, Лиззи, – сказала она наконец.

– Загадай желание, мам. – Я рассмеялась. – Только никому не говори о том, что ты загадала, иначе не сбудется.

Я сделала вид, что не замечаю ее смущения. Мы взялись за руки и сдули одуванчики, семена-парашютики которых разлетелись во все стороны. Некоторые из них зацепились у нее в волосах. Я подумала: надо пожелать, чтобы у меня в жизни было больше вариантов выбора, а также, чтобы в школе все пошло нормально. Но вместо этого я пожелала, чтобы у мамы было все в порядке.

Я так никогда и не узнала, что пожелала она.

* * *

Мой восьмой класс в своем нынешнем составе существовал уже два года. Около двадцати пяти тринадцатилетних учеников класса были поделены на плотно сбитые группы. Когда я вошла в классную комнату с запиской от координатора и красной сумкой с тетрадками, учитель мистер Стрезу вел урок математики. Это был мужчина в возрасте около тридцати пяти лет в темной, застегнутой под горло рубашке и поношенных штанах цвета хаки. Он взглянул на записку, которую я ему передала, и нахмурился:

– Добро пожаловать... Элизабет.

Я кивнула ему в ответ. Недовольные учителя – это гораздо хуже, чем учителя, которых ты вообще не успеваешь узнать. Еще до того, как я переступила порог класса, я решила, что не собираюсь близко знакомиться с учителями, которые работают в школе № 80.

– Садись, где тебе нравится, – сказал учитель, скомкал записку от координатора, выбросил ее в мусорное ведро и вернулся к математической проблеме: – Кто решит четвертое задание?

В шумном классе было свободно всего одно место. Я подошла и села, не поднимая глаз и надеясь, что никто не обратил внимания на мое появление.

На парте, за которой я сидела, кто-то вырезал слово «*Phreak*»^[11]. Я потрогала пальцами надпись и услышала за собой смех. С первого класса школы я подвергалась насмешкам. Кровь прилила к моему лицу, и в горле появился комок. «Ну, вот опять», – пронеслось в голове. Я глубоко вздохнула и опустила голову.

Несмотря на то что я научилась ежедневно мыться, регулярно менять одежду и нижнее белье и даже то, что сейчас на мне были не мои собственные, а Лизины вещи, я умудрялась привлекать к себе негативное

внимание учеников. Я подумала, над чем могли смеяться окружающие, и пришла к выводу, что смеялись, скорее всего, не надо мной.

Я обернулась и увидела красивую латиноамериканскую девушку и белого парня. Они сидели рядом и плевались друг в друга комочками жеваной бумаги из раскрученных трубочек ручек. Они откровенно дурачились, и вид у них был совершенно счастливый. Девочка выстрелила в парня жеваной бумагой, но промазала и попала в волосы девочки, сидящей в другом конце класса. Учитель не обращал на них внимания. Девочка и парень начали заразительно смеяться, и я сама не смогла скрыть улыбки. Потом я увидела, что латиноамериканка смотрит на меня, и быстро отвернулась.

Мистер Стрезу расписывал на доске математическую задачу, а латиноамериканка стала рассказывать соседу пошлую шутку. Эта шутка была похожа на те, которые вещала мама, вернувшись из бара, где не отказывала себе в коктейлях «Белый русский». Я была уверена – мистер Стрезу прекрасно слышит, что говорит латиноамериканка, и решила, что она его провоцирует. Мне было интересно, что сделает мистер Стрезу. Потом совершенно неожиданно латиноамериканка обратилась ко мне. Сперва я подумала, что она говорит с кем-то другим, но она наклонилась вперед и положила руку на мою парту.

– В следующем месяце мне исполнится тринадцать. Я собираюсь отметить день рождения и приду в школу в плаще. – Я даже не знала, как мне расценивать ее улыбку. До этого ко мне обращались только для того, чтобы надо мной посмеяться. Я решила подождать, пока ситуация не прояснится. – Ты понимаешь, что я имею в виду, – продолжала латиноамериканка. – Только в плаще. Чтобы раскрывать плащ и демонстрировать себя учителям.

Она схватила за плечо парня, и они вдвоем согнулись от хохота. На этот раз я тоже рассмеялась вместе с ними. Было очевидно, что латиноамериканка обращалась именно ко мне, следовательно, в такой ситуации я должна была ей что-то ответить.

– Ты правда собираешься это сделать? – Я не могла придумать ответа лучше. – Это будет прикольно.

Наконец мистер Стрезу обратил внимание на шум:

– Хватит! Я к тебе, Бобби, обращаюсь, заканчивай! Саманта, сделай задание номер девять.

Он протянул ей мелок.

– Уже иду. Смотрите. – Она щелкнула пальцами, встала и приняла картинную позу, демонстрируя свои женские прелести и лучезарно

улыбаясь.

Только когда латиноамериканка встала, я смогла полностью оценить ее красоту. Парень по имени Бобби согнулся от смеха.

Саманта подняла вверх руки, громко чихнула и снова села на место.

– Мистер Стрезу, я не могу решить эту задачу, извините. Ничем не могу вам помочь, – сказала она учителю, словно делала ему одолжение.

Многие ученики засмеялись, другие молчали, те, кто сидел на первых партах, были явно недовольны. Красиво одетая девочка подняла руку и вызвалась решить задачу.

После звонка я пошла за Самантой и стала спускаться по параллельной лестнице так, чтобы находиться в поле ее зрения. Я хотела, чтобы она меня заметила. Поглядывая друг на друга, мы начали все быстрее сбегать по лестнице, словно играли в какую-то игру, а потом громко рассмеялись. На последней ступеньке мы остановились и познакомились.

– Как тебя зовут? – спросила Саманта, прижимая ладони к бедрам.

Я чуть было не сказала «Элизабет», но потом вспомнила, как это слово звучит в устах социальных работников, ненавидящих меня одноклассников и – хуже всего – от мамы, когда она находится на пороге очередного нервного срыва.

– Меня зовут Лиз, – ответила я.

– Рада познакомиться, Лиз. Меня зовут Сэм, – сказала латиноамериканка.

– Прогуляемся? – спросила я ее, показывая на выход из школы.

Сэм, наверное, ответила утвердительно, потому что потом мы гуляли по улице, но единственное, что я запомнила, была ее широкая улыбка.

* * *

На следующий день я сидела в одиночестве в кафетерии, закрываясь от окружающего мира книгой в надежде избежать контакта с другими учениками. Я потихоньку жевала еду из стоящих на пластиковом подносе тарелок. Неожиданно пальцы чьей-то руки приземлились прямо в мой яблочный соус. Я подняла глаза и увидела Сэм.

– Вот это есть точно не стоит, – сказала Сэм. – Это полная гадость. Мне кажется, что нас хотят отравить. – Я рассмеялась. Сэм мне нравилась все больше и больше, она умела превратить обычный день в приключение. Она вытерла соус с пальцев, положила на стол свой блокнот для рисования и сказала: – Подвинься.

Сэм нарисовала похотливую фею с надутыми губами, шикарным телом и сложными крыльями, как у бабочки. На фее была мужская рубашка

на пуговицах. Эта рубашка была на несколько размеров больше ее тела, что делало фею похожей на героинь кино, которые надевают мужские рубашки после секса. Рукава были немного подвернуты, и на руках феи виднелись татуировки красно-желтого пламени.

– Суперский рисунок, – сказала я, отодвинув в сторону поднос с едой.

– Это шлюшка по имени Пенелопа, – ответила Сэм. – Она готова переспать с кем угодно, даже с мистером Таннером.

Я громко рассмеялась. В этот момент в кафетерий вошел мистер Таннер – старый учитель с седыми волосами и плохой кожей. Я поняла, что Сэм прекрасно видит, что происходит вокруг нее, и если бы в кафетерий вошел кто-то другой, она бы назвала его имя.

Мистер Таннер сложил ладони рупором, и все дети в кафетерии притихли. Он начал говорить, и, к моему удивлению, все дети стали повторять то, что он говорит: «Игровая площадка на улице открыта». Сэм закатила глаза и продолжила раскрашивать крылья феи в зеленый цвет.

– Как долго ты уже работаешь над рисунком? – спросила ее я. – У тебя очень здорово получается.

На ходу допивая молоко и дожевывая еду, дети выбегали на площадку.

– Спасибо. Но на самом деле я хочу быть писателем, – ответила Сэм. – Если я к тридцати годам напишу книгу, можно спокойно умереть. Или даже покончить жизнь самоубийством.

Сэм очень любила драматические высказывания. На протяжении нашей дружбы, продолжавшейся долгие годы, я была свидетелем того, как она завоевывала внимание окружающих бранной речью, громким рыганием и вообще довольно антисоциальным поведением.

В те годы меня привлекало подростковое бунтарство Сэм, оно помогало мне чувствовать себя более социально признанной. Я ощущала себя не такой, как все, поэтому меня восхищало ее эксцентричное поведение. Я смотрела, как вызывающе Сэм ведет себя, и мне казалось, что она бросает миру вызов, пробует его на прочность. Когда мы были вдвоем, реакция окружающих на такое поведение не имела большого значения. В общем, поведение Сэм казалось мне верхом смелости.

– А о чем ты хочешь написать?

Меня прервал чернокожий парень, присевший рядом с Сэм. На нем были мешковатые штаны и модная рубашка. Он был одет, как и многие мои сверстники, только немного аккуратней.

– Угадай, какую радиостанцию я слушаю? – спросил он меня.

Удивительно, но со мной заговорил еще один человек. Я пыталась представить, зачем он это сделал, и решила, что все это благодаря тому, что я нахожусь в обществе Сэм. Казалось, от ее близости мне досталась частичка ее бравады и привлекательности.

– Ну, попробуй угадать, – не унимался парень.

– Честное слово, не знаю, – ответила я, пытаюсь выглядеть как человек, который постоянно знакомится с другими и много общается. – Мне кажется, точно это отгадать практически невозможно.

На самом деле я не могла припомнить ни одного названия радиостанции.

Кажется, парень остался доволен моим ответом.

– Я так и думал. Я слушаю *Z100*. Поскольку я черный, многие думают, что мне нравится хип-хоп.

Сэм подняла голову от своего рисунка и показала на парня ручкой.

– Ты странный... Кажется, твоя фамилия Майерс, верно?

Парень улыбнулся, кивнул и сказал:

– Да. Мне нравится твой рисунок, Сэм.

Меня не удивило, что он знал имя Сэм и что сама она не была уверена, как его зовут. Я подумала – она, как магнит, притягивает всех парней.

К нашему столу подошел белый парень Бобби, который сидел вчера на уроке рядом с Сэм.

– Как дела? – спросил он меня и, повернувшись к Сэм, высунул язык. – Эй! – радостно закричал он ей.

Сэм засмеялась, после чего все мы расхохотались.

У Бобби были карие глаза и волнистые каштановые волосы. На его лице жила полуулыбка, словно он был готов в любую секунду рассмеяться. Когда я смотрела на него, я сама была готова рассмеяться. Сидя рядом с ним и Сэм, я чувствовала себя совершенно счастливой.

С Бобби был его приятель – высокий парень в мешковатых джинсах, который представился именем Фиф.

– У него такая кличка, потому что он похож на мультипликационного мышонка из того фильма^[12]. Из-за его ушей, – объяснила Сэм.

У Фифа была ирландская кровь, лицо у него сияло веснушками, и уши действительно были довольно большими. Я подумала, что он вполне мог быть членом моей семьи.

– Привет, ребята, – сказал Фиф, присаживаясь к нам за стол.

Весь обеденный перерыв мы болтали. Мы были группой, и я – одним из ее членов. Я говорила с ребятами, они смеялись над моими шутками, и я предлагала, чем можно заняться после школы. Прозвенел звонок,

мы вместе поднялись наверх и расстались в коридоре, помахав друг другу на прощание рукой. Это был первый раз в моей жизни, когда я точно знала, что на следующий день обязательно приду в школу.

* * *

Распорядок дня Брика был железным и не допускал никаких изменений. Каждое утро я вставала в 7.15 под мотив песни «*Happy, Happy Birthday*» на радиостанции «Классические хиты», с которой начиналась викторина, где можно было выиграть билеты в кино. Ведущий зачитывал имена победителей, и над нашими с Лизой головами клубился дым сигарет, которые курил Брик. Двухъярусная кровать, где мы с сестрой спали, стояла в гостиной. Раздавались крики Брика, который будил маму.

«Джин, Джин, – рычал Брик. – Уже утро, пора вставать».

Мама готовила ему кофе и будила нас, пока Брик мылся в ванной. Обязательность и режим дня были понятиями, крайне далекими от нашей мамы. Ей всегда было сложно утром вставать, поэтому Брику приходилось часто будить ее криком на ухо, а иногда и вытаскивать из кровати. Я знала, что причиной маминой утомленности являются не наркотики (она уже их не употребляла), а прогрессирующее заболевание.

Из разговоров Брика с мамой я поняла – Брик знает, что она больна. Но, стоя над мамой в слишком узких трусах, он не проявлял к ней никакого снисхождения. Такое отношение Брика к маме вызывало во мне чувство протеста и негодование. Я помнила обиду, когда голос Брика прерывал наши с мамой разговоры, пока я была в приюте. Никто никогда не будил маму, в особенности папа. Он сам прекрасно мог обслужить себя утром, да и в любое время дня и ночи.

При мысли о папе я снова начинала о нем волноваться. Телефон в квартире на Университи-авеню отключили, и мы разговаривали очень редко. Я с одной стороны хотела, а с другой – боялась, что папа узнает или увидит, как Брик относится к маме. Я думала, что, видимо, папино невнимание, его тайная жизнь подтолкнули маму к Брику.

После завтрака мама с Бриком уходили, он на работу, она – в бар, где ее обслуживали еще до официального открытия и прихода посетителей. Маме начинали наливать, еще когда официанты протирали стаканы и снимали перевернутые стулья со столов. На самом деле у мамы не было никаких причин вставать рано за исключением того, чтобы накормить Брика завтраком. «Люди встают во столько-то», – говорил ей Брик, и она слушалась. Чтобы убить время, мама шла напрямик в бар и начинала пить. К полудню она возвращалась домой, не в состоянии связать и двух слов.

Лиза вставала раньше всех. Правда, причиной на этот раз были не демонстративные сборы в школу. Мы с Лизой впервые жили в одной комнате, в гостиной, и сестра вела себя агрессивно. Она могла потерять терпение даже от самого невинного вопроса.

«Лиза, в доме есть туалетная бумага?»

«Не знаю, ты здесь тоже живешь, так что сама выясни этот вопрос».

Мне казалось, что я постоянно ей мешаю.

Лиза вставала около шести утра и начинала экспериментировать с косметикой перед большим зеркалом. Она подходила к своей внешности, как художник к картине. Она работала медленно, и каждый раз результат меня удивлял.

Сперва Лиза доставала сумочку на молнии, в которой хранились мягкие карандаши и другая косметика. Она занималась своими губами. Когда днем Лиза встречалась с бойфрендом, она подводила себе глаза, как у Клеопатры. Ее зрение ухудшилось, и поэтому, когда она красилась, между ее лицом и зеркалом оставалось места ровно столько, чтобы мог поместиться тот косметический инструмент, который она использовала. При помощи лака и геля она создавала прическу, при которой ее огромные золотые круглые серьги едва-едва виднелись из-под волос.

Вечерами, когда она возвращалась домой, ее «боевая раскраска» казалась потускневшей, тени поплывшими, а губная помада смазанной. Я не осмеливалась спрашивать сестру о синяках на шее, а ждала, когда она сядет на мою нижнюю кровать и начнет рассказывать о том, каково жить, когда тебе семнадцать лет.

* * *

– А MTV у вас есть? – спросила меня Сэм, когда в первый раз пришла ко мне в гости в квартиру Брика. По телевизору показывали суд из Лос-Анджелеса над О. Джей Симпсоном^[13]. Камера брала близкий план лица обвиняемого, когда зачитывалась новая информация об уликах против него.

В тот день мы прогуливали школу. Почти два месяца я исправно ходила на уроки, поэтому решила, что могу позволить себе один день отдыха. Лиза еще не вернулась из школы, а мама уже пришла из бара и спала на кровати в спальне Брика в окружении разбросанного нижнего белья, ящиков с банками и стопок старых журналов. Мы сидели в гостиной, Сэм красила ногти на ногах в черный цвет.

– Может быть, и есть, но я не уверена. Я всю жизнь прожила без кабельного телевидения.

– Все, что угодно, только не это, – сказала Сэм, нажимая кнопки на пульте дистанционного управления. Раздались звуки гитары. Сэм подтянула колени к подбородку и начала дуть на свои свежевыкрашенные ногти на ногах.

– У вас прикольная квартира. Значит, бойфренд твоей мамы всегда отсутствует? А сама она спит весь день?

– Как-то так.

– Просто идеальная ситуация.

Несмотря на то что жить в доме чужого человека и наблюдать, как мама постепенно слабеет, вовсе не весело, я понимала, почему она так говорит. Я один раз была у Сэм дома и знала, какие у нее проблемы. Мне не надо заниматься младшими братьями и сестрами. У меня не было отца, перед которым я должна ходить исключительно на цыпочках. Я вообще почти не имела дела со взрослыми, если не считать социальных работников, перед которыми я должна была периодически отчитываться.

Сэм подняла руку к затылку и одним движением вынула из волос металлическую заколку. Пучок светло-каштановых волос кудрявым потоком упал ниже талии. Среди распущенных волос была одна связанная разноцветными резинками косичка. Резинки были расположены, как цвета радуги.

– Бог ты мой! – воскликнула я. – Вот это волосы! Я и понятия не имела, что они такие длинные. Красиво.

– Сойдешь с ума расчесывать, вот что я тебе скажу. Моему папе нравятся такие волосы. Мог бы тогда себе такие отрастить, – сказала Сэм и немного распустила кончик косы, от которой исходил запах персикового шампуня.

На экране начался клип группы *Nirvana*, и мы увидели лицо Курта Кобейна.

– О, вот это красавец! – оживилась Сэм. – Я бы ему дала.

Ее комментарий показался мне неожиданным.

– Ну, да, милый, – неуверенно сказала я.

Тогда я еще не очень интересовалась мальчиками. Они казались мне точно такими же, как и девочки, только чуть выше и крупнее. Изредка я ловила себя на том, что смотрю на какого-нибудь мальчика дольше, чем обычно, мне интересно, что он делает, и я ощущаю некоторое любопытство. Но я еще не знала, что такое влечение.

Я смотрела на покрытое светлой щетиной небритое лицо Курта и на то, как он настраивает свою гитару. Я представила, что можно почувствовать, если потрогать его за щеку и поддержать за руку. Неожиданно лицо Курта

превратилось в улыбающееся лицо Бобби.

– Да, он точно красавец, – сказала я Сэм. Не знаю, почему, но я тут же смутилась, однако Сэм этого не заметила.

– Это точно, – сказала она и сделала звук громче.

– Передай, пожалуйста, – попросила я, протягивая руку к лаку для ногтей.

Я подумала, что, если бы папа увидел меня сейчас, он бы, наверное, решил, что я веду себя совсем как женщина. Я потрясла флакон с лаком в такт музыке и громко сказала:

– Да, я бы ему тоже дала!

* * *

Мы проводили с Сэм дни напролет. Мы поклялись, что будем дружить всю жизнь, пока не превратимся в старушек, еле передвигающих ноги где-нибудь в доме престарелых во Флориде. Пока этого не произошло, мы распланировали нашу совместную жизнь на ближайшие пятьдесят лет.

Сразу после окончания школы мы поедем в Лос-Анджелес, где станем известными сценаристами, а потом, когда нам надоеет мишура Голливуда, когда мы заработаем столько денег, что их невозможно будет потратить, и посетим больше стран, чем существует в мире, переедем в Сан-Франциско. Мы будем жить на склоне холма, который я видела на папиных фотографиях и в рекламных проспектах. У каждой из нас родится по трое детей, а когда дети вырастут и разъедутся в разные стороны, мы купим себе большие солнечные старушечьи очки и не будем их снимать с тех пор, как нам исполнится шестьдесят. Мы будем загорать на лужайках наших домов, стоящих рядом. Тогда мы уже переедем в Нью-Йорк.

Но мы еще не замечали, что фактически начали жить вместе.

Постепенно все больше и больше вещей Сэм перекочевывало в квартиру Брика. В ней появились ее блокноты для рисования, кассеты, туфли и одежда, которые лежали сначала отдельно от моих вещей, но постепенно окончательно и бесповоротно перемешались с ними. В любое время дня и ночи мы могли гулять в Бедфорд-парке. Я часто предлагала зайти к Бобби, и, стоя под его окном, мы кидали в него камушки. В окне появлялось лицо Бобби, и мое сердце екало. Он бросал нам упаковки с чипсами и шепотом рассказывал о просмотренных матчах по реслингу, а также своих успехах в видеоиграх.

Иногда к нам присоединялись Майерс и Фиф, и мы смеялись над учителями и по очереди рассказывали друг другу истории. Я поведала им о своих похождениях с Риком и Дэнни, о пожаре в доме престарелых

и о том, как Рика ударило током.

«Я сказала, чтобы он попробовал, и он так и сделал. У него пальцы от этого обгорели».

Сэм очень нравились истории об убийцах, которые рассказывал мне папа. Ее интересовало, как психологи объясняют мотивы убийц. Я удивлялась, что мои новые друзья пугались точно так же, как и я сама, когда впервые слышала эти истории, и тому, что через некоторое время само упоминание имени Рика вызывало у них гомерический хохот.

* * *

Большую часть времени мы проводили с Сэм вдвоем. Мы заходили в круглосуточное кафе на Бедфорд и Джером, в котором подружились с ночным менеджером, высоким и часто пьяным мексиканцем по имени Тони. Мы сидели за тарелкой картошки фри с сыром моцарелла, делясь историями и слушая мексиканскую музыку.

В те ночи, когда мы гуляли вместе, Сэм рассказывала мне о сложностях, с которыми она сталкивается дома. Я не могу пересказывать это в книге из-за сугубо личного характера информации и скажу лишь, что Сэм оказалась в ситуации, когда ей лучше было как можно меньше находиться дома. Во мне крепло желание помочь Сэм ради нашей дружбы и любви. Я сказала, что она может жить у меня.

Я тайком начала проводить Сэм в квартиру без ведома Брика. Он предупредил меня, что после десяти вечера в доме не должно быть гостей, но сам всегда ложился спать в девять тридцать, поэтому это правило легко было обойти. Я повесила занавеску перед нашими с Лизой кроватями, а потом взяла одеяло и положила его под свою кровать. Вечером мы громко открывали и закрывали дверь, чтобы создать видимость ухода гостей, после чего на цыпочках возвращались в гостиную. Сэм спала под моей кроватью, и я передавала ей стаканы газировки, печенье и другую еду, взятую со «складов» уцененных товаров Брика.

Я обнаружила, что Сэм может быть не только отчаянной и эпатажной. Иногда она вела себя, как маленький щенок, которому нужна забота и любовь. Она, например, могла войти в лифт и стоять, не нажимая кнопку нужного этажа, а когда мы переходили улицу, она, не глядя по сторонам, шла рядом со мной. Если бы я совершила ошибку, нас мог задавить грузовик. Она полностью доверяла мне свою жизнь. Ее такая ситуация устраивала, и меня тоже.

Иногда ночами из-под кровати я слышала ее плач. Если я спрашивала, что случилось, она говорила, что у нее аллергия или мне послышалось.

Но я точно знала, что она плакала. Иногда, когда она тихонечко посапывала во сне, я опускала руку и гладила ее волосы. Месяц освещал нашу комнату, и я обещала себе, что позабочусь о Сэм и не дам ее в обиду.

Однажды вечером, когда я наливала себе на кухне лимонад, из спальни Брика раздались крики. Кричал один человек, но никто ему не отвечал, хотя казалось, что это должен быть диалог. Я подошла к двери, чтобы послушать, что происходит. Мне удалось уловить только часть разговора.

– В моем, черт побери, доме я не могу найти чистой вилки... Мне такое не нужно... Если ты и твои ленивые девчонки... Это вам не бесплатная дача...

О чем это Брик кричал? О невымытой посуде? Вокруг меня грязь была втоптана в пол, везде валялись пожелтевшие от времени газеты, пустые коробки от еды и пакеты от чипсов. Жаловаться на беспорядок было крайне странно потому, что он давно стал частью жизни.

Кроме всего прочего, моя мама практически не пачкала вилок. Она питалась главным образом коктейлями и успокоительными, которые принимала в любое время дня и ночи. Даже если я ставила ей на тумбочку ее любимый суп из моллюсков и крабов или оставляла сэндвич с тунцом, еда оставалась нетронутой. Иногда я не мыла за собой посуду, но это уже моя ошибка, а не мамина. Зачем он на нее орал?

Сквозь небольшую щелку в двери я наблюдала, как Брик размахивал рулоном салфеток над лежащей на кровати без движения мамой, которая, защищаясь от его нападков, прикрыла голову рукой. Брик в нижнем белье и майке, обтягивающей плотный животик, безбожно орал. На тумбочке лежала гора грязных вилок, которые, он, видимо, где-то нашел. Брик поднял рулон салфеток над головой и закричал:

– Джин, ты слышишь меня?

Потом он принялся бить маму рулоном по голове.

– Ты что делаешь? – закричала я. – Она же больна!

Но до того как я успела войти в комнату, Брик схватил ручку двери.

– Гуд-бай, – сказал он и с силой захлопнул дверь.

Моя голая ступня оказалась под дверью, которая содрала кожу и поломала ногти. Я почувствовала дикую боль и чуть было не закричала, но ради мамы сдержалась. Черный лак содрался с трех моих ногтей, под которыми быстро наливались кровоподтеки. Я закусила губу, чтобы не заплакать.

Ходить в обуви с такой ногой было слишком больно. Я припрыгала в коридор и нашла тапки на несколько размеров больше моего, надела их и выскочила из дома. Садилось солнце, и наступал вечер. Я побрела

по улице, с трудом представляя себе, куда направляюсь. Когда навстречу мне шли люди, я закрывала лицо, чтобы они не видели моих слез. Я не могла сосредоточиться, и мысли роились в голове, как разгневанные пчелы.

Мама попала в очень тяжелую ситуацию, и я ничем не могла ей помочь. Брик был с ней груб именно тогда, когда ей так необходимы забота и нежность. Мы, дети, были для него только обузой. Это было понятно. Впрочем, этот вопрос решался легко: стоило мне пропустить несколько дней учебы, и меня снова отправят в приют. Брик избавится, по крайней мере, от меня. Мистер Домбия только и ждал, когда я сделаю неправильный шаг.

«Тебя ждет та же судьба, что и твоего отца, наркомана и человека, не закончившего образование», – сказал мне однажды Брик.

Это случилось, когда я не могла найти туалетную бумагу, хотя знала, что бумага точно где-то есть, потому что Брик покупал такое количество вещей и продуктов, словно собирался пережить блокаду. Брик жаловался, что кто-то из нас не спускает за собой воду в унитазе. Потом он показал мне, что туалетная бумага лежит на самой верхней полке в кладовке. Как выяснилось, он специально спрятал от нас туалетную бумагу, чтобы научить нас спускать за собой. Я поняла, что он такой же сумасшедший, как и бабушка. Его психическое состояние было нестабильным, и мама ничего не могла с этим поделать. Я больше не могла видеть Брика и не могла смотреть, как медленно умирает мама.

Начал моросить дождь. Я переходила Байнбридж-авеню, и ветер свистел мне в лицо, выдувая из меня тепло. Люди с «дипломатами» и зонтами торопились домой после работы. Я опустила голову ниже, чтобы они не видели моих слез.

Я с удивлением подумала, что не помню, когда в последний раз мы с мамой общались. Мы говорили друг другу «привет» и «пока». Последний раз мы серьезно разговаривали, наверное, пять месяцев назад, когда она записывала меня в школу № 80.

От этих мыслей я только сильнее начала плакать. Раньше я думала, что я нормально переношу ее заболевание, более того, я гордилась тем, как мне это удастся. Но я лишь убегала от проблемы. Мне казалось, что я разобралась с болью, которую испытывала по поводу маминой болезни, но вид мамы, закрывающейся от ударов Брика, вывел меня из равновесия.

Я почувствовала реальность маминой болезни. В моей семье никто не говорил про СПИД, родители обходили молчанием эту тему, доктор Моралес ее не обсуждала, а Брик и подавно. Он видел, как мама принимает

таблетки, замечал, что она слабеет, но все равно оставался к ней таким же требовательным. Судя по разбросанным по спальне упаковкам от презервативов, они еще и занимались сексом.

Несмотря на то что СПИД убивал маму на наших глазах, никто не говорил про эту болезнь. СПИД был совершенно реальным, постепенное ухудшение маминого здоровья было реальным, и наше нежелание признать проблему и бороться с ней – тоже реальным.

За две недели до описанных событий я сидела на кухне. Неожиданно вбежала мама. Ее трясло. На глазах у нее были слезы. Не замечая меня, она бросилась к холодильнику, на котором лежал пакет с ее медицинскими препаратами. Видя, какую боль испытывает мама, я застыла и смотрела, как она пытается открыть крышку на банке с таблетками. Я молчала. Когда мама открыла банку, таблетки разлетелись по всей кухне. Мама схватила две из них, положила в рот и с трудом на секунду прекратила плакать, чтобы их проглотить. Только после этого она заметила меня.

«Мам», – это единственное, что я смогла произнести. Я прекрасно понимала, что от этого мало пользы.

«Ты для этого слишком молода, – сказала мама, подняв руку, словно защищаясь от меня. – Прости, ты слишком молода».

Она повернулась и вышла, а таблетки так и остались лежать на кухонном столе и на полу.

Я никогда не была слишком молодой для всего остального: для наркотиков, историй о проституции, которые мама мне рассказывала, но я оказалась слишком молода для СПИДа. Я ненавидела себя за то, что я мало помогала маме, когда моя помощь была ей так нужна. Я присутствовала во всех аспектах маминой жизни, кроме ее болезни. Или это она отдалила меня от себя? Что-то произошло с тех пор, как мы уехали с Университи-авеню, после ее лечения в психбольнице. Маме становилось все хуже, и мы перестали быть близкими людьми.

У меня появилась Сэм, с которой мы мечтали о совместной жизни, и новые друзья. Чем больше радости я испытывала от общения с ними, тем труднее мне становилось возвращаться в квартиру, в которой болела мама. Мне было трудно видеть умирающего человека. Гораздо проще было находиться с друзьями и обо всем этом не думать.

«Я такая эгоистка!» – бормотала я, утирая слезы. На 202-й улице я остановилась около дома Бобби и посмотрела на окно его спальни. Я вспомнила его теплую улыбку и сияющие глаза и стала подниматься вверх по лестнице.

Перед дверью его квартиры я утерла слезы и несколько раз глубоко

вздыхнула, чтобы успокоиться. Его мама, Паула, накормила нас отбивными с рисом, которые мы съели перед включенным телевизором в гостиной. Показывали реслинг, и с интервалом в пару минут Бобби триумфально вскидывал вверх руки, отчего его майка поднималась, и я видела узкую полоску волос, поднимающуюся вверх от его пупка.

Мы перешли в его комнату.

– Хорошая у тебя комната, – произнесла я, но тут же вспомнила, что несколько минут назад уже говорила это.

– Спасибо, – ответил Бобби, вежливо не замечая моей оплошности. – Это «Человечище», – объяснил он мне, показывая на блестящего от пота человека-гору в маске на экране.

«Человечище» зарычал в камеру, прыгнул спиной на веревки ринга, отскочил от них и с громким ударом упал на лежащего на ринге противника. Толпы зрителей ликовали. Бобби в очередной раз вскинул вверх руки. Я не представляла, как поддержать разговор на тему реслинга. Обычно на эту тему высказывалась Сэм.

– Здорово... Скажи, а он уже давно выступает?

– «Человечище» просто сумасшедший, – заявил Бобби, сквозь открытую дверь посмотрел в другую комнату и закричал: – Крисси, закрой дверь!

В дверном проеме появилась очень похожая на Бобби девочка. Перед тем как закрыть дверь, она оглядела меня и наверняка заметила, что на мне майка ее брата. Моя сохла в ванной, и Бобби дал мне свою.

– Закрой дверь и иди, – скомандовал Бобби. Девочка закатила глаза и громко хлопнула дверью. – Так вот, – продолжил он. – Этот парень сумасшедший на всю голову.

– А в чем секрет его мастерства?

– Что ты имеешь в виду?

– Да так, ничего... Значит, он сумасшедший?

– Да. Еще есть другой спортсмен, Брет Харт, он известен своей точностью. Понимаешь, Лиз, у каждого из них – свои сильные стороны и особенности.

До поздней ночи Бобби рассказывал мне о реслинге и показывал статьи и фотографии из журналов. Я залезла в его кровать, накрылась одеялом и мирно заснула под его рассказы и жужжание фена его матери.

* * *

«Добрый день! Вас беспокоит мистер Домбия из отдела по детским вопросам социальной службы. Я звоню по поводу Элизабет Мюррей,

опекуном которой вы являетесь. Из школы № 80 мне сообщили, что Элизабет не посещает занятия, что нарушает правила опекунства. Пожалуйста, перезвоните мне...»

Я стерла это сообщение с автоответчика до того, как Брик успел его услышать. Я уже несколько недель не ходила в школу и прекрасно понимала, что меня ждет: если я буду продолжать прогуливать школу, меня снова заберут в приют Святой Анны. Я уже стерла несколько сообщений от Домбии. Мне казалось, если я сотру сообщение на автоответчике, я избавлюсь от проблемы.

Объявление

Обращаем ваше внимание на то, что в квартире 2 в будет произведена дезинфекция.

Пожалуйста, примите все необходимые меры предосторожности для сохранения вашего здоровья.

Правление дома

Этот текст я увидела, когда вошла в наш подъезд на Университи-авеню. Эти объявления были наклеены на почтовые ящики жильцов и лежали перед входом в каждую квартиру. Папа не позвонил и не сообщил мне, что теряет квартиру, и я узнала об этом из объявления. Мы с Сэм говорили о фотографиях и разных семейных реликвиях, и я поняла, что все они находятся на Университи-авеню.

– Я бы взяла некоторые мои фотографии, ну, и несколько книг, – сказала я Сэм по пути в квартиру. Мы шли под линией надземки маршрута № 4 по Университи-авеню. Время от времени над нами гроыхал проходящий поезд. Мы с Сэм шли, пиная друг другу пустую алюминиевую банку.

Над нами скрежетал поезд, поэтому, чтобы Сэм меня услышала, мне пришлось повысить голос.

– У меня там книжки про динозавров и акул. Ты знаешь, кто такой Жак Кусто? – Сэм отрицательно покачала головой. – Тебе стоит взглянуть на его книги... Он делал прекрасные фотографии под водой. Там иногда встречаются нереальные твари, сложно поверить, что такие вообще существуют.

Мы все ближе подходили к нашей квартире, и мне надо было предупредить Сэм о том, что она сейчас увидит.

– Сэм, думаю, ты никогда ничего подобного не видела. То, что у Брика в квартире, просто цветочки. У нас все очень, очень запущено.

– Лиз, перестань, – ответила она. – Ты же знаешь, я тебя люблю вне зависимости от того, в каком состоянии эта квартира.

Мы стали с Сэм настолько близки, что я захотела показать ей квартиру на Университи-авеню. Я никогда не показывала ее своим друзьям, даже Рику и Дэнни, потому что очень боялась. Но после того, как я рассказала Сэм об отце, у меня возникло желание показать ей дом, в котором выросла. Я верила, что она поймет и не осудит.

За десять месяцев, прошедших с тех пор, как меня отобрали у папы, я навещала его всего один раз, сразу после того, как меня выпустили из приюта. Я думала, что мне будет приятно вернуться домой, но оказалось, что жить с папой в одной квартире и навещать его – совершенно разные вещи. В качестве гостя мне надо было сидеть и разговаривать. Нам приходилось превращать наше общение в слова, и это оказалось сложнее, чем я предполагала.

О чем мы могли поговорить? О моей жизни в приюте? О маминой болезни? О его наркотиках? Или о моей жизни, частью которой папа уже не являлся? О телеведущих? В итоге мы стали смотреть телевизор. Я сидела на стуле и переключала каналы, а папа заснул на диване.

На потолке уже неизвестно сколько лет висела клейкая лента от мух. На полу стояли пакеты с мусором. Воняло так, что я едва могла дышать. Дом в мое отсутствие превратился в полную свалку. Из моей бывшей комнаты папа сделал склад вещей и невынесенных пакетов с мусором. Судя по всему, он и не ждал моего возвращения. Я написала ему короткую записку о том, как мы здорово провели время, и ушла, не разбудив его.

Конечно, я могла бы чаще навещать папу, но от его вида и от этой квартиры мне становилось нестерпимо грустно. После того визита мне потом долго снились кошмары. В этих снах наша семья соединялась, а потом снова разъединялась. Каждый раз решение о том, что мы расстаемся, почему-то лежало на мне, и каждый раз я принимала неправильное решение, после которого наша семья опять разъединялась. Мне было от этого слишком больно, и я не стала навещать папу.

* * *

Уже на подходе к нашему дому я заметила, что окна моей комнаты и родительской спальни забиты досками, на которых краской нарисованы большие кресты.

– Сэм, мне кажется, в квартире был пожар, – сказала я.

Мы поднимались по лестнице, и я представляла себе всякие ужасы, которые могли произойти с папой и квартирой. На двери висел большой

стальной замок. Сэм прочитала записку на двери, что полицейские дают обитателям квартиры семьдесят два часа.

Мы вышли к пожарной лестнице и попытались оторвать доски, которыми были забиты окна. Доски оказались прибиты на совесть, и мы в изнеможении сели.

– Сэм, я не понимаю, что произошло. Почему он нам об этом ничего не сказал. Я уже и не знаю, есть ли в квартире мои вещи. Прости, что я тебя сюда притащила... – извинялась я.

– Лиз, перестань, – Сэм крепко обняла меня.

Я положила голову ей на плечо и вдохнула персиковый аромат ее шампуня. Я почувствовала, что Сэм заботится обо мне так же, как забочусь о ней я.

— Ну, ладно, — сказала я.

— Вот именно. Бог с ним. Мы ничего не можем сделать.

Действительно, делать было нечего. Гораздо позже я узнала, что папу выселили за долги по квартплате, и он жил в приюте для бездомных. А все наши вещи собрали и выбросили на свалку еще до того, как мы пришли на Университи-авеню в последний раз. Мне ничего не оставалось, только принять это как факт. Как и все остальные события, которые происходили в моей жизни.

* * *

Той весной я со скрипом окончила среднюю школу № 80. Моя посещаемость была очень низкой, но этого оказалось достаточно. В июне прошла церемония окончания школы. Мама стояла на тротуаре и курила рядом с хорошо одетыми родителями, среди которых были мамы и папы Майерса и Бобби. Ребята чуть поодаль кидали друг другу квадратную шапку, словно фризби. Мантия Бобби развевалась, и был виден надетый под ней элегантный черный костюм, в котором он выглядел совсем как взрослый. Мама Бобби была олицетворением любящей и благополучной матери.

Моя мама принарядилась в платье с цветочными узорами из секонд-хенда. Шрамы на ее руках выглядели, как необжаренные гамбургеры. На ногах у нее были сандалии без чулок, и на общее обозрение были представлены ее волосатые ноги с желтыми длинными ногтями, загибающимися вниз к тротуару.

Я решила выждать в кустах и не выходить к маме. Я не хотела, чтобы меня видели в ее компании, потому что это могло разрушить образ нормальной девочки, который я старательно создавала в семьях моих друзей.

Вдруг произошло что-то совершенно неожиданное. Мистер Стрезу, учитель, который, видимо, был сумасшедшим, потому что именно с его позволения я окончила среднюю школу, подошел к маме и завязал с ней разговор. Он был одет в костюм с галстуком, и вид у него был очень довольный. Мистер Стрезу пожал мамину руку и тепло ей улыбался. Я не слышала, что именно он говорил, но увидела, что мама словно ожила. Она заулыбалась в ответ и начала дергаться от своих лекарств. Потом она стала о чем-то спрашивать учителя. Наверное, обо мне. Наконец мама

пожала руку мистеру Стрезу, сказала «Спасибо», и тот от нее отошел. Мама снова стала искать меня глазами в толпе и заметно погрузтелась.

Я заставила себя сделать шаг вперед, выбралась из кустов и пошла к маме. Ни от кого не скрываясь, я крепко ее обняла. Я очень ее любила и чувствовала, что она любит меня. Мы долго стояли, обнимая друг друга.

– Дорогая, – сказала мама. – Я так тобой горжусь! – Она меня отпустила, и я увидела в ее глазах слезы. – Когда произнесли твое имя, я хлопала как сумасшедшая. Ты меня слышала?

Я окончила школу без отличий, точнее, я окончила ее с большим скрипом, но это не имело никакого значения для мамы. Я знала, что она меня поддерживает и поддерживает мои решения. Может быть, даже слишком сильно. Я обняла ее за талию и повела к моим друзьям. Меня поразило, насколько выступают теперь ее тазобедренные кости.

– Мам, пойдем, я тебя познакомлю.

Мы подошли к группе людей. Мое сердце громко стучало.

– Я хочу представить вам мою маму Джин Мюррей! – отчетливо произнесла я.

* * *

Однажды вечером, через пару недель после начала старшей школы, мне позвонил папа. В квартире Брика орал телевизор, сигаретный дым стоял коромыслом, и в воздухе висела неизбежность маминой болезни. Мама полдня провела в туалете, где ее постоянно рвало. Я извела огромный рулон салфеток, протирая унитаз, но горький запах рвоты так и не уходил из ванной комнаты.

В промежутках между приступами маминой рвоты мы с Сэм звонили на радиостанцию и отвечали на вопросы викторины в надежде выиграть билеты на концерт и планировали наш маршрут поездки по стране автостопом. Сэм не хотела подходить к матери слишком близко, потому что, как мне кажется, боялась ее болезни. Тем не менее разговоры с ней позволяли мне переключиться на что-то приятное.

Лиза заснула, делая домашнюю работу после длинного и утомительного дня в школе, в которой я сама уже давно не была. Я поражалась прилежанию и упорству, с которым сестра работала над своими сочинениями и отчетами о проведенных лабораторных работах, лежа или сидя на верхнем ярусе нашей кровати.

Когда я подняла трубку, я не узнала папин голос, который звучал очень тихо. Казалось, что он звонил откуда-то издалека.

– Лиз, Лиз, – говорил он. – У меня все в порядке. Здесь вообще вполне

нормально и ко мне хорошо относятся. Я ем три раза в день. Даже небольшой животик уже наел, представляешь?

Папин смех звучал немного натянуто. Я разбудила Лизу и беззвучно, четко артикулируя губами, произнесла слово «папа», но она только отмахнулась от меня, как от назойливой мухи, и снова закрыла глаза.

Папа продолжал рассказывать:

– Меня постоянно сажают перед телевизором, когда идет *Jeopardy!*^[14] Все делают ставки, отгадаю я ответ или нет.

Я тут же вспомнила себя в детстве, когда папа как приклеенный сидел на диване перед телевизором, а я свертывалась калачиком с ним рядом. Папа закрывал глаза, массировал свою лысую голову с редкими пучками волос и давал чаще всего правильный ответ на вопрос ведущего. Комната была освещена мерцающим свечением старого телевизора. Сначала отвечал папа, потом участники викторины, и только потом правильный ответ давал ведущий. В перерыве на рекламу папа выходил на кухню и делал себе укол.

– Да, ты всегда был силен в *Jeopardy*, – согласилась я.

– Не буду спорить. Ты бы видела, как это происходит сейчас.

Проблема была как раз в том, что я очень хорошо могла представить, как это происходит. Я буквально видела, как он сидит на продавленном диване в окружении побитых жизнью стариков. Теперь он был одним из них.

Как я прожила все эти годы, не замечая, что в моем отце что-то не так, что он сломленный и слабый человек? Раньше он казался мне таким свободным, и мы были так близки. Видимо, я во многом сильно ошибалась. Он не впускал меня в свою жизнь, хранил секреты, а теперь сидит под присмотром в доме для бывших наркоманов. Он даже не позвонил мне и не предупредил, что мы теряем квартиру и все, что в ней находится. Судя по всему, я совсем не знала своего папу.

Или, может быть, его звонок означал, что он меня помнит, что хочет общаться и, возможно, его жизнь наладится? Он очень сдержанно и без особых деталей рассказывал о своей новой жизни, и я начала составлять мысленный список того, чем я могу ему помочь: работать и отправлять ему часть денег, навещать, найти квартиру, обеспечить одеждой.

– Как школа? – спросил он.

– Нормально.

Если он скрытничает, то и мне нет особой нужды раскрывать свои карты. Зачем ему знать, что я прогуливаю школу? Зачем делиться с ним

плохими новостями? Он и раньше был не в состоянии решить наши проблемы, а сейчас и подавно. Зачем устраивать ему лишнюю головную боль? Я твердо решила скрыть от папы все негативные моменты моей жизни. Пусть думает, что у нас все в полном порядке.

– Что ж, я рад, что все хорошо, Лиззи. Я о тебе много думаю. Рад, что у тебя все складывается.

Я не стала говорить ему, как сильно я отстала от класса. Я вообще не была уверена, что смогу наверстать упущенное.

– Пап, мне надо сделать домашнюю работу. Прости, что не могу долго говорить. Я рада, что ты позвонил.

И я действительно была рада его звонку. Я слишком долго не имела о нем вестей, не знала, как у него идут дела, и этот телефонный звонок меня успокоил. Мы попрощались. Сэм внимательно на меня посмотрела и спросила:

– Что он говорит?

– Ничего особенного. Просто позвонил, чтобы отметить. Он живет в приюте. Кто знает, как там у него идут дела...

На столе перед Сэм лежала карта, на которой она пунктиром отметила маршрут нашей поездки по стране. В начальной точке маршрута она нарисовала две женские фигуры в старушечьих темных очках, шляпах с широкими полями и с сумками. На голове фигурки, изображавшей Сэм, был ирокез. Чтобы избежать вопросов, я быстро сменила тему, показала на Лос-Анджелес на Западном побережье и спросила:

– Сэм, как ты думаешь, за сколько мы туда доберемся?

– Думаю, что быстро, – ответила она, согнув карту так, что Нью-Йорк почти касался Калифорнии. – Мы уже практически там.

Мы громко рассмеялись.

* * *

Мы с Сэм числились в школе, но появлялись в ней исключительно для того, чтобы получать бесплатные ученические проездные. Мы тусили у Бобби, Фифа или в квартире Брика, где я никогда не отвечала на телефонные звонки, чтобы не напороться на работников социальных служб. Я «случайно» сломала автоответчик и приучила себя сидеть тихо, как мышь, пять минут после любого звонка в дверь. Я профессионально избегала школы и мистера Домбии.

– Ты не можешь бесконечно затягивать эту ситуацию, – предупредила меня Лиза, застегивая куртку и выходя из квартиры в школу. Судя по моему поведению, я пыталась доказать, что Лиза не права.

Я успокаивала свою совесть тем, что ходила две недели подряд в самом начале учебного года. Но последние два года школы оказались лабиринтом, сложным механизмом, в котором было легко потеряться и которым сложно было управлять. Не то чтобы я решила не ходить в школу. Я хотела прогулять один понедельник, а дальше все пошло само собой.

Мы с Сэм поехали на метро в Гринвич-виллидж. Я смутно помнила эти места по временам, когда мы с папой приходили сюда, чтобы копаться в мусорных ящиках. Кроме этого мама рассказывала, что в Гринвич-виллидж живут интересные люди, которые красят волосы в разные цвета и ходят в винтажной одежде.

На найденные с большим трудом в квартире Брика 2 доллара 75 центов мы купили один на двоих хот-дог и напиток, пока смотрели представление уличных артистов в парке на Вашингтон-сквер. Вокруг нас были прикольные люди, что в некоторой степени делало и нас самих прикольными.

На самом деле мы планировали прогулять только понедельник. Но потом решили, что лучше прогулять и вторник. Смешно же болеть всего один день? Два дня отсутствия по болезни – как-то убедительней, чем один. Когда подошла среда, мы решили не пойти в школу по инерции. Ведь у нас была все та же болезнь, от которой мы страдали два дня. Потом, когда мы пропустили понедельник, вторник и среду, то решили, что трудовую неделю не спасет наше присутствие в школе в четверг и пятницу. Никогда не поздно начать новую жизнь со следующей недели, верно? Мы же не планировали и дальше прогуливать. Но в следующий понедельник мы снова проспали, а потом пропустили так много дней, что сильно отстали от класса. Ну что ж, взяться за ум никогда не поздно и в следующей четверти.

У нас было много дел и много мест, где нам хотелось быть. У нас была группа друзей, штаб-квартира которой находилась в доме Фифа. Его отец весь день был на работе, а мама жила отдельно и появлялась дома не часто. Следовательно, его квартира стала идеальным местом, где можно было приятно провести время, когда прогуливаешь уроки. Как выяснилось, не я одна была готова сидеть и ничего не делать. Желающих разделить мое ничегонеделанье оказалось достаточно. Мы привыкли к такой жизни, к расслабленному графику и к тому, что мы проводим время вместе. Я чувствовала себя совершенно счастливой.

Вокруг нас с Сэм сложилась компания друзей, каждому из которых была отведена своя роль. Без всякого сомнения, неординарные

и независимые суждения сделали Сэм заводилой нашего коллектива. Майерс подбрасывал новые и неожиданные темы для обсуждения, Фиф играл роль гостеприимного хозяина, Бобби шутил, и я всех их любила.

Ядром нашего коллектива были Бобби, Сэм и я. К нам периодически присоединялись и другие ребята: Джейми, Джош, Диана, Ян, Рей, Фелис и многие другие. Мы называли себя «группой». За разговорами сегодня перетекало в завтра. Мы сидели в разрисованной граффити квартире Фифа, болтали, спали и много-много смеялись.

Никто не хотел подставлять товарища, поэтому ребята крайне редко употребляли наркотики в квартире Фифа. Иногда кто-то курил травку в коридоре. Меня отталкивали как наркотики, так и алкоголь. Мне был неприятен даже запах пива от человека. Частично это объяснялось тем, что я уже до тошноты насмотрелась, как принимали наркотики мои родители, а частично еще и тем, что говорила мне мама.

Когда я была маленькой, несколько раз, когда первая волна эйфории сходила, мама смотрела на меня затравленным взглядом, плакала и умоляла меня:

«Лиззи, никогда, никогда даже не пробуй наркотики! Наркотики поломали мою жизнь. Поэтому ты никогда к ним близко не подходи. Обещай мне это!»

На руках мамы были видны многочисленные точки от уколов с запекшейся кровью, а в глазах был страх. Я думаю, что это была самая эффективная антинаркотическая пропаганда. Поэтому я ни разу даже не пробовала наркотики. Меня никто и не заставлял. Хотя иногда друзья шутили по поводу того, что я боюсь их попробовать.

Наши сверстники в школе учились писать сочинения и делали практические работы по химии. Мы учились другому. Опытным путем мы определяли, что если вылить ложку воды на раскаленную плиту, то вода превратится в шипящие и танцующие шарики жидкости. А если положить в микроволновку электрическую лампочку, то (по крайней мере, пять секунд) можно наблюдать разноцветное световое шоу. Мы экспериментировали с разными продуктами на кухне Фифа, и иногда результаты получались очень даже вкусными. Мы бросали в прохожих наполненные водой воздушные шары и долго смеялись. Каждый день казался захватывающим и интересным. И рядом со мной были люди, которых я любила, – Сэм и Бобби.

Но рано или поздно мне надо было возвращаться в опротивевшую квартиру Брика и к маминой болезни. Сколько бы я ни веселилась, я не могла забыть, что меня ждет дома. Я знала, что без моей помощи маме

будет трудно встать с унитаза, что, ослабев, она не сможет выйти из спальни и принести себе стакан воды. Несколько раз в течение дня я покидала своих друзей, чтобы помочь маме. Я осознавала, что мама скоро умрет, поэтому каждый раз возвращение в квартиру Брика давалось мне все с большим и большим трудом.

VI. Мальчики

Ни я, ни Сэм не были готовы к появлению бойфрендов, а также к тому, как любовь к молодому человеку может изменить нашу жизнь. Если бы мы были готовы, все, вполне вероятно, пошло бы совсем по-другому.

В один прекрасный осенний день среди нас появился Карлос и почти моментально стал центром всей нашей группы. Однажды, подходя по коридору к квартире Фифа, мы услышали громкие мужские голоса.

– Вот это шум! – сказала я.

– Да, такое ощущение, словно мы в дурдом попали, – ответила Сэм.

– И шумят в квартире Фифа, – заметила я.

Мы открыли дверь и услышали глубокий и звучный мужской голос, который сильно выделялся на фоне остальных голосов.

– Давай, сынок, – говорил этот голос. – Попытка – не пытка. Мы знаем, сколько ты можешь потерять. Ну, давай!

Мы вошли в гостиную и увидели человек семь знакомых и незнакомых ребят, которые играли в кости. Фиф стоял у стены. Мы вопросительно на него взглянули, но вместо ответа он только пожал плечами. В самом эпицентре игры я увидела владельца звучного и громкого голоса.

Это был худой пуэрториканец с волнистыми темными волосами, аккуратно завязанными в хвостик. Он был одет по последней моде. У него были большие выразительные карие глаза и веснушки. Он двигался уверенно и говорил с таким авторитетом в голосе, что я не могла отвести от него глаз. Он ударил по спине парня, который медлил и никак не решался бросить кости – два красных кубика. Наконец, парень бросил, и мы услышали, как в полной тишине они ударились о стену. Раздались громкие крики. Несколько человек повернулись к кидавшему и стали смеяться.

– Ого! – сказал незнакомец. – На этот раз у тебя не сложилось. Ты проиграл. – Парень гангстерского вида, которого я пару раз уже видела в квартире Фифа, отсчитал деньги и передал их незнакомцу. – Кто еще хочет сыграть? – громко спросил пуэрториканец.

– Сэм, ты знаешь, кто это такой? – тихо спросила я.

– Нет, – ответила она.

Я встала у разрисованной граффити стены и еще минут двадцать наблюдала за игрой. Сэм потеряла интерес и вышла на кухню, чтобы

посмотреть, что можно съесть в холодильнике.

Незнакомец снова выиграл, забрал деньги и свои игральные кости, после чего сказал:

– Все, господа, на сегодня хватит. До новых встреч. – Проигравшие начали громко протестовать. – Я бы продолжил игру и дальше, – заявил незнакомец, сворачивая пополам выигранные купюры. – Но я занят. Я угощаю вон ту девушку обедом. Так что все вопросы к ней.

Даже не глядя в мою сторону, он поднял руку и показал пальцем прямо на меня. Я замерла от неожиданности. Несколько человек повернули в мою сторону головы, но тут же отвернулись. Я даже не подозревала, что незнакомец меня заметил. Я внимательно на него смотрела, но не видела, чтобы он хотя бы раз на меня взглянул.

Я посмотрела на людей вокруг меня и с удивлением спросила: «Меня?» Я была уверена, что он услышал мой вопрос, однако ничего не ответил и вышел из комнаты.

Пуэрториканец начал жать всем руки и прощаться. Я решила, что приглашение мне померещилось. Он прошел рядом со мной, добрался до входной двери и начал ее открывать. Я вдохнула запах его туалетной воды, и мое сердце учащенно забилось. Из кухни вышла Сэм с мороженым.

Он открыл входную дверь и остановился.

– Ну, что, ты идешь? – спросил он. – Я оглянулась, чтобы понять, к кому он обращается. – Йо, я не могу ждать целый день. – И он с нетерпением начал постукивать носком ботинка о пол.

– Это ты мне? – спросила я. Пуэрториканец сделал театральный жест рукой, показывая на дверь, и весело подмигнул мне. Мы вместе улыбнулись. – А можно со мной пойдет подруга? – спросила я как бы невзначай.

* * *

Его звали Карлос Маркано, и ему было уже почти восемнадцать лет. Точно так же, как и мы с Сэм, он жил в Бронксе. Его родители им не занимались, и он вырос практически на улице. У него были шрамы. На икре правой ноги он показал нам небольшой бугристый шрам, оставшийся от удара разбитой бутылкой.

Карлос много шутил, даже если говорил на очень серьезные темы. Его юмор был часто черным, и мне это очень нравилось. Он жил у приятеля на бульваре Бедфорд-парк. Он был уверен, что в будущем станет известным комическим актером.

«Я выжил в этом мире без посторонней помощи. Бог меня не забывал, –

сказал Карлос и показал пальцем вверх. – Я думаю, что вы, девушки, понимаете, о чем я говорю. Мир – жестокая штука, но унывать не стоит, наоборот, надо держать голову высоко. Мечтай, но не спи. Втыкаете, что я говорю?»

Мы несколько часов просидели в кафешке, и Карлос рассказывал нам истории об экстремальных ситуациях, в которые попадал, о бандитах, насилии и драках. Его жизнь на улице была непростой, но он вырос умным, изобретательным и веселым. Его истории были захватывающими. Время от времени, когда Карлос делал какой-нибудь красивый жест, Сэм многозначительно пихала меня ногой под стол.

Однако о наиболее интересных фактах своей биографии он рассказал только через несколько часов после начала разговора, когда мы уже собирались расставаться. Его папа умер от СПИДа, когда Карлосу было девять лет. С тех пор он и жил на улице. Мама «торчала» на крэке и не принимала в его жизни никакого участия.

«Ей трубка для крэка важнее, чем собственный сын. Она молилась на наркотики, так что я рос практически без нее».

Мысленно я сравнивала то, что у нас было общего. Он знал, что такое СПИД и наркотики, он вырос без поддержки родителей. При этом Карлос ничего ни от кого не скрывал. Он воспринимал все проблемы, которые ставит перед ним жизнь, как возможность найти нужное решение. Я поняла, что хочу познакомиться с Карлосом поближе. Он постиг секрет, как можно превращать недостатки во что-то положительное и как добиваться успеха, полагаясь только на собственные силы. Я очень хотела этому научиться. Я не хотела говорить ему, насколько много у нас общего, на этой стадии общения это было бы преждевременным.

Рассказывая, как он потерял свою семью и стал бездомным, Карлос часто поглядывал в окно на проходящих по улице людей.

«Мама таскала меня от одного родственника к другому. Потом мне это надоело и я стал ночевать у школьных приятелей. Через какое-то время я вообще перестал понимать, где я нахожусь. Потом я осознал, что должен выжить и думать о себе. Главное – не лажать. Как «гетеро» в тюремном душе, я перестал верить людям и начал следить только за собственной задницей».

В тот вечер Карлос рассказывал нам много историй из своей жизни. Он это делал с большим юмором. Он мог говорить, как кто-то умирает, а потом закончить рассказ шуткой, над которой мы долго смеялись. Он имитировал разные звуки, свистел и гудел так, что на нас обращали внимание посетители. Я поняла, что Карлос мне интересен. Мне наплевать,

что думают о нем другие, это их собственные проблемы.

Потом мы пешком шли к дому Брика. По пути мы пели, смеялись и валяли дурака. Он останавливал прохожих на улице и делал им комплименты по поводу их мастерского знания карате или плетения макраме, и, не отвечая на их удивленные вопросы, двигался дальше. Он сделал из бумажного пакета шляпу, начал косить глазами и приставать к прохожим со словами, что, переходя улицу, надо смотреть в обе стороны одновременно. Казалось, что он ничего не боялся и не стеснялся. Его уверенность в себе была заразной.

* * *

Следующие несколько недель я общалась с ним так часто, как могла. Сидя на кухне в квартире Брика, я часами говорила с Карлосом по телефону, наматывая и разматывая телефонный провод вокруг руки. Ночами мы долго гуляли по улицам, и иногда он брал меня за руку. Мы наслаждались последним теплом уходящего лета, бродили по улицам Бронкса, заходили в Харрис-Филд и делились секретами.

– Лиз, я должен тебя поблагодарить, – сказал Карлос однажды, когда мы стояли у входа в дом Брика.

– За что? – с надеждой спросила я.

– За то, что ты не похожа на других девушек. У меня такое чувство, что тебе я могу рассказать о себе всё. Я тебе верю, Лиз. Понимаешь, верю? Я никогда раньше ни с кем себя так не чувствовал. Благослови тебя бог.

Я всеми силами попыталась скрыть возбуждение. Карлос предложил еще раз обойти вокруг дома – он хотел мне кое-что рассказать. Он крепко схватил меня за руку и взял с меня обещание, что я никому не скажу то, чем он со мной поделится. Потом он сказал, что его отец оставил ему в наследство семь тысяч долларов, которые он может получить, когда ему исполнится восемнадцать лет.

– Кругом одни змеи, поэтому траву надо низко подрезать, Шэмрок. Когда трава низкая, змею издали видно. – Он стал называть меня Шэмрок^[15] после того, как узнал, что у меня есть ирландская кровь. – Надо быть особенно осторожным, когда люди узнают, что у тебя есть деньги. Многие начнут думать – как бы заполучить эти деньги. Понимаешь, люди жадные. Но я тебе верю. И я хочу с тобой делиться всем, что у меня есть.

Я оставила без комментариев его пассаж, обращенный к моей личности, и сказала:

– Слушай, Карлос. Это твой шанс. Ты можешь снять собственную квартиру и перестать жить на улице.

Я крепко сжала его руку и улыбнулась. Он пристально смотрел мне в глаза и не улыбался.

– Шэмрок, ты, наверное, меня не поняла. Я хочу, чтобы мы были вместе. Это начало новой жизни для нас обоих.

Я не смогла сдержать улыбки.

– Я просто хочу, чтобы ты был счастлив, Карлос. Я не такая, как большинство людей.

– Я счастлив с тобой. Честное слово.

Мы обнялись. Неожиданно он поднял меня и сделал вид, будто хочет моим телом, словно тараном, пробить входную дверь. Я завизжала и рассмеялась.

– Бум! – закричал Карлос, открывая дверь подъезда рукой.

Потом мне пришлось изо всех сил его оттащить от домофона, чтобы он не стал валять дурака и не сказал какую-нибудь глупость Брику. Я полчаса не могла войти в лифт, потому что это означало, что мы расстаемся до завтра.

* * *

В сентябре каждые три дня моих прогулов из школы имени Джона Кеннеди на адрес Брика направляли извещение с просьбой позвонить в офис директора по поводу девятиклассницы Элизабет Мюррей. Я вынимала письмо из почтового ящика и, изорвав в мелкие клочки, выбрасывала в мусоропровод. Но однажды из почтового ящика я вынула конверт, на котором была хорошо знакомая мне эмблема детского отделения социальной службы. В письме было написано, что Брик должен незамедлительно встретиться с представителями службы и обсудить вопрос передачи меня под ее опеку. Я не хотела возвращаться в приют. Я не знала, смогу ли снова появиться в школе. В общем, я не знала, что мне делать.

Я общалась только со своими друзьями. Мне казалось, что никогда не поздно вернуться в школу. Все было вроде бы вполне нормально. Никто из моих друзей, за исключением Бобби, регулярно не ходил в школу. Карлос планировал, как мы будем жить в квартире, которую он снимет в районе Бедфорд-парка, и как Сэм станет жить вместе с нами. После заселения в квартиру мы с Сэм собирались снова начать ходить в школу и найти работу, чтобы помочь Карлосу платить за жилье.

То есть я не бросала школу, просто это не входило в мои первостепенные планы. Я собиралась снова ходить туда, точно так же, как собиралась серьезно поговорить с мамой. Я хотела сказать ей,

что вне зависимости от того, что она сделала, я знала, что она меня любит и старается это показать. Я пыталась не волноваться и уговаривала себя, что скоро – но не сегодня – обязательно пойду в школу и что все наладится. Когда-нибудь, но только не сейчас. Вокруг меня бурлила жизнь, а я от нее пряталась.

«Не сейчас, – повторяла я про себя. – Потом».

Моя тактика затягивания перестала работать. Письмо из социальной службы оказалось еще одним напоминанием, что настало время что-то менять. К тому же мамина привычка напиваться в дым уже до полудня начала плохо действовать как на нее, так и на меня.

Мама стала возвращаться из бара в полной «бессознанке». Она с трудом шла и часто приходила домой в блевотине, а если падала по пути, то и в крови. Иногда маму домой приводили незнакомые люди: какой-нибудь ирландец из бара или полицейский. Все они, увидев меня, очень удивлялись.

Сами того не подозревая, эти люди задавали мне на первый взгляд простые, но в реальности сложные вопросы, такие, как: «А где твой отец?» или «Теперь с ней все будет в порядке?». Я не знала, как на них отвечать. Я же не могла сказать незнакомым людям: «Мой отец живет в приюте для бывших наркоманов, а с ней ничего в порядке не будет, потому что она умирает». Я благодарила этих незнакомцев, заводила маму в квартиру и закрывала входную дверь. Я раздевала маму, клала в теплую ванну, мыла ей голову, в то время ее волосы выпадали большими пучками. Иногда маму рвало в ванной, и нам приходилось начинать процесс мытья с самого начала.

Когда на человека наваливается много проблем, мозг отсекает мелкие неурядицы и концентрируется на главном. Хотя я на многое старалась закрывать глаза, реальности избежать было сложно. Однако после того, как я мыла маму, одевала ее в чистую одежду и укладывала в кровать, я снова возвращалась к своей жизни. Я тихо закрывала за собой дверь и уходила в мир друзей, которые обо мне заботились, в мир мест, которые мы вместе могли посетить, в мир бесконечных приключений с Сэм. Там я не знала никаких проблем. У меня была своя семья, вокруг меня было много людей и Карлос – так что мне было нечего бояться.

Незадолго до того, как маму увезли в больницу, я узнала, как сильно он обо мне заботится. До появления Карлоса я всегда занималась мамой сама, даже если рядом находились Бобби, Лиза или Сэм. Я их за это совершенно не осуждала, ведь моя мама была в таком состоянии, когда на нее смотреть было больно, не говоря уже о том, чтобы к ней прикасаться. Я все

понимала. Я не осуждала ни Бобби, ни Сэм за то, что они, сидя на диване, спокойно смотрят, как я ухаживаю за мамой. Именно поэтому меня так сильно поразило отношение Карлоса.

– С ней надо больше говорить. С ней вообще кто-нибудь разговаривает? – озабоченно спросил он, помогая мне уложить маму в кровать. Из гостиной слышался смех наших друзей и громкая музыка. Я попыталась его остановить, сказав, что я сама справлюсь, но он не стал меня слушать. Когда в тот день мама вошла в квартиру, он взял ее за руку и поддержал за спину. Он сделал это с огромной теплотой, словно прекрасно видел за болезнью человека. – Джин, тебе надо помочь. Я помогу Лиз за тобой ухаживать.

– Ты кто? – спросила мама.

– Я – человек, который очень любит Лиз и который уже давно хотел с тобой встретиться, – ответил он.

Его слова сразили меня наповал. Как, он меня любит? Ведь он только что именно это сказал! Я мыла маму в ванной и не пустила его внутрь, несмотря на все его просьбы. Однако Карлос никуда не ушел, а остался за дверью. Через тонкую фанерную перегородку он обращался непосредственно к маме.

– Джин, я считаю, что Лиз просто потрясающая. Я зову ее Шэмрок, потому что она – самое лучшее, что случилось со мной в жизни. – Мама открыла глаза и заплакала, слушая Карлоса, который продолжал: – У моей матери тоже были проблемы с наркотиками. Я бы очень хотел, чтобы она в свое время заботилась обо мне так, как ты заботилась о Лиз. Я знаю, что Лиз тебя очень любит и гордится тем, что ты уже давно не употребляешь кокаин. Молодец, Джин! Ты тоже должна гордиться своими успехами.

Я взяла маму за руку. Она закрыла глаза и устало улыбнулась.

– Я тоже очень люблю Лиз. Ты моя любимая дочка, – произнесла она тихим голосом, обращаясь к Карлосу. Она сказала это так тихо, что, скорее всего, только я ее услышала. Мне мама давно не говорила, что любит меня, и я едва смогла сдержать слезы.

Карлос внимательно слушал, что я говорю, и ничего не забывал. Он видел мою маму, трогал ее, говорил с ней и заботился.

Когда я уложила маму в кровать, Карлос подошел и сел рядом. Выходя из комнаты, я увидела, что он взял ее за руку и начал что-то говорить. Потом очень нежно поправил одеяло и поцеловал ее в лоб.

– Хороших снов, – сказал Карлос. – Все в порядке, спи.

Карлос взял меня за руку и провел мимо Сэм и Бобби, которые сидели

у телевизора в гостиной, на кухню. Там он усадил меня на стул, а сам остался стоять. Он сказал мне, что любит меня и что я стала для него самым дорогим человеком на свете.

– Посмотри на меня, – сказал Карлос с нежностью в голосе. Но я не могла поднять глаз. Я боялась, он увидит, что я на него надеюсь, что я привязалась к нему, увидит мой страх по поводу происходящего с матерью. – Посмотри на меня, – повторил он и, взяв своими сильными руками меня за щеки, пристально посмотрел в глаза. – Не волнуйся, Лиз, я тебе помогу. – Я заплакала. – Не волнуйся, Лиз, я обязательно тебе помогу. Я с тобой.

Он вытер мои слезы и поцеловал меня в лоб. Потом нежно и медленно поцеловал меня в губы. Я почувствовала соленый вкус собственных слез, щекотание его бородки, его силу и то, что он не даст меня в обиду.

– Я тоже тебя люблю, – сказала я и посмотрела ему в глаза.

– Что ты сказала?

– Я тоже люблю тебя, Карлос. Я люблю тебя.

Он обнял меня сильнее.

– Я здесь, я никуда не денусь, – сказал он и прижал мою голову к своей груди.

Я почувствовала его тепло и услышала, как громко и обнадеживающе бьется его сердце. Я так рассчитывала на его поддержку.

* * *

В то время, когда развивались мои отношения с Карлосом, Сэм встретила парня по имени Оскар, жившего неподалеку от квартиры Брика. Оскару было двадцать лет, Сэм недавно исполнилось четырнадцать, и через несколько дней они впервые поцеловались.

– Разница в возрасте – ерунда! Мне кажется, что я достаточно зрело выгляжу. И я ему нравлюсь, – сказала мне Сэм однажды вечером после того, как Карлос проводил меня до дома. Мы жевали печенье и пили сок, которые экспроприировали из бездонных запасов Брика. – Он вообще просто красавец, – добавила Сэм и улыбнулась.

Я согласилась с тем, что Сэм многое в жизни повидала и действительно выглядит старше своих четырнадцати лет.

– Если ты выглядишь старше, ты, наверное, и ведешь себя с ним в кровати, как опытная женщина? – спросила я ее.

– Еще бы! – ответила Сэм, и мы начали обсуждать вопросы секса.

– Я точно знаю, что мама с Бриком занимаются сексом. Иногда я сплю не в кровати, а на раскладном кресле в их комнате, чтобы быть ближе

к ней, если ей потребуется какая-либо помощь. Так вот однажды она пришла из бара и говорит ему: «Брик, дай мне пять долларов! Ну, всего лишь пять долларов», а он: «Нет, Джин, не могу». После этого начали скрипеть пружины кровати и появились такие хлюпающие звуки. Ну а потом он дал ей денег. И она сразу напрямик за дверь. Не знаю... Не могу сказать, что у меня после этого возникает дикое желание заниматься сексом, все это как-то мерзко.

– Лиз, перестань, настоящий секс совсем другой. Он, конечно, немного грязный, но это очень приятно. Оскар в постели просто бесподобен. – Сэм начала описывать мне позы, в которых они с Оскаром занимаются сексом, рассказала, что, когда он прикасается к определенным частям ее тела, она начинает испытывать истому и «сладкую слабость», которые являются частью любви. – Лиз, он меня любит, – сказала Сэм.

Я попыталась представить себе, что значит «сладкая слабость», и поняла, что любовь – очень странная и непонятная вещь.

Я пыталась представить себе Сэм и Оскара, но вместо этого перед мысленным взором возник образ меня с Карлосом, когда мы лежали в траве на Харрис-Филд и над нами мерцали звезды. Как я ни старалась, мне не удалось представить, что мое физическое тело способно любить. Тем не менее я еще долго и безрезультатно пыталась вообразить себя на месте Сэм и Карлоса на месте Оскара.

* * *

Если бы я знала, что уже никогда не вернусь под эту крышу, я бы, вероятно, не сделала тогда то, что сделала. В конечном счете, когда кончается детство? Наверное, когда человек берет на себя ответственность и начинает самостоятельно о себе заботиться. Если это так, то мое детство закончилось, когда мне было пятнадцать.

«Что это такое? Ты что тут делаешь? Это тебе не приют! А ну, убирайся!»

Я по сей день не знаю, как Брик узнал, где прячется в квартире Сэм. Может быть, мы раскрыли себя полуночным смехом и разговорами? Может быть, нас выдала Лиза? Мы часто будили ее своими беседами, а я в конце концов, отказалась стирать ее белье за то, чтобы она нас не выдавала. Может быть, Лиза рассказала о нас Брику из зависти или ненависти? Как он узнал о Сэм?

«Это мой дом!» – орал Брик. Он сорвал покрывало, которым я застилала кровать, в его руке дымилась сигарета, а плотное тело нависало над нами, как скала. Разбрызгивая кругом слюни, своими криками он

испугал нас до полусмерти.

Сэм сжалась в комок, я инстинктивно приподнялась, чтобы загородить ее от Брика. Было три часа ночи.

«Продолжай в том же духе, и ты сама вылетишь отсюда!» – угрожающе сказал Брик, глядя мне прямо в глаза. Он вышел из комнаты, оставив за собой след едкого дыма, и громко хлопнул дверью. Я услышала, что он включил свет в спальне и начал громко жаловаться на мое поведение маме.

Если бы не письма из социальной службы, я бы, наверное, более трезво взвесила последствия решения, которое тогда приняла. Тем не менее не буду утверждать, что мое решение было спонтанным. Я уже давно, задолго до того, как Брик застукал Сэм, подумывала, что пора покинуть его квартиру и начать жить на улице.

Позже мы с Сэм пришли к выводу, что нам в некотором роде повезло – по крайней мере, Карлос в ту ночь не ночевал в квартире. Иногда и он оставался у меня. Я даже и думать боюсь, какие последствия могло бы иметь столкновение Карлоса с Бриком.

Иногда даже не верится, что я умудрялась прятать Сэм более года. Я делилась с ней едой, накрывала моим одеялом и позволяла выйти из укрытия через десять минут после ухода Брика на работу. Я думаю, что начала сильно рисковать тогда, когда разрешила Карлосу время от времени ночевать в квартире. Дело в том, что его выгнали из дома его приятеля, а он был мне слишком дорог, и я не хотела его потерять.

«Скоро все изменится, – говорил Карлос. – Как только я получу наследство, все будет совсем по-другому».

Он рассказывал нам о жизни, в которой мы сами будем решать, что нам делать, у нас будет своя квартира, и никто не сможет нас обидеть. Мы мечтали, как заживем, решали, какого цвета будет наш ковер и что нашу будущую собаку будут звать Кейти. Мы даже условились, что пойдем в торговый центр и сделаем там «китчовую» фотографию нас троих, которая будет изображать идиллию семейного счастья. Мы не хотели, чтобы Карлос спал на улице, поэтому он довольно часто ночевал в квартире Брика.

Когда Карлос оставался на ночь, он не прятался под моей кроватью. Ночью мы выходили на лестничную площадку и поднимались на последний этаж дома. Там мы вили «гнездо» из одеял, брали с собой бутерброды с арахисовым маслом и книжки. На лестнице на верхнем этаже дома мы провели много ночей. Мы спали, как ленивые щенята, практически друг на друге, дышали в унисон и согревали друг друга. Но однажды ночью Сэм пописала на лестничной площадке этажом ниже,

управляющий дома понял, что ночью на лестнице кто-то ночует, и мы были вынуждены затаиться.

Однако у нас было много друзей, у которых мы могли переночевать. Мы приходили к Бобби после того, как его мать ложилась спать. Втроем мы спали на диване Бобби, вдоволь насмотревшись кино и наевшись чипсов. В квартире Фифа мы спали на подушках от дивана, а его хорека, которого он на ночь выпускал погулять, копался в многочисленных мусорных мешках.

После того как Брик вышел, в комнате повисло молчание.

– Сейчас соберу свои вещи, – сказала Сэм и начала быстро складывать их в сумку.

Пока Сэм собиралась, а Брик кричал в соседней комнате, я напряженно думала. Всю свою жизнь я отвечала за свои поступки и сама о себе заботилась. Что принципиально изменится, если я сейчас уйду из дома? Что, в конечном счете, заставляет меня здесь оставаться? Я никогда не считала эту квартиру своим домом. Я вспомнила письмо из социальной службы, в котором говорилось о возможности моего возвращения в приют.

От мысли о приюте Святой Анны кровь ударила мне в голову. Если я сейчас останусь, как скоро за мной придут и заберут? Мне надо было принимать решение. Уж лучше перебиваться самой, чем возвращаться туда, где тебя за человека не считают. Я умела выживать, значит, я могу уйти из квартиры и выжить.

Мне не хотелось отпускать Сэм. Карлос умел выживать, он может поделиться своим опытом и научить нас. И самое главное, мы будем вместе. Я поняла, что мой этап жизни в квартире Брика подошел к концу. Настала пора уходить.

– Сэм, подожди, – сказала я. Сэм застегивала свой рюкзак, в котором у нее лежали дневник, нижнее белье и одежда. – Я с тобой. Подожди, я быстро.

Она посмотрела на меня, и в ее глазах были слезы.

В кладовке я начала ломать голову, думая о том, что мне с собой взять. Если я оставлю свой дневник, то могу взять чуть больше одежды. Если я возьму меньше одежды, то смогу захватить фотоальбом, расческу и кроссовки. Я знала, что все то, что оставлю, вряд ли когда-нибудь еще увижу. Я заплакала от того, что мне было сложно определиться, и от того, что в соседней комнате Брик громко кричал на маму. Как я могу ее оставить? Но, с другой стороны, как я могу жить здесь дальше? Я горько плакала, засовывая одежду, зубную щетку и носки в сумку.

– Давай уйдем до того, как он снова вернется. У меня нет никакого

желания его видеть, – сказала Сэм и нервно показала пальцем на дверь спальни.

– Хорошо-хорошо, сейчас, еще одна вещь, – ответила я и принесла в кладовку стул, чтобы достать до верхней полки, где у меня была спрятана мамина монетка из «Анонимных наркоманов» и ее черно-белая фотография тех времен, когда она подростком жила на улице. Я открыла свой дневник и положила фотографию между страницами. – Вот сейчас можно идти, – сказала я.

VII. Переламывая ночь

Мошолу-парк – это длинная лесополоса, со скамейками и фонарными столбами, в районе бульвара Бедфорд-парк. В центре парка находится большая поляна. На этой поляне мы с Сэм легли на наши фланелевые рубашки и прижались друг к другу, чтобы было теплее. Мы слушали, как шелестят листья на деревьях и как вдали проезжают редкие автомобили.

– Интересно, куда люди едут в такую рань? – громко спросила Сэм.

– В такую рань... люди, наверное, едут домой.

Мы ощущали насыщенный запах земли. Все казалось плоским и нереальным: высокие дома с горящими окнами, фонарные столбы, загнутые, как шеи лебедей, Нью-Йоркский ботанический сад вдалеке. Над нами пролетел самолет.

– Полетели! – закричала я громко в небо, и ночь поглотила мои слова, как черная дыра.

– Ого-го! – закричала Сэм.

Рев моторов самолета показался почему-то смешным.

– Странно, кто из нас на земле: они или мы? – рассмеялась я.

– Ты уверена, что мы не упадем? – спросила Сэм и сделала испуганное лицо.

– Надо пристегнуться, – закричала я и закутала голову рубашкой. Мы громко рассмеялись.

Когда мы проснулись, солнце пригрело мои ноги под черной юбкой. Я подняла голову и осмотрелась. Только-только рассвело, и поблизости от нас несколько женщин в летах, азиатского происхождения, синхронно водили в воздухе руками. Сэм прикрыла ладонью от солнца глаза и удивленно спросила:

– Черт возьми, чем это они занимаются?

– Доброе утро, – ответила я и вынула несколько листиков из ее волос. – Кажется, это называется тай-чи.

Мы долго сидели и смотрели на женщин. Солнце вставало и золотило крыши домов, птицы пели и прыгали по деревьям.

– Что ж, мы убежали, – сказала наконец я.

– Ага, – отозвалась Сэм. – Остается надеяться, что наша жизнь не окажется тяжелее, чем мы предполагали.

– Понятия не имею, как у нас все сложится, – ответила я.

* * *

Мы спрятались за припаркованными автомобилями напротив входа в дом Бобби и ждали, когда его мама Паула уйдет на работу.

– Мне кажется, она выходит сразу после семи, – сказала Сэм. – Надо подождать.

Время от времени дверь подъезда открывалась, и из нее на свежий утренний воздух выходили люди. У женщин были аккуратные прически и застегнутые на все пуговицы блузки пастельных цветов, черные штаны и цокающие высокие каблуки. Выходили родители и вели за руку детей в школу или в детский сад. Мужчины появлялись в застегнутых наглухо рубашках, галстуках и с массивными часами, через плечо они несли сумки.

Это были офисные работники, сотрудники магазинов, ресторанов. Гладко выбритые, хорошо вымытые, с плеерами в ушах. Толпы шли в сторону метро. Это была совсем другая публика. На Университи-авеню ранним утром можно было встретить больше наркоманов и алкоголиков, которые не торопятся заканчивать длинную ночь, чем тех, кто спешит на работу.

– А вот и она, – сказала Сэм и присела, чтобы ее не было видно за машиной.

Мама Бобби, Паула, вышла из подъезда, посмотрела на часы, села в автомобиль, закурила и отъехала. Из окна их квартиры на первом этаже раздавалась громкая музыка в стиле панк.

Бобби впустил нас, а мы первым делом бросились к холодильнику и стали есть остатки вчерашней запеченной свинины с рисом, передавая друг другу банку лимонада.

– Главное, уходите отсюда до 15.30, когда придет мама, – сказал Бобби перед уходом в школу.

Я крепко его обняла.

– Спасибо, Бобби, – прошептала я ему в ухо. – Я очень тебе признательна.

Дверь за Бобби закрылась, и мы занялись своими делами.

– Теперь в душ! – воскликнула Сэм.

– Это очень правильный шаг, – согласилась с ней я и выразительно втянула ноздрями воздух. – От тебя пахнет как-то странно.

Сэм показала мне средний палец и ухмыльнулась.

Пока она мылась, я открыла свой дневник, который она подарила мне несколько недель назад. Я посмотрела на фотографию мамы и начала

с новой страницы: «Сэм и я сбежали и теперь совершенно свободны. Сегодня должны встретиться с Карлосом. Он будет нами горд. Не могу собраться с мыслями от возбуждения».

* * *

После того как мы с Сэм приняли душ, я взяла принадлежащий Пауле дезодорант, намазала подмышки и аккуратно поставила его на место. Потом я резинкой подвязала волосы. Сэм стояла перед зеркалом и подводила глаза карандашом. Я подумала, что наши отражения в зеркале выглядят уставшими.

Сэм неодобрительно посмотрела на свои подведенные глаза и бросила карандаш в Паулину косметичку.

– Тебе без этого лучше, – сказала я.

– Я думаю о моей семье, – ответила она.

– Чего это вдруг?

– Просто так, – ответила Сэм и нашла ножницы. Я поняла, что она в плохом настроении; я уже не раз замечала, что при разговоре о доме и семье вид у нее становится недовольным.

– Что ты собираешься делать? – спросила ее я.

– Как ты думаешь, мне пойдет короткая прическа? Моему папе нравятся мои волосы... Будем надеяться, что от короткой стрижки он не будет в восторге. – Сэм приподняла свою длинную косу и быстро отрезала волосы. – В Калифорнии в любом случае жарко. Я уже давно думала, чтобы срезать волосы. Сегодня, по-моему, самое подходящее время.

Я зажала рот руками, рассмеялась, а потом сказала:

– Ты с ума сошла!

Сэм передала мне длинную и тяжелую косу, которую только что отрезала.

– Хочу вообще налысо побриться, – сказала она.

– Ты прекрасна с волосами и без них.

Она показала мне язык. Я опять рассмеялась, обхватила ее за талию и крепко обняла.

– Мне нравится короткая прическа. Я давно хотела подстричься, но смелости не хватало, – сказала Сэм.

Мы нашли бритву, и я помогла ей побрить часть головы. В конечном счете, на голове Сэм осталась только длинная челка. Потом мы долго убирали из ванной ее волосы, чтобы Паула их не заметила.

* * *

Наш план был простым – держаться нашей группы. Мы все – как одна большая семья. Кто знает, может быть, эта семья – единственное, на что я могла положиться. Приходить домой к друзьям, когда их родители отправлялись на работу, есть, мыться, отдыхать.

«Не раскисайте, – советовал Карлос и обещал помогать нам, пока не получит свое наследство. – Наслаждайтесь свободой и всем тем, что она дает».

И мы именно так и поступали.

Мы бесконечно много ходили. Никогда в жизни, ни до, ни после этого я не ходила больше. Мы гуляли по Гринвич-виллидж, по центру Манхэттена, смотрели на панков, фриков, религиозных фанатиков, трансвеститов, студентов Нью-Йоркского университета, бродили по тем же тротуарам, по которым во времена их юности ходили мои родители.

На площади Св. Марка, на Восьмой улице, в парке Вашингтон-сквер мы сталкивались с такими же уличными детьми, как и мы сами. На их головах были ирокезы, а на теле пирсинг и татуировки. Они могли быть пьяными, под воздействием наркотиков или просто сумасшедшими, а главное, голодными. Голод объединял нас всех. Я помню, как сжимается и урчит пустой живот, наполненный не вовремя выделившимся желудочным соком. Голод был самой большой проблемой тех лет.

«Надо добиваться того, что ты хочешь, надо «разводить» людей, – отвечал Карлос на наши с Сэм вопросы о том, как нам найти деньги на еду. – Йо, в этом мире всем всего хватит, вопрос только, чтобы это достать. Не унывайте, и вы достанете все, что вам нужно. Я уже долго так живу. Не надо думать, надо мотивировать людей, чтобы они сделали то, что вы от них хотите».

Надо отдать должное, Карлос действительно жил по своим заповедям. Я думала, что хорошо знала многие места в городе: Гринвич-виллидж, Восемьдесят четвертую улицу, Фордхэм-роуд и Бедфорд-парк. Но когда я оказывалась в этих районах с Карлосом, я всегда открывала для себя что-то новое.

Я поняла, что нормы и устои общества являются бессмысленным звуком. Карлос показал мне, что убеждение и убалтывание могут творить чудеса. Можно войти в кафешку без цента в кармане и выйти с пакетом вкусной еды. Незнакомые люди готовы раскошелиться и помочь, просто нужно этих людей найти.

«Вы видите, как я себя веду? Кругом много людей точно таких же,

как мы с вами. Если вы работаете и у вас есть деньги, то почему бы вам не накормить того, кто голоден? Людей, которые так думают, надо найти и «развести».

Везде и всегда Карлос разговаривал с людьми. Куда бы мы ни пришли, у него были знакомые. Если мы шли с ним по улице, то останавливались каждые несколько минут для того, чтобы он мог обняться и пообщаться с продавцом хот-догов, ямайским растаманом, который раздавал флаеры, или татуировщиком, который бесплатно набил Карлосу его имя, под которым он иногда подрабатывал диджеем, – *Tone*. Однако, когда мы встречали девушек, я начинала беспокоиться и слегка задумываться.

Мы с Карлосом официально стали парой на кухне в квартире Брика, хотя незадолго до того случая Карлос уже сделал мне «предложение» около статуи Гарибальди в парке на Вашингтон-сквер. Мы сидели в кафешке на Четвертой улице, когда услышали раскаты грома и шум дождя. Карлос схватил меня за руку, и мы выбежали к статуе Гарибальди. Там, держа над нашими головами пластиковый пакет для мусора, он попросил меня: «Будь моей девушкой!» Потом мы целовались под струями дождя, а он сжимал меня в своих крепких объятиях.

Когда мы встречали девушек самого разного возраста, расы и внешности, с пятисантиметровыми ногтями и огромными серьгами в ушах, все они при виде Карлоса начинали урчать, как довольные кошки, часто называя его самыми разными именами – такими, как Хосе или Диего. Чем красивее оказывалась девушка, тем реже Карлос нас с ней знакомил. Мы с Сэм стояли в сторонке и ждали. Иногда эти девушки бросали на меня быстрый взгляд, иногда закатывали глаза. Некоторые улыбались или махали мне рукой. Иногда Карлос брал у девушки ее номер.

«Это кто такая?» – спрашивала я, пытаюсь скрыть обиду в голосе. Каждый раз красивой девушкой оказывалась соседка, дальняя родственница или подруга приятеля.

«Подруга одного моего приятеля. Милая, правда? – спокойно объяснял Карлос. – Может быть, я к ним сегодня на ужин зайду, она дала мне адрес».

Каждое объяснение Карлоса было железобетонным, как стена. Я не хотела устраивать сцен и подробно расспрашивать. Лучше не задавать лишних вопросов, ведь он заботился обо мне, и это было главным. И без этого достаточно было проблем, и нам с Сэм надо было научиться распоряжаться нашей новой «свободой».

Карлос заверял нас, что нам надо «работать над имиджем». Мы просили денег у общежития студентов Нью-Йоркского университета около парка Вашингтон-сквер. Карлос сидел в книжном магазине напротив

и не хотел присоединяться к нам, объясняя, что мы, девушки, без него разберемся лучше. Он будет рядом, наблюдая, как у нас идут дела.

Мимо нас проходили люди, обычные граждане, твердо стоящие на ногах люди, лица которых я часто видела во сне. Деньги просила я.

«Не думай о них, пусть дадут, сколько могут, и дело с концом», – учила я Сэм.

Казалось, что я заразилась самоуверенностью Карлоса, но на самом деле я старалась убедить саму себя.

«Нечего их стесняться, это всего лишь люди».

Это были действительно люди, но кем мы были для них – непонятно. Если мы обращались к ним, а они не удостоивали нас даже взглядом, значит, мы для них были невидимыми. Некоторые бросали на ходу: «Возвращайтесь в Коннектикут» или «Найди себе работу», но не останавливались, чтобы объяснить, где находится этот Коннектикут или как найти работу, если у тебя нет дома, постоянного адреса и чистой одежды. Иногда встречались добрые люди, которые бросали нам пару монет и улыбались. Это были ангелы, которые оплачивали наши обеды в забегаловках, где мы научились выжимать по максимуму из наших денег.

В городе были места, в которых можно было расслабиться и отдохнуть. Одним из моих любимых была публичная библиотека на Сорок второй улице (вторым любимым местом был диван в квартире Бобби). У входа в библиотеку стояли два каменных льва-близнеца, внутри были стены, облицованные красным деревом, ряды медных ламп для чтения и потолок, украшенный резьбой с цветочными узорами. Стены читального зала были декорированы фресками с изображением обнаженных человеческих фигур, выполненных в викторианском стиле, настолько реалистичных, что казалось, они вот-вот оживут. Карлос и Сэм садились за стол, она учила его рисовать, а я читала книги.

Я могла часами читать завернутые в целлофан книги с твердой обложкой, наподобие тех, которые были у папы на Университи-авеню.

«У меня все отлично», – заверяла я однажды папу из телефонной будки на улице, расположенной совсем недалеко от приюта, где он жил. Холодный ветер леденил мое лицо и пальцы рук.

«Я сейчас у друзей, в школе все отлично», – убеждала его я и надеялась, что он не будет сам звонить в квартиру Брика.

Я брала в библиотеке книги, которые напоминали мне о папе, носила их в рюкзаке и читала, когда могла спокойно посидеть, – в вагоне метро и у друзей.

Квартиры друзей были для нас тихой гаванью в те периоды, когда

жизнь переставала напоминать приключение, а все больше и больше становилась похожей на марафон. Можно долго идти, но в конце концов устанешь и тебе захочется отдохнуть. Наши товарищи всегда нас поддерживали. Мы с Сэм мерзли, голодали, путешествовали, но наши друзья – Бобби, Фиф, Джейми, Диана, Майерс и Джош – всегда были рады нам помочь.

Паула уходит в семь, а мама Джейми – в восемь. Вопрос, к кому пойти, решался просто: не надо слишком часто ходить в один и тот же дом, где родители недавно сделали продуктовые покупки. Нам было важно, чтобы никто из взрослых не заметил наше пребывание по исчезновению продуктов из холодильника.

Однако дружеские отношения неизбежно мутировали и менялись. Когда в 90 процентах случаев встреча обоснована тем, что мне что-то нужно, и лишь в 10 – желанием повалить дурака и пообщаться, даже самые близкие друзья начинают задумываться о том, что отношения складываются, по меньшей мере, однобоко. Меня перестала волновать мысль, хотел ли Бобби видеть меня на своем пороге. Мои друзья жертвовали ради меня своим личным временем, они рисковали получить выговор, потому что продукты бесследно исчезали необъяснимым образом, а также потому, что родители могли обнаружить следы нашего с Сэм пребывания в их квартире.

«Шэмрок, послушай, не стоит париться на эту тему. Если бы они оказались в такой ситуации, ты бы им помогла? – успокаивал меня Карлос. – И потом, разве у тебя сейчас есть другие варианты? По сравнению с ними ты находишься в фиговой ситуации».

Однако сравнение людей и ситуаций, в которые они попали, дело неблагодарное и очень субъективное. Если взять Майерса или Бобби, у которых в распоряжении всегда была своя комната, кровать и неограниченный доступ к еде, наша ситуация была хуже. Но насколько плохой была наша ситуация, если сравнивать с другими людьми?

Мы с Сэм не были теми бездомными, весь скарб которых помещался в тележку для продуктов и состоял из рамки для фотографии, радио и одежды в мешке для мусора. Глядя на таких бездомных, становилось ясно, что они находятся на самом дне. По сравнению с ними мы жили, как короли.

Мы были очень молоды. Даже если я спала в парке на скамейке под грохот метро, под звездами, я знала, что такое семья и что такое дом. У меня был небольшой рюкзак, а не тележка для покупок. Поэтому, по сравнению с некоторыми, моя жизнь была не такой уж и плохой, что я

и говорила Карлосу. Я всю жизнь носила все свои вещи с собой, так что мне было не привыкать. Я занималась тем, что «переламывала» ночь, дожидаясь восхода солнца, после чего мой день начинался снова.

Свое шестнадцатилетие я встретила в квартире Фифа. Все друзья скинулись и купили торт-мороженое. Его с горящими свечами занесли в дальнюю часть квартиры, где мы с Сэм спали на голых матрасах. Меня разбудили, и, увидев грязный матрас, я спросонья решила, что спала в нашей квартире на Университи-авеню.

Пока все хором пели «С днем рождения тебя!», я трогала руками пружины матраса, и мне казалось, что я разговариваю с мамой. Кто-то намазал мне мороженым лицо, после чего я окончательно проснулась и поняла, где нахожусь. Карлос, целуя меня, слизал мороженое, пока все остальные громко хлопали. Тем не менее без Лизы, мамы и папы день рождения казался мне каким-то неправильным. Я хотела встретить его с моими родными. Я встала, пошла в душ. Было такое ощущение, что все тело онемело.

* * *

К осени мы с Сэм три-четыре раза в неделю просыпались без Карлоса. Если мы ночевали в квартире приятеля, он мог оставить нам информацию, куда он пошел и когда собирается вернуться. Если мы ночевали на лестницах на верхних этажах домов, он часто оставлял нам записку. Мы с Сэм могли читать ее все утро, сидя в парке или у Бобби. Один раз я расположилась на полу ванной в квартире у Бобби с запиской от Карлоса, а Сэм мылась. Мне начинало казаться, что я чаще вижу записки от Карлоса, чем его самого.

«Привет, Шэмрок!

Мне надо по делам – сегодня у моей бабушки день рождения и я хочу купить ей что-нибудь хорошее, например массажное масло или абажур для лампы. Встретимся на лестничной площадке на верхнем этаже в доме Брика или у Бобби. Если вы будете где-нибудь в другом месте, я найду вас.

С любовью,

Всегда твой муж,

Карлос Маркано».

* * *

– Послушай, ты действительно думаешь, что он пошел к своей бабушке? – спросила я.

– Лиз, не знаю. С Карлосом вообще все очень туманно, – ответила Сэм, поставив ногу на край ванны. Она брила ноги одноразовой бритвой Паулы. Руки и ноги Сэм были тонкими, как прутики, а грудь большой. Волосы на ее голове еще не отросли, чтобы выглядеть мокрыми после душа.

– Сэм, ты худеешь, – заметила я.

– Я люблю поесть, но, как ты знаешь, ем нечасто. Ты, кстати, и сама не сильно вес набираешь, – ответила она с усмешкой.

Я опустила записку Карлоса и посмотрела на свое отражение в зеркале. Всего два месяца назад в этой ванной Сэм отрезала свои волосы. Одну прядь я вклеила в свой дневник на той странице, где Сэм нарисовала нас вдвоем. Я прищурилась и про себя отметила, что бледная девушка с зелеными усталыми глазами в зеркале действительно похудела. Я подумала, что похожа на маму, и, укоряя себя, вспомнила, что в этом месяце навещала ее в больнице всего один раз и что мама переживала из-за моей школы.

– Ну, если ему так хочется свободы, я готова ее дать, – сказала я, пытаюсь побыстрее избавиться от воспоминания о маме.

Сэм оперлась о мое плечо, вылезала из ванны и начала вытираться.

– Я понимаю, почему ты переживаешь. У тебя есть все основания, и я, если честно, сама волнуюсь. Я не представляю, как мы вообще в состоянии справиться без его помощи, – озабоченно сказала она. – Одно дело – ждать, когда он снимет квартиру, другое – терпеть это существование, если ты не знаешь, когда оно закончится.

– Сэм, все будет в порядке, – заявила я, хотя не испытывала никакой внутренней уверенности.

Мои опасения были обоснованными. Каждый раз, когда Карлос исчезал, я начинала сомневаться, что он вернется. Я прекрасно понимала, что все может перемениться в любую секунду. Люди заболевают. Или их выкидывают из квартиры. Люди влюбляются. Родители отпускают своих детей и перестают о них заботиться. Стабильности в этом мире не существует. Карлос и Сэм помогали мне в этой жизни, и я не знала, как смогу справиться без них.

Нашим друзьям было не все равно. Однако они вечером возвращались домой, целовали своих родителей и жаловались, что мясо пережарилось. Я была рада им и их помощи, но с ними могла лишь частично забыться. С Сэм и Карлосом все было совсем по-другому. Именно поэтому я не хотела их терять.

– Я тоже не уверена, что мы без него справимся, – после долгой паузы сказала я Сэм. Меня пугала мысль о потере Карлоса, и когда я озвучила ее,

мне стало еще страшнее.

* * *

В ночь на Хэллоуин внутреннее напряжение, которое долго копилось в нас, закончилось вспышкой агрессии. Бездомная жизнь становилась все труднее и труднее, и мы это чувствовали. Когда ты не можешь удовлетворить свои самые простые жизненные потребности, начинаешь сходить с ума. Голод расшатывает нервную систему, состояние нервозности высасывает всю энергию, а стресс и недостаточное питание добивают. Я даже и не подозревала, как устала, но ночь на Хэллоуин показала мне, что бездомная жизнь не проходит бесследно.

В тот вечер мы были втроем: Карлос, Сэм и я. Разбрасывая ногами опавшие красные и золотые листья, мы шли по Бедфорд-парку, и я кричала: «Счастливого Хэллоуина!» Я даже сама удивлялась тому, как громко кричу. Сэм увидела, что я «завелась», и тоже начала кричать. Я кричала долго, до тех пор, пока не заболело горло.

Карлос стал бить бутылки о стены и тротуар и переворачивать мусорные бачки. Я последовала его примеру. Я устала ходить и ощущала ненависть ко всем, у кого есть дом и кто спит в собственной теплой кровати. Чем больше я крушила все подряд, тем легче мне становилось. Карлос заметил мое состояние, улыбнулся и начал передавать мне бутылки, чтобы я их разбила.

Потом мы стали кидаться конфетами. Так мы гуляли несколько часов. Возможно, от ненависти или от беспомощности мы подходили к домам, в которых жили наши друзья, и пытались разбудить их своими криками. Бобби не спал и, услышав нас, высунул голову в окно. В его руках был пульт от телевизора, а его волосы блестели в свете луны.

– Как дела? – спросил Бобби, глядя на нас.

Что мы могли ему ответить? «Мы устали. Нам это совсем не нравится. Можно у тебя снова переночевать?»

Но Сэм крикнула:

– Счастливого Хэллоуина!

Она произнесла это таким смешным тоном, что Бобби захохотал. Карлос стоял в стороне, бросался конфетами в машины и недобро улыбался. Рядом с Бобби в окне появилась голова нашей общей подруги Дианы.

– Привет, ребята! – закричала она.

Они с Бобби выглядели такими здоровыми, отдохнувшими и довольными. Я с завистью подумала, что она, наверное, спала в его

объятиях в теплой и удобной кровати. Ко мне подошел Карлос, глаза которого были красными от недосыпа.

– Пошли, Шэмрок, – сказал он, и я побрела за ним по Конкорс-авеню.

Потом мы остановились у дома, в котором жила наша приятельница Джейми. Мы конфетами приклеили на ее окно на первом этаже записку со смайликом и следующим текстом: «Хотели зайти к тебе. Отдыхаем. Счастливого Хэллоуина. 31.10.1996».

Несмотря на шум, который мы устроили, Джейми не проснулась, точно так же, как и многие другие наши приятели, под окнами которых мы в ту ночь громко кричали и шумели.

Перед рассветом мы украли чье-то одеяло, которое вывесили для просушки, и сели около теплой кабинки на станции метро «Бедфорд-парк». Через некоторое время люди пошли на работу и начали мешать нам спать пиканьем своих проездных. Мы с Сэм крепко прижимались друг к другу под все еще немного влажным одеялом, сильно пахнувшим стиральным порошком. Карлос ходил кругами вокруг станции метро, выкрикивая вызывающие замечания спешащим на работу прохожим.

– Девушка в зеленом пальто знает карате, – объявил он через скрученную в трубку снятую со стены афишу.

Девушка в зеленом пальто с презрением на него посмотрела. Большинство людей, к которым Карлос обращался, полностью его игнорировали.

– Кассиру в будке нравится диско, – не унимался Карлос.

Казалось, что голос Карлоса слышится все тише и тише. Мне начал сниться сон о том, как мама умирает от голода в больнице. Врачи и сестры столпились вокруг нее плотным кольцом, но никто не может ей помочь. Рядом с кроватью стояли бесчисленные подносы, на которых в пластиковых контейнерах лежала самая разная еда. Мама чувствовала запах еды, плакала от голода, но могла есть, только если я буду кормить ее. Она ждала меня, и жидкость покидала ее тело. Она стала сморщенной, как изюм, и ее глаза запали. В это время я в панике бежала по длинным коридорам больницы, взбиралась и опускалась по лестницам. Когда я, наконец, дошла до ее палаты, в кровати мамы лежали лишь красные и желтые осенние листья.

Я проснулась от того, что меня толкала Сэм.

Карлос пропал.

* * *

Первые две ночи после исчезновения Карлоса мы с Сэм спали у Бобби.

Мы старались как можно реже вставать с его дивана, ходили в туалет по двое, чтобы не создавать лишнего шума, и вообще вели себя тише воды, ниже травы. Бобби был рад нас видеть и не замечал всех наших усилий, направленных на то, чтобы стать невидимыми. Ну и хорошо, думала я.

При мерцающем свете телевизора я листала свой дневник и перечитывала письма Карлоса. «Твой муж» – так он всегда подписывался. Боже, я так мечтала теперь, чтобы мы вообще в этой жизни никогда не встречались.

Третью ночь после исчезновения Карлоса мы провели на крыше над входом в государственную школу в Бронксе. Вокруг нас расстилось огромное школьное футбольное поле, на котором ночью не было ни души. Небо было враждебно-серым, и громко завывал ветер. Лежа на крыше, мы с Сэм разделили пакетик чипсов и заснули – холодные, как камни. Казалось, в ту ночь все люди исчезли и остались только мы одни.

После пяти дней бесконечного хождения, катания на метро и попыток переночевать у приятелей мы страшно устали. Сэм подняла вопрос о приюте. Она заговорила об этом тогда, когда от голода у нас уже не было сил шутить. Поздней ночью мы зашли в кафе, где работал Тони, чтобы воспользоваться туалетом. Запах еды кружил голову. За столиками сидели ночные тусовщики и люди, отдохавшие всю ночь в клубах. Косметика на лицах женщин потекла, бретельки лифчиков вылезали из-под платьев. Мужчины лапали своих партнерш, как хотели. Пьяненькие парочки сидели в кабинках, и перед ними на столах стояла яичница, оладьи и высокие стаканы апельсинового сока. Глядя на все это пищевое изобилие, мне хотелось закричать в голос.

– Я пахну, как помойка, – заметила Сэм в туалете. – Я помню, ты говорила, что хуже приюта Святой Анны ничего не бывает, но, откровенно говоря, мне сейчас кажется, что ты преувеличивала.

Она налила розового жидкого мыла на рубашку и стирала ее в раковине.

У меня начались месячные. Тампонов у меня не было, поэтому я в очередной раз воспользовалась туалетной бумагой.

– Не знаю, Сэм. В любом случае я больше не пойду в эту тюрьму.

– Я больше не могу без еды и сна. Пожалуйста, подумай.

Мы не пошли в приют. Вместо этого мы решили зайти в магазин и наворовать продуктов.

Магазины сети *C-Town* открываются рано. Как только ближайший от нас магазин открылся, мы зашли в него и стали рассовывать холодные, колючие и хрустящие упаковки в свои рюкзаки. Мы выскочили

из магазина и сразу бросились бегом, словно за нами кто-то гнался. Мы дошли до игровой площадки перед государственной школой № 8, сели на мягком покрытии, достали еду, зубами разорвали пластиковые упаковки и, кашляя и смеясь, жадно запихивали в рот куски жареной индейки, сыр, хлеб, запивая апельсиновым соком из бумажного пакета.

* * *

В ту ночь мы ночевали на лестнице на верхнем этаже дома, в котором жил Бобби. Я думала, что нам делать. Можно было вернуться к Брику, но я от этого решения отказалась. Мистер Домбия обещал перевести меня в приют за прогулы, а я не была в школе уже несколько месяцев. Назад в «систему» я больше не вернусь. Однако жизнь на улице очень утомила.

Я могла бы пойти и снова начать паковать продукты в магазинах, но за последние годы законы о найме несовершеннолетних ужесточились. Сейчас упаковывали покупки мужчины в возрасте от двадцати пяти до тридцати лет, главным образом иммигранты, которых магазины нанимали официально. На бензозаправке я тоже не могла работать, потому что в моем возрасте меня могли уже арестовать. Я совершенно не знала, что предпринять. Я решила позвонить Лизе из телефонного автомата на улице. Мне ответил Брик, и я тут же повесила трубку. Когда я перезвонила через несколько часов, я услышала голос сестры.

– Привет, как дела? – спросила ее я.

– Лиззи, это ты?! Ты где? – в голосе Лизы я услышала злость и агрессию и тут же пожалела, что позвонила ей.

– Я на улице у телефона-автомата. Лиза, скажи, это ты заложила Брику Сэм, когда она у нас жила?

Я решила раз и навсегда выяснить этот вопрос.

– Нет, не я.

– Правда не ты?

– Правда.

Я ей поверила.

– Ладно... у меня все очень сложно.

– Лиззи, возвращайся домой.

«Ни за что на свете», – подумала я.

– Лиззи?

Я долго молчала, чувствуя ее осуждение.

– Как мама? – наконец спросила я.

Теперь надолго замолчала Лиза. Она молчала так долго, что я подумала, что нас разъединили.

– Тебе надо ее увидеть, – ответила наконец сестра. – Ей осталось совсем недолго. Поторопись.

* * *

Следующей ночью мы уговорили Тони дать нам бесплатно тарелку картошки фри. Мы с нетерпением ждали еды, когда в дверях появился Карлос. Я почувствовала, что моя температура поднялась, наверное, на пару градусов. Я не знала, как себя вести: спросить, где он был и почему исчез, или просто вести себя словно ничего особенного не произошло.

– Смотри-ка, а вот и он, – заметила Сэм вполголоса, глядя на Карлоса.

Я вскочила с места, чтобы его обнять. За дни, проведенные без Карлоса, я поняла, как он мне дорог. Моя обида сменилась радостью. Но Карлос предостерегающе поднял руку, показывая, что я должна остановиться.

– Леди, – сказал он вежливым тоном.

В этот момент я увидела в его руке толстую пачку стодолларовых банкнот, стянутых резинкой. Карлос бросил деньги на стол. Только после этого я заметила, что у Карлоса новая прическа и новая одежда. Глядя на деньги, Сэм громко завизжала.

– Здесь сколько? – спросила я. На самом деле, за всю свою жизнь я видела вместе только несколько стодолларовых бумажек.

– На бургер должно хватить, – подмигнул Карлос.

Тони принес нам тарелку картошки фри, и Карлос подозвал его величественным движением пальцев. Тони заметил на столе пачку денег и непонимающе посмотрел на меня.

– *Tienes mucho dinero*^[16], – пробормотал Тони.

– Это точно. Так что, покормишь нас? – Карлос продолжал говорить с Тони, но с улыбкой смотрел на нас. – Мы будем есть танцующую курицу, креветки и... ирландский шоколадный торт.

Тони немного смутился, но послушно принял заказ. Он повернулся и стал отходить от нашего столика, но Карлос свистом позвал его назад.

– Я плачу за тот стол, – сказал он, показывая кивком в сторону одного из столов, за которым сидели несколько человек.

– Понял, – ответил Тони.

При мысли о еде у меня потекли слюни. Карлос не убрал деньги со стола. Мы с Сэм, кажется, потеряли дар речи и улыбались, как дурочки. Обида на Карлоса исчезла, как утренний туман в лучах солнца. В тот момент я была готова съесть слона, и во всем мире для меня существовали только Карлос и Сэм. Я откусила кусочек креветки, и Карлос громко чмокнул меня в щеку.

– Я тебя люблю, – прошептал он.
Божественный вкус еды странно сочетался с его словами.

VIII. Мотели

Мы сняли комнату в мотеле на трассе Диган, и я приняла самый приятный в жизни душ. Я выкрутила температуру на максимум, вода стала почти как кипятки, и я стояла в душе до тех пор, пока кожа не стала розовой. В соседней комнате новый переносной CD-плеер Карлоса играл песню Ар Келли под названием «*I believe I can fly*». Моя одежда была такой грязной, что надевать ее не хотелось. Я повязала полотенце тюрбаном на голове и вышла из ванной.

В комнате оказалось на удивление холодно. По ногам несло, и у меня мгновенно по всему телу появились мурашки.

– А отопление включено? – озабоченно спросила я Сэм, которая уже лежала под одеялом в большой кровати.

– Нет, – ответила она. – Но будет гораздо теплее, если ты залезешь под одеяло.

Она поманила меня рукой.

На полу в комнате лежал ковер песочного цвета, и ходить по нему босиком было приятно. Деревянная панель над кроватью была исписана разными надписями: «Джейсон любит Марию» и «Роки и Джессика вместе навсегда, 20.02.1989». В комнате кисло пахло застоявшимся сигаретным дымом, а все, что можно было поднять и кинуть, было прикручено к полу болтами. На тумбочке у кровати лежали разложенные веером стодолларовые и пятидесятидолларовые купюры. За окном шел первый в этом году снег.

За стеклом на балконе стоял Карлос и говорил по мобильному телефону. Ни у кого из тех, кого я знала, не было мобильных. Я заметила, что его волосы покрыты снегом – то есть говорил он уже долго, может быть, все время, пока я принимала душ. По тону его голоса казалось, что он с кем-то флиртует, словно встретил на улице одну из своих многочисленных «подружек». Что-то в его голосе было фальшивым.

Я посмотрела на Сэм, которая жевала чизбургер из *McDonald's*, который мы купили по пути в мотель. Несмотря на общее состояние беспокойства, мне было приятно видеть, как она ест, аккуратно укрытая большим одеялом. За последнюю неделю мы буквально истоптали себе ноги, и нам надо было отдохнуть.

– Сэм, – начала я.

– Не говори, я все знаю, – ответила она. – Он вернулся. Все круто.

– Сэм, – сказала я. – Нам надо быть поосторожнее.

Я посмотрела на Карлоса, чтобы убедиться, что по другую сторону стекла он нас не слышит.

– Нам надо искать квартиру. Потом мы должны найти работу, и только после этого мы можем продолжать учебу, потеряв один год.

– Знаю, – ответила она. – Я очень хочу квартиру.

– Нам надо немедленно этим заняться. Непонятно, что будет завтра. Все стало очень зыбким.

В комнату вошел Карлос и стряхнул с волос снег. Он надул щеки и выпучил глаза, как герой какого-нибудь мультфильма.

– Бррр, я там чуть зад себе не отморозил, – сказал он, отряхивая рукава от снега.

Мы молчали.

– Ну, как дела, дамы? – спросил Карлос. – Что-то вид у вас кислый.

В голове пронеслась мысль, что я слишком сгущаю краски, но потом я все равно сказала то, о чем думала.

– Все нормально... Мне кажется, что после того, как ты получил свое наследство, настала пора заняться квартирой. Ты исчез без предупреждения, и это оказалось для нас неприятным сюрпризом. Мы очень устали, нам теперь не до сюрпризов.

Было видно, что Карлос еле сдерживает себя, чтобы не взорваться. Мне показалось, что своими словами я перешагнула границу дозволенного.

– Шэмок, мне надо было успокоиться. Я взял деньги отца, и я хотел побыть некоторое время один. Ты же знала, что я обязательно вернусь. Верно?

– Да, Карлос, мы знали, – соврала я, чтобы не вступать с ним в конфликт. Мне показалось, что я становлюсь одной из тех, кто не понимает Карлоса. Я боялась, что вопросы, откуда взялись деньги и где он пропадал все это время, закончатся нашим расставанием.

– Если вы мне верите, так и ведите себя соответствующим образом. Будьте хоть немножко благодарны, – отрезал Карлос.

Я молчала. Сэм смотрела на меня, словно ждала указаний, что надо делать. Карлос посмотрел на меня, потом на Сэм и усмехнулся. Он взял подушку, медленно поднял ее над головой и засвистел мелодию, чтобы снять возникшую напряженность. Сэм улыбнулась и стала от него отползать. Карлос начал крутить подушкой в воздухе, словно лассо. Несмотря на свое настроение, я тоже невольно улыбнулась. Он меня смешил.

– Эй, мы снимем квартиру, – сказал Карлос и ударил меня подушкой по плечу, потом быстро схватил Сэм за лодыжку и потянул к себе. Он попеременно бил подушкой то меня, то Сэм, приговаривая: – Ах вы глупышки! Нищенки. И мне не верите.

Сэм начала громко визжать, цепляясь за матрас. Я схватила подушку и начала от него отбиваться, но подушка, словно горошина, отскакивала от его сильного тела. Мы упали на вонючий ковер и начали бороться и хохотать. Карлос поднялся первым, поправил рубашку, подошел к трюмо и выдвинул ящик.

– Вот, – сказал он. – Взгляни.

Он вытер рукавом пот со лба и бросил мне газету *The New York Post*, открытую на странице объявлений.

– Что это? – спросила я.

– Явно не пицца с двойным пепперони, – ответил Карлос. – Это объявления о сдаче квартир, Шэмрок, что же еще? Я уже начал искать.

Я посмотрела на страницу, на которой действительно оказались объявления о сдаче квартир. На полях почерком Карлоса была написана пара телефонных номеров, и один из них был жирно обведен.

Я почувствовала, что зря в нем сомневалась. Я попыталась посмотреть на собственные действия его глазами и поняла, что вела себя очень эгоистично. Деньги, как ни крути, принадлежали его отцу, а я устроила ему столько головной боли из-за того, что неделю не смогла прожить без его поддержки. Я решила загладить свою вину.

– Карлос, – начала было я, приподнимаясь с пола, но он остановил меня движением руки.

– Послушайте, – произнес Карлос. – Сегодня мы отдыхаем и веселимся. Одевайтесь покрасивее, и я устрою вам праздник.

До центра мы ехали на такси. Мы направлялись в место, которое, по словам Карлоса, должно было сразить нас наповал. Никогда раньше я не видела, чтобы за такси заплатили тридцать долларов, как тогда сделал Карлос. Во время поездки он сидел на переднем сиденье и по-испански болтал с водителем, переключая радио с рока на хип-хоп. Мы перестали прыгать по радиостанциям, когда заиграла песня Фокси Браун под названием «*Gotta Get You Home*». Карлос делал вид, что крутит пластинки, как диджей. Мы с Сэм подпрыгивали на заднем сиденье в такт музыке, а ветер из открытых окон разметал наши волосы.

Наступил вечер, и небо стало пурпурно-синим. Я высунулась из окна и глубоко вдохнула запах поздней осени, пропитанный влажностью, которая бывает перед грозой. Мимо нас проносились семьи в своих

машинах, на задних сиденьях которых сидели обычные подростки, пристегнутые ремнями. Их упорядоченная жизнь только подчеркивала полный хаос нашего существования.

Мы были молодыми бунтарями, которые вместе строили свою жизнь, так непохожую на ту, которой жило большинство. Наше приключение могло стать захватывающим или опасным. Все зависело от того, что предпримет Карлос и сдержит ли он свои обещания.

Мы приехали в китайский квартал Чайна-таун, в небольшой задрипанный ресторан, специализирующийся на дим-сам^[17], на Мотт-стрит. Карлос попросил у официантки, с которой он, судя по всему, был знаком, кабинку с хорошим видом и, отказавшись от меню, заказал массу еды. Он подмигивал, а мы смеялись и не задавали никаких вопросов.

В ресторане я снова почувствовала свою связь с Карлосом. Он обладал способностью оживлять и «зажигать» все, к чему прикасался. В компании с ним даже отражения света на мокром асфальте казались ярче. Карлос ушел на кухню и, вернувшись вместе с официанткой, помог ей расставить на столе блюда. Он сделал мне из салфетки прекрасную розу. Я не могла отвести от него глаз: он был такой красивый, энергичный, жизнь была из него ключом. Иногда он смотрел на меня с такой страстью, что я не выдерживала его взгляда и опускала глаза.

Сэм улыбалась шире, чем я когда-либо видела; совершенно очевидно, что она была счастлива. Если честно, то и я чувствовала себя счастливой. Это была магическая ночь, и я пожелала себе, чтобы моя жизнь всегда была наполнена простым счастьем. Кто знает, если Карлос будет со мной рядом, может, так оно и будет.

Потом в мотеле Карлос пытался, чтобы автомат по продаже напитков вернул его деньги. Подсветка автомата сделала веснушки на его лице золотисто-каштановыми. Его голос стал похож на рокот этого автомата. В тот момент я решила с ним переспать. Он давно хотел этого и постоянно просил, но я не была готова. Я решила, что это поможет укрепить нашу связь, которая в последнее время дала большую трещину. Карлос стал трясти автомат, и банки с газировкой вывалились в поддон. Ему все удается, и это тоже.

Он поставил банки с газировкой в ведро со льдом около кровати. Сэм ушла на встречу с Оскаром, и той ночью мы остались вдвоем. Я была уверена, он почувствовал мое решение, потому что я стала слишком много смеяться и размахивать руками, как мельница.

Я не ощутила никакой боли, только тяжесть его мускулистого тела, сильный запах латекса и его горячее дыхание. Физическая близость с ним

показалась мне гораздо более пустой, чем я ожидала, в ней оказалось больше физиологии движения, чем радости.

Я чувствовала себя, словно все это происходило не со мной или я была далеко-далеко. Меня удивило, что, несмотря на нашу физическую близость, мыслями я была совершенно в другом месте. Он ничего не заметил, а только механически двигался, навалившись на меня. Я попыталась найти с ним контакт и посмотреть ему в глаза, но они были закрыты.

Тогда я поняла, что секс совершенно не объединяет людей. Секс – это то, чем ты занимаешься с другим человеком, но ощущения от него у каждого из участников разные. Это не всегда акт объединения, и люди после него не становятся ближе. Более того, секс может показать человеку, насколько он одинок. Сэм рассказывала мне, что секс – это акт любви, но с Карлосом я не только не ощущала его любви, но и не чувствовала своей любви к нему.

После этого Карлос лег рядом со мной и открыл банку газировки. Я попросила его передать мне вторую. Холодная газировка обожгла горло. Я лежала, и мое внимание непроизвольно пыталось зацепиться за что угодно, но только не за нас двоих. В том, что мы сделали, не было ничего прекрасного от близости, о которой мне рассказывала подруга.

На следующий день Сэм украсила стены комнаты плакатами из журналов с изображениями певцов-тинейджеров и аккуратно разложила свои носки и рубашки в ящик шкафа. Сэм, да и мне самой нравилась стабильность, которой у нас давно не было. На улице тихо шел дождь, и неоновые вывески ломано отражались в лужах на асфальте. Я была в сотнях световых лет от дома.

* * *

На протяжении последующих двух недель Карлос снял три соседние с нашей комнаты. Он начал вести себя по-другому, стал более властным. Деньги меняли его характер, а при помощи этих денег он менял все то, что нас окружало. Он стал много общаться с Бобби, Дианой, Джейми, Фифом и несколькими другими членами нашей группы, каждый из которых был не против выбраться из дома, повеселиться с нами и провести ночь в новом месте. Карлос за все платил, и это автоматически сделало его вожакom.

Вечерами он вызывал по три такси, и мы ехали есть в Гринвич-виллидж, играть в бильярд на Восемьдесят шестую улицу или смотреть кино на Таймс-сквер. В его любимом ресторанчике на Четвертой улице он

оставил одной официантке пятьдесят долларов чаевых, но только после того, как она стала ему кланяться и улыбаться. Все двенадцать человек, которых кормил Карлос в тот вечер, хохотали, как подорванные.

Карлос стал очень скрытным. С Фифом, Джейми или кем-нибудь другим из моих приятелей он регулярно выезжал куда-то на такси, никому не сообщая, куда они направляются. Мне он просто говорил, что у него личное дело, и просил остаться в мотеле. Со своего мобильного телефона он говорил, только выходя на балкон, и всем заявил, чтобы никто никогда не спрашивал его, с кем он общался. Я не знала, с кем он говорит и куда ездит.

Я наблюдала, как Джейми и другие девушки смеются, закидывая голову, над его шутками и совершенно свободно входят в личное пространство Карлоса, берут его за руку или щиплют за щеки. Однажды Диана, сидя у него на коленях, заявила: «У тебя такие милые веснушки». С некоторыми из моих приятелей у него появились общие шутки, смысл которых я не понимала. Сэм однажды в порыве откровенности сказала, что у нее было несколько разговоров с Карлосом очень личного характера. Тогда впервые в жизни я сильно на нее обиделась, и приблизительно в то время мы перестали вести наши собственные доверительные разговоры. Мне казалось, что наши отношения окончательно и бесповоротно испортились.

Я никому не говорила об этом вслух, но относительно Карлоса у меня появилось два серьезных подозрения. Во-первых, все его поездки по неизвестным адресам с моими приятелями были связаны с продажей наркотиков. Эта мысль родилась, когда я поняла, насколько похож стал Карлос на наркоторговцев Университи-авеню. В мешковатые джинсы можно много чего спрятать. У него появился пейджер и мобильный телефон, при помощи которых клиенты и поставщики могли с ним связаться. Он начал носить гангстерские бусы, цвета которых вполне могли оказаться цветами его банды, и он не снимал их даже в душе.

Во-вторых, я начала подозревать Карлоса в том, что он спит с другими женщинами, и, вполне вероятно, с Сэм. У меня не было никаких доказательств. Это было чувство, которое никогда меня не покидало.

Я стала волноваться. Я следила, сколько Карлос тратит, и говорила ему, что он ежедневно выкидывает на ветер сотни долларов. Я напоминала о съеме квартиры, убеждала, что дешевле покупать вскладчину и, ко всеобщему недовольству, подняла вопрос об отказе от такси, потому что метро стоило доллар двадцать пять центов. Карлос хранил чеки как зеницу ока и сказал мне, что скоро перейдет на режим экономии. А пока он тратит,

почему бы мне не расслабиться и получать удовольствие — я же так настрадалась и намучилась за последнее время. И вообще — с чего это вдруг я стала такой серьезной? Он быстро поцеловал меня, словно клюнул.

Иногда, когда Карлос развлекался со своей «свитой», я из телефонного автомата звонила в квартиру Брика. Порой Лиза говорила, что маму забрали в больницу, а порой, что мама дома. Лиза общалась со мной механически, единственное, что я чувствовала, было ее осуждение. Однажды на мой звонок ответила мама и спросила, когда я принесу ей подушки, после чего сообщила, что дорога открыта, надо ехать и красить четыре стены.

Голос у мамы был, как у маленького, несознательного ребенка, отчего у меня возникало чувство, словно мне иголки загоняют под ногти. Я старалась не плакать, но прекрасно знала из статей, которые прочитала в библиотеке на Сорок второй улице, что одной из последних стадий СПИДа является деменция.

«Лиззи, — сказала мне однажды сестра. — Я не знаю, чем ты там занимаешься, но тебе надо увидеть мать. Ты можешь думать, что еще успеешь это сделать, но это совсем не так».

В голосе Лизы была злость, но я не могла ей объяснить, что боюсь видеть маму на пороге смерти. Я быстро закончила тот разговор.

* * *

Однажды Карлос устроил регги-вечеринку, на которой мы так громко слушали музыку, что нас выгнали из мотеля. Мы переехали в другой — старое двухэтажное здание с балконами и розовой неоновой вывеской, расположенное на задворках города. Из окна ванной был виден парк Ван-Кортландт. Карлос сказал, что здесь можно шуметь сколько душе угодно.

Он продолжил веселиться, а я попросила, чтобы он снял отдельную комнату, в которой я бы могла поспать. Когда я пошла спать, двоюродная сестра Фифа по имени Дэнис громко лопнула мне в лицо пузырем из жвачки и взяла Карлоса за руку. Я перенесла в комнату некоторые свои вещи, а также вещи Карлоса и Сэм.

Из сумки с одеждой торчал край газеты с объявлениями о сдаче квартир. Я сняла телефонную трубку, попросила администратора мотеля дать мне выход в город и набрала жирно обведенный номер.

Мне ответил женский голос.

Девушку звали Катрин, она работала официанткой в каком-то зале для игры в бильярд и понятия не имела о сдаче квартир. Я повесила трубку после того, как она во второй раз спросила, откуда у меня этот номер.

– Да заткнитесь вы! – в сердцах сказала я в потолок, откуда слышались звуки музыки. – Заткнитесь!

В ту ночь, когда мой бойфренд, лучшая подруга и масса незнакомых мне людей веселились, пили и курили травку, я спала без снов, одна-одинешенька, в номере мотеля, вдыхая кислый запах выкуренных давным-давно сигарет.

На следующее утро меня разбудил голос Карлоса.

– Эй, Шэмок, завтракать будешь? – спросил он. Рядом с Карлосом стояла Сэм.

– А где все? – поинтересовалась я. Солнце ярко светило, и по их виду я поняла, что они не ложились спать.

– Уехали, – ответил Карлос. – Собрали манатки и испарились час назад. Сэм потеряла живот и произнесла:

– Уууу, я такая голодная! Еда!

У меня был выбор: устроить разборки Карлосу по поводу телефонных номеров, а также обсудить его поведение или не делать этого. Я посмотрела на Карлоса и поняла, что совершенно его не знаю. Он казался незнакомцем, хитрым человеком, который хранит свои тайны. Но тут он улыбнулся и снова превратился в старого знакомого Карлоса. Удивительно, как мое восприятие человека могло так сильно меняться. Интересно, какие чувства он испытывал ко мне? Если бы он всегда был понятным, а не заставлял меня ломать голову над вопросами...

Я встала с кровати, решив сдержать свой гнев и не устраивать Карлосу разборок. Буду жить, как раньше. Чего я добьюсь, если закачу сцену? Ведь, если мы разругаемся, мне некуда идти. У меня нет ни дома, ни семьи. Я решила вести себя так, будто все в порядке.

– Да, пойдем и поедим.

Я надела на себя три свитера, перчатки с обрезанными пальцами, которые дала мне Сэм, вязаную шапку и пошла за ними. В соседнем здании было небольшое кафе. Казалось, что долгие годы никто не мыл в нем пол и не протирал стекла, но кухонное оборудование было блестящим и новым, а в воздухе витал опьяняющий запах жареного бекона и яичницы.

– Девушки, заказывайте, что вам угодно, – произнес Карлос.

Мы с Сэм взяли по поджаренной в тостере булке с маслом.

– Не жалейте масла! – закричала Сэм повару на гриле, старику с редкими усиками. – Побольше холестерина, чтобы инфаркт был!

Несколько сидящих за столиками пожилых мужчин удивленно повернули головы в нашу сторону. Мы взяли еду и вышли. Карлос оставил на прилавке пять долларов и тоже вышел на улицу, чтобы позвонить

по мобильному, оставляя на свежем снегу четкие отпечатки подошв своих новеньких коричневых «тимберлендов». Район показался мне знакомым, хотя я не могла понять, с чем он у меня связан. Наверное, я раньше была в этом кафе или гуляла в соседнем парке. Но когда? И при каких обстоятельствах?

– Осторожно, – вдруг закричала Сэм. – Пригнись!

Я увидела на улице свою бабушку, одетую в длинное мамино пальто. Бабушка шла по направлению к кафе. Сэм знала бабушку, ведь она приходила навещать нас у Брика. Подруга затащила меня за угол мотеля.

– Сэм, боже ты мой, – воскликнула я. – Здесь рядом находится бабушкин дом престарелых. Если она меня увидит, то вызовет полицию, я в этом уверена.

К нам подошел Карлос. Он накинул на голову капюшон и собрал нижнюю часть капюшона в кулак так, что были видны только глаза.

– От кого прячемся? – шутливым тоном спросил он. – Ох, как я испугался!

– От моей бабушки. Если она меня увидит, то сообщит в полицию и меня увезут в приют. Так что сидим тихо.

Из-за угла я наблюдала, как бабушка с опаской идет по снегу. У меня было ощущение, что я смотрю какой-то очень плохой фильм. Я невольно рассмеялась, и Сэм закрыла мне рот рукой.

– У нее что-то с ногами? – спросила Сэм. – Посмотри, как она идет.

Тут я и сама заметила, что бабушка каждые пару метров останавливается, чтобы, держась за грудь, отдышаться. Ее лицо было белым, как мел. Она подошла к ступенькам, ведущим к входу в кафе, и долго по ним поднималась. В кафе она плюхнулась на жесткий пластиковый стул. Никто из пожилых гостей не обратил внимания на ее появление. Старик, заправлявший грилем, принес ей чашку чая, а она без слов передала ему банкноту. Казалось, все участники процесса машинально повторяли многократно отработанное действие.

Мне стало очень грустно. Я увидела бабушкину жизнь, на которую она неоднократно жаловалась мне, маме и Лизе. Я вспомнила бабушкины слова: «Мне очень одиноко. Мои внуки меня не навещают. Меня уже ничто не радует». Теперь я наблюдала за ее одиночеством как на сеансе немого кино. Я поняла, что в течение многих лет ее игнорировала.

– Странно, словно видишь все это в кино, – произнесла Сэм.

– Да, – ответила я. – Очень странно.

Я обернулась, увидела, что Карлос отправился в мотель, и пошла за ним. Я размышляла о том, что, по бабушкиному мнению, должна

попасть в ад за свои грехи – я ведь бросила сошедшую с ума маму и ни разу не навестила ее саму. Потом я решила, что бабушке, вероятно, не нужны посещения такой плохой внучки и дочери, которой я стала. Я уже не та девочка, которая по субботам слушала на кухне ее проповеди. Я женщина, и мне на все наплевать, в том числе и на нее!

Погруженная в эти мысли, я не услышала слова Сэм.

– Что ты говоришь? – переспросила я ее.

– Ты представляешь, что сказали, когда мы выходили из кафе?

– Что?

– Счастливого Дня благодарения! С ума сойти, подумать только, сегодня День благодарения.

– Чего-чего? – удивилась я. – Как, сегодня День благодарения? Правда?

– Представляешь? Да, в общем-то, какая разница? – сказала Сэм, открывая дверь номера, в котором Карлос сидел перед старым телевизором, перескакивая с канала на канал.

Но мне было не все равно, что сегодня День благодарения. Я осознала, насколько оторвалась от реального мира. Занятая этими мыслями, сидя рядом с Карлосом, я машинально съела свою булку. Я вспомнила, что этой осенью Лиза начала обучение в Леман-колледж, а также что я ни разу не спросила у нее, как идет учеба. Я всегда поражалась ее способности заниматься домом, учиться и разбираться со своими парнями, не боясь трудностей. Неожиданно меня охватила паника по поводу того, что я совершенно потеряла с ней контакт.

Когда Карлос и Сэм заснули, я сняла с плеча его тяжелую руку, выгребла мелочь из его карманов и вышла на улицу к телефону-автомату. С замиранием сердца я набрала номер Брика и молилась, чтобы ответил не он, а Лиза.

– Да? – раздался в трубке Лизин голос.

– Лиза, привет! Я тебя не разбудила?

Я очень нервничала, но старалась этого не показать.

– Лиззи?

– Да. Привет. Я тебя разбудила?

– Нет. А ты где?

По голосу казалось, что она очень удивлена и что мой звонок пришелся совсем некстати.

– Здесь рядом. Хотела узнать, как у тебя идут дела.

Мне хотелось рассказать ей, что Карлос стал совсем непредсказуемым, что я живу в мотеле и что я воочию увидела бабушкино одиночество. Но я не хотела рисковать – я не была уверена, что она не расскажет обо всем

Брику, который передаст эту информацию мистеру Домбия. Я опасалась.

– А... Как у меня дела?

– Да, как учеба в Леман?

– Леман?

Меня стала ужасно раздражать ее манера переспрашивать, а также очень длинные паузы в разговоре. Я понимала, что она мне не доверяет, не верит, что я хочу чего-то хорошего, и злится на меня. Значит, надо переходить к делу.

– Да. Я хотела позвонить тебе и узнать, как у тебя дела. Как учеба... Как мама.

– Мама в больнице, Лиззи. Она больна. Она там уже дней десять. Сейчас она большую часть времени проводит в больнице. Она раньше о тебе спрашивала, но ты так и не проявилась. У нее плохи дела.

В горле встал комок. Я не рассчитывала, что мне придется конфликтовать с Лизой. Мне казалось, что мы можем говорить, как сестры. Я судорожно подбирала слова.

– Понятно... Давай встретимся.

– Зачем? Зачем ты хочешь со мной встретиться?

С самого раннего детства у меня было ощущение, что Лиза реагирует на меня довольно агрессивно. Потом психоаналитик объяснил мне, почему так могло быть. Мы росли в семье с минимальным достатком, поэтому между нами сложились отношения соперничества – за еду и родительскую любовь. В данной ситуации мы спорили о том, кто больше помогает маме, и, бесспорно, сестра эту битву выигрывала.

– Не знаю, Лиза. Может быть, вместе навестим маму.

Сестра снова заложила долгую паузу.

– Я могу там быть около шести. Возьми бумагу и ручку, я продиктую номер палаты.

– Лиза?

– Да?

– Счастливого Дня благодарения.

– Спасибо. Увидимся в шесть.

* * *

– День добрый, я хочу навестить Джин Мюррей. Ее перевели к вам из Норд-Сентрал на прошлой неделе. Моя сестра сказала, что ее палата находится на этом этаже.

Медсестра посмотрела в свои бумаги.

– Так... Джин Мари Мюррей. Да, пожалуйста, и наденьте маску.

– Маску? Зачем?

– Все посетители пациентов, находящихся в карантине, должны носить маску. Сколько вам лет? Для посещения вам должно быть, по крайней мере, пятнадцать.

Сестра окинула меня взглядом с головы до ног.

– Зачем надевать маску для посещения пациентов со СПИДом? – спросила я.

– Это защита от туберкулезных бактерий, – ответила сестра. – Ваша мать может на вас кашлянуть, и вы заразитесь.

– Что?!

– Это туберкулез, девушка. Инфекция в легких. Больные СПИДом легко подхватывают самые разные заболевания. Вы разве об этом не знали? Упаси господь, чтобы вас сюда пустили без маски.

Я покраснела. Я вспомнила о том, как Леонард с мамой устраивали свои «наркомарафоны» в квартире на Юниверсити-авеню. Леонард постоянно надрывно кашлял, его легкие хрипели мокротой. Лицо его покрывалось испариной, а кожа была ярко-розовая. Папа комментировал: «Ух ты, кажется, он вот-вот коньки откинёт».

– А когда у мамы нашли туберкулез?

– Девушка, я всего лишь дежурная медсестра. Не знаю. Вам надо с ней или с доктором поговорить.

Медсестра передала мне оранжевую маску. Я надела ее и осмотрелась по сторонам. В этом отделении было очень тихо. Отдаленные и приглушенные звуки телефонных звонков и пиканье медицинского оборудования только подчеркивали эту тяжелую тишину. В коридорах не было людей, что для больницы довольно странно. Это отделение сильно отличалось от всех тех, в которых раньше лежала мама, – там деловито сновали медсестры, и в определенные часы приходило много посетителей. Я пошла вперед в поисках маминой палаты.

– Поверните налево и идите до самого конца, – раздался сзади голос медсестры.

Я прошла табличку с надписью «Отделение интенсивного ухода», а потом другую – «Онкология». Я понятия не имела, что такое онкология, но в сочетании со словами «карантин» и «Отделение интенсивного ухода» пришла к выводу, что оно не может значить что-то хорошее. Я проходила палаты, в которых лежали находящиеся без сознания пациенты. Головы пациентов были закинута назад, а из их ртов торчали трубки от разных медицинских агрегатов, которые стояли рядом с кроватями.

Медсестра сказала о маске: «Это защита». А я подумала, как мама

возвращалась из бара вся в блевотине. Я вспомнила, как клала маму в ванну и мыла ее, как мама надрывно кашляла и как мы обе делали вид, что не замечаем ее наготы и ее стыда. Я вспомнила мамино тело, весившее сорок пять килограммов, завернутое в чистую простыню, и как она засыпала. Я вдохнула чистый воздух через фильтры маски, а потом решила, что мне маска не нужна. Я открыла дверь маминой палаты и сняла ее с лица.

– Привет, мам.

Из-за коричнево-зеленой сетки, ограждавшей мамину кровать, не последовало никакого ответа. Я собрала всю волю в кулак и отодвинула занавеску. Мне сложно описать шок, который я испытала от того, что увидела.

Тело мамы занимало очень маленькую часть кровати. Ее кожа была желтой и плотно обтягивала все кости лица, щеки запали. Больничная простыня была откинута, и я увидела ее тело, которое было больше похоже на скелет ребенка и практически не продавливало кровать. По всему телу пошли шишки, заканчивающиеся красными ранками. Глаза мамы были широко открыты, но не фокусировались. Ее рот медленно двигался, издавая слабые нечленораздельные звуки. Бессвязное бормотание мамы и монотонное гудение медицинских агрегатов были единственными звуками, наполнявшими комнату.

Я задрожала и открыла рот, хотя не знала, что сказать.

– Мама... это я, Лиз... Мам?

Глаза мамы забегали по углам палаты. В какой-то момент я попала в поле ее зрения и думала, что она меня узнает, но этого не произошло. Рот продолжал непроизвольно двигаться. На столике рядом с кроватью стоял больничный праздничный обед в честь Дня благодарения в пластиковых контейнерах. Никто не прикоснулся к кусочку индюшки с клюквенным соусом и картофельным пюре. Рядом стояла открытка с мультипликационным изображением индюшки с красными и золотыми перьями. На открытке было написано «Время благодарить».

– Мам... послушай, – сказала я и села. – Мне очень жаль, что я не пришла раньше.

Я не знала, что и как говорить. В горле пересохло так, что было сложно вздохнуть. Я задыхалась от слез, которые не хотела сейчас проливать. Я два раза глубоко вдохнула и взяла ее за руку. Мамина рука была не намного теплее металлических перил кровати. От прикосновения к ней у меня мурашки пошли по телу.

– Такое ощущение, что она уже умерла, – пробормотала я про себя.

И потом громко: – Тебя здесь уже нет.

Дверь открылась, и сетка вокруг маминой кровати всколыхнулась от движения воздуха. В палату вошла Лиза на высоких каблуках и в черном пальто, похожем на матросский бушлат. Ее длинные волосы были собраны в аккуратный пучок. Судя по ее виду, она могла быть менеджером, работником социальной службы или адвокатом. Я, одетая в грязные свитера и вязаную шапку, почувствовала себя ничтожеством. Лиза подошла, глядя попеременно на меня и маму и стуча каблуками.

– Привет, – сказала она. Не глядя мне в глаза, она пододвинула стул и села рядом с кроватью.

У меня забилося сердце. Я пыталась посмотреть на себя ее глазами и поняла: для нее я всего лишь девочка, которая не закончила школу, забыла мать и живет неизвестно где со своим уличным бойфрендом.

– Ты здесь давно? – спросила она.

– Только что пришла.

Мы помолчали. Лиза наклонилась над матерью, и я увидела, что в ее глазах стоят слезы.

– Мама! Привет, мам. Мы пришли. Лиззи здесь. Мам?

– Лиза, не стоит, я не уверена...

– Она может сесть. Мам?

Мамины глаза забегали, она стала сгибать и разгибать пальцы рук и еще громче, чем прежде, бормотать ерунду.

– Подойди ближе... Подойди ближе и отдай мне свою душу... Пощади меня... Пощади меня... Я такая, какая есть... Твоя жизнь или моя... Твоя, твоя!

Она не смотрела ни на одну из нас и никак не показала, что узнала, кто мы.

– Лиза, мне кажется, что ее надо оставить в покое. Может быть, она и сядет, но, кажется, она не очень хорошо себя чувствует.

– Лиззи, на прошлой неделе дома она разговаривала. Я знаю, потому что я это лично слышала. Ей было бы приятно, если бы она поняла, что ты пришла.

Тон Лизы был весьма презрительным. Она еще ближе подвинула стул к маминой кровати и стала говорить таким громким голосом, каким я бы не осмелилась обратиться к маме.

– Мама, поднимись. Сегодня День благодарения. Мы пришли тебя навестить.

Мама продолжала бормотать что-то несвязное. Потом с удивлением я увидела, что она стала приподниматься. Очень медленно она села, потом

поставила ноги на пол и попыталась поднять капельницу на треноге, чтобы пойти в туалет, до которого было два метра. Я поддерживала ее. Мамина больничная рубашка раскрылась сзади и, глядя на ее спину, я вспомнила передачу, которую я видела о лагерях смерти во время войны. Я могла посчитать количество ее позвонков, которые напоминали звенья велосипедной цепи. На ее теле не было ни грамма жира.

В ванной я сняла с вешалки полотенце, намочила его и одной рукой протерла мамино тело, поддерживая ее другой. Я прикусила губу, чтобы не заплакать и не закашляться от запаха болезни.

– Мама, все в порядке, сейчас все будет хорошо, – уверила я ее. – Расслабься.

– Хорошо, Лиззи, – едва слышно ответила мама.

После того, как она пописала, я подняла ее с унитаза, ужасаясь тому, какая она легкая. Я была в ужасе, я готова была сделать все, что угодно, чтобы ей стало лучше. Положив ее в кровать, я поняла, что должна уйти отсюда. Я направилась к двери.

– Ты уже уходишь? – спросила Лиза.

Меня трясло, и мне нужно было побыть одной. Сердце разрывалось в груди. Но я не могла позволить себе показать свою слабость перед Лизой.

– Ну, я здесь уже до тебя достаточно долго побыла... И потом, я немного устала. Этой ночью почти не спала.

– Как хочешь, – равнодушно ответила сестра, закатила глаза и отвернулась.

– Лиза, понимаешь, что мне все это дается очень непросто?

– Понимаю. А ты думаешь, мне легко? Ну, я так и знала, что ты ненадолго, поэтому, что ж, иди... – произнесла Лиза и начала всхлипывать.

– Все по-разному реагируют.

– Это точно, – с вызовом в голосе согласилась она.

Я не ожидала, что мне будет так страшно от вида мамы и от бессилия ей помочь. Я не знала, как бороться со своими чувствами. Мне очень хотелось, чтобы Лиза поняла меня, чтобы мы помирились, но сестра желала, чтобы я вела себя точно так же, как она сама. Я чувствовала себя в ловушке. Если бы я осталась, я вряд ли смогла бы сдержаться и справиться с тем, что на меня навалилось; если бы я ушла, я стала бы плохой дочерью и сестрой.

– Лиза, прости, мне надо идти. Пожалуйста, пойми меня правильно.

Я оставила без комментариев Лизино недовольство и наклонилась, чтобы поговорить с мамой. В тот день я и не подозревала, что вижусь с ней в последний раз.

– Мам, мне надо идти. Обещаю тебе, что приду еще. У меня все в порядке. Я живу у друзей. Скоро пойду в школу. Честное слово, пойду.

Я взяла ее за руку.

– Я люблю тебя. Я очень люблю тебя, мама.

По крайней мере, я ей это сказала. Она ничего не ответила, и я вышла в коридор и начала глубоко дышать, сдерживая слезы. Мне хотелось кричать и казалось, что я падаю куда-то глубоко-глубоко. В коридор вышла Лиза.

Не глядя на меня, она сказала:

– Лиззи, ты уходишь. Я не против... Но ты очень холодный человек.

– Лиза, нам обоим по-своему сложно. Я просто не могу больше здесь находиться. Ты думаешь, что у меня все прекрасно, но это далеко не так. Жить без дома очень непросто.

Лиза с презрением отвернулась и ушла обратно в палату, а я быстро двинулась по коридору к выходу.

* * *

В тот вечер, после того, как Карлос узнал, что я была в больнице, он решил меня развеселить. Он предложил сделать что-то из ряда вон выходящее: раздеться до нижнего белья и пойти в хороший ресторан с официантами.

– И пусть только попробуют что-нибудь пикнуть. Если у меня есть деньги, нас должны обслужить, – размышлял вслух Карлос, размахивая огромной пачкой пятидесятидолларовых купюр. – Верно говорю, папаша? – спросил он водителя такси, который, бросив взгляд на пачку денег, утвердительно кивнул.

Карлос выбрал ресторан под названием «Море и Суша» на пересечении 231-й улицы и Бродвея. Стены в этом ресторане были украшены пластмассовыми рыбами, омарами и рулями парусников, вокруг которых вились розовые лампы гирлянд. Наше такси резко остановилось у входа в ресторан, словно мы были полицейские, которые приехали по вызову. Выйдя из машины, Карлос отслюнявил водителю двадцатку за поездку, которая стоила не более шести долларов, и постучал по крыше со словами: «Езжай, дружок!»

Карлос повел нас к самому большому столу в центре ресторана. Посетители поворачивали головы, чтобы лучше рассмотреть мужчину и двух девушек, одетых посреди зимы в трусы, ботинки и свитера с капюшонами. Я не стала снимать вязаную шапку. Сэм нашла в мотеле старый мужской галстук и надела его поверх толстовки.

– Не забывайте, что мы англичане, – прошептал Карлос.

К нам подбежал официант и начал говорить про дресс-код, а Карлос заговорил с малоубедительным британским акцентом, от которого мы с Сэм начали смеяться.

– Старина, там, откуда мы приехали, все считают, что мы одеты безукоризненно. Так что не надо волну гнать.

Глядя в глаза официанту, он положил на стол пачку денег. Больше официант не поднимал вопрос дресс-кода.

Мы ели омаров, стейки, фетучини с курицей и еще массу закусок. Я заказывала с фальшивым английским акцентом, делая ударения не там, где нужно, отчего Карлос и Сэм много смеялись. Официант не обращал на это внимания и без вопросов приносил все, что мы заказывали. Потом Карлос медленно по двадцатке отсчитывал деньги, чтобы рассчитаться за ужин. Я решила со всем соглашаться и не спорить – так было гораздо проще жить.

Потом мы всю ночь ездили на такси, куда заблагорассудится: на Центральный вокзал, где легли на пол и рассматривали потолок, на котором были нарисованы созвездия; в Чайна-таун, где Карлос пытался нам доказать, что в автомате, на котором можно играть в крестики-нолики, сидит курица. Потом фотографировались в черно-белом фотоавтомате. Мы корчили смешные рожи и дурачились. Сэм вышла из кабинки, и мы с Карлосом целовались. Я чувствовала его теплые губы, а вспышка сияла так близко, что я видела ее свет с закрытыми глазами.

«Он хороший, – решила я. – Он действительно меня любит, просто иногда ему это сложно выразить». Я чувствовала себя на седьмом небе от счастья. Поцелуи, ночь, проведенная вместе, – в общем, Карлос меня снова околдовал.

Под самый конец мы заехали на Фардхэм-роуд, чтобы купить молочный коктейль. Карлос и на этот раз нас удивил, заказав пятьдесят гамбургеров. Мы начали кататься по Вебстер-авеню и Гранд-Конкорс и из окна такси кидаться гамбургерами в машины, почтовые ящики и витрины. Бросая гамбургер, Карлос кричал: «Ууу!»

В мотеле мы бросили пакет с гамбургерами около кровати и улеглись. Я заснула в объятиях Карлоса, положив голову ему на грудь. Он нежно поцеловал меня в лоб и сказал:

– Я же обещал тебя развеселить, Шэмрок. Я хочу, чтобы ты и завтра улыбалась, а то нам придется идти в ресторан совершенно голыми.

Сэм, лежа на своей кровати, захохотала. Я снова была без ума от Карлоса, от его поцелуев, запаха, а также от того, что я могла

расслабиться в его компании и забыть о своих проблемах и пустоте, которую я все сильнее и сильнее ощущала.

* * *

Следующие три недели я постоянно говорила себе, что мне надо навестить маму. Я действительно твердо намеревалась это сделать, но меня постоянно отвлекали разные дела. Например, я долго уговаривала и наконец уговорила Карлоса пойти в риелторскую контору, чтобы заполнить бумаги для съема квартиры. Мы хотели снять квартиру с двумя спальнями в приличном районе Бедфорд-парка, а не в каком-нибудь гетто.

Пока этой квартиры у нас не было, я прилагала все усилия, чтобы наша комната в мотеле выглядела максимально похожей на дом. Я начала застилать кровати. Дело в том, что мы устраивали в комнате такой бардак, что у нас на двери со стороны коридора всегда висела табличка «Не беспокоить». Сэм помогала выносить мусор, главным образом остатки фастфуда, которым мы питались. В соседнем магазине мы купили работающий от розетки освежитель воздуха за 1,89 доллара.

Я приклеила к зеркалу фотографии, сделанные в Чайна-тауне. Рядом с этими фото я жвачкой прилепила любовные письма, которые писала Карлосу. Каждый день я сочиняла ему новое письмо и рисовала вокруг рамку с сердечками, раскрашенными красной ручкой. Вот текст одного из них:

«Карлос, ты сделал меня счастливой. Ты – смысл моей жизни, ты всегда мне помогал, слушал меня и утешал, ты заставлял меня улыбаться, когда мне было плохо и жизнь казалась бесполезной. Люблю тебя безмерно.

Лиз».

Записки подобного содержания я писала ежедневно. Но всего за несколько недель жизни в мотеле их смысл поменялся: сперва это были письма, исполненные обожания и благодарности, а потом я писала, что мы должны сохранить наши отношения и оставить позади разногласия и неурядицы.

* * *

Однажды Карлос пошел навещать старого друга, громилу по кличке Мундо, а мы с Сэм потратили десять долларов, которые Карлос нам оставил на покупки.

Решив изменить наш имидж, мы купили два флакона лака для ногтей

с блестками и огромную банку спрея для волос. Следуя советам из журнала для тинейджеров, мы приобрели четыре пакета сухой смеси для напитка и попытались покрасить волосы в «Шокирующе розовый» и «Неожиданно-фиолетовый» цвета.

– Ну, как, получается? – спросила я Сэм, поднимая голову над раковиной.

– Не знаю. Вроде есть немного фиолетового, а может, все это мое воображение. А как у меня краска легла?

На лице Сэм были потеки розового цвета, капли розовой воды стекали с носа, и кожа на голове стала розовой. Я рассмеялась.

– Потрясающе!

В конечном счете, единственное, что нам удалось покрасить, – это наши белые майки, на которых появились разводы розового и фиолетового цветов.

В ожидании Карлоса мы покрасили ногти и решили посмотреть повторы сериала «Я люблю Люси». Он обещал вернуться в шесть часов. Однако не появился ни в шесть, ни в восемь, ни в четыре утра. Я сказала, что надо позвонить ему на мобильный, но у нас не было его номера.

Карлос платил за мотель за день вперед каждый вечер, и мы знали, что, если он не появится к расчетному часу в полдень, нас выкинут на улицу. Мы начали озабоченно посматривать в окно в надежде его увидеть. Я спросила Сэм, что могло случиться с Карлосом.

– Его мама в детстве уронила, вот что с ним случилось. Не волнуйся, все будет в порядке. Он просто козел и всё.

* * *

Утром я позвонила менеджеру отеля, объяснила, что человек, который заплатит за номер, скоро вернется, и попросила не выгонять нас.

– Мне надоели парни, которые оставляют в номере шлюх и исчезают, не расплатившись. Здесь вам не ночлежка, это мотель.

– Мы не проститутки! – возразила я. – Он мой жених.

– Девушка, здесь вам не ночлежка, не наркопритон и не бордель. Платите или освобождайте номер.

После этих слов менеджер повесил трубку.

Мы решили предложить менеджеру единственную ценность, которая была в номере, – золотые часы Карлоса. Вместе с Сэм мы подошли к стойке администратора, за которой сидел небритый пятидесятилетний коротышка-итальянец. Он внимательно осмотрел часы и сказал:

– Считайте, что за сутки заплачено.

– Но за них отдали сто пятьдесят долларов! И часы совсем новые! – протестовала я.

– Здесь они этого не стоят, – ответил итальянец и спрятал часы в свой рюкзак. – Девушки, вы не понимаете, что я вам одолжение делаю?

К вечеру мы совсем оголодали. Мы начали копаться в пакетах с мусором в поисках того, что в свое время не съели и выкинули. Мы нашли пару резиновых на вкус гамбургеров, кусочек чизкейка и бутерброд с грудкой индюшки и с очень подозрительным запахом. Запили все это водой из-под крана. Снова стали каждые пять минут выглядывать в окно. От еды у меня заболел живот.

К восходу солнца мы легли на нашей с Карлосом кровати, которая стояла близко от окна, и смотрели на парковку перед мотелем. Мы всю ночь не спали, поэтому, глядя, как солнце золотит лобовые стекла автомобилей и крыши домов, начали засыпать. Мы не признались друг другу, что боимся, но Сэм крепко взяла меня за руку и не отпускала.

Я задремала и проснулась от того, что она меня толкает. Я открыла глаза и увидела, как Сэм приложила палец к губам. Сперва я решила, что нас выселяют, но подруга показала пальцем на пол. Там, между кроватью и древней батареей отопления стояли пакеты с мусором. В пакетах и около них я увидела несколько мышей, которые спокойно доедали то, что не осмелились съесть мы. Там была одна большая мышь и четыре мышонка.

Мы смотрели, как мыши шуршат и возятся в пластиковых пакетах. Они были очень милые, с розовыми носиками и блестящими глазами-бусинками. Мы поняли, что они живут под батареей.

– Представляешь, они за нами все время наблюдали из-под батареи, – прошептала я Сэм.

Она кивнула.

– Мне маленькие очень нравятся.

– Мне тоже. Такие милые!

Мы наблюдали за мышами до тех пор, пока обитатели мотеля не стали выселяться, освобождать номера, хлопать дверьми автомобилей и заводить моторы. Мыши выбегали из-под батареи, хватали еду из пакета и моментально возвращались назад.

* * *

Я первая услышала, как Карлос подъезжал на такси. Вдалеке послышались звуки хип-хопа и стали постепенно приближаться. Открылась и закрылась дверь автомобиля.

– Даже не знаю, радоваться или злиться, – пробормотала Сэм.

– Я тоже не знаю, – ответила я. Я хотела увидеть и понять его настроение.

Я уже привыкла подстраивать свои чувства под настроения других. Если Карлос придет довольным, то и я буду довольной. Карлос решал все, и я сама довела наши отношения до такого. Я подумала об этом, и мне стало неприятно.

Мы лежали и ждали звука тяжелых шагов Карлоса по коридору. Мы его слышали. Потом услышали, как он вставляет ключ в замочную скважину. Мое сердце замерло. Дверь открылась, и вошел Карлос. Он насвистывал.

– Привет, – сказал он, словно выходил на пять минут.

Его лицо было усталым, а под глазами появились мешки. Он выглядел не так, как обычно. Я подумала, что он, скорее всего, не ложился спать с тех пор, как мы расстались. Он сел на край кровати Сэм, начал развязывать шнурки ботинок и спросил:

– Как дела, девушки? Я сейчас отрублюсь.

Он ни разу не посмотрел мне в глаза.

– Где ты был, Карлос? – спросила я.

– Я же уже говорил, Шэмрок, у Мундо. Не видел его тыщу лет.

– А что ты не позвонил? – спросила я тоном, в котором угадывалось недовольство.

Карлос встал и начал бесцельно ходить по комнате, расставлять вещи, поправлять антенну телевизора, но не отвечал на мой вопрос.

– Карлос, ты меня слышал?

В ответ он громко задвинул ящик шкафа, открыл другой и вынул из него трусы.

– Мог бы и позвонить.

– Где мои часы? – спросил он ледяным тоном и впервые с тех пор, как вошел в дверь, посмотрел мне в глаза.

Я испугалась. Сэм посмотрела на меня.

– Где твои часы? – повторила я.

– Да. Где. Мои. Часы. – В его голосе была сталь, а в глазах никакой нежности.

– Мы отдали их менеджеру отеля, чтобы он нас не выселял. Твои часы у него.

Карлос пнул мешок с мусором так, что он, как мяч, ударился о стену. Мы с Сэм машинально придвинулись друг к другу поближе. Я еще никогда не видела Карлоса таким, его словно подменили.

– Зачем вы продали мои часы? – процедил он сквозь зубы.

– Ты нас здесь оставил, – ответила я плаксивым голосом. Я не хотела, чтобы он понял, что я вот-вот расплачусь, но ничего не смогла с собой поделать.

– Я не несу за вас никакой ответственности! – закричал Карлос.

– Ответственность? За нас? Вот так ты ставишь вопрос?

На самом деле я знала, что так оно и есть, и от этого мне было больно и досадно.

– Мы вчера должны были квартиру смотреть. Ты не пришел. – Я все-таки заплакала.

– Этого мне только не хватало! – закричал он и ударил кулаком в стену рядом с зеркалом.

Мои письма попадали, как осенние листья. Сэм схватила подушку и закрылась ею. Карлос вошел в ванную и с грохотом захлопнул за собой дверь. Он открыл воду и не выходил из ванной больше часа. Мы с Сэм молча сидели на кровати. Чтобы отвлечься, я включила телевизор.

– Что это было? – спросила я, показывая на дверь ванной. Моя рука тряслась. – Он никогда раньше себя так не вел.

– Не знаю, – прошептала Сэм.

Не знаю, кто из нас двоих был больше испуган. Мы сидели и надеялись, что дверь откроется и выйдет знакомый добрый Карлос, начнет шутить и поведет нас ужинать.

Наконец он вышел из ванной. Его волосы были мокрыми, а лицо гладко выбритым. Он стянул одеяло с кровати Сэм и, не глядя на нас, завалился спать на полу. Я была рада, что он не лег в нашу кровать. Я немного успокоилась и сказала:

– Сэм, можешь пойти со мной в ванную? Я не хочу быть одна.

Мы перешагнули через спящего Карлоса и вошли в ванную. Его вещи валялись на полу, а кафель около раковины был местами розовый, а местами фиолетовый от наших экспериментов с волосами. В кармане штанов Карлоса была толстая пачка денег и одноразовая бритва.

Глядя в зеркало, я смыла краску с волос у себя за ушами. Сэм сидела на унитазе.

– Надо срочно от этого цвета избавляться, – сказала я.

– Да, – согласилась Сэм. – Мне с короткой стрижкой будет легче смыть. Передашь туалетную бумагу?

Наклонившись, я вынула рулон бумаги с полочки под раковиной и заметила что-то блестящее. Это была полоска фольги точно такого же размера, как десятидолларовые «чеки», которые я видела у родителей на Университи-авеню.

Я подняла фольгу, развернула и увидела внутри маленькие белые крупинки.

– Сэм, Сэм, посмотри.

– Да.

– Это кокаин.

Я узнала, что Карлос употребляет кокаин. Это открытие превратило его в моих глазах из эксцентричного человека в обычного наркомана.

Две следующие ночи он устраивал вечеринки в специально снятом для этой цели номере мотеля. Я не пошла на эти празднества. Две ночи подряд до утра играла музыка, и такси привозили гостей: Фифа с его кузинами, разношерстную публику из Бедфорд-парка, Джейми, Мундо и многих других. Сэм часто приходила навестить меня, одиноко сидящую в нашем номере. Я не пошла на вечеринки в знак протеста. Я сидела и сочиняла письмо Карлосу, в котором хотела написать, что знаю его секрет и что если он не бросит наркотики, я не смогу быть его девушкой.

Я неожиданно четко увидела наше совместное будущее: женщина, не закончившая школу, и наркоман в квартире в Бронксе. Эта жизнь мало бы отличалась от существования мамы и папы. Менеджер отеля назвал нас с Сэм «шлюхами».

«Может быть, я незаметно для себя стала проституткой?» – подумала я. Я шла на компромисс, чтобы что-то получить. Но я устала от зависимости, от Карлоса и от жизни, которой жила.

Я заснула с блокнотом на коленях.

*«Дорогой Карлос,
Мы на перепутье...»*

* * *

На следующее утро после вечеринок я проснулась от стука в дверь и криков. Сэм и Карлос еще спали. Протирая глаза, я открыла дверь и увидела молодого мужчину. Мы проспали расчетный час.

– Если вы используете комнату, платите, – заявил работник мотеля. – Если нет, то горничная уже ждет.

Он сложил руки на груди.

– Да, сейчас, – ответила я. – Секунду.

Я присела около валяющихся на ковре штанов Карлоса, нашла деньги и отдала мужчине три двадцатидолларовые купюры.

– В следующий раз сами спускайтесь на ресепшен. Или, по крайней

мере, отвечайте на чертов телефон, – заявил он и ушел.

– Я не слышала никакого звонка, – удивленно сказала я Сэм.

– Я тоже.

Внимательно осмотрев телефонный аппарат, я заметила, что трубка лежит неправильно. Вполне возможно, что так было уже несколько дней, потому что мы не пользовались телефоном. Я поправила трубку.

– По-моему, самое время позавтракать, – сказал Карлос, показывая на живот. Он был в хорошем настроении.

– Сэм, а во сколько вы вернулись? – спросила я.

Я была удивлена, что они меня не разбудили, хотя Сэм спала рядом со мной в одной кровати. Карлос раскрыл меню китайского ресторана.

– Ребята, давайте заказывать, – сказал он и стал шлепать буклетом по моим голым пяткам.

Сэм, не ответив мне, спросила:

– Что заказываем?

Я была голодна и решила забыть о письме Карлосу. Я сконцентрировалась на первостепенной задаче – на еде.

Мы сели на кровати и начали выбирать блюда из меню, когда неожиданно зазвонил телефон. Мы переглянулись. Нам никто никогда сюда не звонил. Я давала этот номер только Бобби и Лизе. Сэм встала, подняла трубку, нахмурилась, услышав то, что ей сказали, и передала трубку мне:

– Лиз, тебя. Это Лиза.

– Да?

– Лиз, это я. Почему вы так долго не отвечали?

Я еще не успела ничего сказать, как Лиза продолжила. Она путалась в словах.

– Что?!

У меня подкосились колени. Я села. Лиза всхлипывала, и ее голос был как у ребенка.

– Буду через пятнадцать минут, – сказала я и повесила трубку.

– Что случилось, Лиз? – спросила Сэм.

Я утерла слезы и ответила:

– Мама умерла.

Карлос обнял меня.

– Мне надо идти, надо встретиться с Лизой. И надо позвонить папе.

Сэм вызвала такси. Я пошла к телефону-автомату на улице и набрала номер папиного приюта. Все внутри меня перевернулось, когда я услышала его голос.

– Папа... Ты сидишь?

Мы вместе поплакали. Я стояла на морозе на улице, а он – в офисном кабинете в приюте под наблюдением персонала. Никогда раньше я не видела и не слышала, как папа плачет.

* * *

Такси везло нас в Бедфорд-парк. По дороге Карлос смотрел мне в глаза, гладил мое колено и просил говорить. Но в тот момент я мыслями была очень далеко от него. Я думала о маме, папе и Лизе. Боль утраты сблизил нас, и я забыла о наших спорах.

Мы с Лизой встретились в кафе, где работал Тони. На Лизе было старое пальто, очень похожее на то, которое носила мама. Она сидела за столиком в глубине заведения. Перед ней стояла чашка кофе, и ее глаза были красными от слез. Мы посмотрели друг на друга и снова расплакались.

IX. Жемчужины

27 декабря 1996

Дорогая мама,

Мне больно с тобой расставаться, потому что мы уже не сможем сказать друг другу то, что хотели. Смерть отняла у нас эту возможность.

Скажи, ты со мной согласна? Ты тоже чувствуешь тяжесть невысказанного и недосказанного?

За шестнадцать лет моей жизни я научилась не говорить о своих чувствах. Я научилась молчать и не высказывать ничего, что может обидеть или оттолкнуть тебя.

Наши с тобой отношения, мама, напоминают мне о жемчужинах. Все считают, что жемчуг – это драгоценность, но мало кто осознает, что красота жемчуга создана болью. Иностранная частица попадает в раковину, и вокруг нее вырастает жемчужина. Моллюск создает жемчужины, чтобы защитит себя.

Мы не говорили, мы молчали, и вокруг нашей боли постепенно выросли жемчужины потерь и утрат. Тебя уже нет, и я не уверена, что наше молчание пошло нам на пользу.

Ты умерла в среду около 8.30 утра. Я не была с тобой, я смеялась, ела гамбургеры или спала.

Я до смерти буду жалеть, что я не была с тобой, когда ты уходила.

Ты умерла совершенно одна. Мы тебя редко навещали. Я приходила к тебе почти за месяц до твоей кончины. Ты, наверное, волновалась и думала, почему я тебя не навещаю. Я всегда тебе помогала: давала тебе деньги, мыла и ухаживала за тобой. Увы, меня не было рядом в момент твоей кончины. За тобой ухаживали посторонние люди, они переодевали тебя, кормили, прикасались руками к твоему хрупкому телу.

Они обсуждали между собой события из собственной жизни, когда меняли твое судно и занимались тобой. Ты была одна, и это наверняка тебя пугало.

Ты боялась, мама?

Я наслаждалась солнцем, ела и пила. Тебе было страшно, мама?

Я сейчас не одинока. У меня есть друзья, и есть бойфренд. Ты помнишь Карлоса? Он пришел на твои похороны. Сэм не захотела подняться

из кровати. «Не могу, Лиз, похороны наводят на меня тоску». Мы сели в такси и уехали. Посетители бара, куда ты ходила, вскладчину заплатили за перевозку твоего тела на кладбище. Увы, я даже не поблагодарила человека, который все это организовал. Я даже не знаю, почему я этого не сделала.

Фиф, Лиза, Карлос и я подъехали к кладбищу прямо перед тем, как тебя должны были опустить в могилу. Был серый пасмурный день. Благотворительная организация заплатила за твои похороны. Место на кладбище было оплачено этой организацией и находилось так близко от автострады, что был слышен шум проезжающих машин. Гроб из сосновых досок уже заколотили, а твое имя на крышке гроба было написано с ошибкой.

Тебя хоронили в больничной рубашке?

На крышке гроба были написаны также два слова – «Голова» и «Ноги» – для того, чтобы правильно положить тебя в могилу. Карлос заметил, как мне неприятно, что в твоём имени допустили ошибку. Черным фломастером он написал на крышке гроба: «Джин Мари Мюррей. 27 августа 1954 – 18 декабря 1996. Любимая мать Лизы и Элизабет, а также жена Питера Финнерти».

Мама. Ты возвращала нас в себе в течение девяти месяцев, ты нас родила и ввела в этот мир. Теперь твое тело стало холодным и лежит в могиле.

Жена Питера Финнерти. Папа не смог приехать на похороны – он поехал без билета, и его остановили контролеры. Я сообщила ему о твоей кончине по телефону. Я спросила его, сидит он или стоит. Он сразу все понял и издал страшный стон. Я люблю тебя и его.

Ты этого не знаешь, но он приезжал к тебе в больницу и поцеловал тебя в губы. Медсестра увидела и очень сильно его отругала, говоря, что подобное поведение опасно для здоровья. Я рада, что ты не слышала ее слов. Всю твою жизнь люди относились к тебе так, словно тебя надо обходить стороной. В том числе и я сама.

Ты считаешь, что я тебя бросила? Я никогда не узнаю ответа на этот вопрос.

Ты можешь представить, как папа возвращался на метро после того, как тебя навещал? Наверное, он обхватывал голову руками, как делал всегда, когда сталкивался с тяжелой ситуацией. Вокруг него сидели пассажиры, читали газеты, в то время как тело его жены умирало, а дочери занимались своими жизнями. Как он, наверное, мечтал, чтобы ты была здорова, а не находилась в стенах, которые пахнут смертью.

Может быть, в его голове не уместилась мысль, что ты умираешь.

Тебя хоронили на следующий день после Рождества. Почти неделя ушла на то, чтобы найти бесплатное место на кладбище. На Рождество я была в кафе в Ривердейле и ела двенадцатидолларовый ужин. Я была с друзьями: Лизой, Карлосом, Сэм и Фифом с его кузинами. Каждый из нас потерял, по крайней мере, одного из родителей. Мы вспоминали вас, вспоминали то, как вы читали нам сказки и укрывали одеялами, когда мы были совсем маленькими. Мы помогали друг другу пережить нашу потерю.

Во время ужина я обратила внимание на то, что Лиза очень на тебя похожа. У нее такая же хрупкая, тонкая фигура и глаза цвета янтаря. Лиза стала красавицей. Очень жаль, что мы долго не общались. Мне так захотелось ее обнять.

Кто-то заплатил за наш ужин. Перед тем как выйти из кафе, Карлос засунул в музыкальный автомат две двадцатипятицентовые монеты, и заиграла песня Sade под названием «Жемчужины».

С любовью,

Лиззи

Х. Стена

Через неделю после маминых похорон я потеряла сон. В номере было ужасно холодно, и у меня началось такое сердцебиение, словно мое сердце было птицей, бьющейся в клетке. Если я засыпала, то меня мучили кошмары. Мне снился один и тот же сон, что я отвернулась от мамы тогда, когда моя помощь была нужна ей больше всего. В этом сне мама все время умирала, отчего я постоянно просыпалась. У меня началась бессонница.

Той зимой в Нью-Йорке стояли невиданные холода. Администрация мотеля сжалась над жильцами, и в номерах стали топить сильнее, но стало так жарко, что когда мы ложились спать, то обливались потом. Я просыпалась в собственном поту и в поту Карлоса. Мои воспоминания о том периоде крайне фрагментарны. Я помню запах роз, которые купил Карлос и которые стояли около кровати. Этот запах был сладко-трупным. Радио Карлоса играло рэп. Сэм красила перед зеркалом глаза и губы.

Мое психическое состояние было ужасным. У меня тогда было два полюса: или я молчала как рыба, или меня захлестывали эмоции. На третью ночь Карлосу это надоело, и он начал звонить по мобильному и открыто флиртовать с другими женщинами, стоя на балконе. Он стал брать с собой Сэм на долгие прогулки, с которых возвращался с пакетами недоеденной еды из ресторанов с французскими и итальянскими названиями. Карлос никогда не водил меня в такие дорогие рестораны. Я понимала, что ему со мной стало сложно.

Последней нашей ночью в мотеле стала новогодняя ночь наступившего 1997 года. Мы втроем валялись на кровати и грызли семечки. В полночь люди ликовали на Таймс-сквер.

«Первый Новый год без тебя, мама», – подумала я.

* * *

После этого Карлос исчез на три дня. В номере не было никаких ценностей, и менеджер мотеля заявил, что «выбросит нас на улицу» ровно в одиннадцать утра. Мы не спали всю ночь. Я и Сэм понимали, что Карлос не появится.

Не помню, кто из нас начал первой паковать вещи, но помню, что мы помогали друг другу собирать наши пожитки. Сэм сложила свой скарб в чемодан, который нашла на помойке. Она засунула в него комиксы,

косметику, свои стихи, рваные джинсы и свитера. Все свои вещи: одежду, мамину монетку «Анонимных наркоманов» и дневник с ее черно-белой фотографией – я сложила в свой рюкзак. Все, что нам не принадлежало, мы с силой бросали о стену.

У Сэм нашлось десять долларов. Станция метро была слишком далеко, а наши вещи слишком тяжелы, поэтому, когда взошло солнце, мы взяли такси и поехали в Бедфорд-парк. Я не знаю зачем, у нас не было никакого конкретного плана.

Мы не собирались расставаться, это произошло само собой. Сэм пошла навестить Оскара, чтобы оставить у него свои тяжелые вещи. Было воскресенье, и мы знали, что все наши друзья должны быть дома. Я пошла стучаться в двери Бобби, Джоша, Джейми и Фифа. Бобби разрешил мне оставить у него пластиковый мешок с моей одеждой. Я помылась у Джейми, когда ее мама куда-то ушла. Я сушила волосы, когда в дверь квартиры Джейми позвонил Карлос. Держась рукой за дверную ручку, она повернулась ко мне. В ее глазах был вопрос: «Что ты хочешь, чтобы я ему сказала?»

Она открыла дверь. Глаза Карлоса были как у сумасшедшего.

– Шэмрок, я снял нам новую комнату. Пошли, – заявил он.

Я понимала, что должна быть в месте, в котором уверена. Но я не знала, когда вернется мама Джейми, сомневалась, что смогу у нее остаться, поэтому не послушала голос разума и инстинкта и пошла с Карлосом. Мы сидели в такси, волосы мои были мокрыми, и я спросила:

– Мы можем заехать за Сэм?

– Потом ее заберем, – ответил мне Карлос.

Я не стала с ним спорить.

Его армейский камуфляж был грязным, сам он – небритым. На его ботинках «тимберланд» почему-то не было шнурков. Он постучал по стеклу, отделяющему нас от водителя, и произнес:

– Трасса «Новая Англия», съезд двенадцать плюс один.

– Чего? – переспросил водитель.

– Трасса «Новая Англия», съезд двенадцать плюс один! – заорал Карлос, схватившись за волосы. – Меня преследует сам дьявол, поэтому я вслух не произнесу этого числа. Шэмрок, плохи у меня дела.

Мое сердце учащенно забилося.

– Тринадцать? – переспросила я. – Ты имеешь в виду съезд номер тринадцать?

Лицо Карлоса исказила гримаса, и он утвердительно кивнул.

– Да, – ответил он, наконец, тоном, по которому я поняла, что он

в состоянии психического срыва.

Я не представляла себе, на каких наркотиках сидит Карлос.

«Боже, – подумала я. – Зачем я вообще с ним поехала?»

Я сказала водителю:

– Отвезите нас на трассу «Новая Англия», съезд номер тринадцать.

Услышав слово «тринадцать», Карлос разразился потоком ругательств на испанском. Машина поехала быстрее.

Я запустила руку в свой рюкзак и дотронулась до маминой монетки «Анонимных наркоманов», которую хранила все эти годы. Когда я прикасалась к ней, мне казалось, что я прикасаюсь к маме.

«Господи, дай мне спокойствия, чтобы принять то, что я не могу изменить...»

Наше новое пристанище под названием *Holiday* оказалось мотелем у огромной фырчащей трассы, в котором останавливались дальнбойщики и те, кто пару часов хочет заняться плотскими утехами. В принципе, он был похож на наш предыдущий мотель, за тем исключением, что я понятия не имела, где *Holiday* находится. Я не представляла, как добраться до остановки общественного транспорта и в вопросах передвижения полностью зависела от Карлоса. У меня было гнетущее чувство, что Карлос не собирается привозить сюда Сэм.

Я решила, что лучшей тактикой будет соглашательство. Что бы Карлос ни говорил, я всегда соглашалась. Я боялась ему перечить.

– Пошли в номер, – приказал Карлос, расплатившись с администратором, и я послушно последовала за ним.

У Карлоса был ключ от номера, и пока он открывал, я покорно ждала. В номере он проверил свой пейджер, телефон. На протяжении последующих нескольких дней мы мало говорили друг с другом. Время от времени Карлос говорил: «Пора есть!» – я хватала пальто и шла за ним. Иногда вечерами он уезжал, не удостоив сообщить мне, когда собирается вернуться.

Я часто вспоминаю ночи, проведенные в одиночестве в мотеле *Holiday* на трассе «Новая Англия», съезд «двенадцать плюс один». Пожалуй, это одни из худших ночей всей моей жизни.

В ожидании Карлоса я смотрела телевизор, через тонкие стены отчетливо слыша, как в соседних комнатах занимаются любовью. У меня не было денег, чтобы позвонить, и мне некуда было бежать. Помню, как папа однажды рассказывал мне, что ему пришлось провести восемь недель в одиночном заключении в тюрьме, и книга была единственным предметом, который у него был. Папа говорил, что у него начались

галлюцинации про героев той книги, которые с ним разговаривали и как бы присутствовали в камере. По ночам я ходила по номеру из угла в угол. Я страдала из-за смерти мамы и скверной ситуации, в которую попала.

Я вспоминала своих знакомых. К кому из них я могла бы пойти? К Бобби? Но только на очень короткое время. К Джейми? Ее мама была социальным работником и занималась детьми, переданными на воспитание в другие семьи. Она бы очень быстро «помогла» мне вернуться в приют, так что долго у Джейми оставаться я не могла. После приюта Святой Анны, с его подлыми обитательницами, безразличным персоналом и тюремной обстановкой, я точно не желала туда возвращаться. Назад к Брику? Там меня ждал мистер Домбия, который незамедлительно отправил бы меня в приют.

Я попала в ловушку. Я пыталась забыться при помощи телевизора и долгого сна, но мне постоянно мешали мысли о маме. Я вспоминала ее гроб из сосновых досок, сколоченный крупными гвоздями. Похоронили ли ее в больничном халате? Я же обещала, что обязательно ее увижу. Карлос постепенно начинал сходить с ума, и мне казалось, что он тянет меня в пучину безумия.

Карлос возвращался в мотель после многочасового отсутствия и вынимал из своих карманов черно-желтые гангстерские бусы, тубик крема, которым он смазывал татуировки, количество которых постоянно росло, пистолет, пакет каких-то таблеток, брикеты травы и две банки колы.

Лежа в кровати, я наблюдала, как он отвинчивает крышку на банке колы и вынимает из нее пакет с белым порошком, который, без всякого сомнения, был кокаином. Карлос стоял напротив трюмо, и я видела перед собой трех Карлосов – одного настоящего и два отражения. Все они ухмылялись. Видимо, Карлосу нравилось, как хитроумно он прячет свои наркотики.

Приятным было то, что он перестал со мной спать. Возвращаясь морозным январским утром, он брал одеяло и плюхался спать на ковре. Сперва я была рада этому, но потом начала волноваться. Если мы перестали общаться и спать, что же тогда держало нас вместе? Несмотря на то, каким он стал, я помнила его прежним: заботливым и нежным. Раньше Карлос любил меня, и я любила его. Он с теплотой отнесся к моей матери, потому что его собственный отец умер от СПИДа. Мне было сложно на него злиться после всего, что мы вместе пережили.

* * *

После нескольких одиноких ночей я наконец решилась задать Карлосу волнующие меня вопросы. Самым робким тоном я спросила его: «Карлос, куда ты уходишь? Можно я поеду с тобой? Мы можем съездить и привезти сюда Сэм?»

У меня не было телефонного номера Оскара, и все друзья, с которыми я связывалась, ничего не слышали о Сэм. Я волновалась о том, что с ней могло произойти. Я устала доедать объедки, которые оставались в номере. Я не была уверена, что Карлос вернется.

В глазах Карлоса появилась злость, и он усмехнулся. Я целый день не ела, и если бы он ушел, то могла бы остаться голодной еще на один день. Я не хотела, чтобы он уходил без меня.

Очень вежливо я сказала:

«Карлос, ты меня слышал? Я могу поехать с тобой?»

Он медленно подошел ко мне, а потом молниеносно ударил кулаком в стену всего в нескольких сантиметрах от моей головы. Я завизжала. Он держал кулак так, словно ударит меня в лицо. Я заморгала и закрыла лицо руками. Карлос посмотрел на меня, засмеялся, сказал: «Глупая», – и ушел в ванную. Меня трясло, и больше я не осмелилась сказать ему ни слова. Раньше он мне никогда не угрожал.

Карлос тихо и незаметно подавлял волю других людей и делал так, чтобы никто ему не перечил. В ванной он что-то бормотал себе под нос и грохал дверцей туалетного шкафа. Я больше не осмелилась его о чем-либо спрашивать. Сквозь приоткрытую дверь ванной я наблюдала, как он намазывает гель на волосы, подравнивает бритвой свою бородку, надевает золотые кольца, засовывает пистолет за ремень штанов и раскладывает по карманам наркотики. Он вышел из номера, больше не сказав мне ни слова.

* * *

«Полицейские нашли зарезанную красотку». Под этим заголовком 13 января вышел номер газеты *New York Daily News*. В статье говорилось, что «женщине нанесли ножевые раны, перерезали горло, после чего оставили умирать на полу номера в мотеле». Это было всего лишь очередное убийство, совершенное бойфрендом женщины. Таких убийств в большом городе случается много. Газета также упомянула, что мотель, в котором произошло убийство, давно «славился» самыми разными преступлениями, связанными с насилием и наркотиками.

Об этом убийстве я узнала не из газет. Карлоса не было, и я смотрела новости по телевизору. Неожиданно показали наш мотель, перед которым

стояла женщина-репортер. Она упомянула название и адрес мотеля на трассе «Новая Англия» и сообщила, что тело убитой обнаружила горничная. На экране было видно, что перед мотелем стоят несколько полицейских машин и «Скорая», в которую на носилках вносят тело.

Убитую звали Роза Морила, ей было тридцать девять лет, и у нее было пятеро детей. Она умерла от потери крови в ванной мотеля всего в трех номерах от комнаты, которую занимали мы с Карлосом. Я отодвинула занавеску и увидела точно такую же картинку, которую показывали по телевизору, только с другого ракурса. На парковке стояла женщина-репортер, на лице которой было слишком много косметики.

Я выключила свет и телевизор и залезла под одеяло. Из коридора доносились шаги и разговоры полицейских, горничные испуганно по-испански повторяли слово «Нет». «Черт подери», – произнесла я вслух пустой комнате. Через несколько часов репортеры и полицейские уехали, и все в мотеле вернулось на круги своя, будто ничего и не произошло. Словно мать пяти детей Роза Морила никогда не существовала, словно она не была чьей-то дочерью, сестрой или женой. Оказывается, люди могут исчезать бесследно.

Я сидела и думала о женщине, которую убили всего в нескольких метрах от меня. Как она оказалась в этом мотеле в одной комнате с убийцей, который утверждал или делал вид, что ее любит? И чем ее ситуация принципиально отличалась от той, в которой я сейчас оказалась?

Может быть, когда-то я любила Карлоса и хотела провести с ним всю жизнь. Я хотела, чтобы он за деньги из своего наследства снял для нас квартиру. Я хотела любить его так, как никто раньше его не любил. Но это было давно. Теперь я боялась его, но мне больше некуда было пойти.

А что, если бы на месте Розы и ее бойфренда оказались мы с Карлосом? Что, если бы репортер произносила в эфир не ее, а мое имя? *«Шестнадцатилетняя Элизабет Мюррей погибла от руки своего парня, восемнадцатилетнего наркоторговца...»* Я представила, как на эту новость среагировали бы папа, Лиза, Сэм и Бобби, а также другие люди, которые были мне дороги.

Горничная мотеля пожалела меня и дала пару двадцатипятицентовых монет для телефонного звонка. Я позвонила Джейми: «Мне нужна твоя помощь. Ты можешь поговорить со своей мамой и спросить, могу ли я у вас пожить? Мне нужно срочно отсюда выбираться.

* * *

Квартира Джейми стала первой из череды квартир друзей, в которых я

жила. Джейми провела очень бурный разговор со своей мамой, и та разрешила мне пожить у них ровно неделю. Я никогда не забуду доброту Джейми. Она ни о чем меня не спрашивала и во всем помогала. Она одолжила у матери денег, чтобы оплатить мне такси, стирала мою одежду и готовила сэндвичи с тунцом и горячий куриный суп.

Я засыпала рядом с ней на ее диване, в тепле и чистоте. Карлос был далеко, и я чувствовала себя в безопасности. Если бы мне разрешили, я бы с удовольствием пожила у них дольше. Но ни у кого из моих друзей не было своей квартиры, поэтому я должна была каждую ночь проводить в разных домах.

Первые несколько недель я бесцельно переезжала из одного дома в другой. Сэм несколько раз звонила Бобби и искала меня, но я ни разу не смогла с ней поговорить. Она жила в приюте на 241-й улице. Когда я сама перезвонила в приют, Сэм вышла, и сообщение для нее записала девушка по имени Лайла.

– Нет, Сэм сейчас здесь нет. Оставьте сообщение?

– Да, пожалуйста. Это Лиз, я буду сегодня вечером у Бобби. Сэм – это пуэрториканка невысокого роста с короткими волосами. Пожалуйста, передайте ей мое сообщение.

– Я знаю, кто такая Сэм, – выпалила девушка. – Я ее лучшая подруга!

Однажды посреди ночи мне пришлось уйти из квартиры Фифа, потому что его родители сильно поссорились. Я пришла к Бобби, он не возражал и даже, кажется, был рад моему полуночному появлению. Когда я пришла, он собирался ложиться спать. На нем были старые шорты из обрезанных джинсов и полинявшая майка с логотипом *McDonald's*, но со словом «марихуана» под золотыми арками буквы «М».

При виде меня он улыбнулся, и я поняла, как скучала по нему, по нашим встречам и общим друзьям. По дороге я выпросила у прохожих немного денег, которых хватило на две небольших коробочки китайской еды. Я не хотела приходить с пустыми руками.

– Рис со свининой без овощей и курица с брокколи, все, как ты любишь, – сказала я прямо у входной двери и приподняла вверх пакет с едой.

Бобби снова улыбнулся, прижал палец к губам и провел меня в квартиру, свет в которой был приглушенным. Его мама спала перед ранней сменой в больнице. Полосатая кошка копалась в мусорном ведре. На холодильнике магнитами был прикреплен рисунок младшей сестры Бобби с изображением фиолетово-желтой бабочки.

Мы начали есть перед включенным телевизором. Только что

закончился реслинг. Рядом с телевизором стояла фотография целующихся Бобби и его девушки Дианы с черными длинными волосами. На диване лежали тетрадки с домашним заданием Бобби по математике. На страницах тетради я увидела чертежи разных фигур и аккуратные ответы, написанные в столбик.

Мне было очень приятно находиться в настоящем доме, а не в номере мотеля. Я глядела на его домашнюю работу, на его открытое и здоровое лицо, на фотографию с девушкой и понимала, что общество, реальность и жизнь совершенно спокойно могли без меня обойтись, развиваясь своим чередом, пока я попусту тратила время в своих грезах.

– Ну, что, рассказывай. Как у тебя дела? – спросил он.

– В смысле? – подозрительно переспросила я. Его вопрос показался мне риторическим. На мне была грязная одежда, волосы были сальными и спутанными. Мне казалось, что я чувствую себя не лучше, чем выгляжу.

– Ну, я о том, как жизнь? Я знаю, тебе пришлось нелегко после смерти матери. И с тобой, Лиз, было трудно связаться. Я хотел бы тебе помочь. Поэтому и поинтересовался, как у тебя дела.

Его волосы были чистыми, глаза – честными. Я чувствовала, что ему не все равно. Я напомнила себе, что нахожусь не в обществе Карлоса, а среди нормальных людей.

– Как тебе сказать... Просто устала. – Я не смотрела Бобби в глаза и старалась скрыть свое смущение. – Много чего произошло. Но теперь можно сказать, у меня все в порядке.

– В порядке? И это все? Никаких деталей? – спросил Бобби. Его действительно интересовала моя жизнь.

Я расслабилась и снова напомнила себе, что нахожусь среди друзей, которые меня любят.

– Лучше расскажи мне, как у тебя идут дела.

Мы ели, и Бобби стал показывать мне свои старые кассеты с записями реслинга и объяснять отдельные приемы: «лезвие бритвы», «могильный камень», «удар локтем». Но мои глаза раз за разом возвращались к его тетрадке с домашним заданием. Мне нравился его почерк, который казался мне таким уверенным.

Активно жестикулируя руками, Бобби объяснял:

– ...Вот это основные приемы. Но самое интересное, это Экстремальный чемпионат по реслингу. И если говорить о настоящих жестоких схватках на ринге...

– Послушай, Бобби, – прервала я его. – Лучше расскажи мне о школе.

* * *

После той ночи всю оставшуюся неделю я провела у Фифа. На следующей неделе я переезжала из одного места в другое. Мне было сложно нормально выспаться, потому что часто приходилось входить в дом только после того, как родители ложились спать, и уходить до того, как они вставали, поэтому я спала не более четырех часов за ночь. Я останавливалась в малюсенькой комнате Майерса, который давал мне свой спальник. Когда я раскладывала этот спальник между его кроватью и столом, на котором стоял компьютер, места в комнате вообще не оставалось.

Мама Джейми готовила рис с бобами, и Джейми делилась со мной своей порцией. Сидя у нее на кухне, мы слушали музыку, болтали о парнях и старых кинофильмах. В квартире у Бобби был самый лучший душ. Мне нравился запах его шампуня и мыла, и я могла пользоваться тампонами и дезодорантом, принадлежавшими его матери.

Иногда друзья выдавали мне немного денег, которых хватало на то, чтобы купить тарелку картошки фри с моцареллой в кафе Тони. У Тони я могла сидеть часами, мне было хорошо и тепло. В те дни, когда никто не мог мне помочь, я воровала продукты в магазинах сети *C-Town*. Я брала сыр в упаковках, хлеб, виноград и засовывала их в рюкзак или карманы толстовки.

В принципе, голод не был большой проблемой. Если мне было что-то нужно, я находила способ это достать. Собственно говоря, я всю жизнь о себе заботилась и стала в этом вопросе профессионалом. Дома нет еды? Иди и заработай, упаковывая покупки в магазинах или помогая на заправке. Мама с папой постоянно «торчат»? Уходи. Не нравится школа? Прогуливай. Все очень просто. Я всегда добивалась того, что мне было нужно. Сложность заключалась в другом.

Когда мы были вместе с Карлосом и Сэм, можно было легко стучаться в двери друзей. Я всегда могла оправдать свои действия тем аргументом, что мы просто «тусуемся», «общаемся» и «навещаем». Но быть одной и бездомной оказалось гораздо сложнее. Я поняла, насколько завишу от других людей.

Да, я продолжала ночевать у друзей. Но меня стали доставать мелкие детали. Я слышала шепот Бобби с матерью о том, хватит ли у них еды на троих после моего неожиданного появления. Я знала, что Джейми приходится вести со своей мамой долгие споры о том, чтобы я могла переночевать у них еще одну ночь. Временами остановиться у Фифа было

проблематично, потому что он уезжал в Йонкерс, чтобы навестить своих кузин. Дверь квартиры мне открывал его отец и говорил, что не знает, когда его сын вернется. Все они были, конечно, моими друзьями... Но меня бесило то, что я была вынуждена постоянно просить. «Мне нужно переночевать... Можете меня покормить? У тебя есть еще одно одеяло? Можно принять душ? У тебя есть...» Мне не улыбалась роль попрошайки.

Я с ужасом думала о том, что желание друзей помогать мне может рано или поздно кончиться. Я переживала, что рано или поздно мне начнут отказывать. Ничто не может продолжаться вечно. Я боялась этого как чумы и чувствовала, что это время скоро придет. Я не хотела услышать отказ от людей, которые мне дороги. Поэтому решила ограничить свои потребности.

Размышляя над ситуацией, в которой я находилась, я поразилась одному наблюдению или открытию: мои друзья не платят квартплату. Эта мысль пришла ко мне ночью, когда я пыталась заснуть на диване у Бобби. Эта простая мысль удивила меня своей логичностью. Иметь друзей, конечно, круто. Они тебя любят, помогают, и с ними весело. Но мои друзья не платят за квартиру. Раньше я об этом не задумывалась, но сейчас я поняла, что все, по поводу чего я волновалась и переживала (Карлос, друзья, мысли о моем прошлом и т. д.), – ничто из этого не имело отношения к оплате квартиры. А мне надо было сосредоточиться именно на нахождении квартиры и денег.

Через несколько недель, во время которых я полностью зависела от милости друзей, я сознательно начала несколько ночей в неделю проводить в метро. Я садилась в конце вагона, и со стороны казалось, что я обычный пассажир, который едет домой после работы и прикорнул от усталости. Никто же не знал, кто я и куда еду. Однако сон в метро был чреват опасностями. Главная из них – хулиганы и мелкие воры, которые ночами часто «работали» в метро. Это были молодые ребята с надвинутыми на глаза капюшонами. Несколько раз я просыпалась от того, что чувствовала их присутствие, но, слава богу, никто меня ни разу не тронул. Мне просто повезло. Тем не менее я решила, что гораздо безопаснее спать не в вагоне, а на лестничных площадках жилых домов.

На последнем этаже любого здания в районе Бедфорд-парка было гораздо безопасней. Засунув под голову рюкзак, я лежала на полу и слушала звуки из жизни обычных семей – споры любовников, смех детей, звон расставляемых на столе тарелок, рэп, бормотание телевизора. Я вспоминала свою жизнь на Университи-авеню. Думала о том, как Лизе живется у Брика, как идут у нее дела в колледже, как она справляется

со всем с уходом мамы. У меня не было сил ей звонить, потому что я не знала, как ответить на ее вопросы: «Как у тебя дела, Лиз? Что ты собираешься делать со своей жизнью? Когда ты вернешься в школу?» Я не могла ответить на эти вопросы, поэтому и не звонила.

Очень часто ночами я мечтала о доме. Я хотела ощущать спокойствие и безопасность, и я совершенно не знала, где мой дом.

Иногда в первые секунды после пробуждения я не понимала, где нахожусь. Мне казалось, что я в квартире на Университи-авеню и слышу шаги родителей, которые собираются «отжигать» всю ночь. Или мне казалось, что я проснулась у Брика, и Сэм где-то совсем рядом. Потом я видела, что меня окружает, ощущала запахи и слышала звуки, и понимала, что я у Бобби, Фифа или в одной из квартир друзей моих друзей.

Однажды я неделю прожила в квартире одной девушки, у которой часто собирались ребята и которая дружила с приятелем Бобби Дэнни. Этот Дэнни был высоким и красивым пуэрториканцем с выразительными карими глазами. Каждый раз, когда я его видела, у него была новая девушка, и кроме этого несколько других девушек считали его своим парнем. Одной из таких девушек была Пейдж, у которой я и прожила неделю. Дэнни привел к ней в гости кучу своих друзей и меня в том числе.

Пейдж было двадцать два года, и она в детстве сбежала из дома. Дэнни говорил, что у Пейдж все в порядке: у нее есть стабильная работа, и она сама, без соседей или друзей, снимает квартиру. У Пейдж была очень маленькая квартирка над китайским рестораном. Настолько маленькая, что можно было из гостиной вкатиться по полу на кухню, потому что все это пространство было единым. Но это была ее квартира. Она сама на нее зарабатывала.

Пейдж приготовила нам курицу с рисом, отчего в квартире стало жарко, как в сауне. Ставя передо мной тарелку, Пейдж спросила:

– Ты уверена, что не хочешь получить диплом по программе GED?^[18]

– Нет, – ответила я. – Я слышала, что это интересная штука, но я бы хотела закончить школу и получить обычный диплом о среднем образовании. Правда, мне сложно в школе. Народу очень много, и к тому же я очень отстала.

– Ну, тогда тебе может подойти средняя школа, которую я окончила, – сказала Пейдж, ставя тарелку перед Дэнни. Она рассказала мне об альтернативных средних школах Нью-Йорка. – Это что-то типа частных школ, но для тех, кто очень хочет получить образование, однако не имеет денег. Там очень хорошие и ответственные преподаватели.

Я записала название и адрес школы в своем дневнике, а Пейдж поведала, как училась в одной из таких школ, а потом заговорила о своем бывшем парне. Пейдж болтала, а я обводила адрес и телефон ручкой до тех пор, пока буквы и цифры почти превратились в 3D.

После того как все уснули, я села за ее письменный стол, включила настольную лампу и составила список.

«Преимущества и то, что важно в вопросе выбора своей квартиры:

- 1. Чтобы никто не беспокоил.*
- 2. Чтобы было всегда тепло.*
- 3. Еда в любое время.*
- 4. Большая кровать.*
- 5. Чистая одежда, особенно носки.*
- 6. Можно спать, и тебя никто не будет будить.*
- 7. Горячая ванна».*

Потом я сидела за столом и рассматривала рисунки, которые Пейдж сделала на уроках рисования в своей школе. Они были абстрактными, но яркими и выразительными. Потом я внимательно изучила фотографию, на которой была изображена хорошо одетая женщина и высокий мужчина с сединой в волосах. Пейдж стояла между ними. Она ранее объяснила мне, что фото было сделано в день окончания школы. «Это мой учитель рисования. Ему очень нравились мои работы».

Я перевернула страницу своего дневника и написала:

«Количество зачетов, необходимое для окончания средней школы:

40 или 42? (выяснить)

Сколько мне будет лет, когда начнется следующий учебный год:

17

Мой адрес проживания:

Адрес, по которому я нахожусь в настоящий момент.

Мое количество зачетов в средней школе:

«.

* * *

На самом деле у меня вообще не было бы ни одного зачета, но иногда мы с Сэм все-таки заходили в школу. Сэм даже не была туда зачислена официально, но в средней школе имени Джона Кеннеди было более шести тысяч учеников, поэтому одним больше, одним меньше – кто вообще обратит на это внимание?

Помню, как мы с Сэм сидели на задних рядах класса по истории, который вела мисс Недгрин, и валяли дурака. В то время волосы Сэм были огненно-красными, уложенными в аккуратную прическу, скрепленную палочками для еды, и глаза были накрашены черными тенями. Я после выхода из приюта ходила в образе «гота», вся в черном и с собачьим ошейником с заклепками на шее. В общем, мы были одеты, по всем понятиям, «круто».

Совершенно случайно получилось, что в тот день, когда мы были в классе, преподавательница устроила зачет. И я его сдала. Вот поэтому у меня был этот единственный зачет. Вероятно, мисс Недгрин меня просто пожалела.

Я совершенно не готовилась, но набрала 81 балл из ста возможных. После этого мисс Недгрин встретила меня однажды в коридоре и начала уговаривать ходить в школу.

«Ты умная девочка, – говорила она. – Я прекрасно тебя понимаю. У тебя мама больна, верно? Ты раньше была в приюте?»

Она отнеслась ко мне с большой симпатией.

«Да», – отвечала я на все ее вопросы и смотрела в пол.

Всю мою школьную жизнь учителя меня жалели. Они смотрели на меня, и им становилось грустно. Однако мисс Недгрин ошибалась в том, что я умная. Я сдала тест и получила зачет потому, что прочитала папину книжку о гражданской войне в США. А вопросы теста были самыми заурядными.

Мисс Недгрин утерла слезы и продолжила:

«Я понимаю, почему ты не ходишь в школу. Это не твоя ошибка. Ты жертва обстоятельств. Я тебя понимаю, дорогая».

Я запомнила ее слова надолго.

Мисс Недгрин желала мне добра, но из всего, что она мне тогда сказала, я четко запомнила только одну вещь: я имею право не ходить в школу по причинам, которые не в моей власти. Я же «жертва». Я не желала трудиться, а если она нашла этому объяснение, то еще лучше.

Тот зачет был единственным, который я получила за все время обучения в средней школе имени Джона Кеннеди. Когда карточка успеваемости пришла на адрес Брика, я увидела в ней тот зачет. Я была в возрасте, в котором мои сверстники поступают в колледж, а у меня был всего один зачет по программе среднего образования.

Сидя за столом Пейдж, я продолжала обводить цифры номера телефона и адрес школы. Потом я дописала на странице *«Альтернативная средняя школа»*.

Когда я проснулась утром, Пейдж была уже на ногах и ходила между лежащих на полу тел. На ней была майка и камуфляжные штаны. Она искала свои ключи. Я посмотрела, как она, единственный на данный момент продуктивный член общества, ходила, переступая через спящих людей. Я уважала ее за то, что она была настойчивой и добивалась своих целей. Краем глаза я заметила под журналом яркий брелок с котом Гарфилдом.

Я поднялась и достала ключи.

«Подожди, Пейдж, я с тобой».

Она кивнула. Я схватила с холодильника две двадцатипятицентовых монеты, надела джинсы и вышла вместе с Пейдж. На улице меня ослепило яркое солнце. Прошло несколько месяцев с тех пор, как я сбежала из мотеля, наступила весна, и на деревьях появились первые робкие листья. Пейдж надела наушники. Мы обнялись на прощанье и расстались на углу улицы.

Магазины открывались, поднимая опущенные на ночь рольставни. Старик подметал тротуар перед китайским рестораном. Я открыла свой дневник на странице, где записала телефонный номер школы, сунула деньги в телефон-автомат, набрала номер... и повесила трубку. Потом я снова сняла трубку и начала медленно набирать цифры.

«Добрый день! Меня зовут Лиз Мюррей. Я хотела бы назначить время для собеседования... Да, я приеду».

* * *

В течение следующих нескольких недель я прошла собеседование во всех альтернативных школах, адреса которых смогла найти. Что-то подсказывало мне, что школа должна быть на Манхэттене. Вероятно, я хорошо запомнила слова папы, что все самое важное происходит только на Манхэттене.

На метро я ездила по разным школам, расположенным на западе и востоке острова. На собеседования я приходила в черных джинсах и черной майке, и со мной всегда был рюкзак со всеми вещами. Мои уши были проколоты во многих местах, волосы опускались до талии, и челка закрывала глаза. Я проверяла адрес школы по записям из своего дневника, шла по запруженным людьми тротуарам к нью-йоркским небоскрегам. Иногда перед тем, как войти в здание, я подолгу стояла и набиралась храбрости.

Всю свою жизнь я чувствовала, что меня и большинство других людей

разделяет кирпичная стена. С одной стороны было общество, а с другой – я и все, кто жил там, где жила я. Мы существовали совершенно обособленно от остальных. Мир делился на «нас» и «их». Все, кроме нас, спокойно ехали в вагонах метро, были умными и сообразительными учениками, поднимали руки и получали пятерки, жили в нормальных семьях и ходили в колледж. Это были «они», а не «мы». Мы были другими – прогульщиками, лентяями, получателями пособий. У нас был совершенно другой склад жизни.

Для нашей семьи и для тех, кто обитал в нашем районе, самым важным были насущные и неотложные потребности – голод, необходимость заплатить за квартиру и электричество. К любой проблеме мы относились исходя из понятий «пока» или «в настоящий момент». Жить на пособие – не сахар, но *пока* сойдет. «Торчать» – не дело, но *в настоящий момент* маму трясет, поэтому ей надо уколиться. Мне надо ходить в школу, но *пока* у меня нет чистой одежды, да к тому же *в настоящий момент* я и так настолько много пропустила, что вполне можно остаться дома. Тридцать пять долларов в месяц на еду для целой семьи – нереально, но *пока* живем, и не стоит задумываться о том, что будет завтра. Мы решали только неотложные проблемы. Поэтому существование и законы тех, кто жил по другую сторону стены, всегда были для меня загадкой.

Я не представляла, как человек может иметь счет в банке, машину или дом. У меня подобные вещи не укладывались в голове. Как можно наняться на работу и ее не потерять? Или, например, чем думают люди, когда после школы идут еще на четыре года учиться? У них же есть диплом о среднем образовании, чего им еще надо? К чему тратить еще четыре года жизни?

Для таких, как я, будущее означало только самое ближайшее будущее и никакое другое. Мы не занимались долгосрочным планированием. У нас тоже существовала вероятность, что мы заживем хорошей жизнью, но в настоящий момент у нас было достаточно других проблем, которые было необходимо решить.

Я заходила в школы и словно оказывалась по другую сторону стены. Собеседования проводились учителями, которые жили по другую сторону стены. То, что я планировала пойти в школу, относилось к долгосрочным задачам, к решению которых я не привыкла. Я не была знакома с законами, которые царили по эту сторону стены, поэтому мне было неуютно, страшно, и мои шансы казались минимальными. Школы, в которые я приходила, в моем понимании могли с таким же успехом находиться на Уолл-стрит, в дорогом магазине на Пятой авеню или в Белом доме.

Даже сам факт моего появления в этих заведениях означал, что я изменила «своим людям», продалась. Чтобы войти в эти здания, мне нужно было набраться храбрости.

Многие интервью были обречены на провал с первой секунды после моего входа в комнату. Когда человек тебя не слушает, у него появляется совершенно характерное выражение лица. Отсутствующий взгляд и постоянное кивание. Иногда возникает феномен «беззубой ухмылки», как выражался мой папа, – неискренней и фальшивой улыбки, которой тебя пытаются успокоить.

Уже по одному взгляду учителя до начала разговора я понимала, что получу отрицательный ответ. Они окидывали меня взглядом с ног до головы и мгновенно навешивали на меня ярлыки: гот, лентяйка, прогульщица, головная боль. Потом появлялась «беззубая ухмылка» и отговорки: «У нас ограниченное количество мест, спасибо, что проявили интерес к нашей школе» или «Если у нас появятся места, мы с вами обязательно свяжемся».

Связаться со мной они могли только по адресу Бобби. Все ответы, которые я получила на этот адрес, были отрицательными: «У нас в этом семестре нет мест... Мы бы с радостью вас взяли, но, учитывая ваше минимальное количество зачетов, мы хотели бы дать возможность другому соискателю... Простите, но мы не думаем, что вы хорошо адаптируетесь в нашей школе».

Какая школа мечтает взять ученика, средний балл которого равен единице и за душой у которого всего один зачет? К тому же я была в возрасте, в котором многие уже заканчивают среднюю школу. Как еще мне могли ответить, если я выглядела так, как выглядела, и не смотрела людям в глаза? В общем, все ответы, которые я получила, состояли из трех букв, которые складывались в слово «нет».

Сперва отказы меня не особенно коробили, но через некоторое время ужасно надоели. Я почувствовала, что моя решимость начинает таять. Я вышла на шумную улицу с очередного безрезультатного собеседования. Стоял солнечный, теплый день. Я была готова бросить начатое мной предприятие. Это же так просто. Дэнни, Фиф, Бобби, да кто угодно, меня приютят. А потом я решу, что делать. Кто знает, может быть, я даже и вернусь к Карлосу. Я села и задумалась.

Я сидела на перекрестке Лексингтона и Шестьдесят пятой улицы. Вокруг меня проходили студенты Хантер-колледжа и офисные служащие, спешащие на обед. Около киоска с хот-догами выстроилась длинная очередь. Было начало мая.

Передо мной стоял выбор: в кармане было достаточно денег, чтобы купить билет на метро и поехать на следующее собеседование в место под названием Подготовительная академия гуманитарных наук. Или за час вернуться на метро в Бруклин, после чего у меня останется достаточно денег, чтобы купить пиццу. Я не могла сделать и то и другое, я должна была выбрать. Размышляя над этой дилеммой, я разглядывала прохожих.

Итак, пицца или собеседование?

Я очень устала. Устала от собеседований и от отказов. Зачем куда-то ехать, если все равно тебе скажут «нет»? Если я уеду прямо сейчас, у меня останутся деньги на пиццу. Если быть реалистом, то следующее собеседование – скорее всего, лишь потеря времени.

А если? Если эта школа окажется не похожей на другие? Если мне не откажут, а примут? Эта мысль посетила меня словно гром среди ясного неба и показалась простой и очевидной. А что, если? Что, если, несмотря на все отягчающие обстоятельства, меня возьмут и примут в эту школу? Я воспрянула духом.

Потом я вспомнила о маме, потому что мне стало одиноко в этом людном месте. Как много всего изменилось – раньше у меня была семья, крыша над головой и любимые люди. Теперь я сижу на Шестидесят пятой улице, мама умерла, папа в приюте, с Лизой мы не общаемся.

Вот такая жизнь – в какой-то момент все кажется беспросветным, но через мгновение меняется. Да, люди заболевают, семьи разваливаются, друзья забывают. Я осознавала произошедшие перемены, но мне не было от этого грустно. Неожиданно появилось чувство надежды. Если жизнь может измениться к худшему, почему бы ей не измениться к лучшему?

Потенциально меня могли принять в школу, и потенциально я могла учиться на одни пятерки. С учетом прошлого опыта это звучит не очень реалистично, но все может измениться.

Я забыла про пиццу и поехала на собеседование.

* * *

В середине 1990-х годов средняя гуманитарная школа имени Баярда Растина^[19] находилась в плачевном состоянии. В школе обучалось 2400 студентов, хотя рассчитана она была на 1500 человек. Многие ученики не успевали, в том числе из-за того, что классы были слишком большими. Психологическое состояние преподавательского состава было ужасным, а цинизм зашкаливал.

Члены управлявшего школой совета предложили экстренную меру: вывести отстающих учеников в отдельные классы, где будут преподавать

только самые базовые предметы, урезать количество часов работы с сохранением зарплаты для учителей, которые преподают в этих классах, и заканчивать учебу в полдень. Преподаватели назвали этот проект *Академией неудачников*.

Предполагалось, что Академия неудачников будет находиться в отдельном здании большой школы, расположенной на Восемнадцатой улице между Восьмой и Девятой авеню. В эту Академию планировали перевести чуть более сотни самых заядлых прогульщиков и оболтусов, которые мешают учиться другим. Освободившись от «балласта», преподаватели могли бы сосредоточиться на работе с нормальными ребятами.

На учеников Академии не возлагали никаких надежд, их просто хотели отделить от всех остальных, сегрегировать. Одним из противников этой идеи стал Пери Вайнер.

Пери Вайнер был председателем управляющего совета школы и преподавателем английского языка. Он выступал против сегрегации и предложил создать альтернативную среднюю школу для плохо успевающих учеников. Эту идею поддержало несколько человек, включая председателя профсоюза учителей Винсента Бреветти, человека, который, так же как и Вайнер, посвятил свою жизнь образованию молодого поколения. В течение нескольких месяцев Вайнер и Бреветти разрабатывали план создания не «отстойника», а школы для тех, кто испытывает сложности в учебе.

Каждое утро Пери Вайнер и Винсент Бреветти появлялись в школе в семь утра для встреч и обсуждений перед началом учебного дня. Они хотели создать школу, в которой отстающие и проблемные ученики перестают быть таковыми. Преподаватели решили использовать систему образования, которая проверенно дает хорошие результаты. Они объездили много разных средних школ, многие из которых были элитными и привилегированными, и решили использовать опыт этих школ в своей собственной.

Вместо Академии неудачников они решили создать *Подготовительную гуманитарную академию*. Эта Подготовительная академия должна стать мини-школой, в которой проблемным учащимся преподаватели будут уделять столько внимания, сколько обычно обеспечивается в элитных частных школах. В этом смысле Подготовительная академия сильно отличалась от всех других классов, в особенности для плохо успевающих учеников.

Было решено, что в Подготовительную академию будет зачислено

не более 180 учеников, чтобы классы были маленькими и преподаватели могли уделять учащимся больше внимания. Для оценки учебы будут использоваться не стандартные тесты, которые, по мнению Пери и Винсента, сознательно упрощали обучение и сужали его горизонты, а другие, которые помогут ученикам продемонстрировать свои настоящие знания.

Преподаватели разработали специальные задания для оценки успеваемости, в которых ученики могли давать расширенные ответы, а не ограничиваться традиционными рамками тестов, выбирая готовый вариант или вставляя пропущенное слово или цифру. Система преподавания и оценки основывалась на понимании сути проблемы и того, как она влияет на нас в реальной жизни. Предметы преподавали минимум по одному семестру самыми разными способами: традиционно – при помощи лекций преподавателей, презентаций определенной темы, сделанных самими учениками, проектов и письменных заданий. В общем, в школе использовали альтернативный учебный план, который заставлял как учеников, так и преподавателей работать более эффективно.

Предметы в Академии имели не стандартные названия, такие, как «История 1» или «Литература 2», а, например, «История и мы», где учащиеся изучали геноцид и его последствия, или «Гуманитарные науки», где учащиеся читали Кафку и Данте. Обычный «Английский» становился «Драмами Шекспира», где для сдачи зачета надо было участвовать в постановке «Гамлета».

Предметы и их преподавание способствовали тому, чтобы учащиеся начали обсуждать, думать и анализировать. В каждом классе было не более пятнадцати учеников. Во время занятий все садились в круг, видели друг друга и совместно обсуждали. Учащиеся Академии не могли ни спрятаться, ни потеряться.

Пери хотел дать отстающим ученикам возможность получить хорошее образование и считал, что современная система преподавания не позволяет этого добиться. Он считал, что во многом виновата система, а не ученики.

* * *

Я опоздала на пятнадцать минут. Я бежала и вся взмокла от пота. Прочитав название школы на вывеске перед входом, я сверила его с записанным в моем дневнике. Здание, в которое я пришла, казалось слишком маленьким и не было похоже на обычную школу.

Офис Пери состоял из четырех небольших комнат, разделенных перегородками, которые не доходили до потолка. В комнатах были

офисные шкафы с выдвижными ящиками. На одном из шкафов, заполненном книгами, стоял включенный вентилятор. Секретарь Пери, черная девушка по имени Эприл, попросила меня присесть и подождать.

– Вы опоздали, и собеседование началось без вас, – сказала она. Она вся была обвешана золотом, которое сияло у нее на шее, в ушах, на пальцах и запястьях. – Не волнуйтесь, Пери скоро закончит и обязательно с вами поговорит, – добавила она.

В дальней комнате слева через стеклянную дверь я увидела классную доску, на которой мелом было написано:

Выберите тему и напишите эссе, чтобы ее раскрыть.

Разнообразие

Общество

Лидерство

В комнате я увидела белого мужчину средних лет, в очках. Он что-то рассказывал, но я с трудом могла разобрать слова, поскольку дверь была закрыта. На нем были темные вельветовые штаны и темно-красный галстук. Мне бросилось в глаза, что он много улыбался и часто смеялся. Этот мужчина выглядел достаточно дружелюбно. Полукругом вокруг него сидели пять-шесть ребят, которые слушали его и отвечали на вопросы.

Я решила написать эссе и вынула ручку. Я плохо представляла себе темы «общество» и «лидерство», но чувствовала себя в силах высказаться о разнообразии и дискриминации, которой я подвергалась во время собеседований в школах.

Я написала о том, что люди делали обо мне выводы на основании расы, к которой я принадлежу, и внешности. На Университи-авеню испаноязычные обитатели района называли меня *blanquita* – «маленькая белая девочка». Поскольку я белая, они автоматически делали вывод, что я богатая и высокомерная. За это меня не любили в школе № 141. Тогда я была совсем маленькой. Сейчас, когда я выросла и похожа на гота, меня снова судят по моему внешнему виду и делают свои выводы. Я описала, что происходило на собеседованиях в других школах и как учителя ставили на мне крест, даже не выслушав.

У меня был не очень красивый почерк, и строчки получились немного кривыми. Это было первое эссе, которое я написала за несколько лет. Я пожевала конец ручки и решила, что сказала все, что хотела.

Собрание, которое проводил Пери, закончилось, и из комнаты стали выходить люди.

Пери шел быстрым шагом, и я его остановила.

– Сэр, – сказала я. – Простите, сэр!
Он остановился и улыбнулся.
– Привет, – он протянул руку. – Пери.

Он смотрел мне прямо в лицо и улыбался. Я опустила глаза. Он был одним из «них», человеком по другую сторону стены. Меня поразили его внимательный взгляд. Я долго медлила с рукопожатием и протянула ему свою руку уже тогда, когда он был готов убрать свою.

– Добрый день, у меня на сегодня было назначено собеседование.

– Элизабет... – Пери посмотрел в свой блокнот. – Мюррей. Ты опоздала. Почему?

Он внимательно посмотрел на меня сквозь очки. Пери не был похож на всех остальных преподавателей, с которыми мне довелось встречаться. Если бы тогда, во время нашей первой встречи, кто-нибудь нас сфотографировал, то получилась бы фотография полных противоположностей: девочка-гот и книжный червь, который живет в библиотеке.

– Зовите меня просто Лиз. Пожалуйста, можно с вами поговорить? И простите меня за опоздание.

Я нервничала, и мои ладони вспотели. Я не умела разговаривать с теми, у кого есть власть. Все другие учителя это сразу замечали, и я боялась, что заметит и Пери. Какое у него могло возникнуть от меня впечатление? Мелкая девчонка, грязная, лентяйка, воровка, прогульщица, опаздывает – в общем, совершенно безответственный человек.

– Лиз, – произнес Пери, по-прежнему не отрывая от меня глаз. – Я бы с удовольствием с тобой поговорил, но в десять у меня начинается урок, и к тому же все вызванные на собеседование должны написать эссе. Думаю, что сегодня не получится. Запишись на другой день.

Я протянула ему свое эссе.

– Я уже написала.

Он сделал удивленное лицо, взял у меня исписанные листки и быстро их просмотрел.

– Так можно вас на десять минут? – настойчиво произнесла я.

Он громко рассмеялся, развернулся и двинулся назад в комнату, открыв мне дверь.

«Они всего лишь люди», – напомнила я себе и села на стул.

– Я знаю, – начала я. – У меня очень плохие оценки...

Я хотела защитить себя и высказать свою точку зрения до того, как Пери успеет сформировать обо мне мнение. Я хотела управлять нашим разговором. Я говорила и заметила его сочувствующее и заинтересованное выражение лица. Значит, он меня не судил и не осуждал. Он просто слушал. Он внимательно на меня смотрел и воспринимал, что я ему говорю.

Пери интересовало то, что я рассказываю, я видела это по его лицу. Я приободрилась и высказала ему все. Все, за исключением того, что я бездомная. Я не хотела возвращаться в приют, а если бы Пери узнал, что я бездомная, то должен был сообщить об этом кому следует. Я утаила эту деталь моей биографии, но рассказала обо всем остальном.

– У меня есть подруга по имени Сэм, с которой мы вместе прогуливали. Я сейчас даже не знаю, где она. В любом случае, я всегда хотела закончить среднюю школу. Но годы шли, и ситуация немного вышла из-под контроля.

Меня захлестывали чувства. Мой рассказ становился более эмоциональным, чем все разговоры, которые у меня были с другими учителями, и даже более эмоциональным, чем мне самой хотелось бы. Я ничего не могла с этим поделать. Никогда в жизни я не видела такого понимания со стороны преподавателя, и никогда раньше у меня не возникало с преподавателем такого близкого контакта.

Пери не жалел меня. Он задавал уточняющие вопросы, советовал, вздыхал, услышав, как умерла мама и как ее хоронили, но ни разу не подал вида, что жалеет меня. Он проявлял интерес и понимал то, что я говорю. Я слушала звук собственного голоса и начинала сама себя судить. Мне казалось, когда я рассказываю о своей жизни такому человеку, как он, может сложиться ощущение, что я просто неблагополучный ребенок. Все в комнате выглядело таким нормальным: от компьютера на столе до чистых кожаных туфель Пери, в то время как на мне самой были разваливающиеся десятидолларовые сапоги.

Лицо Пери стало очень серьезным:

– Лиз, все это... ужасно. Тебе пришлось многое пережить. Но я должен быть уверен, что я помогаю тебе так, как это необходимо. Понимаешь меня?

Не знаю почему, но я тут же подумала, что он собирается вызвать представителей социальных служб. Я мгновенно оценила возможные пути отступления: выходы, то, что я бегая быстрее, чем он, и что станция метро находится очень близко.

– Лиз, я читаю в твоей анкете: тебе скоро исполнится семнадцать лет и у тебя нет никаких оценок и зачетов из программы средней школы. Все правильно?

– У меня есть один зачет, – поправила его я.

Когда он произносил «семнадцать лет», мне казалось, что он имеет в виду сто. Ребятам, которые только что приходили на собеседование, было по пятнадцать.

– Я поддерживаю твоё стремление учиться. Я пытаюсь понять, где тебе лучше учиться. Вопрос в том, что ты хочешь делать дальше. Пойми, для семнадцатилетнего человека посвятить четыре года на получение образования – это не шутка. Это долгий срок. Я должен тебе сказать, в соседнем здании ты можешь учиться по программе GED, вечерний курс которой ты пройдёшь всего за полгода. Я хочу, чтобы ты знала обо всех возможностях выбора, которые у тебя есть.

Возможности выбора... Меня заделали эти слова. Я помню, как мама унижалась перед Бриком, не реагировала на его грубости, крик, раздвигала для него ноги. И всё потому, что у неё не было никаких возможностей выбирать что-то другое. Или, например, папа. Острый ум, богатый жизненный опыт, образование, а живёт в приюте для бывших наркоманов и алкоголиков. Тоже никаких возможностей выбора.

«Я сидел в тюрьме, – часто повторял папа. – Наймите меня?»

Я сама жила в мотелях, питалась объедками, которые оставлял Карлос, – никаких возможностей выбора. Я слышала, что программа GED очень помогла многим людям. Но после всего, что пережили мои родители, что-то подсказывало мне – я должна получить нормальное среднее образование. Только это даст мне варианты и возможности выбора.

– Пери, я вам очень признательна и понимаю вашу точку зрения... Но я хочу закончить среднюю школу. Я обязательно должна это сделать.

Я произнесла это вслух, и эта мысль стала для меня реальной. Одно дело думать, а другое – сказать. Я почувствовала, что действительно хочу это сделать и не скрываю это от других. Меня трясло.

Пери не сводил с меня внимательного взгляда. Я пыталась угадать, что он про меня думает: неудачница, грязнуля, лентяйка. Может быть, он подбирал слова вежливого отказа. В своих туфлях, в галстук и очках он создавал впечатление вежливого человека. Он, наверное, живёт в Уэстчестере, пронеслось в моей голове. Наверняка постоянно отказывал таким, как я, точно так же, как делали все остальные.

Пери откинулся на спинку стула и издал глубокий вздох. Казалось, что его тоже захлестывают чувства. Я терпеливо ждала решения своей судьбы.

– Лиз, – сказал он и распрямился на стуле. Мое сердце учащенно забило. «Вот оно», – подумала я. С серьёзным лицом Пери спросил: – Ты в состоянии приехать в школу без опозданий?

Я расплылась в улыбке, и на глазах появились слезы.

– Конечно, да, не вопрос, – ответила я ему.

* * *

Чтобы меня могли официально записать в школу, я должна была привести с собой своего опекуна или взрослого, который возьмет за меня ответственность. Это надо было сделать как можно быстрее.

На той же неделе мы встретились с папой на пересечении Девятнадцатой улицы и Седьмой авеню. К тому времени я разработала детальный план действий. Меня запишут в школу, летом я буду работать и копить деньги, а потом – ходить в школу и жить на собственные сбережения. Но сейчас мне была необходима помощь папы, который взял бы за меня ответственность и поставил свою подпись. Все остальное я была в состоянии решить сама.

Когда пасмурным утром в четверг я пришла на встречу, папа уже стоял в назначенном месте. Облокотившись на фонарный столб, он читал книгу. Я не хотела, чтобы во время разговора мы с папой слишком расчувствовались, поэтому, подходя к нему, делала глубокие вдохи, чтобы успокоиться. Мы с папой пытались изобразить, что у нас нет чувств, чтобы эти самые чувства нас не захлестнули.

Тем не менее один вид папы разбудил во мне бурю эмоций. За последние месяцы я привыкла видеть вокруг себя новые лица и постоянно перемещалась из одного места в другое, поэтому знакомое с детства папино лицо вызвало во мне массу чувств и воспоминаний. Пусть в наших отношениях было много боли, но я все равно скучала по отцу. Вот он снова стоял передо мной – постаревший, побитый жизнью и похудевший. Он выглядел таким же ранимым, как мама в тот день, когда мы загадали желания и сдули «парашютики» одуванчиков. Я помнила своих родителей главным образом в обстановке квартиры на Юниверсити-авеню, а не на улицах города, где по сравнению с другими людьми они казались такими хрупкими, болезненными и легко ранимыми.

Вчера вечером я позвонила в его приют и услышала, как ответившая на мой звонок женщина резким и грубым тоном подозвала его к телефону. Голос папы был тихим, и мне показалось, что он спал, а я его разбудила.

– Папа, я иду в школу. Ты должен помочь мне в нее записаться. Я надеюсь, что ты мне поможешь.

Я сразу перешла к делу потому, что знала, что в приюте не разрешают долго разговаривать по телефону. Он два раза просил меня разъяснить, что происходит.

– Нет, папа, эта никакая не программа, это обычная средняя школа. Да. Мне очень нужна твоя помощь.

Я очень не хотела от него чего-либо требовать. Я даже не знаю, что бы делала, если бы он отказался. Но папа без колебаний согласился со мной встретиться. Я не упомянула о том, что ему придется соврать. Это я приберегла для личной встречи.

Для школы я придумала историю, в которой я выглядела совершенно нормальным человеком, а не бездомной. В графе «Адрес» я написала выдуманные данные. Я скажу в школе, что мой отец работает водителем-дальнобойщиком, месяцами находится в отъезде и поэтому с ним сложно связаться. Эта история казалась вполне реалистичной, и теперь мне надо было убедить папу меня поддержать.

Папа улыбнулся мне. По мере того, как я подходила ближе, его улыбка становилась все шире и шире. Я улыбнулась в ответ, забыла обо всем, что я от него хочу, и почувствовала, насколько рада его видеть. Мы обнялись, потом папа аккуратно загнул край страницы своей потрепанной книги, положил ее в рюкзак, и мы пошли.

Я чувствовала себя слишком зыбко во всех серьезных вопросах, которые мы могли бы обсудить: наши жизни, маму, Лизу, поэтому сразу перешла к делу и рассказала ему о школе, словно мы виделись каждый день и нам надо было решить только эту небольшую проблему.

Я стала «натаскивать» папу и учить его тому, что он должен говорить.

– Номер дома 264 на 202-й улице, Восток. Индекс 10458. Пап, ты в состоянии это запомнить?

Он сморщился, и я поняла, что он волнуется по поводу авантюры, в которую я его втравливала.

– Лиззи, ты хочешь, чтобы я все это сказал? Ты уверена, что я выгляжу как водитель-дальнобойщик?

– Как ты выглядишь, не имеет никакого значения. Они же не будут выпрашивать у тебя какие-либо детали жизни водителей? И, да, я хочу, чтобы ты все это им сказал.

Папа запаниковал, и его руки начали трястись.

Я подумала, что наверняка мое отвращение к любым бюрократическим формальностям передалось мне от него по наследству.

– Так, еще раз, где я живу? – переспросил меня папа.

* * *

Мы должны были встретиться с Винсом, вторым директором Академии. Винс оказался мужчиной средних лет в очках. Он был гораздо более серьезным, чем Пери, хотя тоже часто улыбался. Мы вошли в его кабинет, и Винс разложил перед папой документы. Все строчки, которые

папа должен был заполнить, были предусмотрительно отмечены крестиками.

– Доброе утро, мистер Мюррей, – произнес Винс и протянул папе руку.

Папа улыбнулся в ответ. По нему было видно, что папа явно чувствует себя не в своей тарелке.

– На самом деле моя фамилия Финнерти, – поправил он Винса. – Мы с мамой Лиз не были официально женаты. Это были семидесятые, сами понимаете. Мама Лиз была очень возбудимой и все такое, более того, я бы сказал, что она была сумасшедшей.

Папа рассмеялся. Я нахмурилась. Лицо Винса было непроницаемым. Он улыбнулся папе.

– Зовите меня просто Питер, – сказал папа.

Он явно нервничал, и от этого начинала нервничать я сама. Что я буду делать, если сейчас все сорвется? Куда я подамся? Я же не могу упустить свой последний шанс. Я внимательно посмотрела на Винса, пытаясь понять, какое впечатление мы на него производим.

– Хорошо, – влезла я в разговор. – Давайте перейдем к делу. Я никого не хочу торопить, но у папы много дел. По работе и вообще.

Папины руки дрожали, но он аккуратно вывел свою подпись. Я много раз видела, как он расписывается на различных документах для социальных контор. Он что-то невнятно бормотал про себя и облизывал губы.

– Так... Отлично... Все готово, – произнес он.

Я не отрывала глаз от Винса, и мое сердце учащенно билось. Тем не менее я старалась выглядеть радостной и расслабленной.

– Адрес? – спросил папу Винс, положив пальцы на клавиатуру компьютера.

Папа устремив взор в потолок, потом потер лоб, силясь вспомнить адрес.

– 933 ... – начал неправильно давать адрес Бобби.

– 264! 264, папа! – быстро вставила я. – Вот видишь, что происходит, когда мало спишь! – Я погладила папу по руке и нервно улыбнулась, неодобрительно покачивая головой. – Он слишком много работает, – объяснила я Винсу. – 264, 202-я улица, Восток, – сказала я и продиктовала номер телефона.

Меня начало трясти. Мы чуть было все не провалили. Но Винс протянул папе руку, что значило – встреча подошла к концу, и я расслабилась. Папа улыбнулся Винсу так же, как я улыбалась всем социальным работникам.

– Прекрасно, Лиз. Добро пожаловать в Подготовительную гуманитарную академию, – сказал Винс, повернувшись ко мне. Я надеялась, что папа будет молчать. – Теперь тебе надо подойти к секретарю и договориться, когда ты заберешь расписание занятий на следующий семестр.

Я улыбнулась, поблагодарила его и начала подталкивать папу к двери. По пути на улицу мне пришлось убедить папу, что не стоит воровать журнал *Time*, который лежал в приемной.

Мы вышли на улицу, и я проводила папу до станции метро. Мы успели все сделать за сорок пять минут. Мы стояли перед входом на станцию, и папа мялся и маялся – он открывал и закрывал хлястик, стягивающий зонтик, поглаживал голову, смотрел не мне в глаза, а куда-то в глубь станции.

– Ну, Лиз, кажется, у нас все получилось... Извини, что немного тормознул... но, по-моему, все прошло нормально. Послушай, ты действительно собираешься ходить в школу?

В его тоне звучало сомнение.

– Да, обязательно буду ходить, – ответила я даже с большей уверенностью, чем ожидала от самой себя.

В тот день на мне была одежда, которую я взяла у Бобби. Чуть больше размером и висела на мне мешковато, но чистая. Я сама придумала историю с «работой» папы. Я сказала ему, что живу у Бобби постоянно. Папа не задавал мне никаких вопросов, и я надеялась, что и не будет. Я очень хотела скрыть от него все, что со мной сейчас происходит. Если он узнает, что я бездомная, ему будет больно, и он обязательно начнет волноваться. А если он начнет волноваться, то я буду волноваться и переживать потому, что он волнуется. От этого ни мне, ни ему никакой пользы. Пусть лучше думает, что у меня все в полном порядке.

– Я рад, что у тебя такой хороший настрой, – сказал папа. – Приятно слышать. Думаю, что у тебя все получится. Это отлично... Будем надеяться, что ты далеко пойдешь.

– Есть такой план, – улыбаясь, ответила я.

Папа вынул из кармана салфетку с логотипом *McDonald's* и высморкался. Он брал салфетки в *McDonald's* и в других ресторанах фастфуда, сколько я себя помню.

– Как там у тебя в приюте идут дела? – поинтересовалась я. Мне кажется, что и я не хотела слишком много знать про его жизнь – потому что не хотела слишком много волноваться за него и переживать.

– Там все в порядке, – ответил он. – Есть кондиционер. Ко мне хорошо относятся. В общем, грех жаловаться. Лиззи, у тебя есть деньги? На жетоны метро и на обед?

Я заняла у Бобби десять долларов, из которых у меня осталось восемь. Я взяла себе деньги на поездку обратно в Бронкс, остальное отдала ему.

– Спасибо, – поблагодарил папа.

Мне было приятно снова быть ему полезной.

– Не за что. Я немного накопила денег, так что все нормально, – соврала я.

Я спустилась с ним по лестнице. Мы обменялись обещаниями не забывать друг друга и скоро увидеться, потом обнялись. Он попрощался и пошел по платформе. Проходя мимо телефона-автомата, он засунул пальцы в отделение для монеток в поисках забытой мелочи.

* * *

Я должна была начать учебу в сентябре, а сейчас шел май. Я хотела использовать время, чтобы подготовиться. Чтобы закончить процесс регистрации в Подготовительной гуманитарной академии, я должна была отвезти туда справку о своих оценках, забрав ее в своей старой школе имени Джона Кеннеди.

Я приехала в школу, которая по сравнению с Академией показалась мне невероятно огромной. Прошла через металлические детекторы на входе. Никто не обращал на меня внимания. Вокруг меня сновали тысячи студентов. У меня было ощущение, словно я нахожусь на центральном автовокзале.

Сидя в вагоне метро по дороге в Академию, я разорвала полученный в старой школе конверт и увидела список предметов, которые так никогда и не сдала. Выписка об успеваемости была такой, что хуже не бывает. Одно дело – говорить про свои оценки, другое – воочию их увидеть. Выписка об успеваемости – это конкретный документ, показывающий, чего я в этой жизни добилась, а также напоминание, что мне предстоит сделать. Я смотрела документированное доказательство своего академического провала и понимала, что мне предстоит много работы.

Потом меня осенило, и я поняла, что зачетки, которые я получу в Академии, будут абсолютно пустыми, в них не поставят оценок. Получалось, что у меня вообще нет никаких оценок, и я могу начать новую жизнь.

Мне понравилась идея начать все с чистого листа. Я осознала, что у меня есть возможность убежать от собственного прошлого и всех

ошибок, которые я совершила. Я получила у секретаря Эприл пустые зачетки, которые представляли собой распечатку списка всех предметов с колонкой для будущих оценок. И передала Эприл документы с моими прошлыми оценками из средней школы имени Джона Кеннеди, чтобы больше никогда в жизни их не видеть.

Незаполненные зачетки из Академии я стала носить с собой, ведь они напоминали мне, что я могу изменить свое будущее. Однажды ночью на лестнице дома в районе Бедфорд-парка я вынула распечатку и мысленно поставила в графе «Оценки» несколько пятерок. Я смотрела на распечатку и понимала, что в один прекрасный день мои мечты могут стать реальностью. В мечтах я уже получила эти пятерки, и теперь осталось получить их наяву.

Я помню, какие документы собирала мама. Это были бумаги, необходимые для получения социального пособия. Любые вопросы в социальной конторе решались только на основании полного набора правильно составленных документов. Стены социальной конторы были покрашены в блевотный зеленый цвет, на потолках гудели длинные лампы, а на окнах стояли решетки. В коридорах всегда было так много людей, что стульев не хватало, и люди сидели на подоконниках, на полу или ходили из угла в угол.

Втроем с мамой и Лизой мы часами просиживали в этих коридорах в ожидании своей очереди. Мама время от времени нервно проверяла принесенные документы. Когда нас, наконец, вызывали, и мы входили в кабинет, общение между работником социальной службы и мамой было очень странным. То, что мама говорила или могла сказать, не имело никакого значения, потому что смотрели только на принесенные ею документы: свидетельства о рождении, удостоверенные нотариусом письма, справки врачей, подтверждающие ее заболевания, и контракт на аренду квартиры. Никто не слушал, что мама говорила, да и сама мама оставались для сотрудников совершенно невидимой. Все было очень просто: или у тебя на руках есть набор правильно подготовленных документов, или его нет. Третьего не существовало.

Если, например, не хватало копии справки от врача, то твое дело откладывали в сторону и не рассматривали. То, что для получения каждой бумажки требовались часы ожидания, никого не волновало. Социальный работник говорил «Следующий», и мы выходили из кабинета, чтобы вернуться после получения недостающего документа. Ведь документы, как известно, могут быть составлены либо правильно, либо неправильно.

Чем выписка о моих собственных оценках отличалась от документов,

которые собирала мама? По сути, ничем. В один прекрасный день, когда я захочу поступить в колледж, какой-то человек в костюме откроет мое дело, прочтает документы и решит, можно меня зачислить или нет. Да или нет, без каких-либо других вариантов. Если сочтут, что у меня нет оснований для зачисления, мою папку закроют и вызовут из коридора следующего. Как я поняла, некоторые вещи в жизни не подлежат обсуждению. Зачетки – это мой шанс начать новую жизнь. Теперь я должна думать о том, что делаю, и оценивать свои поступки только с точки зрения моих зачетов и того, какие оценки в них стоят.

Позже я не раз чувствовала, что у меня нет никакого желания идти в школу. Я бы с удовольствием продолжала спать на полу у Фифа или болталась с Бобби и Джейми по улицам Гринвич-виллидж. Многие мои сверстники прогуливали и веселились, но не я. И потом было много солнечных и теплых дней, когда мне совершенно не хотелось сидеть на жестком стуле в душной аудитории. Но я вспоминала о своих зачетках и оценках и напоминала себе, что они для меня значат. Или я смогу пробиться в этой жизни – или нет. К тому же мои друзья никогда не будут платить за мою квартиру.

XI. Заработок

ОФИЦИАНТКА В РЕСТОРАН

Требуется официантка на полставки для работы в популярном кафе в центре города. Позитивный настрой обязателен. Ненормированный рабочий день.

ПРИСМОТР ЗА ДЕТЬМИ

Семья, проживающая на Ист-Сайд, ищет терпеливую девушку, которая будет присматривать за детьми и помогать по хозяйству. Знание английского обязательно.

Я сидела и просматривала объявления в бесплатной газете *The Village Voice* в молодежной организации под названием *The Door*. Мне нужна была работа. И еда. Проблема в том, что я еще не была взрослой (семнадцать мне исполнилось только в сентябре), и, конечно, в том, что я считалась ребенком, убежавшим из дома. Я боялась привлечь к себе внимание социальной службы, чтобы меня снова не отправили в приют, поэтому я вела себя так, чтобы вообще не привлекать к себе излишнего внимания. От друзей я узнала о существовании организации *The Door*, которая оказалась очень полезной.

The Door располагалась в трехэтажном здании на Брум-стрит на Манхэттене. Организация работала только с молодыми людьми. Если тебе еще не исполнился двадцать один год, то никто не задавал никаких вопросов. В организации мне часто давали с собой еду: чипсы, изюм, арахисовое масло и хлеб. Я заталкивала эту снедь в рюкзак и шла писать заявления о найме на работу по продуктовым магазинам и автозаправкам.

Пять дней в неделю в 17.30 здесь, на втором этаже, кормили бесплатными обедами. Во время походов в поисках работы я неоднократно пользовалась возможностью бесплатно поест в *The Door*. Благодаря этому я стала гораздо меньше воровать в магазинах. Я садилась за стол, ела свою порцию курицы с картофельным пюре и просматривала газетные объявления о работе.

В один прекрасный день я сидела в столовой *The Door* и изучала объявления. В газете было много предложений работы, но, главным образом, для тех, кто имел опыт и образование. У меня не было ни того, ни другого. Ключевыми словами в поиске работы для меня были слова

«амбициозный», «трудолюбивый» и «гибкий график». Мое внимание привлекло объявление NYPIRG – Нью-Йоркской группы исследования общественных интересов^[20].

«Вас волнуют вопросы охраны окружающей среды? Вам нравится работать с людьми? Вы хотите чего-то добиться в жизни? Тогда, вполне возможно, наша организация может вам помочь. Звоните, чтобы назначить собеседование. И не забывайте – если вы не помогаете общему делу, вы только усугубляете проблему!

Зарплата 350–500 долларов в неделю за то, что с вашей помощью мир становится лучше!*

Опыт работы не обязателен.

** ЗП в виде комиссионных».*

Я не совсем поняла значения слова «комиссионные», но «350–500 долларов в неделю» звучало убедительно. Я вырвала объявление из газеты и засунула в карман.

В NYPIRG во время летних каникул работало много студентов. Я оказалась самой молодой и самой плохо одетой среди всех, кто пришел на собеседование, и волновалась, что меня не возьмут. Как выяснилось, зря, потому что приняли всех. В организации, где платят только комиссионные, попасть гораздо легче, чем в те, которые предлагают гарантированную фиксированную оплату.

Там же на месте я поняла, что такое «комиссионные». Это процент от продаж, которые делает сотрудник. Если ты ничего не продал или – в случае с организацией, с которой я тогда связалась, – не собрал в виде пожертвований, ты ничего не получаешь. Но если ты собрал много пожертвований, то и получишь прилично. Интересно, думала я, насколько легко я смогу заработать?

Выступавшая перед нами женщина по имени Николь подчеркнула, что жить на деньги, полученные в этой организации, вполне реально. Небольшая комната, в которой проходило собрание, была набита студентами. Казалось, что многие из них решили одеться как можно более сомнительно. Белые девчонки и парни носили дреды, украшения из конопли и майки с призывами социального характера. Студенты дорогих и престижных вузов стремились выглядеть как бомжи, правда, их дырявая одежда была дорогой и чистой. Пожалуй, среди них только одна я выглядела правдоподобным бомжом. Судя по украшениям и брендам, которые носили студенты, они совсем не бедствовали.

Николь объяснила, как мы будем работать. Пять дней в неделю утром

мы прослушиваем инструктаж о той или иной экологической проблеме, которой занимается NYPIRG. Потом нас, как она выразилась, «агентов», загружают в микроавтобусы по восемь человек и везут на место работы – тот или иной район в штате Нью-Йорк.

Мы должны ходить по домам, рассказывать простым людям о проблеме, которой занимается наша организация, – в данном случае вопросом распыления в жилых районах пестицидов, способствующих появлению рака. То есть NYPIRG считает, что рак связан с использованием пестицидов, говорила Николь, размахивая страницами отчета об исследовании, в котором пришли к таким выводам. NYPIRG лоббировала проект закона о прекращении использования пестицидов.

Далее агенты предлагают гражданам поддержать «правое дело» и сдать «членские взносы», то бишь просят помочь организации деньгами. Каждому из нас дают копию этого отчета и бейджик с фамилией.

Я сидела в микроавтобусе, который несся по трассе Генри Хадсон, и очень сожалела, что ввязалась в эту авантюру. Пока мы не доехали до места, нам надо было отрепетировать нашу речовку. Мне эта речовка давалась сложнее всех остальных.

«День добрый, меня зовут Лиз... Я из Нью-Йоркской группы общественных исследований... то есть Нью-Йоркской группы исследования общественных интересов... я борюсь с раком... А вы?»

У всех остальных студентов в автобусе все получалось гораздо более складно. Рядом со мной сидела Анна из Скарсдейла, и ее речь звучала очень убедительно с самой первой попытки: «Я призываю вас присоединиться к делу борьбы против рака, возникающего от воздействия химикатов и пестицидов. Общими усилиями мы сможем побороть эту страшную болезнь».

Я поразились, как убедительно Анна говорила и как привлекательно выглядела в своих сережках с жемчужинами и с простой холщовой сумкой через плечо. По сравнению с ней моя речовка казалась детским лепетом. И вообще, какие слова она использовала! Например, *combat*^[21]. Что это слово вообще значит? Мне казалось, что это продукт, предназначенный для выведения насекомых. Но Анна использовала это слово не для того, чтобы обозначить дохлых тараканов, значит, оно имеет еще какое-то значение. Я открыла свой дневник и записала несколько слов, значение которых мне надо было выяснить.

Каждый из находящихся в микроавтобусе студентов говорил красиво, страстно, убедительно, использовал богатый словарный запас и подчеркивал смысл сказанного жестикуляцией. Я просто глаз от них

не могла оторвать, в особенности – от одного парня по имени Кен.

Кен мне очень понравился, но при этом я чувствовала себя неуверенно в его присутствии. Он не был похож на парней из района, в котором я выросла, и именно поэтому я немного нервничала. Кен был высоким блондином, красавцем с зелеными глазами, в которых играли золотые искорки, его кожа была загорелой, что подчеркивала контрастная белая майка с надписью «Все люди равны». Он учился в Брауновском университете и, как я подслушала из его разговора с Анной, только что закончил отношения, в которых долго находился.

Не знаю, как получилось, что мы с Кеном сели вместе. Супервайзер сказал, чтобы мы репетировали нашу речовку парами. Я была одета в черную майку с надписью «*Korn*»^[22] и толстые черные джинсы, потела и постоянно завязывала волосы в хвостик, чтобы чем-то занять руки. Кену не очень просто давалась речовка, но он старался и звучал, в общем-то, убедительно.

– Молодец, – похвалила я его с бóльшим энтузиазмом, чем хотела вложить в эти слова, и покраснела.

– Спасибо, – сказал он и улыбнулся. Он тоже покраснел, начал путаться в словах и рассмеялся.

Я не могла отвести от него глаз.

* * *

После прибытия на место наш супервайзер Шен обозначил район, где каждый из нас должен был работать. Новым и неопытным агентам давали плохие участки, улицы, на которых жили бедные люди в неказистых домах. Агенты с опытом и документированно хорошей историей сборов получали участки пожирнее, на улицах, где жили люди побогаче, с ухоженными газонами и статуями перед домами. Зачастую, чтобы дойти от улицы до такого дома, нужно было потратить минут пять.

В первый день работы мне дали плохую и бедную улицу с низким потенциалом сбора пожертвований. Супервайзер сказал, что моя дневная норма составляет 120 долларов, и пожелал удачи. Когда микроавтобус забрал меня в девять вечера, я собрала 240 долларов чеками, которые радужным веером были прикреплены зажимом к моей папке для бумаг.

– Нормально? – спросила я супервайзера, передавая ему чеки.

Шен два раза пересчитал сумму на чеках, держа их в свете фар микроавтобуса, и ответил:

– Отлично.

Со следующего дня мне поручили работать в богатом районе,

где ежедневно я собирала по несколько сотен долларов пожертвований.

Старожилы NYPIRG изначально не думали, что я стану таким успешным агентом, потому что настроение даже самого хорошего сотрудника начинает портиться после того, как перед его носом несколько раз захлопнут дверь. Но ведь никто не обещал мне, что эта работа будет легкой. Коллеги начали судачить, пытаясь понять причину моего успеха, и гадали: «Лиз очень волнует проблема защиты окружающей среды», или «Она прошла очень хороший курс продаж», или «У нее большой опыт работы».

Все эти объяснения, конечно, не имели под собой никаких оснований. Причина моего успеха была простой: я была голодной и эти летние месяцы не планировала отдыхать. В отличие от моих коллег, которые хотели весело провести каникулы и не вкладывали в работу много сил, я должна была накопить денег на то время, когда мне надо будет учиться и у меня не будет возможности работать. Я откладывала каждый цент. Впервые в жизни я начала активно трудиться и зарабатывать, чтобы выбраться из той дыры, в которой оказалась. Только в этом и заключалось мое конкурентное преимущество.

Кроме всего прочего, я испытывала и голод иного толка, который мне самой было сложно понять и объяснить. Я наблюдала совершенно новую для себя жизнь. Никогда раньше я не заходила в большие дома, перед которыми на усыпанных гравием дорожках стояли несколько автомобилей, а дети катались на дорогих велосипедах по улицам, где были посажены высокие деревья. Двери мне открывали домохозяйки, за юбки которых держались дети. Мне нравился прохладный воздух и звук работающего кондиционера. Я показывала бумаги с данными исследований и рассматривала внутреннюю обстановку каждого дома, в который входила. Мне было интересно увидеть, как живут люди, потому что их жизнь была такой непохожей на мою собственную.

Каждый новый дом был настоящим приключением, каждый разговор – волнующим и интересным. Я с нетерпением предвкушала, что нового увижу за следующей дверью, которая передо мной откроется.

Но самыми лучшими днями того лета были те, когда мы работали в паре с Кеном или на соседних участках. Когда микроавтобус отъезжал, мы часто начинали работать вместе. Мы не планировали заранее, кто именно и что будет говорить, но между нами существовало настоящее партнерство. Мы хорошо работали в паре. Мы делали дневную норму, а потом немного больше, чем от нас требовали, и, если у нас оставалось время до того, как нас заберет микроавтобус, садились в тенечке, чтобы

поболтать.

Сперва я не знала, что интересного могу рассказать Кену. О матери? Или о жизни на Университи-авеню? Может быть, о том, как я убежала из мотеля от Карлоса? Или о том, как пару дней назад ночевала в вагоне метро? Я справедливо предполагала, что это не самые увлекательные и интересные темы для беседы. Зачем говорить о грустном, когда стоит ласковое лето, поют цикады и пахнет землей? Если все, что связано с подробностями моей жизни, сплошное «грузилово», зачем об этом вообще вспоминать?

Поэтому я давала Кену возможность рассказывать о своей семье, о бывшей девушке и университете, в котором он учился. Я внимательно слушала все, что он мне говорил. Потом мы изображали Николь и Шена, смеялись, болтали о работе. Чаще всего просто много смеялись.

Мне было легко рядом с Кеном, в окружении красивых домов, ухоженных лужаек и подстриженных кустов. Мне было легко смеяться и представлять, что окружающая нас идиллическая жизнь когда-нибудь, возможно, будет доступна и мне.

* * *

Однажды, когда в августе я ехала на поезде линии А в Академию, чтобы заполнить какие-то бумаги, я увидела Сэм. Она сидела в вагоне линии С, стоявшем на противоположной стороне платформы. Мы заметили друг друга, когда двери вагонов наших поездов уже закрылись. Поезда, в которых мы сидели, тронулись и двинулись в одном и том же направлении, как скаковые лошади на ипподроме. Мы ехали параллельно в темном тоннеле.

Я приложила ладонь к стеклу двери, и Сэм сделала то же самое. Мы начали смеяться, такой неожиданной показалась нам эта встреча. Сэм показала мне средний палец. У нее были зеленые волосы, собранные в два пучка на голове, и она была одета в длинную рубашку и длинную юбку. Сэм выглядела здоровой, и мне показалось, что она набрала вес по сравнению с нашей последней встречей. Жестами я пыталась показать ей, что надо выйти на следующей остановке, но пролетающие между нами колонны мешали ей понять, что я имею в виду. Тем не менее нам все-таки удалось понять друг друга, мы вышли на Четырнадцатой улице и крепко обнялись на платформе. От Сэм пахло мылом и детской присыпкой. Я дрожала от радости.

– Где ты все это время пропадала? – закричала Сэм, ударяя меня по плечу.

Тогда, в мотеле, наши отношения стали напряженными из-за Карлоса, но теперь, в этот ясный августовский день много месяцев спустя, я чувствовала, что люблю ее, как сестру.

– Да нигде, – ответила я. – Я занимаюсь своей жизнью. У меня теперь есть работа. Хочешь прогуляться?

Мы вышли на улицу и двинулись по Челси. Я была удивлена, когда Сэм достала пачку сигарет и закурила, но ничего не сказала о ее новой привычке. Я не хотела навязывать ей свое мнение после долгого периода разлуки.

Сэм рассказала, что нового произошло в ее жизни. Она жила в приюте, в котором неплохо себя чувствовала, новые подруги стали ее семьей. Она собиралась выйти замуж за Оскара. Пока они не строили никаких определенных планов, но Сэм знала, что они обязательно поженятся. Ее лучшей подругой была девушка из приюта по имени Лайла, которая будет на свадьбе подружкой невесты.

– Мы даже хотим сделать татуировку GHFL – *Group Home for Life*^[23].

– Отлично.

Мы гуляли, и я редко поднимала глаза, пиная впереди себя небольшой камушек. Может быть, мне приснилось, что мы с Сэм были когда-то так близки? Интересно, скучала ли она по мне? Я по ней точно скучала.

– Послушай, не хочешь пройти со мной до моей новой школы? – спросила я ее.

– Конечно! – ответила Сэм. Она была в тот день свободна, так что могла даже и записаться в школу.

Вместе с Сэм мы дошли до Академии, и она заполнила анкету. Эприл сказала Сэм, что ей в ближайшее время перезвонят. Пери на месте не было, поэтому мы пошли назад к метро, спустились на станцию и расстались на платформе. Сэм написала синей ручкой мне на ладони телефонный номер своего приюта. Она крепко меня обняла. «Вот и все», – пронеслось у меня в голове. Мы пообещали друг другу скоро увидеться. Сэм сказала, что обязательно позовет меня на свадьбу. И даст знать, когда с ней свяжутся из Академии.

* * *

Когда мама Кена подъехала на своем мини-вэне, шел дождь. Она была светловолосой, как и ее сын, с коротко подстриженными волосами, в которых проглядывала седина, и с жемчужными серьгами. Она подвозила Кена и четырех его коллег, включая меня, от остановки метро до их дома на побережье в районе Рокавей.

Моросил мелкий дождь, и асфальт блестел, как смазанный маслом. У мамы Кена были мускулистые руки и здоровый загар. Она была одета в шорты с большими карманами и белую майку, которые казались такими новыми, словно их только что сняли с вешалки магазина. Она расспрашивала нас, как идут дела в школе и нравится ли нам учиться. Я молчала и старалась не привлекать к себе внимания. Я боялась себя выдать. Дело в том, что я сказала всем, что заканчиваю среднюю школу и подаю документы в колледж.

Остановившись перед светофором, мама любовно взъерошила волосы сына. Было очевидно, что она – очень добрая женщина, которая души не чает в своем мальчике. А мне казалось, что я смотрю фильм в кинотеатре, и в любой момент может обнаружиться, что я пришла без билета, после чего меня выгонят с позором.

Мы перенесли наши вещи в подвал дома родителей Кена. Этот подвал был обустроен как квартира, здесь Кен жил до того, как поступил в Брауновский университет. Когда он переселился в университетское общежитие, помещение досталось его младшей сестре Эрике (я с ужасом узнала, что ей ровно столько лет, сколько и мне). В подвале на полках все еще стояли книги Кена по философии и появились плакаты, которые повесила Эрика. Ее волновали вопросы охраны окружающей среды, поэтому и плакаты были соответствующими: «Спасем китов», «Спасем лес» и «Спасем детей».

Эрика и мама Кена поставили на стол огромный, разрезанный на части, как пирог, сэндвич и несколько пакетов сока.

Все начали играть в карты, а я пошла наверх и переоделась в одежду для сна. У меня был план: я хотела во время игры сесть рядом с Кеном. На протяжении вечера мы как бы по ошибке несколько раз прикоснемся друг к другу. Я буду делать вид, что этого не замечаю. Когда я пойму, где он спит, «случайно» засну рядом с ним. И ночью он «случайно» меня поцелует. Чтобы хорошо пахнуть, я в ванной смазала голову шампунем с запахом ванили.

Я оценила свое отражение в зеркале. На меня смотрела девушка с длинными и волнистыми коричневыми волосами, немного подкрашенными фиолетовым цветом. Я надеялась, что нравлюсь Кену. Я не пользовалась косметикой, и по моему лицу было видно, что я недосыпаю. Действительно, я спала урывками: по несколько часов у друзей или на лестничной клетке. В каждом ухе у меня было по четыре серебряные сережки, и мои брови были чуть гуще, чем мне хотелось бы. На мне были тренировочные штаны с изображением черепа на бедре.

Под ними – старые трусы Карлоса. Мама Кена одолжила мне майку, которая оказалась размера на три больше моего.

Весь вечер прошел так, словно я находилась в другой стране, язык обитателей которой не понимала. Мы сидели на спальниках и рассказывали друг другу истории. Кен, Анна, Стивен, Кэт и Джереми говорили о вещах, которые были мне совершенно незнакомы. Богатые люди – так наверняка описал бы их папа. Я не знаю, были ли они богатыми, но они были *другими*.

Например, в гетто, где я выросла, никто не обсуждал разные виды сыра. У нас никто не понимал разницу между бри, хаварти и горгонзолой. В гетто покупают только один вид сыра, который является не импортным, а американским. Никто не знает названий сыров. Сразу после получения пособия люди приходят в магазин и заказывают продавцу: «На доллар ветчины и на доллар сыра». Продавец заворачивает покупку в толстую вощеную бумагу. И в гетто никто не обсуждает путешествия по Европе (да вообще мало кто представляет, где находится эта самая Европа).

В гетто говорят о том, что происходит рядом – на своей или соседней улице.

«Эй, ты слышал о перестрелке на Гранд-авеню? Милкшейка убили! Прикинь – помер, финито!» или «Йо, знаешь, что мисс Ольга снова начала продавать пироги? И у нее на доллар дешевле, чем у Лулу. И она еще в них кокосовую стружку кладет». Все, что расположено чуть дальше, чем на пару улиц в стороне от дома в гетто, не существует.

Когда Кен рассказал, какие сложности ему пришлось преодолеть, чтобы попасть в прошлом году в летний молодежный лагерь на Кубе, я с удивлением спросила его:

– Разве на Кубу так сложно попасть?

– Ну да, – ответил он. – У нас же эмбарго.

Я кивнула, делая вид, что все поняла. Я не знала, что такое «эмбарго». Наверное, об этом рассказывают в средней школе. Мне было неприятно притворяться, поэтому я решила молчать и больше не встречать в их разговоры.

Потом все стали обсуждать колледж. Они сравнивали условия жизни в разных студенческих городках, общежития, своих профессоров и использовали непонятные слова, такие, как «тезис», «членство в научном обществе» и «регистратор»^[24]. И вообще, что такое «аспирантура»? Это что-то отличное от колледжа? Хотя как такое может быть, если все они уже являются студентами колледжа? Я сделала вид, будто все эти вопросы мне прекрасно знакомы. Несмотря на то что я ничего не понимала,

мне стала интересна жизнь и учеба в колледже.

Больше всего меня поразило их чувство принадлежности к определенной группе. Складывалось ощущение, что обучение в колледже открывало двери для общения с людьми, которых ты никогда в жизни не видел. Я задумалась, смогу ли я сама пойти в колледж. Несмотря на то что я не знала разницы между бри и горгонзой и понятия не имела, где находится Европа. Моя мама бросила школу после восьмого класса, а папа не закончил высшее образование.

– Будешь что-нибудь пить? – спросил Кен, трогая меня за руку.

Мое сердце забилося, а щеки зарделись.

– Нет, спасибо, – ответила я.

– О'кей, – сказал Кен и улыбнулся.

Он кинул подушку на один из спальников. Анна сказала, что по радио играют ее любимую песню, сделала звук громче и начала мотать головой с копной светлых волос. Заиграла песня «*What's Up*» в исполнении «*Four Non Blondes*».

– Круто! – закричала Анна.

Вместе с Кеном они начали подпевать. Кен рассмеялся и, мне показалось, посмотрел на меня. Я была практически уверена, что он на меня посмотрел. Я улыбнулась ему в ответ.

Я вышла в туалет и на обратном пути незаметно переложила свой спальник рядом со спальником Кена. Через два часа всю еду съели, и все стали укладываться спать. Как я и планировала, Кен оказался рядом со мной.

Я решила, что несколько раз кашляну в темноте. Это послужит сигналом, что я не сплю. Я сделала это, а потом провела своей ногой вдоль его ноги и ждала его ответной реакции. Но ничего не произошло. В подвале становилось теплее от включенного отопления. Лунный свет, проникавший через маленькие окошки, освещал фотографию его сестры, на которой она была изображена с другой девочкой на пляже в далекой стране. Девочки держали в руках черепаху, и у них на запястьях были одинаковые браслеты. Я ждала. Ничего не происходило.

Потом я услышала храп Кена. Стало ясно, что он спит как убитый.

* * *

На следующее утро мама Кена разложила на кухонном столе завернутые в салфетку приборы, как это делали в кафе, где работал Тони. С пробежки вернулся папа Кена. Подмышки его майки были мокрыми.

– Привет, дорогая! – сказал он и взъерошил волосы Эрики, которая

сидела на диване.

Джереми, Стивен и Кэт расселись вокруг стола. Я устроилась в отдалении и стала намазывать бутерброд, ни на кого не глядя. Дверь открылась, и вошли Кен с Анной. Они были одеты в спортивную одежду и смеялись.

– А ты мне не верил, что я могу еще круг пробежать! – сказала Анна и ударила Кена по плечу.

Ее голубые глаза блестели, и она тяжело дышала. Кен наклонился, положив руки на колени. Он тоже запыхался после пробежки. Анна погладила его по спине, и я сразу поняла, что их отношения гораздо серьезнее, чем я могла предположить. Действительно, с чего мне пришла в голову мысль, что Кен может мной заинтересоваться? Я почувствовала себя полной идиоткой.

Мама Кена внесла в комнату большую плетеную корзинку с выпечкой: посыпанные крупными кристаллами коричневого сахара маффины, булочки с маком и сладкие плюшки. Выпечка выглядела идеально, словно на рекламной картинке. Я уставилась на корзинку. Никогда раньше я не видела такого большого количества выпечки, которую подают к столу. На плите за нами папа Кена начал жарить яичницу. На столе стоял полный графин апельсинового сока. Стивен и Кен намазывали мягким сыром булочки. Кен поставил на стол тарелку.

– Садись сюда, – сказал он Анне и показал на стул рядом со своим. – Я проиграл пари, так что должен накормить тебя завтраком.

Она улыбнулась и налила себе сока из тяжелого графина. Мне казалось, что я смотрю скетч юмористической передачи под названием «Идеальная семья, которой у тебя никогда не будет». Я перестала грустить, и мне стало смешно.

Совершенно произвольно я начала смеяться. Все головы повернулись в мою сторону, потому что ничего смешного за столом не происходило. Я понимала, что выгляжу более чем странно, но ничего не могла с собой поделать и продолжала хихикать, закрывая рот рукой. Я смеялась над ситуацией, в которую попала: над разговорами о сырах, над идеальным домом, над красавцем Кеном и Анной, над его родителями...

Корзинка с выпечкой стала последней каплей, и я больше уже не могла сдерживаться. Если бы со мной была Сэм, она бы тоже рассмеялась над совершенно недостижимой и недоступной для нас жизнью. Казалось, что я смотрю на рождественскую витрину дорогого магазина. Каждая деталь картинки была идеальной, прекрасной и манящей. Ты останавливаешься на тротуаре, замороженная зрелищем, но потом

идешь дальше по своим делам.

Мое хихиканье привлекло всеобщее внимание. Я прекрасно знаю, как ведут себя сумасшедшие, и представляю, какое впечатление это поведение производит. Я хотела объяснить, над чем я смеюсь, но мое объяснение вызвало еще большее удивление.

– Дело в том, что у вас здесь целая корзина... выпечки, – объяснила я. – Ну, я к тому, что это целая огромная корзина. Здоровенная, понимаете? – Все молчали. – Вы съедаете по такой большой корзине выпечки каждый день? – спросила я. – Если так, то это прекрасно. Вот, собственно говоря, и все. – Слава богу, что мне удалось побороть себя, и я перестала хихикать. – Извините, я к тому, что очень вкусная выпечка. Мне очень нравится.

Первой заговорила мама Кена, которая явно хотела выправить ситуацию.

– Действительно очень вкусная, – сказала она. – У нас пекарня здесь рядом, и они выпекают все на месте. Вот поэтому так вкусно.

Я откусила кусок маффина с черникой и выпрямила спину. Стивен, Джереми и Кэт начали обсуждать планы вечернего похода в клуб в Гринвич-виллидж. Я обратила внимание, что никто не предложил мне к ним присоединиться.

После завтрака все стали собирать вещи. Раздался звонок в дверь, и на пороге появилась мама Анны, чтобы забрать ее. В полном одиночестве я сидела за столом и наблюдала, как матери Кена и Анны общаются. К ним присоединились и сами ребята. Я вспомнила о своей маме, и на глаза накатили слезы, которые я с трудом сдержала. Я наблюдала за всеми и слышала, как гости упаковывают свои вещи, а сестра Кена включила музыку в подвале.

Тут меня осенило. Ничто в этом доме не имело ко мне никакого отношения.

Я была здесь мимолетным гостем. Все мои коллеги по NYPIRG вернутся осенью к своим делам, продолжат учебу в колледжах, и мы не будем больше общаться. Все тепло приема в этом доме и все сказанные в нем слова предназначены не для меня. У меня не было никакой связи ни с Кеном, ни с людьми, которые его окружали. Я была лишняя на их празднике жизни. Чтобы принадлежать к их группе, я должна быть им социальной ровней, а для членства в их привилегированном клубе я была слишком бедной.

Сегодня вечером я вернусь в Бронкс, и я даже не знаю, где буду спать этой ночью, вспоминая обо всем, окружавшем меня здесь, в прошедшем

времени.

Я посмотрела на корзинку с маффинами и другой выпечкой. Взглянула на оживленно общающихся людей, на улыбающегося Кена, такого красивого и недоступного. Я незаметно расстегнула молнию на своем рюкзаке, в котором лежала грязная одежда и пачка сотенных банкнот, которую мне удалось накопить за лето, и начала планомерно складывать в рюкзак выпечку и фрукты из корзинки. Я положила туда даже батон хлеба. А почему бы и нет? Вот что я смогу унести с собой из этого дома. Если бы я могла, я бы вылила в рюкзак даже графин апельсинового сока.

ХII. Возможность

Два года учебы в Подготовительной гуманитарной академии оказались марафоном на выживание, в который я вложила все силы, что у меня были.

Я поняла: существует большая разница между тем, что человек говорит, и тем, что делает. Я решила нагнать моих сверстников как можно быстрее и закончить на все пятерки. При этом я должна была достичь этой цели за два года и будучи бездомной. В моем дневнике я писала очень зажигательные слова, но на деле все оказалось совсем не просто.

Все началось вполне нормально. Первая неделя прошла хорошо. Я записалась в максимально возможное количество классов и взяла максимально возможное количество предметов. Я собирала предметы, словно по меню, набирая полные тарелки знаний.

В академии было пять обязательных предметов. Я узнала, что по утрам преподают курс для тех, кто отстал по математике, и я взяла этот курс. Потом я увидела объявление о том, что в соседней школе Вашингтон-Ирвинг два раза в неделю преподают вечерние курсы. Я взяла и их. В другой школе преподавали курс истории по субботам, я взяла и его. Потом я узнала, что к учителям можно подходить, чтобы они оказывали индивидуальную помощь после занятий. Я сделала и это. Я много чего пропустила из программы школы, и мне приходилось нагонять. Я поставила себе цель – завершать годовой курс образования в школе всего лишь за один семестр. Вот такой насыщенной жизнью я начала жить с сентября.

Мысленно я постоянно повторяла один вопрос: могу ли я изменить свою жизнь? Раньше я лишь мечтала и планировала, но теперь хотела понять, в состоянии ли я изменить свою жизнь, если буду делать все по плану?

В первые недели все казалось очень реальным. Преподаватели читали вступительные лекции и раздавали задания, сдавать которые надо было не сразу, а через некоторое время. Я приходила в школу вовремя, радостно вела конспекты и была счастлива валящимся на меня заданиям, которые собирала в папку, становящуюся все толще и толще. Вскоре наступило время сдачи заданий и презентаций. Мой оптимизм превратился в тоску и неуверенность. Поставить перед собой цель и достичь ее – совершенно разные вещи.

Я была бездомной, и это означало, что мне пришлось столкнуться с совершенно непредсказуемыми проблемами. Например, кто бы мог подумать, что школьные учебники окажутся такими тяжелыми? Я не могла постоянно носить с собой все свои учебники, и я далеко не всегда знала, где буду ночевать. Поэтому было сложно подгадать, чтобы в нужный день я оказывалась в квартире, где лежат необходимые мне для следующего задания учебники.

Если я не продумывала все заранее, то могла оказаться в квартире Бобби, Джейми или Фифа без нужного учебника или конспектов в тот вечер, когда мне надо было готовиться по определенному предмету. Если к сроку сдачи задания у меня под рукой не было нужных материалов, вместо пятерки я могла получить четверку. Если нужных материалов не было перед важным тестом, я рисковала еще больше.

У меня было слишком много учебников, тетрадей и квартир, в которых я могла оказаться. Чтобы решить эту проблему раз и навсегда, я начала носить с собой все учебники, дневник, конспекты, мамину монетку, зубную щетку и туалетные принадлежности в одном огромном рюкзаке. Он был ужасно тяжелым, и носить его по городу было очень неудобно.

Огромной проблемой был сон. Иногда родители моих друзей разрешали мне остаться на ночь, а иногда нет. Зачастую мне приходилось прокрадываться в квартиры друзей, ждать, пока их родители улягутся спать, делая уроки на лестничной клетке. Потом я быстро и тихо заходила в квартиру, ложилась спать на диван или где-нибудь в углу, накрытая одеялами, чтобы меня не было видно. Пару раз я спала в большой кладовке в квартире.

Утром в подавляющем большинстве случаев мне приходилось вставать и уходить из квартиры до того, как проснутся родители. Я специально купила небольшой вибрирующий будильник, чтобы просыпаться. Я быстро надевала сапоги, запихивала книги в рюкзак и на цыпочках шла к двери. Иногда после этого я еще пару часов досыпала на лестничной клетке, иногда ранним утром, когда магазины только начинали открываться, ехала напрямик в школу.

Следующей проблемой было выполнение домашних заданий. Как выяснилось, чтобы написать что-то здоровое и связное, особенно на пятерку, мне было необходимо выспаться. Когда я не высыпалась, я не могла думать, в голове словно висел туман. Но нормально выспаться с моим графиком далеко не всегда представлялось возможным.

Через какое-то время я пришла к выводу, что лучше всего спать на лестнице, чтобы меня никто не беспокоил. Надо было выбирать

безопасные дома, в которых меня никто не тронет. Я делала работу при свете ламп в коридорах, использовала свитер в качестве одеяла, а рюкзак – как подушку. Если мне надо было обязательно выспаться, я спала на лестничной клетке.

Проблему с едой помогали решить горячие обеды в *The Door*, ну и, конечно, деньги, которые я накопила за лето. Несмотря на то что мне помогали друзья, я много раз была готова сдаться и сказать – все, с меня хватит. Любопытно, что моя воля особенно слабела при определенных обстоятельствах, которые я сейчас опишу.

Самыми сложными днями были те, когда в 6.20 мой будильник начинал вибрировать, и я просыпалась в квартире Фифа или в какой-нибудь другой, где родителей в этот день не было и никто не следил за дисциплиной. Накануне вечером чаще всего проходила вечеринка, и утром никому не надо было рано вставать. На полу вповалку могло спать человек десять, которые совсем недавно легли. Солнце поднималось и освещало стены комнаты, изрисованные граффити.

Во время вечеринки я сидела на лестнице и готовилась к занятиям. Я не могла заниматься там, где проходит шумная вечеринка и пахнет сигаретами. Когда становилось тихо, я возвращалась в квартиру и находила место, где могла прилечь. Через несколько часов начинал вибрировать будильник, я просыпалась и лежала, не двигаясь и глядя в потолок. Как мне хотелось накрыться одеялом с головой и снова заснуть! Событие было необыкновенно сильным.

Теплое одеяло или встать и уйти?

Именно тогда моя решимость подвергалась самому серьезному испытанию. Мне было гораздо легче встать, когда я спала на лестничной клетке и когда знала, что надо уйти до того, как проснутся родители приютивших меня друзей. Даже кататься всю ночь в метро было проще. Встать и уходить из дома, где спали друзья, было сложнее, потому что я должна была найти внутри себя причины, чтобы пойти в школу. В такое спокойное утро, когда можно было с комфортом спать, когда было тихо и кругом валялись мягкие подушки, именно тогда мне было труднее всего заставить себя встать. Вот это оказалось самым трудным.

Итак, теплое одеяло или собираемся и уходим?

Оказывается, чтобы сделать правильный выбор, нужна не только сила воли. Я всегда преклонялась перед людьми, которые могли добиваться чего-либо исключительно благодаря силе воли, – потому что я не являюсь одной из них. Я сама так не могу и не умею. Если бы мне хватило одной силы воли, я бы многого добилась даже на Юниверсити-авеню. Мне нужно

было чем-то себя мотивировать. Мне нужно было что-то, что меня бы вдохновляло.

У меня был способ, которым я неоднократно пользовалась, чтобы помочь себе пережить трудности.

Я представляла девушку-спортсменку на беговой дорожке. Она бежала летним днем по оранжево-красному треку. Она бежала не с другими спортсменами, а одна. Потая на ярком солнце, она бежала по дорожке, где был ряд препятствий, которые надо перепрыгивать. Я представляла себе бегунью, когда передо мной возникали трудности: рюкзак с книгами казался очень тяжелым, не хватало сна и еды.

Голод – это барьер. Где я буду спать сегодня ночью, домашняя работа – вот еще два барьера. Я закрывала глаза и представляла спину бегуньи, ее напряженные мускулы и то, как она один за другим преодолевает барьеры. Когда я не хотела утром подниматься из кровати, я представляла себе еще один барьер. Препятствия стали естественной частью беговой дорожки. Ведь в легкой атлетике существует бег с препятствиями, верно? Все это лишь препятствия на пути к получению диплома, думала я и вылезала из-под теплого одеяла.

Это была одна тактика самомотивации. У меня была еще одна – я вспоминала о своих преподавателях. Я знала, что в школе меня ждет Пери и другие учителя, которых я полюбила за время обучения.

Сьюзан преподавала математику и свои лекции проводила рано утром. Она носила платья с узорами из цветов и дешевую обувь. Сьюзан очень любила литературу, и зачастую во время лекции больше говорила о ней, чем о математике. Она часто обсуждала любовные романы, которые я сама очень любила. Сьюзан находила в книгах интересные моменты и делала неожиданные выводы, о которых я сама бы ни за что не догадалась. Она всегда призывала своих учеников «копать глубже».

Сьюзан приходила в Академию одной из первых. Ее улыбка и энергия заряжали наш маленький класс, в котором было всего семь человек.

«Рада вас видеть», – произносила она.

И мы видели, что она не кривит душой и действительно нам рада. Если мое первое занятие было у Сьюзан, я ни в коем случае не хотела опаздывать.

В Академии преподавали еще три учителя: Калерб, Даг и Элия. Это были молодые люди, которым еще не исполнилось тридцати лет. Все они являлись выпускниками таких престижных вузов, как Принстон и Корнельский университет. Они щедро дарили нам свое время, были всегда дружелюбными и любили свою работу.

Элия не задавал нам вопросы, а выдавал сентенции, которые заставляли нас задуматься. Благодаря ему я стала очень внимательно относиться к выбору слов и тому, что я говорю. Точно так же, как и Пери, Элия всегда смотрел в глаза. Когда кто-то задавал ему вопрос, он отвечал и смотрел в глаза, выводя общение между преподавателем и студентом на личный уровень. Он помог мне научиться концентрировать свое внимание на человеке.

Даг был очень скромным и честным. Однажды я задала ему вопрос во время лекции, на который он не смог с лету ответить. Даг сказал:

«Лиз, я не знаю ответа на твой вопрос и не буду делать вид, что знаю. Давай так, я выясню ответ и вернусь к нему позже».

Я была поражена. Никогда в моем опыте ни один преподаватель не вел себя так, как он. Даг научил меня, как важно быть честным.

Калев был абсолютно уникальным преподавателем. Однажды Пери пошутил, что преподаватели Академии вкладывают в свою работу столько времени, сколько вкладывают только банкиры. Мне кажется, что Пери имел в виду Калеба. В большинстве обычных учебных заведений преподаватели заканчивали свой рабочий день в три часа дня, но в Академии многие учителя уходили гораздо позже. Студентам часто требовалась дополнительная помощь, или они изучали предметы, не входящие в основную программу, поэтому многие ученики и преподаватели оставались в академии до раннего вечера.

Преподавателям не платили за дополнительные часы, которые они посвящали работе. Даже после того, как большинство преподавателей и учеников покидали Академию, Калев оставался на рабочем месте. Он сидел в своем маленьком офисе и звонил опоздавшим и отсутствовавшим на занятиях ученикам.

«День добрый, Калев Перкинс беспокоит. Тебя сегодня не было на занятиях. Скажи, почему ты не пришел? Что мы можем сделать, чтобы тебе помочь?»

Калев обзванивал всех, кто опоздал или не пришел, никого не винил, а спрашивал, чем он лично и Академия может помочь ученику. Он помнил обещания, которые ему давали ученики, и всегда разбирался с ними, если они эти обещания не сдерживали. У него был девиз: «Говори то, что имеешь в виду, и имей в виду то, что говоришь».

Никогда раньше я не сталкивалась с подобным поведением. Калев научил меня быть ответственной за свои слова и поступки. Кроме этого он помог мне понять, что значит вкладывать в работу все силы.

Я видела, что Калев уходит из Академии поздно, потому что сама очень

часто оставалась допоздна. Я училась пользоваться компьютером. Я не умела обращаться с этими устройствами с клавиатурой и мерцающими экранами. Я должна была не просто написать свое задание на компьютере, но и одновременно научиться им пользоваться.

Иногда мне казалось, что я взбираюсь на гору с карманами, набитыми кирпичами. Помню, что я училась печатать на компьютере, одновременно сочиняя эссе по книге «Над пропастью во ржи». Я печатала медленно букву за буквой, делая массу ошибок, и мне постоянно приходилось начинать сначала.

Некоторые студенты быстро схватывают новый материал, но я, увы, никогда не принадлежала к их числу. Мне всегда приходилось по нескольку раз перечитывать задание или любой текст, чтобы его понять. Зачастую у меня уходило в два, а то и в три раза больше времени на выполнение задания, чем у других. Я оставалась в холле Академии до тех пор, пока не появлялись уборщицы, которые просили меня пересесть, чтобы они могли помыть пол. Из кабинета я слышала голос Калеба, который обзванивал студентов.

Когда мне утром не хотелось вставать, я вспоминала о своих преподавателях. Я понимала, что не могу позволить себе валять дурака, когда они вкладывают в свою работу так много энергии и сил.

В Академии я окончательно избавилась от негативного отношения к школе. Вместо недовольства обучение стало вызывать радость и чувство, что ты достигаешь поставленной перед собой цели. Я поверила, что могу изменить жизнь к лучшему.

Если ты любишь учителей, значит, ты любишь свою школу. Если учителя верят в тебя, значит, ты сам начинаешь в себя верить. Такая логика была наиболее актуальной в начальный период обучения, когда на мне стояло клеймо прогульщицы и лентяйки. Проблема заключалась в том, что я видела и оценивала себя с точки зрения взрослых – родителей, преподавателей, работников социальных служб и психоаналитиков. Если они давали мне понять, что я полная неудачница, то я начинала себя таковой чувствовать. Но если мне говорили, что я могу преодолеть сложности и многого добиться, я заражалась их оптимизмом.

Я верила людям, обладающим знаниями и опытом. В свое время мисс Недгрин сочла меня «жертвой» (несмотря на то, что желала мне добра). После этого я сама стала думать, что я жертва. Когда преподаватели Академии говорили мне, что я способна на большее, я верила им и действительно добивалась большего. Теплые отношения с учителями помогли мне поверить в свои силы.

За время обучения в Академии я многому научилась. Я участвовала в постановках пьес Шекспира (играла в «Макбет» и «Гамлете»), участвовала в работе органов студенческого самоуправления, в качестве представителя Академии ездила на региональные конференции. Я перестала носить черную и перешла на яркую одежду. Я перестала стесняться и стала зачесывать волосы так, чтобы смотреть в лицо всем, с кем общаюсь. Я поняла, что имею право на собственный голос и собственное мнение. Личный пример моих учителей оказался заразительным, и мои преподаватели стали для меня образцом для подражания.

* * *

С Евой мы познакомились на факультативных лекциях, которые проходили по понедельникам и средам. Я записалась в тот класс, потому что за него давали один зачет, а мне за два года надо было собрать сорок зачетов. В классе было пятнадцать девушек и только один парень по имени Джонатан, который уверил всех нас, что он «самая настоящая девочка».

На первое занятие мы собрались в кабинете консультанта по учебной работе Джесси Кляйн, расположившись на диванах и принесенных из коридора железных стульях. Нашу преподавательницу звали Кейт Барнхарт. Она была тучной, в очках и с копной рыжих, торчащих во все стороны волнистых волос. Казалось, что на Кейт было накинуто стеганое одеяло, так много декоративных разноцветных заплаток было пришито к ее одежде. Она часто улыбалась, демонстрируя идеально белые зубы.

Кейт вела предмет под названием «Сексуальное образование», в ходе которого учащиеся изучали проблему СПИДа и ВИЧ.

Кейт начала свое выступление вопросом:

– Скажите, а ваш парень никогда не говорил вам, что не хочет пользоваться презервативом потому, что его член слишком большой?

Все захихикали.

– О да! – закричал Джонатан.

– Спасибо, Джонатан, – сказала Кейт. – Пожалуйста, поднимите руки, с кем подобное случалось.

Несколько девушек подняли руки.

– Так вот, – продолжила Кейт. – Теперь поднимите руку те, чей парень отказывался пользоваться презервативом.

Большинство девушек в классе подняли вверх руки. Мне самой неоднократно приходилось уговаривать Карлоса пользоваться презервативом, но я думала, что это проблема, связанная исключительно

с ним.

– Спасибо, девушки и Джонатан.

– Да, мэээм! – ответил Джонатан, подражая женщинам с южным акцентом.

Среди девушек послышались смешки, и некоторые из учениц повернулись к Джонатану, чтобы «дать ему пять».

– Отлично, – сказала Кейт. – А теперь смотрите внимательно.

Она достала красный презерватив, разорвала упаковку и начала его растягивать, как растягивают тесто для пиццы.

– На моих занятиях вы многое узнаете о СПИДе и ВИЧ, а также о предупреждении и лечении венерических заболеваний.

Кейт сняла очки и положила их на колени. Потом засунула руки внутрь презерватива и начала его растягивать в ширину до гигантских размеров. Весь класс замер, когда она стала натягивать презерватив на голову. Мы засмеялись, а Кейт натянула презерватив себе ниже носа. Потом она начала вдыхать ртом и выдыхать носом в презерватив, который стал раздуваться, как воздушный шарик. Потом она взяла английскую булавку и уколола шарик, и тот разлетелся на куски.

Мы дружно захлопали.

– Итак, у кого такой большой член, что не влезает в презерватив? Таких людей просто нет. – Кейт снова водрузила на нос очки. – Первое, что вы должны запомнить: для того, чтобы быть здоровой, надо знать себе цену. Каждая из вас – человек, и у каждой из вас есть человеческое достоинство. Вы имеете право, чтобы было так, как вы хотите и как вам нравится. Ваше удобство и безопасность имеют значение. Вы не обязаны подчиняться парню, потому что в любви и сексе все равны. Никогда не забывайте, что у вас есть то, что ему нужно, следовательно, у вас гораздо больше силы, чем вы можете предполагать.

Я посмотрела на Джесси, которая во время лекции находилась в кабинете, и улыбнулась. Я была рада, что две взрослые дамы завели с нами эту беседу на женские темы. Они делились с нами секретами, и мне это было приятно.

– Ваше хорошее моральное и психическое самочувствие напрямую связано с чувством собственного достоинства и уверенности в себе. Ваше тело – священный храм, который вы должны хранить и не давать делать с ним то, что считаете неправильным. Вы должны стать стражем храма вашего тела, и вы сами решаете, что в этом храме происходит, – говорила Кейт.

Она заразила нас своим энтузиазмом. Я прекрасно понимала связь

уверенности в себе и успеха. Я задумалась, почему позволяла Карлосу плохо ко мне относиться. Он был очень близок к тому, чтобы меня сломать. Я не нашла в себе сил ему противоречить. Кстати, давным-давно с инцидентом в ванной у Рона разобралась Лиза, а не я.

«Вы должны стать стражем храма вашего тела, и вы сами решаете, что в этом храме происходит».

Потом мы с Кейт обсуждали вопросы, которые она начинала со слов «А знаете ли вы...».

– А знаете ли вы, что взбитые сливки могут вызвать вагинальную дрожжевую инфекцию? Точно так же, как и любые другие продукты, в которых много сахара, при контакте с вашими половыми губами.

– Что может вызвать? – раздался вопрос.

Это была симпатичная белая зеленоглазая девушка, в высоких кожаных сапогах и с кольцом в носу. Девушку звали Евой, и я ее мельком видела на занятиях по некоторым другим предметам. Она одевалась, как клубная особа, которой нравится хип-хоп. Ее губы были накрашены розовой помадой с ярко-красной обводкой по контуру, а отдельные пряди длинных каштановых волос, собранных в хвост, были выкрашены в белый цвет.

– Всегда приводит к инфекции? – озабоченно спросила она. Все засмеялись.

– Интересно, чем это ты там занималась? – шутливым тоном спросил Джонатан и снова «дал пять» нескольким девушкам из класса.

– Нет, дорогая, – ответила Кейт. – Не всегда. Но надо быть очень внимательной.

– Вот как, – сказала Ева, успокаиваясь. – Спасибо за ответ. Дело в том, что на этикетке такие последствия не указаны, так что полезно было узнать.

Она рассмеялась, после чего рассмеялись и все остальные.

* * *

Ева жила поблизости от Академии на пересечении Двадцать восьмой улицы и Восьмой авеню. За исключением одного раза, когда я с папой посещала какого-то его знакомого, я никогда в жизни не была внутри жилых домов на Манхэттене. Я думала, что Ева должна быть богатой, но оказалось, что вместе со своим отцом Юриком, который пережил холокост, она живет в красном кирпичном здании, обитатели которого – престарелые и малоимущие.

Юрик был художником. В младенчестве мать – бабушка Евы – тайком вывезла его из еврейского гетто в Варшаве.

Они жили в большой светлой квартире с двумя спальнями. Вся квартира была увешана абстрактными картинами отца Евы на тему холокоста.

— Глядя на эти картины, мне становится стыдно, что я не умираю от голода, — сказала Ева, шутливо показывая на картину с изображением исхудавших людей, потерявшихся в лесу, и микроволновую печь под ней.

— Ты смешная, — сказала я ей.

Ева подала поздний ужин — две тарелки пасты в форме «бантиков» с фасолью и морковью. Я с ней постоянно смеялась, и при этом она была очень наблюдательной и много чего правильно замечала. С ней оказалось очень легко общаться. Мне она сразу понравилась, как только я увидела ее в классе.

Ева стала моим первым настоящим другом в Академии. Наши короткие прогулки после занятий переросли сперва в обеды на улицах Челси, потом во встречи в ее квартире, и в конце концов я стала у нее ночевать.

Мы очень быстро сблизились. Я рассказала ей урезанную версию своей биографии, оставив некоторые вещи до времен, когда в наших отношениях будет еще больше доверия. Она никогда не утверждала, что собирается мне помогать, но делала это постоянно. Когда я у нее оставалась, она всегда что-то готовила, давала мне одежду, позволяла мыться у себя в душе. Даже в обеденный перерыв она платила за часть моего обеда и никогда не выказывала никакого недовольствия.

— А твой папа помнит войну? — спросила я ее однажды, сидя в пижаме у нее на кухне.

Мы прошли с Каледом курс истории и обсуждали то, как она на нас влияет. На этом курсе я узнала о геноциде, и мне было приятно говорить о том, о чем я имела какое-то представление.

— Немного. Он тогда совсем маленький был. Но его папа был главой одной важной еврейской организации. Папины воспоминания начинаются с послевоенных времен, когда его папа, мой дедушка, занимался помощью людям с психологическими травмами. Так что папа много чего наслушался.

Ева очень любила психологию. Она умела слушать, сочувствовать людям и понимать мотивацию, борьбу и желания.

— Мне кажется, что эта работа — его катарсис. Для того чтобы избавиться от такой глубокой травмы, нужно много сил. Он должен был как-то осмыслить масштаб потери.

Ева все понимала. С ней мне было спокойно, хорошо и весело. Я хотела видеть ее каждый день и мечтала, чтобы мы остались друзьями навсегда.

Иногда к нам присоединялся еще один наш друг из Академии. Его звали Джеймс, и мы вместе ходили на историю. Он был высоченным мулатом, то есть ребенком от смешанного брака черных и белых родителей. У него была кожа цвета карамели, афроприческа и мускулистое тело. Ему нравилось все японское, и на уроки он часто приходил в майках с японскими иероглифами или в старой куртке для занятий кунг-фу.

Мы познакомились с ним на одной лекции, во время которой преподаватель постоянно к месту и не к месту использовал слово «понятненько». Преподаватель так часто говорил это, что я не смогла сдержать улыбку и посмотрела на других студентов, чтобы понять, смешно им или нет. Рядом со мной сидел Джеймс, который буквально согнулся от беззвучного смеха. Я передала ему записку с текстом: «Матт говорит, что ему понятненько». Ниже я написала, сколько раз преподаватель использовал это слово.

Джеймс громко рассмеялся, и преподаватель попросил его пересесть от меня. Во время обеденного перерыва я увидела, что он сидит один за столом. Я набралась храбрости, подошла к нему и засунула пальцы в его картофельное пюре.

– Этот обед отстой, – сказала я. – Пойдем на улицу, я угощу тебя чем-нибудь другим.

Он с недоверием посмотрел на меня, потом на мои пальцы в его пюре и ответил:

– Конечно.

Мы поели сандвичи, сидя на улице и глядя на Гудзон. Потом я жевала чипсы и наблюдала, как Джеймс катается на роликах по пристани около реки. После этого случая мы стали часто обедать вместе и общаться после занятий. Иногда я оставалась на ночь у Евы, иногда у него. Джеймс вместе со своей матерью жил на Манхэттене рядом с Бронксом, в месте под названием Вашингтон-Хайтс.

В его спальне была двухъярусная кровать. Сперва я ложилась на верхнюю кровать, но потом переместилась вниз к нему. Мы полночи болтали. На стенах его спальни был плакат с изображением горы Фудзияма, а за окном рос огромный дуб. Иногда мы просто засыпали, иногда занимались любовью. Наши любовные отношения естественным образом развились из нашей близкой дружбы.

* * *

Я потеряла свою семью, но начала строить новую. Ева, Бобби, Сэм, Фиф, Дэнни, Джош и Джейми – люди, с которыми меня связывала

взаимная привязанность и любовь. Они помогали мне пережить сложный период.

Конечно, папа и Лиза были моими ближайшими родственниками, но после смерти мамы мы совсем отдалились друг от друга. Лиза осталась жить у Брика, а папа был в приюте. Мне кажется, нашим отношениям мешало очень много недосказанного. Я полагала, Лиза винит меня за то, что я в трудный момент бросила маму. А мои отношения с отцом раз и навсегда изменились после того, как меня забрали в приют Святой Анны.

Было ощущение, что мои отношения с ним сломались, как сухая ветка, и со временем мы отдалялись друг от друга все больше и больше. Мне казалось, я подвела его тем, что в свое время бросила школу, после чего меня забрали в приют. Я, со своей стороны, была недовольна, что папа даже не известил меня о выселении из квартиры на Университи-авеню. Я воспринимала его поведение как то, что я стала ему безразлична. Я уже не была его любимым ребенком, девочкой, которая делает вид, что она мальчик и послушно играет в машинки. Мне казалось, что я потеряла папу.

Моя жизненная орбита перестала пересекаться с орбитами Лизы и папы, и мы жили совершенно независимо друг от друга. Ко времени окончания моего первого года обучения мне стало казаться, что мы уже совершенно чужие люди.

Мы делали неловкие попытки наладить наши отношения. Встречались на дни рождения и праздники в любимом папином месте, где продавали вкусные десерты. Эти встречи оказывались крайне натянутыми, и атмосфера на них была тяжелой. Я второе лето подряд работала в организации по сбору пожертвований и за все платила.

Все наши встречи проходили одинаково. Мы с папой приходили вовремя, Лиза чуть опаздывала. Мы болтали о мелочах, но не говорили о главном в нашей жизни. После того, как приходила Лиза, мы садились за стол. Столиков на троих в ресторанах нет, так что проблемы начинались уже с рассадки. Нас всегда сажали за стол на четверых, поэтому один пустой стул символизировал мамино отсутствие. Официантка выносила торт с зажженными свечками, и мы – люди, которые уже практически не знали друг друга, – послушно пели песню «С днем рождения тебя!».

Лизины дни рождения были самыми сложными. Я прекрасно видела, как папа волнуется. В ее присутствии он напрягался гораздо больше, чем со мной. Папа становился таким же нервным, как и тогда, много лет назад, когда отправил нас гулять со своей дочерью и нашей старшей сестрой Мередит. Казалось, папу гнетет чувство вины. Он сидел, не зная куда деть руки, натянуто улыбался, и было видно, что ему совершенно

не хочется петь.

У меня все внутри переворачивалось от папиного вида, и я надеялась, что Лиза не замечает, как ему неудобно. Сестра не знала, что я сама звонила отцу и просила его связаться с Лизой по поводу ее дня рождения. Папа просил меня купить Лизе поздравительную открытку:

«Я не умею выбирать открытки, Лиз. И денег у меня сейчас совсем нет. Пожалуйста, выбери ей что-нибудь. – И потом добавлял: – Спасибо, что я бы без тебя делал?»

Однако выбрать Лизе открытку от папы было не так-то просто. Все поздравления на день рождения дочери были написаны от лица отцов, которые выполняли свои родительские обязанности. На открытке мог быть изображен рисованный портрет среднестатистического отца со словами: *«Поздравления от любящего папы»*. Или: *«Все эти годы я с любовью смотрю на тебя. Я так рад, что ты моя дочь»*.

Такой текст мог обидеть Лизу, потому что в нашей семье все обстояло немного не так. *«Мой дочурке на день рождения. Ты всегда так много для меня значила»*... Мне не хотелось ставить Лизу в неловкое положение и обижать в ее собственный день рождения. И я решила искать открытку для Лизы не в секции, где стоят поздравления от пап, а в секции, где собраны открытки, выражающие сочувствие и сострадание, которые можно подарить на годовщину смерти близких. Например: *«Я много думаю о тебе»*. Или: *«Сегодня и всегда я буду с тобой рядом»*. Такие тексты выражали любовь и подспудно передавали трагедию и пережитые сложности. Только открытки из этой секции более-менее отражали реальную ситуацию в нашей семье и роль, которую играл папа в жизни Лизы.

Папа хотел, чтобы я сгладила шероховатости в его отношениях с Лизой и общую натянутость наших встреч. Когда Лиза выходила в туалет, я незамедлительно передавала ему деньги, чтобы он мог при ней расплатиться по счету. Официантка появлялась с чеком, папа брал его со словами: *«Я плачу»*, – и быстро передавал деньги.

«С днем рождения, Лиза», – добавлял папа после этого.

Дело совсем не в том, что мы перестали любить друг друга. Просто мы уже не знали, как находиться друг с другом. Мы не были готовы, мы не знали, что делать, когда семейная жизнь трагически заканчивается. Мы не знали, что делать, когда мама заболела и когда она умерла. Мы не объединялись, хотя и пытались объединиться. Мы искренне старались.

Через несколько дней после того, как мне исполнилось восемнадцать,

мы встретились в нашем обычном месте. Я приехала на Одиннадцатую улицу первой, папа появился через несколько минут. Мы ждали Лизу.

– Как дела в школе? – спросил папа, выбрав самый безопасный предмет разговора.

Со школой все было хорошо. Он и сам знал, что у меня там все в порядке. Вероятно, школа была единственной частью моей жизни, о которой папа был хорошо осведомлен. Он попытался вести со мной легкую светскую беседу и заговорил о том, что недавно прочитал в газете:

– Послушай, в наше время произошел огромный прогресс в создании лекарств от СПИДа. Вполне вероятно, что скоро смогут найти и панацею от этой болезни.

Обычно мы избегали всех тем, которые могут вывести нас на разговор о маме. Папа, видимо, заметил, что я смутилась, и отвернулся, делая вид, что смотрит, не появилась ли Лиза. Однако он упорно не хотел менять тему:

– Новые лекарства позволяют больным СПИДом жить нормальной жизнью. Их положение стало гораздо лучше. Теперь со СПИДом можно жить годами. – Я хотела вставить, что, затрагивая вопрос СПИДа, он кое-что позабыл, но папа продолжил: – Ты знаешь, что и я сам ВИЧ-позитивный? В апреле диагноз поставили.

В апреле? Сейчас – конец октября. И он полгода молчал об этом? Даже учитывая, что мы не были такими близкими людьми, как раньше, он мог бы это сделать. Я чувствовала, будто меня ударили в солнечное сплетение, и кровь прилила к лицу. Я посмотрела на единственного живого из моих родителей и поняла, что не хочу его терять. Мы стояли на тротуаре около ресторана, и краски окружающего нас города мгновенно потускнели.

Из толпы появилась Лиза. Она еще не успела к нам подойти, папа наклонился ко мне поближе и прошептал на ухо:

– Лиз, ты только ей не говори. Сделай, пожалуйста, такое одолжение.

Мы расселись вокруг стола в ресторане. Я слушала, как папа с Лизой пытаются общаться. Голова кружилась, но я старалась делать вид, что у меня все прекрасно. Я пробовала отвлечь себя будничными мыслями. Надо будет напомнить отцу о наступающем дне рождения Лизы, купить ей от него открытку, заказать столик в ресторане...

В тот вечер папа смеялся чаще и громче, чем обычно. Принесли торт с восемнадцатью зажженными свечами, и они хором спели мне «С днем рождения тебя». Папа под столом сжал мою руку. Он очень редко шел на физический контакт, поэтому я поняла значение его жеста. Он пытался достучаться до меня, сказать мне: «Лиззи, я с тобой». Я не могла оторвать

от него глаз. Я попыталась запомнить, как папа хлопает в ладоши после того, как я задула свечи. Что будет потом, никто не знает. Мне хотелось крепко обнять его и защитить от страшной болезни. Мне так хотелось, чтобы беды перестали валиться на нашу семью, так хотелось, чтобы он был здоров.

«Господи, дай мне спокойствия, чтобы принять то, что я не могу изменить, и смелости изменить то, что могу. А также мудрости, чтобы понять разницу».

Я не загадала никакого желания перед тем, как задуть свечи. Вместо этого я пообещала себе простить отца и приложить все силы, чтобы наладить с ним отношения. Я не хотела повторять ошибку, которую уже один раз совершила с мамой.

Я понимала, что он не был самым лучшим в мире отцом, но другого отца у меня не было. Мы нужны друг другу. Несмотря на то что он много раз меня разочаровывал, жизнь слишком коротка, чтобы помнить все обиды. Я должна забыть и простить. Я должна перестать желать, чтобы мой отец изменился, и принимать его таким, какой он есть.

Я представила, что вся моя обида и горечь накачана в воздушный шарик, который я отпускаю в воздух, и простила его.

* * *

Хотя я много лет избегала ходить в школу, именно Академия стала моим спасением. У меня оставалось еще два семестра, и я воткнула в свой распорядок дня максимальное количество курсов, предметов и лекций. Мне нравилось, что обучение помогало изменить мою жизнь. Я начала получать удовольствие от долгих часов, которые вкладывала в учебу, и от того, что постепенно у меня получалось лучше и лучше.

Я складывала слова в предложения эссе, словно собирала пазл. Помню, как однажды Пери на лекции сказал, что синтаксис, грамматика и пунктуация имеют такое большое значение, что способны спасти жизнь.

«Пунктуация меняет все, меняет смысл предложения, – говорил он. – «Казнить, нельзя помиловать» или «Казнить нельзя, помиловать». Понимаете? Это диаметрально разные по значению предложения».

Мы засмеялись.

Однако я любила школу не ради ее самой. Я не считала себя «книжным червем», не хотела в будущем заниматься научной работой. Мне нравилось, что я учусь вместе с другими людьми, меня привлекал социальный аспект учебного процесса, а также то, что хорошее образование является основой хорошей жизни.

Работа в школе для меня была неотделима от людей, которые в ней учились или преподавали. Я любила школу за то, что она давала мне возможность завязать отношения с людьми, которых я ценила и любила. Мне нравилось работать бок о бок с теми, кто стремился изменить свою жизнь к лучшему, потому что именно этим занималась я сама.

Я любила дни и вечера с Джеймсом, проведенные в квартире Евы, когда мы готовились вдвоем. Наши учебники и тетради были разложены по всей комнате, на полу, на столе и на диване. Мы могли заниматься часами. Я сворачивалась калачиком на диване, клала голову Джеймсу на колени, а он теребил мои волосы.

Иногда мы сидела за столом напротив друг друга. Мы смеялись над глупыми шутками, Джеймс просматривал свой учебник по японским иероглифам. Он переписывал их рядами в тетрадку. Ева нам готовила пасту с курицей, фасолью и морковью в молочном соусе. Иногда, когда у нас были деньги, мы позволяли себе авокадо и грибы портобелло. Я старалась как можно чаще приносить Еве продукты. Несмотря на мой загруженный график, я всегда могла что-нибудь купить в продуктовых магазинах поблизости.

Однажды вечером после школы я ехала к Еве. Как я уже неоднократно делала, я собиралась зайти в магазин, только в этот раз я решила не платить за покупки, а украсть все, что мне было нужно. Я поговорила с Евой по телефону, и мы условились, что я принесу куриные котлеты и кусочек пармезана. Я знала, и то и другое может незаметно исчезнуть в моем рюкзаке, после чего я смогу спокойно выйти из магазина. Не потому, что у меня не было денег, чтобы купить запланированное. Напротив, все мои сбережения от работы летом были у меня с собой. Но деньги в моем понимании были равны выживанию, и я всеми силами старалась их экономить. Точно так же, как я уже неоднократно делала, я вошла в магазин с твердым намерением не платить за товары.

Я уже держала в руках продукты и осматривалась, чтобы улучшить благоприятный момент и незаметно положить их в рюкзак. Неожиданно я обратила внимание на менеджера магазина, который стоял в торговом зале и читал какие-то бумаги. Видимо, он проверял документы на отгрузку товара. Периодически он отвлекался от бумаг и давал указания сотрудникам магазина. За ухо менеджера был заложен карандаш. Он потел и хмурился.

Я осмотрелась кругом. Заметила кассирш, усердно сканирующих этикетки товаров, потом пожилую даму с тележкой. Я почувствовала, что у меня нет никакого желания воровать в этом магазине. Я не хотела

делать ничего противозаконного. Я видела менеджера, который в поте лица трудился за свою зарплату. Я не хотела его наказывать, это было бы совсем неправильно. Не знаю, почему я раньше не обращала внимания на такие вещи. У меня все было готово, чтобы украсть необходимые продукты, но я почувствовала омерзение от собственного поведения.

В начале семестра у нас в Академии произошел неприятный случай – украли бумажник одного из учащихся. Было созвано общее собрание, на котором Пери сказал: «Вопрос даже не в том, что украли бумажник. Все гораздо хуже – кто-то пытается разрушить атмосферу доверия, которая сложилась в нашей школе. Вопрос сводится к тому, можем ли мы доверять друг другу. Чтобы вернуть доверие, потребуется немало времени».

Тогда мне стало понятно, что действия одного отдельно взятого человека имеют последствия для целой группы людей. Тем не менее в более широкой перспективе эта идея оставалась для меня весьма абстрактной. До тех пор, пока я не собралась украсть продукты в магазине, не увидела менеджера, работников и покупателей и не задумалась об их жизни и последствиях своих действий.

До Академии я никогда не считала себя частью большого сообщества, поэтому мне казалось, что мои действия влияют только на меня саму и небольшую группу моих друзей. Я чувствовала себя, словно остров в океане. Тогда в супермаркете я начала осознавать последствия своих действий.

В лучшем случае воровство в магазинах может привести к увеличению цен. Семьям придется платить за продукты больше, если, конечно, они смогут себе это позволить. В худшем случае магазин разорится, менеджер и кассиры потеряют работу. Доверие между людьми будет утрачено. Я снова посмотрела на менеджера, вспомнила слова Пери и пошла к кассе с котлетами и пармезаном в руках.

Не стану кривить душой – после этого случая я все равно воровала. Но в тот день начался большой поворот к тому, чтобы я раз и навсегда перестала это делать. Тогда я начала понимать, что не одна в этом мире и что я совсем не остров в океане.

Я положила покупки на ленту и достала деньги. Кассирша улыбнулась мне и дала сдачу мелочью. Я посмотрела, как упаковщик быстро сложил мои покупки в пакет, и дала ему сдачу, полученную от кассира. Он сказал мне: «*Gracias*».

* * *

Плакат получился очень яркий и бросающийся в глаза. Мы рисовали

его для урока по биологии о том, как В-лимфоциты приказывают Т-лимфоцитам бороться с болезнью.

Мы с Евой делали презентацию о роли клеток в работе иммунной системы и борьбе со СПИДом и ВИЧ. Мы немного отошли, чтобы лучше рассмотреть наш рисунок, изображавший боксеров на ринге с поднятыми для боя руками в перчатках. В углу ринга стоял тренер с полотенцем и бутылкой воды. Это был В-лимфоцит. Боксер небольшого роста был Т-лимфоцитом. Напротив него высился горой мускулов другой боксер, который изображал болезнь.

Ева снова присела около плаката и заложила длинную челку за ухо, чтобы она ей не мешала. Сэм, которая училась в Академии уже второй семестр, передала ей фломастер, чтобы она сделала более жирной подпись к рисунку: «Все на борьбу с распространением ВИЧ!»

– Надо изобразить их, будто дерутся *Crips* и *Bloods*^[25]. Типа: «Ща я тя урою! Просёк?» – предложила Сэм.

Она жила в приюте и нахваталась там уличного и бандитского жаргона. Я была несказанно рада, что она тоже поступила в Академию, потому что Сэм была для меня практически членом семьи. Она не ходила в Академию каждый день, но, несмотря на это, ее любили и учащиеся и преподаватели. В тот день мы должны были делать презентацию, поэтому Сэм приделалась в длинную юбку, мужскую синюю рубашку и панковские высокие ботинки.

– Мне нравится идея с боксерами, – подвела итог Сэм и надула огромный пузырь жвачки, который громко лопнул. Она наклонилась и нарисовала фингал под глазом боксеру, изображавшему ВИЧ.

– Его надо послать в нокаут, – добавила она.

– Суперидея, – ответила я и подрисовала боксеру разбитую губу. – Давай его немного отметелим.

И мы с радостью взяли за карандаши.

На нашу презентацию собралась небольшая толпа учащихся. Мы хотели рассказать им о СПИДе и ВИЧ, а также наглядно показать, как между клетками происходит борьба не на жизнь, а на смерть. Среди тех, кто пришел прослушать нашу презентацию, были Бобби, Джош и Фиф. Они тоже уже второй семестр учились в Академии. Как только я поняла все прелести Академии, я начала активно агитировать своих друзей, чтобы они подавали в нее документы. Теперь с Сэм и Бобби мы встречались на некоторых лекциях.

Впрочем, то, что мои друзья стали учиться в Академии, не во всем было для меня позитивно. Они иногда прогуливали, и мне очень хотелось к ним

присоединиться. Я видела, как они убегают с занятий, и знала, что они будут гулять по Гринвич-виллидж, сидеть в парках или пойдут в кино. Мне не хотелось, чтобы мои друзья стали считать меня «зубрилой», поэтому иногда было очень трудно отказаться от их предложения пропустить пару уроков. Но я вспоминала, что поставила себе цель закончить на одни пятерки, а также о девушке-бегунье, которая преодолевает препятствия, и благоразумно оставалась в школе. Я понимала, что прогулы не помогут мне поступить в колледж.

Благодаря зачислению в Академию моих друзей она стала для меня второй семьей. Я помню, как мы с папой смотрели сериал «Веселая компания», и когда один из героев по имени Норм входил в комнату, все присутствующие хором его приветствовали. Тогда я была совсем маленькой и не совсем понимала все тонкости повествования, но четко уловила, что между героями существует чувство общности. Я очень хотела, чтобы у меня самой была такая компания друзей, на которых я могу положиться и с которыми мне хорошо. До Академии у меня не было компании, в которой все друг друга знали и вместе работали ради достижения какой-либо цели. Сейчас я обрела такую компанию и была очень рада.

«Пойдем, нас уже ждут», – сказала Ева и взяла плакат.

Она нарисовала сидящих на кровати мужчину и женщину, которые переживают, потому что не помнят, использовали ли они после вчерашних возлияний презерватив во время секса или нет. Девушка на картинке насупила брови, и вид у нее был очень озабоченный. Над каждым из героев был «бабл» с их мыслями, в котором слова «доверие», «выбор» и «последствия» были написаны жирным фломастером.

Сэм, Ева и я вышли к ждущей нас аудитории.

«Никто не подозревает, как легко можно заразиться инфекцией ВИЧ», – начала я нашу презентацию.

Я оделась в зеленый свитер и синие джинсы. В последнее время я перестала носить черное, предпочитая более разнообразную цветовую гамму.

«Тем не менее заразиться этим вирусом более чем реально. В результате болезни разрушаются семьи и умирают люди. Сегодня мы хотим рассказать вам о ВИЧ».

На протяжении получаса мы рассказывали и показывали подготовленные плакаты. Когда мы дошли до описания, как вирус распространяется в теле человека, я подумала о маме. Перед моим внутренним взором мама предстала не на последней стадии болезни,

а тогда, когда мы в парке загадывали желания и сдували «парашютики» одуванчиков. Тогда мама улыбалась, хотя вирус уже начал разрушать ее тело. Я подумала, что тогда мама, наверное, пожелала мне учиться в школе, иметь возможность выбирать и быть здоровой.

* * *

Копир выплюнул распечатки моих оценок. Сидя в офисе Джесси, я внимательно их просмотрела. За один семестр я прошла более десяти предметов, и оценки по ним в основном были отличные. Я рассчитывала проходить за семестр программу одного года школы, и пока все шло по плану. Все ученики прибыли на общее собрание в зал рядом с офисом Джесси. Сегодня я планировала написать и подать заявление на получение стипендии. У меня оставался еще год до колледжа, однако я хотела заранее решить финансовый вопрос.

Джесси Кляйн оказала мне в этом деле огромную помощь. В последние несколько месяцев во время обеденного перерыва мы часто обсуждали мое поступление в вуз.

«Лиз, у тебя отличные оценки, поэтому ты можешь выбирать колледж. У тебя прекрасные шансы на то, что тебя примут. Но ты должна понять, как ты собираешься платить за свое образование, и с этим вопросом я советую тебе разобраться как можно быстрее», – советовала мне Джесси.

Несколько дней назад Джесси вручила мне толстый конверт со списком подобранных для меня колледжей и их анкетами на получение стипендии. Как объясняла Джесси, учитывая мои оценки, государственные вузы, скорее всего, предоставят мне возможность учиться совершенно бесплатно. Для подачи заявления на стипендию в государственные вузы необходимо заполнить так называемую анкету FASFA^[26]. Джесси объяснила, что образование в частных колледжах может «встать в копеечку», и советовала мне разослать несколько заявлений в разные вузы, чтобы иметь возможность выбора.

«Хм, – задумчиво заметила я. – Стоимость образования в лучших вузах страны действительно очень высокая... Интересно, а в них существует возможность, чтобы получаемая стипендия полностью покрыла плату за образование?»

Джесси посмотрела на меня так, словно я ребенок.

И вот наконец я начала разбираться с вопросом заполнения заявок на стипендию. Я просматривала документы из разных учебных заведений и очень быстро поняла, почему Джесси смотрела на меня, будто я младенец, только вчера родившийся на свет. Вот уже более часа я внимательно изучала глянцевые брошюры с фотографиями групп студентов, среди которых присутствовали представители всех рас. Студенты на фото улыбались и одобрительно поднимали вверх большой палец, наглядно показывая, как они довольны предоставленными грантами, стипендиями и ссудами на получение образования.

За стеной шло шумное собрание. В ответ на заявление преподавателя, которое я не расслышала, раздались громкие аплодисменты учащихся. Я решила не идти на это собрание, потому что мне надо было срочно разобраться с документами и отправить заявки на стипендии до окончания срока их приема. Я поняла, что все подробно не успею прочитать, поэтому начала просматривать только информацию о том, сколько именно можно получить в виде гранта или стипендии.

Одна финансовая компания предлагала 500 долларов победителю в конкурсе эссе на тему «Свободная торговля в условиях свободного рынка». Другая компания обещала выплатить 250 долларов победителю конкурса на лучшее эссе на политическую тему об известном политике.

«Что за ерунда? – подумала я. – Этих денег не хватит, чтобы на семестр еды купить».

Я быстро листала бумаги: одна компания предлагала стипендию в 400, другая в 1000 долларов, и я начала задумываться о том, как дети из бедных семей без стипендии и гранта могут получить хорошее образование

за тридцать тысяч долларов в год.

Наконец, я дошла до документа, который Джесси предусмотрительно отметила желтым стикером с размашистой надписью синими чернилами: «Тебе должно понравиться». Это было объявление о Программе поддержки получения высшего образования, вырезанное из газеты *The New York Times*. В рамках этой Программы предоставляли 12 000 долларов за каждый год обучения в колледже. Без всяких сомнений, ее создатели были в курсе реальной стоимости обучения! Помимо оценок, списка факультативных занятий и описания хобби, необходимо было прислать эссе о сложностях, которые приходится преодолевать на пути к получению знаний.

Я не поверила своим глазам. Вот это тема прямо про меня! Я сдвинула все со стола, чтобы освободить место, вынула блокнот и начала составлять план сочинения. Через несколько минут все было готово. Я решила сделать перерыв и выйти к кулеру, чтобы попить воды. Как раз в эту минуту закончилось общее собрание, и учащиеся стали выходить из зала. Ко мне подошел один из учеников последнего года обучения по имени Бессим и пожал руку со словами:

– Молодец! – Я посмотрела на него в полном недоумении. – Поздравляю, – добавил он.

– С чем?

– Со всеми твоими грамотами и дипломами. Ты же стала лучшей практически по всем предметам.

Я даже не подозревала, что пропустила собрание, на котором вручали грамоты и объявляли имена лучших учеников.

Я трусцой побежала в офис Пери. Он говорил по телефону.

– Что ж ты не пришла? – Он протянул мне папку с моим именем на обложке и продолжил свой разговор.

Я вернулась в офис Джесси, раскрыла папку и начала рассматривать ее содержимое. Внутри было несколько грамот на красивой белой бумаге с окантовкой синим цветом и моим именем, выведенным каллиграфическим почерком. В общей сложности там оказалось одиннадцать почетных грамот, в том числе за лучшее исполнение роли Гамлета на конкурсе талантов, за вклад в борьбу со СПИДом и несколько – за лучшие на курсе оценки по ряду предметов.

Я взяла в руки заявку на стипендию из *The New York Times*. Занятия закончились, и на улице учащиеся курили и болтали. А я, словно в трансе, начала писать. Я хотела излить в эссе всю грусть и все страдания, которые мне пришлось пережить. Этот был тот самый случай, когда не я писала эссе, а оно писалось само. Я не чувствовала, что пишу его, потому что

слова лились сами собой без моего активного участия. Я словно парила где-то наверху и наблюдала, как моя рука быстро описывает на листе бумаги все то, что мешало и сдерживало меня в этой жизни.

В тот же вечер я распечатала свое эссе, которое надо было скрепить с выпиской об успеваемости и отправить в колледж.

* * *

Это должна была быть всего лишь фотография для студенческого альбома. Я и понятия не имела, что все сложится так, что я подам документы в Гарвардский университет.

Предыстория следующая: меня в числе десяти лучших учеников Академии наградили поездкой в Бостон. Нас сопровождали Пери и еще один преподаватель по имени Кристина. В Бостон мы ехали на поезде, а жить должны были в общежитии студентов Бостонского колледжа.

Ева тоже оказалась в десятке лучших. В вагоне мы сидели рядом, поезд шел из Нью-Йорка до Бостона без остановок, и мы проболтали все четыре часа пути. Я постоянно отвлекалась на проносящиеся за окном красоты: дома, синее небо и водоемы. Ева ездила с отцом и бабушкой в Париж, и удивить ее было сложнее, но она, тем не менее, послушно поворачивалась и смотрела на то, чем я восхищаюсь.

Я раньше никогда не ездила на таком большом и комфортном поезде, настроение у меня было отличное, и я болтала, как сорока. Мы перешли в вагон-ресторан, и Ева начала рассказывать мне об отношениях со своим бойфрендом Адрианом. Вдруг в порыве откровенности я пересела из кресла напротив Евы на соседнее с ней и призналась:

– У меня нет дома. Только ты никому об этом не говори.

До этого мы обменивались историями об Адриане и Джеймсе.

– Не скажу, – заверила меня Ева.

Казалось, ее нисколько не удивило мое сокровенное признание. Вполне вероятно, что, учитывая количество ночей, которое я провела в ее квартире, это сообщение не являлось сногсшибательной новостью.

– Обещаю, – добавила она и протянула мне открытый пакет с маленькими кренделями, посыпанными крупной солью.

До самого Бостона мы делились с ней самым сокровенным, говорили о наших парнях, о музыке и мечтах.

Ева хотела учиться в колледже. Она мечтала «закрыть за собой дверь и весь день читать». И думала о вузе, в котором можно получить хорошее образование, расположенном в красивом месте с большим количеством деревьев.

– И я хочу, чтобы Адриан учился со мной в одном колледже, – сказала она, а потом спросила, какие у меня планы.

– Не знаю, – ответила я. – Я слышала, что Брауновский университет высоко котируется. Или куда-нибудь в Калифорнию... Мы с Сэм мечтали, что будем там жить. Ну и, конечно, чтобы кругом все было красиво.

Мы с Евой жили в одной комнате. Я бросила вещи на свою кровать и пошла играть в салочки в незнакомых гулких коридорах. Мы скользили по полу в носках, как на коньках, крича от радости в полный голос. За нами с Евой бегала высокая блондинка Моник. В итоге все мы оказались в куче на полу, помирая от смеха. Под нашими окнами располагалась дорожка для легкой атлетики, вдалеке виднелся Бостон. Я поняла, чем это общежитие нравилось Кену и другим студентам колледжа: здесь было много места.

Перед тем как пойти прогуляться по кампусу, я аккуратно развесила в шкафу верхнюю одежду и сложила джинсы в ящик шкафа. Я потрогала фотографию мамы, положила в маленький передний карманчик джинсов «счастливую» монетку «Анонимных наркоманов». Впервые за несколько лет – хотя бы всего на две ночи – я могла назвать окружающее меня пространство «своим». Я испытала прилив гордости. И я бы с удовольствием пожила в таких условиях.

Сам Бостон мне очень понравился. Пери повел нас на экскурсию по старой части города в район под названием Бикон-Хилл. Сквозь большие окна на первых этажах старых домов была видна антикварная мебель и люстры, встроенные в стены книжные шкафы и каминь. Это был очаровательный район, на окнах красовались серые ставни, около домов росли старые высокие деревья с белыми цветами. Улица была вымощена булыжником.

Пери отвечал на все наши вопросы: «А сколько тут стоят дома?», «Чем занимаются их обитатели?», «Как живут студенты колледжа?»

Мы гуляли всю первую половину дня и к ланчу нагуляли недюжинный аппетит. Есть мы должны были в китайском ресторане на Гарвард-сквер. Но перед этим, сказал Пери, нам надо сделать групповое фото у памятника Джону Гарварду^[27]. Я слышала об этом человеке по телевизору, но не помнила, как он выглядит, поэтому мне было интересно увидеть памятник.

Мне сложно описать, что я чувствовала тогда, гуляя по Бостону в неприглядной одежде и таская в рюкзаке все свое имущество. Как я уже писала ранее, в течение долгих лет я считала, что меня и подобных мне отделяет от «нормальных» и продуктивных членов общества кирпичная

стена. Я смотрела на эти дома, и я фактически ее видела. С одной стороны – они, с другой – мы.

В знак протеста я потрогала стену на Гарвард-Ярд. Вокруг меня ходили умытые студенты в красных толстовках с надписью «Гарвард». Перед статуей располагалась группа японских туристов с той же целью, что и мы, – сфотографироваться. На подстриженных лужайках валялись студенты с книгами и конспектами. Вокруг стояли старые здания из красного кирпича, казавшиеся в одинаковой степени древними и недоступными.

Пери, видимо, прочитал мои мысли, нагнулся к моему уху и сказал: «Попытка – не пытка. Лиз, попробуй подать в Гарвард».

Я глубоко задумалась. Мне и в голову не приходило подавать документы в Гарвард. Я старалась реалистично оценить свои возможности и понимала, что меня вряд ли возьмут. Тем не менее попробовать мне никто не запрещал.

* * *

Дождливым февральским днем я закрыла зонт и вошла в здание *New York Times* на Сорок третьей улице, недалеко от Таймс-сквер. Я приоделась на эту встречу. Вместе с Сэм мы выбрали на Фордхэм-роуд камуфляжные штаны, рубашку, которая почти подходила мне по размеру, и черные ношенные сапоги, которые, если закрыть их голенища штанинами, выглядели почти как нормальные офисные ботинки.

Лиза одолжила мне свое пальто, на котором не хватало одной пуговицы. Даже несмотря на эту деталь, мне казалось, что пальто выглядит очень официально и представительно.

Три тысячи человек подали заявки на получение шести стипендий. В общей сложности был отобран двадцать один финалист, и я оказалась в их числе.

Я очень устала, у меня был долгий и непростой день. Он начался с того, что мы с Лизой поехали в социальную контору – просить, чтобы государство оплатило нашу квартплату. Дело в том, что мы с Лизой сняли квартиру...

За лето я заработала определенную сумму денег, и мы с сестрой договорились, что после того, как мне исполнится восемнадцать лет и меня уже не смогут увести в приют, я вложу все свои деньги в съем квартиры в районе Бедфорд-парка. После того, как я оплатила работу агента по недвижимости, первый месяц квартплаты, депозит, матрас, несколько кастрюль и кухонный стол с двумя стульями, мои деньги кончились.

В том семестре у меня было одиннадцать предметов, к тому же надо было писать и рассылать документы в колледжи, поэтому времени на заработки не было вообще. Лиза тогда работала в магазине *Gap* и должна была платить по счетам до тех пор, пока я не найду работу. Следовательно, и у нее денег не оставалось. Мы могли как-то платить за электричество, телефон, покупать еду. Оставшихся денег едва-едва хватало на оплату квартиры. Мы часто ходили есть в благотворительные столовые, и я получала «продуктовые посылки» в *The Door*. Кроме этого, в моей комнате жила Сэм.

Однажды ночью, в декабре, во время сильного снегопада Сэм, Фиф, Ева, Бобби, Джеймс и я помогли Лизе перенести ее вещи из квартиры Брика в ту, которую мы только что сняли, благо квартиры располагались не так далеко друг от друга. Смеясь и скользя в снежной жиже на тротуаре, мы несли лампы и пакеты с одеждой. Джеймс крепко меня обнял, поцеловал, а потом шутливо растер мне щеки снегом.

Брик уехал из города, поэтому мы спокойно могли заниматься переездом. В его квартире мы нашли несколько мешков наших старых вещей, о существовании которых даже и не подозревали. Фиф и Бобби, одетые в непромокаемые куртки и туристические ботинки на рифленой подошве, чтобы не скользить в снегу, вынесли из квартиры Брика Лизину кровать и погрузили ее в мини-вэн отца Фифа.

Мы считали, что теперь все у нас будет хорошо. Однако через два дня после переезда Лиза потеряла работу в магазине. Мы полностью полагались на Лизину зарплату, но даже не успели оплатить ни одного счета. На оставшиеся деньги мы купили еды, и они закончились совсем.

У меня был последний семестр учебы, за который я должна была пройти программу одного года школы. Мне надо было ходить на интервью в колледжи. В общем, у меня совсем не оставалось времени на работу. Я ежедневно проводила в школе около десяти часов, приходила домой и заполняла заявки на поступление в колледжи. Питались мы тем, что я приносила из *The Door*.

Казалось, я совершила большую ошибку, потратив все свои сбережения на квартиру. Если бы я этого не сделала, то все было бы нормально. Я осталась без денег, как в тот день, когда убежала от Карлоса. Каждое утро я уходила в школу, а Лиза просматривала объявления о работе и ходила на собеседования. Потом в наш почтовый ящик начали сыпаться конверты со счетами, на которых черным по белому был написан последний день оплаты. Я дико нервничала и напрягалась.

Мы подумали, что социальная помощь – это наше единственное

решение. Государство выручало нас и раньше, тут ни для Лизы, ни для меня не было ничего нового. Я с мамой столько раз бывала в социальных конторах, что наизусть знала все, о чем меня могут спросить. Но оказалось, я не была готова к встрече с грубой и мрачной женщиной, которая рассматривала наше дело и раз за разом отправляла нас восвояси.

То у нас не было свидетельства о смерти мамы, то доказательства, что наш отец никак нам не помогает. Но как, в случае с папой, можно доказать то, чего не происходит? Мы не нашли копию маминого свидетельства о смерти и ничего не могли с этим поделать. Утром в тот день, когда я должна была пойти на интервью в *New York Times*, мне казалось, что мы наконец собрали все необходимые бумажки для соцслужбы, которая оплатит квартиру и даст денег на еду.

– Вы не можете рассчитывать на государственную помощь, – заявила мне дама в социальной конторе, захлопнула нашу папку и положила ее на другой стол.

– Что вы имеете в виду? – переспросила я, хотя было понятно, что дама не собирается со мной долго разговаривать.

Она глубоко вздохнула, закатила глаза и ответила:

– Я имею в виду, что ты, принцесса, не имеешь права на государственную и социальную помощь.

Она назвала меня принцессой? Это что еще за ерунда? Мне показалось, что я снова оказалась в приюте или в мотеле с Карлосом. Когда ты стоишь с протянутой рукой, ты полностью зависишь от других. Чем в большей степени ты зависишь от других, тем хуже. Я понимала, что мне надо стать совершенно независимой, и только тогда такие люди, как эта женщина, перестанут влиять на мою судьбу и исчезнут с моих горизонтов.

– Мэм, я прекрасно услышала, что вы сказали. Я прошу вас ответить, почему именно я не имею права на социальную поддержку.

Женщина произносила много слов, снова закатывала глаза, но я так и не услышала четкого обоснования ее отказа. Мне осталось только наорать на нее, что никак не меняло ситуации. Ей было совершенно все равно.

Я всерьез разозлилась. Мне показалось, что сидящая передо мной безразличная особа олицетворяет всех бездушных социальных работников и учителей, которых я встречала на своем жизненном пути. Я вскипела и подняла руку, показывая ей жестом «Остановись». Моя рука оказалась гораздо ближе к ее лицу, чем это принято в нормальном человеческом общении.

– Знаете что? Я не хочу опаздывать на интервью по поводу приема

в Гарвард. Я не могу больше тратить на вас свое время.

Я хотела показать ей: хотя она и думает, что правит моей судьбой, я самостоятельный человек, который способен добиться успеха.

Она громко рассмеялась.

– Вот как? Давай, иди, у меня здесь мисс Йельский университет следующая. Не опоздай в свой Гаааарвард!

Кровь прилила у меня к лицу. Я выскочила на улицу.

«Ладно, – подумала я, выходя из ненавистного здания социальной службы. – Хотя она мне и не поверила, у меня сегодня действительно интервью по поводу поступления в Гарвард».

В тот день у меня был очень плотный график: утром встреча в социальной конторе, интервью по вопросу приема в колледж на Манхэттене и под конец интервью в *New York Times*. Я старалась не пропускать занятия в Академии, поэтому отвела один день на все интервью сразу.

Первый визит, увы, не задался. Я встретила с выпускником Гарварда в офисе его адвокатской конторы. Интервью пролетело вежливо и незаметно. Я отвечала на стандартные вопросы о школе, образовании и профессиональных целях в жизни.

Помню, что я спустилась на лифте вниз, открыла свой дневник и перепроверила адрес, по которому проходило собеседование в *New York Times*: Сорок третья улица, Запад, дом 229.

Я прошла через детекторы на входе и на лифте поднялась на нужный этаж. В комнате собрались соискатели стипендии. Я села в кресло и осмотрелась. Два ученика старших классов пришли со своими родителями. Кто-то ходил из угла в угол. Одна мама, словно тренер перед выступлением атлета, массировала своей дочери плечи. На журнальном столике лежали выпуски газеты *The New York Times*.

Я понимала, что победить в конкурсе и получить стипендию важно, но я не осознавала всей важности именно *этой* стипендии. Я прекрасно знала, что учиться в одном из лучших колледжей без хотя бы частичного финансирования практически нереально. И я хотела поступить в один из лучших колледжей, потому что именно они предоставляли своим выпускникам максимальные возможности хорошей карьеры.

В Гарварде образование стоит очень дорого, а в той ситуации я даже не могла позволить себе купить бутерброд в киоске. Без финансирования – никуда. Но я не понимала значения стипендии *New York Times*, потому что никто из знакомых не читал эту газету. В моем районе люди читали только бульварные издания *New York Daily News* или *New York Post*.

Я не понимала, что *The New York Times* – это крупнейшая и самая влиятельная газета всей страны. Эту газету читали только хорошо одетые люди, которых я видела в метро. Я лично *The New York Times* никогда в руках не держала.

Поэтому-то я не поняла, что все так волнуются. И хорошо – потому что, если бы знала, то сама начала бы волноваться. Академия научила меня более свободно и расслабленно общаться с людьми. Я за тот день уже много где побывала, поэтому просто сидела и наслаждалась теплом.

Я заметила столик с напитками и закусками, на котором стояли ряды бутылок с разной водой, а также лежали маффины, круассаны и булочки. Улыбчивая сотрудница с дредами на голове по имени Шейла, которая запускала соискателей в комнату для собеседования, предлагала всем угощаться. Она обратилась ко мне:

– Дорогуша, съешь чего-нибудь. Иначе все выбросят.

Когда меня вызвали, Шейла пошла впереди меня. Я оглянулась, увидела, что никто на меня не смотрит, и засунула в рюкзак несколько маффинов. Она же сама говорила, что, если их не съедят, то придется выбросить.

Я вошла в большую комнату с огромным дубовым столом посередине, вокруг которого расположилось около дюжины хорошо одетых людей. В торце стола стоял пустой стул, явно предназначенный для меня.

Я подошла к стулу, отряхивая руки от сахара на маффинах.

– Простите меня, сейчас, секунду, – сказала я и взяла из стоящей на столе коробочки салфетку, чтобы вытереть руки. Двенадцать пар глаз внимательно меня изучали.

Я знала, что целью интервью является обсуждение моего эссе на тему «Препятствия, которые вы преодолели». Мне уже исполнилось восемнадцать, поэтому меня не могли отправить в приют, и я написала сочинение о жизни бездомного человека. Я ничего не утаила.

Во время интервью я рассказала гораздо больше, чем написала в эссе. Я поведала редакторам, писателям, журналистам и людям из газетного бизнеса в дорогих костюмах о маме с папой, о жизни на Университетском авеню, о том, как мама продала индейку, чтобы купить кокаин. Я рассказала им, как можно выжить при помощи друзей и как спится на лестничной площадке. Я рассказала, что значит не есть каждый день и о помощи таких организаций, как *The Door*.

В комнате стояла тишина. Человек с красным галстуком и в очках прервал всеобщее молчание:

– Лиз, ты хочешь что-нибудь еще добавить?

Я не знала, что сказать. Возможно, от меня ожидали какого-то красивого поворота, запоминающейся фразы, подводящей итог сказанному.

– Мне очень нужна стипендия. Реально очень сильно, – произнесла я первое, что пришло на ум, и то, ради чего я сюда пришла.

Я просто сказала правду.

Все рассмеялись. Кто-то сказал, что всем было приятно со мной познакомиться. Некоторые пожали мне руку.

Репортер по имени Рэнди отвел меня наверх в кафетерий газеты. Вокруг меня ходили туда-сюда люди с бейджиками. Рэнди, мужчина чуть за тридцать, в синей рубашке с галстуком, купил мне ланч.

– Лиз, извини, я не мог прийти на собеседование, – сказал он и взял ручку. – Расскажи, как ты стала бездомной? И объясни, почему твои родители не могли о тебе позаботиться?

Я запихивала в рот макароны с сыром и запивала их вкуснейшим яблочным соком. Мне было очень приятно внимание репортера и то, что я нахожусь в настоящем офисе, в котором работают профессионалы. После всех встреч, которые прошли у меня за день, мне было очень просто общаться с этим репортером. Я повторила свою историю. Рассказала ему о том, что думает ребенок, который видит, как его родители «торчат».

Сейчас, спустя много лет после этих событий, я думаю, мне очень повезло, что я не понимала всей важности того интервью. Если бы меня заранее предупредили, что успешное интервью в *New York Times* и с представителями Гарварда является делом очень трудным, почти невозможным, я, может быть, никогда на них и не решилась бы.

Я не представляла всей сложности мероприятий, которые затеяла, поэтому для меня тогда самым важным было на них прийти. У меня не было достаточного жизненного опыта, чтобы оценить вероятность успеха. Со временем я узнала, что в мире полно людей, готовых сообщить о твоих шансах успешно завершить то или иное дело, а также рассказать, как важно быть реалистом. Но я также узнала, что нельзя заранее сказать, получится у тебя что-то или нет. Надо попробовать сделать.

Когда моя третья встреча за день закончилась, я села в лифт и почувствовала, что день прожит не зря. Своим внутренним взором я увидела бегунью, которая набрала скорость и преодолела еще одно препятствие.

В следующую пятницу в нашей квартире зазвонил телефон. Услышав звонок, я вздрогнула, потому что думала, что телефон нам отключили.

Мы уже несколько раз получали по почте напоминания об оплате телефона и электричества. Я понимала, что через несколько недель мы потеряем квартиру, и внутренне готовилась к тому, чтобы собрать все свои вещи в рюкзак и снова выйти на улицу.

– Можно услышать Элизабет Мюррей? – раздался приятный мужской голос.

– Это Лиз.

– Меня зовут Роджер Лехека, и я звоню вам по поводу вашей заявки на получение стипендии *New York Times*. Поздравляю, вы стали одной из шести обладателей нашей стипендии!

* * *

Столпотворение... Наверное, именно этим словом я могла бы описать то, что произошло после получения стипендии. Плотину словно прорвало, и моя жизнь кардинально изменилась. Если раньше я не знала, что такое *The New York Times*, то теперь стала понимать влияние, которое имела эта газета.

Всех шестерых победителей конкурса попросили прийти в газету, чтобы их сфотографировали. Лиза составила мне компанию. Мы сидели в знакомой комнате без окон вместе с другими победителями и их родителями. Лиза рассматривала комнату, находящихся в ней людей и едва сдерживала смех.

– Где мы находимся? – спросила она, хихикая. – Ничего не понимаю.

– Я тоже, – ответила я и сама начала хихикать.

Меня сфотографировали с остальными победителями, а потом попросили сделать еще несколько снимков. Мы поднялись на верхний этаж здания *New York Times*, где располагалась одна из библиотек газеты. Я стояла около длинных полок с книгами, и это напомнило мне, как мы вместе с папой ходили в библиотеку, когда жили на Университи-авеню. Фотограф попросил меня сесть на широкий подоконник, чтобы солнце освещало сзади. Он начал фотографировать, а я вспоминала папу и маму и представляла, что они могли бы сказать, если бы меня сейчас увидели.

Через несколько дней вышла газета, городское приложение которой украшали портреты шести победителей (статья о нас была рядом с репортажем о семье Клинтонов). Теперь я поняла, что все, включая учителей в Академии, узнают о моей настоящей жизни. Я немного волновалась, потому что боялась, что они могут во мне разочароваться. Но получилось все ровно наоборот. Пери сказал, что очень мной гордится. Все спрашивали меня, как я буду платить за квартиру. И, скажу вам,

мои учителя были далеко не единственными, кто проявил обо мне заботу.

В интервью газете я сказала название Академии, в которой училась. Упоминание места, где меня можно найти, привело к феномену, который я позже назвала «Бригадой ангелов». Совершенно незнакомые люди начали появляться в Академии, чтобы познакомиться со мной, поздравить, передать одежду, еду и другие полезные и нужные вещи. Эти люди приходили, чтобы мне помочь, и ничего не требовали взамен.

По почте мне стало приходиться много писем, открыток, фотографий семей и приглашений посетить их в самых разных местах Соединенных Штатов. Мне присылали много книг. Один человек организовал мини-группу поддержки и собрал у друзей и знакомых деньги, которыми оплатил наш долг за квартиру, свет и телефон. Мы даже не знали этих людей, а они заплатили за нашу квартиру и наполнили холодильник.

После этого я ни одной ночи не провела на улице.

Больше всего меня в этой неожиданной щедрости незнакомых людей поразило то, что они от меня ничего не требовали, и им ничего от меня не было нужно. Они появлялись в здании Академии, улыбались, смотрели мне в глаза, трясли руку и спрашивали, нужно ли мне что-нибудь и как они могут помочь.

Однажды перед окончанием занятий появилась женщина в желтом платье. Секретарь Эприл вызвала меня. Женщине было чуть за сорок. Она явно нервничала и теребила свое ожерелье.

«Меня зовут Тереза. Или просто Тез... Хочу перед тобой извиниться», – сказала она, стоя на тротуаре на Девятнадцатой улице.

Я не понимала, за что она извиняется, но женщина продолжила:

«Я прочитала статью о тебе и приклеила вырезку на холодильник, и она уже несколько недель там висит. У меня нет денег, чтобы тебе помочь. Я пыталась придумать, чем я могу быть тебе полезной и, наконец, придумала – вчера я стирала вещи дочки и решила, что я могу стирать вещи и тебе. Тебе же должен кто-то с этим помогать? Ведь у тебя загруженный график».

Я в изумлении на нее смотрела и не знала, что ответить. Она продолжила:

«Ну, ведь у тебя есть грязное белье? Давай я буду его стирать».

С тех пор она раз в неделю подъезжала к школе на своем серебристом мини-вэне, забирала грязную одежду и оставляла мне чистую и аккуратно сложенную. Иногда в одежде я находила пакет печенья.

«Я не в состоянии тебе серьезно помочь, но все же», – говорила Тереза.

Так что я училась, а Тереза стирала мою одежду.

Люди старались помочь мне самыми разными способами. Когда все это началось, я с подозрением отнеслась к происходящему. Я отказывалась верить, что люди, не являющиеся мне родственниками или близкими, готовы для меня что-то сделать только потому, что прочитали обо мне статью в газете. Я не ожидала, что «другие люди» захотят мне помочь. Но они, тем не менее, помогали. И ничего от меня не требовали и не просили.

Впервые в жизни я начала понимать, что между нами нет никакой разницы и все мы люди. Между людьми, добивающимися своих целей, и мной, если я была готова трудиться и могла получить немного помощи, не существовало никакой разницы.

Самым любимым подарком, который я в то время получила, было лоскутное одеяло ручной работы, которое мне прислала женщина по имени Дебби Файк. К этому выдающемуся одеялу была приложена открытка с текстом: «В общежитии бывает холодно. Пусть тебе будет тепло от мысли, что люди о тебе заботятся».

* * *

Я очень хотела, чтобы меня приняли в Гарвард. Очень. Я получила письмо от университета, в котором было написано, что меня поставили в лист ожидания. Я не стала расстраиваться и начала ждать. Ответ не был отказом, поэтому шанс, что меня примут, существовал.

Когда у меня появлялась возможность, когда мне давали шанс, как, например, с Академией, стипендией *New York Times* или помощью «Бригады ангелов», очень многое в моей жизни менялось.

«Кто знает, может быть, я еще стану студенткой Гарварда», – подбадривала я себя. Однако глубоко внутри я начинала сомневаться и думать, что удача перестала мне улыбаться. Может быть, я прошу у жизни слишком многого?

Меня страшила неуверенность. Я отказывалась сдаваться и регулярно звонила и писала в университет. Преподаватели Академии помогли мне со вторым интервью в Гарварде. Они также связались с нью-йоркской организацией под названием «Новое видение», которая помогала альтернативным школам. Сотрудники этой организации отвели меня в магазин *Banana Republic*, чтобы я могла приобрести за их счет одежду делового стиля. Лиза пошла со мной, чтобы помочь советом, и мы веселились, как дети, бегая между рядами внутри магазина. Мы выбрали длинную черную юбку, свитер и туфли.

Мое второе интервью прошло успешно, и после его окончания мне

сообщили, что ответ я получу в письме. Я стала ждать.

Последние несколько недель перед окончанием школы я ждала появления почтальона. Мои учителя в Академии говорили, что большой конверт будет означать положительный результат, потому что к письму будут прилагаться информационные материалы по предметам и графику занятий. Маленький конверт – это отрицательный ответ, написанный на одном листе бумаги с красным логотипом Гарварда. Казалось, что последние несколько месяцев меня преследует логотип университета, который я видела на многих сайтах, материалах, документах и даже во сне.

У меня буквально началась мания по поводу Гарварда. Сначала я изучала статистические данные о приеме студентов, количестве соискателей и другую общую информацию, такую, как преподаваемые предметы и жизнь в студенческом городке. Я сказала себе, что как соискатель и абитуриент я имею право знать, чем живет Гарвард. Обычно соискателей держат в листе ожидания четыре месяца, но в моем случае я прождала ответа целых полгода. За это время мое стремление узнать о Гарварде все превратилось в настоящую манию.

Кто, например, знает, что во время войны за независимость из окон студенческого общежития выбрасывали пушечные ядра, которые серьезно повредили булыжный тротуар? Или кто слышал о традиции гарвардских студентов устраивать два раза в год мероприятие под названием «Первобытный крик»? Этот ритуал проходит ночью два раза в год перед последним экзаменом. Студенты голыми бегают по площади вокруг памятника основателю университета, чтобы избавиться от экзаменационного стресса. Этот ритуал проводится даже зимой.

Я высчитала точное расстояние от моего дома до Гарварда, которое составило ровно триста километров.

Я сидела перед монитором и находила в Сети бесполезную информацию о Гарварде. Мне казалось, что я с толком провожу время. Я не могла пассивно ждать, мне надо было читать и перечитывать. Это был мой способ борьбы за место.

Осмотр содержимого почтового ящика стал моей главной жизненной задачей. Каждый день я возвращалась из Академии в нашу квартиру у Бедфорд-парка и проверяла почту. Я чувствовала себя словно моя мама, ждущая социального чека. Я стала раздражительной, нетерпеливой, не могла найти себе места и ходила по квартире из угла в угол. Что бы я ни делала, я никак не могла повлиять на решение, которое примет комитет в Кембридже, штат Массачусетс.

Напряженное ожидание было мне хорошо знакомо. Я часто

оказывалась в ситуациях, когда должна была ждать и не имела возможности что-то сделать. Это случалось, например, когда я ночами ждала возвращение папы с мамой, ушедших за наркотиками. Я сидела у окна, готовая набрать номер экстренной помощи 911. Я даже не была уверена, сможет ли мой звонок спасти жизнь мамы с папой. Или когда я подрабатывала в детстве. Кто бы накормил меня, если бы я тогда сама этого не сделала? И вот сейчас я ждала ответ из Гарварда.

Каждую пятницу я звонила из Академии в секретариат Гарварда, чтобы узнать свою судьбу. Ответ все время звучал одинаково: «Комитет еще не принял решения», после чего мне вежливо сообщали, что я могу перезвонить позже и что меня обязательно известят по почте.

Но однажды в пятницу я услышала другой ответ. Мне сказали, что по телефону не имеют права разглашать эту информацию, но комитет принял решение по моему вопросу и письменный ответ уже отправлен и, может быть, уже лежит в моем почтовом ящике. Я повесила трубку и поделилась этой новостью с моими преподавателями.

Вот уже несколько месяцев я доставала их расспросами о Гарварде, и они демонстрировали ангельское терпение. Отец Калеба был профессором в Гарварде, и ему досталось больше всех. Сидя в крошечном офисе Калеба, я отвлекала его бесконечными расспросами. «Знает ли его отец, как комитет принимает решения? Получают ли место те абитуриенты, которых поставили в лист ожидания?»

Пери тоже от меня досталось. Он умел терпеливо слушать людей, поэтому ему приходилось выслушивать мои бесконечные тирады. Вспоминая то время, я не представляю, как преподаватели могли переносить мое общество и не выгоняли меня за дверь.

В тот день я бегала по Академии в надежде найти преподавателя, с которым могла бы поделиться новостями. Но большая часть учителей была на каком-то собрании, поэтому в офисе находился только Пери. Он сидел в том же самом кабинете, где почти два года назад у меня было с ним интервью. Тогда я считала его одним из «других людей» и не смотрела ему в глаза.

Когда я вошла, Пери сидел за столом. Он взглянул на меня и дружелюбно произнес:

– О, привет!

– У меня хорошие новости – письмо уже отправлено. Скоро я узнаю, что в нем написано... Может быть, оно уже в почтовом ящике.

– Прекрасно, – ответил Пери, откинувшись на спинку стула и улыбнулся. – Замечательно.

Откровенно говоря, я ожидала от него большего энтузиазма.

– И все? – спросила я.

– Ну, да, замечательно, – ответил он и рассмеялся.

– Я к тому, что все, момент истины настал. – Казалось, что я хотела заразить его своим энтузиазмом. – Скоро я все узнаю.

На лице Пери появилось знакомое мне выражение, которое оно всегда принимало, когда он хотел что-то посоветовать.

– Что? – спросила я. – У тебя такое выражение лица, словно ты хочешь мне что-то сказать.

Я уважала его мнение и хотела его знать. Он пожал плечами и сказал:

– Лиз, это замечательно... Но я надеюсь, ты понимаешь, что ты всегда останешься такой, какая ты есть, в какой бы колледж ты ни попала. На работе, на собеседованиях, в твоих отношениях с людьми... В этом смысле ответ из Гарварда вообще ничего не меняет. Ты такая, какая ты есть, и все тут. Поэтому успокойся и пойми: каким бы ответ ни был, в твоей жизни все будет нормально.

Если бы я плохо знала Пери или не любила его, то могла бы расценить его слова, будто ему безразлично то, что для меня важно. Или что он не понимал, какое огромное значение для меня имеет ответ из Гарварда. Я не могла холодно и равнодушно относиться к такой важной для меня вещи. Но я любила Пери и верила ему, поэтому решила хорошо обдумать сказанное. Я кивнула и ответила:

– Понятно.

– Послушай, Лиз. Где бы ты ни оказалась, ты добьешься того, к чему стремишься. Посмотри на то, чего ты уже добилась. Именно поэтому я в тебе так уверен. Попробуй расслабиться, пожалей саму себя.

Он просто ошарашил меня своими словами. Я и не подозревала, что мне надо расслабиться и более бережно относиться к себе.

В тот вечер письма в почтовом ящике не оказалось. Весь вечер по пути домой и лежа в кровати я размышляла над тем, что сказал мне Пери. Я была слишком занята насущными вопросами своего выживания и не имела возможности оценить и обдумать все то, что со мной произошло, и как это изменило мою жизнь. Если по-простому, то у меня было слишком много забот. Каждый день надо было сделать домашнее задание, написать эссе или решить какую-либо насущную и неотложную проблему.

В ту ночь я последовала совету Пери, остановила бесконечную «беличью чехарду» и постаралась думать и чувствовать. Я лежала одна в темной комнате, вспоминая и анализируя все, что произошло со мной

в этой жизни. Да, без сомнения, я достигла определенного успеха, но все это далось дорогой ценой. В моей жизни было много потерь. Папа, «без боя» сдавший меня в приют. Мама в больнице, беззвучно двигавшая губами. Ночи, проведенные на лестничной клетке. Мысли о том, сколько времени пройдет, пока меня хватятся и начнут искать после моего исчезновения, если меня вообще кто-то будет искать.

Я лежала под одеялом и отдавалась нахлынувшим чувствам. Я глотала соленые слезы, вспоминала все то, что потеряла, и скорбела. Я выплакалась и не могла больше плакать.

Когда я полностью отдалась своей грусти, я испытала что-то новое. Я признала боль, которую испытала за всю свою жизнь, и вместе с ней – все радости и достижения. Я вспомнила свои маленькие победы: когда я словом и делом доказывала свою любовь к родителям; дни, когда мне так не хотелось вылезать из кровати, но я все-таки это делала и шла в школу; то, что я сама себя обеспечивала и зарабатывала на жизнь; и что я убрала челку и научилась смотреть людям в глаза. Я вспомнила теплые и дружеские отношения, которые сложились у меня за все эти годы, и те дни, когда мне так хотелось сдать, но я этого не сделала.

Я поняла, что Пери был совершенно прав и со мной действительно все в порядке. В прошлом у меня было много проблем, но сейчас эта ситуация изменилась. Я уже не жила на улице, а спала в своей кровати. Впервые за последние месяцы я перестала ежесекундно думать, примут меня в Гарвард или нет, а решила расслабиться.

Следующий день был субботой. Было очень жарко, и я села с книгой на ступеньки перед парадным входом в дом. Так в ожидании почтальона я провела несколько часов. По улице проезжали автобусики, продающие мороженое. Мамы в лосинах из спандекса и пластиковых шлепках болтали между собой и внимательно следили за детьми. Кто-то на верхних этажах громко слушал латиноамериканскую музыку. Я потела на солнце, постукивала ногой от нетерпения и теребила страницы книги. Глазами я косила в сторону угла, откуда должен был появиться почтальон.

Где-то после двенадцати я увидела почтальона в четырех домах от моего. Я захлопнула книгу. Почтальон с кем-то разговаривал и не спешил закончить свое общение.

Так каким же будет конверт: маленьким или большим?

Напротив моего дома остановился автобусик с мороженым, и его окружила стайка детей. Кто-то через дом открыл гидрант, чтобы прохладной водой освежить знойный воздух. Рядом подростки чеканили баскетбольный мяч. Почтальон медленно приближался. В его сумке было

адресованное мне письмо. В этот момент я снова вспомнила слова Пери о том, что у меня в любом случае все будет хорошо.

Месяцы ожидания и переживаний подошли к концу, и я перестала напрягаться. Я поняла, что я никак не могу изменить то, что написано в письме. Я уже сделала все, что могла сделать.

«Господи, дай мне спокойствия, чтобы принять то, что я не могу изменить, и смелости изменить то, что могу. А также мудрости, чтобы понять разницу».

Моя жизнь изменилась только после того, как я сосредоточила свое внимание на тех областях, которые я была в силах изменить. Я не ломала голову над тем, что я изменить не в состоянии.

Я не могла изменить ситуацию, которая сложилась в семье Сэм, но я могла быть ее другом. Я не могла изменить Карлоса, но я могла его оставить и заниматься собственной жизнью. Я не могла излечить от зависимости родителей, но могла простить и любить их. Я могла построить свою собственную жизнь, не омраченную тенью прошлого.

Почтальон приближался, и я поняла: вне зависимости от того, что будет в письме из Гарварда, эта информация не изменит мою жизнь. У меня все впереди, и то, чего я в этой жизни добьюсь, не может быть обусловлено только одним фактором. Моя жизнь будет такой, какой я сама ее сделаю, шаг за шагом двигаясь к выбранной цели.

Эпилог

Я сидела в главном зале выставочного центра в Буэнос-Айресе и ждала выступления далай-ламы. Была середина лета, очень жарко, а кондиционер работал весьма экономно. Я, вся в испарине, ерзала на стуле, сидя довольно далеко от сцены и наблюдая ее только с «подложкой» из массы людских голов. Зрителями были семьсот крупнейших бизнесменов из самых разных стран. Я участвовала в ежегодной конференции о вдохновении и работе с людьми, на которой основным спикером был далай-лама. Я должна была выступить сразу после него.

Руководителям компаний и бизнесменам дали редкую возможность задать ему вопросы после выступления. Эти вопросы были сложными, политическими, и, отвечая на них, далай-лама не жалел своего времени. При помощи переводчика Его Святейшество на каждый вопрос отвечал от десяти до пятнадцати минут и невероятно детально. Когда время подошло к концу, ведущий вечера осмотрел зал в поисках человека, который задаст последний вопрос.

Получилось так, что я, как следующий спикер после далай-ламы, получила возможность задать ему один вопрос. Но о чем я могла его спросить? Все смотрели на меня, включая и самого далай-ламу. Что произошло дальше, стало для меня одним из самых серьезных жизненных уроков. Но об этом чуть позже.

Сперва объясню, как я «дошла до жизни такой». Благодаря тому, что мой жизненный путь пересекся с далай-ламой, мои друзья из Бронкса стали называть меня «Форест Гамп». Они привыкли к тому, что я путешествую по всему свету, провожу семинары с сотнями людей и рассказываю, как вдохновлять. У меня есть компания *Manifest Living*^[28], которая помогает взрослым людям жить, как они считают нужным и полезным. Меня часто привлекают в качестве мотивационного спикера. Так уж получилось, что я нашла себя там, где мое присутствие приносит пользу.

Я и понятия не имела, что все так может обернуться. Все началось со статьи в *The New York Times*. Потом про меня писали другие газеты и журналы. Я получала награды, мне даже посвятили весь выпуск передачи «20/20». На канале *Lifetime Television* вышло кино «Лиз Мюррей: От бездомной до Гарварда». В общем, много чего происходило, но это уже

совершенно другая история, не имеющая отношения к этой.

Я путешествовала, училась и отдыхала от учебы. Я уезжала и возвращалась в Нью-Йорк, где жили мои друзья и отец.

Папа бросил наркотики после того, как у него диагностировали ВИЧ. Сотрудники приюта, в котором он жил, помогли ему найти нужных врачей и получить лекарства. После тридцати лет употребления папа был ВИЧ-позитивным, у него обнаружили большие проблемы с сердцем, гепатит С и на три четверти разрушенная печень.

Однажды, когда я только начала обучение в Гарварде, мне позвонил его доктор и серьезным тихим тоном сообщил, что мне «надо побыстрее приехать в Нью-Йорк, а то может быть поздно». У папы случился инфаркт. Я села на автобус и через некоторое время была в больнице. У папиного изголовья стоял священник и читал молитвы. Я взяла папу за руку, внимательно вглядываясь в его лицо. Папины глаза были закрыты, а лоб наморщен, словно он волновался.

Однако папа пережил инфаркт. Мои друзья дали ему прозвище «Питер Бесконечность»^[29] за его удивительную живучесть. Папе так понравилось это прозвище, что он использовал его в виде подписи на собственной выписке из больницы. Он несколько раз повторил медсестре это прозвище, надеясь ее развеселить, и заявил, что у него больше жизней, чем у кошки. Я вывезла папу на инвалидном кресле на улицу и с тех пор взяла на себя всю ответственность по уходу за ним.

Папино здоровье оставалось очень хрупким, поэтому я решила, что он должен жить вместе со мной. Ему надо было принимать большое количество медицинских препаратов, часто ездить на консультации с врачами, делать анализы крови, химиотерапию от гепатита С, а также получать антиретровирусные средства от ВИЧ. Доктора называли дозу препаратов «коктейлем». Это были лекарства, которые стали доступны ВИЧ-инфицированным и больным СПИДом после смерти мамы.

Несколько лет моей жизни были посвящены заботе о здоровье папы, учебе и экзаменам, рабочим поездкам по стране и за границу. Это был непростой период, во время которого мои друзья оказали мне неоценимую помощь.

Мои друзья всегда меня поддерживали, они были моей второй семьей. Среди них были такие старые друзья, как Бобби, Джеймс, Ева, Сэм и Джош, но появились и новые – Рубен и Эдвин. Вместе мы отмечали дни рождения и помогали семьям друг друга, когда в этом возникала необходимость. Я могла приехать из Бостона в Нью-Йорк и застать в нашей квартире Эдвина, который смотрел с папой сериал «Закон

и порядок». Они ели чипсы, обменивались шутками и смеялись.

С Эдвином (или Эдом) я познакомилась через Еву. Эдвин отвозил папу на консультации врачей, покупал продукты, готовил ему еду и стирал. Он стал папиным другом. Мы с Эдвином жили по соседству. Когда у меня было свободное время, мы втроем шли в папин любимый ресторанчик или в кино. Мы помогали папе пронести в кинозал контрабандой сникерс и бутылку воды. Как только начинался фильм, папа радостно разворачивал свой сникерс, и на его лице появлялась улыбка от того, что ему не пришлось переплачивать за него в кафетерии в фойе.

Дела Лизы и Сэм наладились. Сэм сейчас замужем и живет в штате Висконсин. Лиза окончила колледж и работает преподавателем с детьми, страдающими аутизмом. У Джейми двое детей, и она живет в Неваде. Бобби учится на медбрата, и у него тоже двое детей. Они были и остаются моими близкими друзьями.

Последние несколько лет жизни папы мы провели с ним в Кембридже. Я сняла дом с пятью спальнями поблизости от Гарварда и перевезла в него папу. За месяц до смерти папы мы с Эдом отвезли его в Сан-Франциско. Папа показал нам некоторые места, в которых часто бывал во времена своей юности. Мы не расспрашивали его о деталях тех давних лет, и сам папа ничего нам не рассказывал. Мы побывали в самых дорогих папиному сердцу местах: Хайт-Эшбери^[30], Алькатрас и книжный магазин *City Lights*. Папа прошелся вдоль старых полок с книгами, вытащил романы Керуака и стихи Гинсберга и перечитал некоторые отрывки, к созданию которых имел непосредственное отношение.

Потом я нашла в своем чемодане записку от папы со словами: «Лиз, я уже давно поставил крест на том, о чем мечтал, но знаю, ты сохранишь и осуществишь все мои мечты. Спасибо за то, что мы снова семья».

Я повесила эту записку над своим рабочим столом, чтобы они меня вдохновляли. Я смотрела на папин размашистый почерк и чувствовала прилив любви, нежности и спокойствия.

Через три недели после возвращения из Сан-Франциско папа не проснулся утром. Его сердце остановилось. К тому моменту папа уже восемь лет ничего не употреблял, ему было шестьдесят четыре. Последние годы жизни он вел группу «снижения вреда», помогающую бывшим наркоманам. В день после его смерти ко мне пришли многие мои друзья, чтобы поддержать меня в тяжелую минуту. Мы сидели на расстеленных на полу матрасах и разговаривали.

Папа хотел, чтобы его кремировали. Эдвин, Лиза, Рубен и я разбросали прах папы в Гринвич-виллидж, по горстке в самых любимых его местах:

напротив больницы, в которой наркоманов лечат метадоном, около дома его друга, на улице, где он снял свою первую с мамой квартиру. Оставшийся прах папы мы смешали с розовыми лепестками и бросили в море с пирса в Бэттери-парке. Лепестки плыли на поверхности воды, а мы с Лизой, сидя на скамейке, рассказывали друг другу любимые истории о папе.

После окончания колледжа мои друзья Дик и Патти устроили в мою честь вечеринку в своем доме в городе Ньютон. На этой вечеринке были Лиза и многие мои друзья: Эд, Рубен, Энтони, Ева, Шари, Сю, Фелис, Бобби и другие. Внесли торт, и все они исполнили в мою честь песню. Я вглядывалась в их лица и понимала, что бесконечно люблю каждого из них. Они были моей семьей.

В день, когда я должна была задать далай-ламе вопрос, я спросила его: «Вы вдохновляете людей. Скажите, а что вдохновляет вас?»

Далай-лама перекинулся несколькими фразами с переводчиком, посмотрел на меня, рассмеялся и сказал:

«Не знаю, я всего лишь простой монах».

В зале послышался смех. Далай-лама очень коротко ответил на мой вопрос, который был последним вопросом после его лекции. Далай-ламу быстро увели. И тогда-то я узнала много интересного, а именно – как участники встречи толковали слова далай-ламы.

Я стояла в фойе конференц-зала, и ко мне стали один за другим подходить самые разные люди и заявлять, что точно знают, что далай-лама имел в виду. Один мужчина лет сорока сказал: «Очень дзенский ответ. Он говорил о простоте». Высокая женщина в деловом костюме заявила: «Глубоко копает! Это о незнании. Он же монах, поэтому подчеркнул то, что незнание является частью человеческого бытия». Мужчина с насупленным лицом гневно выдал: «Он вообще не ответил на твой вопрос. Он не захотел снизойти до твоего уровня. Какой заносчивый человек!»

Во время короткого перерыва ко мне подошли больше десяти бизнесменов, чтобы поделиться со мной своей версией. Потом за сценой один человек из окружения далай-ламы сказал следующее:

«Извини, Лиз, переводчик неправильно перевел твой вопрос... Поэтому он и не получил ответа. Мы просто свалили дурака».

Получается, что ответ далай-ламы не имел никакого смысла. Или, может быть, в нем было больше смысла, чем тот, который был на поверхности. Все видели и слышали одно и то же, но у всех оказалась своя версия событий.

Я вышла на сцену, чтобы произнести речь. Рассматривая людей в зале, я улыбнулась. Все мы разные, но у нас есть много общего, каждый из нас пытается осознать и переварить свой собственный опыт. Я любила маму и папу, я поверила в свои силы и изменила свою жизнь. Каждый из бизнесменов был уверен, что его интерпретация ответа далай-ламы является единственно правильной, а мои бездомные друзья в свое время были уверены, что они не в состоянии преодолеть обстоятельства. Я же считала, что меня и остальных людей разделяет кирпичная стена, а теперь наблюдаю, как рушатся подобные стены для тех, кто посещает мои семинары.

Я стояла перед аудиторией в огромном зале и решила, что есть то, в чем я совершенно уверена.

Неважно, кто ты – успешный бизнесмен или бездомный, доктор или учитель, в какой семье ты родился; есть то, что нас всех объединяет. Твоя жизнь будет такой, какой ты ее сам сделаешь, а смысл жизни в том, что ты сам считаешь правильным.

Благодарности

Благодарю команду издательства *Hyperion*, которая работала с этой книгой, за их веру и терпение. Хочу особенно отметить моего редактора Лесли Уэллс за ее идеи и упорство, которые она вложила в свою работу. Кроме этого мои нижайшие благодарности Эллен Арчер и Элизабет Диссегард. Спасибо за то, что в меня верили, у вас, девушки, терпение святых.

Благодарю моего агента Алана Невиса из агентства *Renaissance*. Ты верил, что моя история достойна того, чтобы ее рассказали, и ты был совершенно прав.

Хочу поблагодарить писателя Трависа Монтеза за его комментарии, дополнения и переработку материала. Спасибо тебе за твое время, которым ты щедро делился, вкладывая его в этот проект. Спасибо за поэзию и внимание к деталям. Без тебя эта книга получилась бы другой.

Спасибо моей подруге и сестре Еве Битер, которая первая предложила мне написать эту книгу. Ты помогала мне рассказывать эту историю и поддерживала меня долгие годы, ты дала мне смелость поведать все, что написано на этих страницах. Я тебя люблю.

Благодарю Роберта Бендера, который поддерживал меня во многих проектах и начинаниях, включая этот. Бобби, спасибо тебе за все, что ты сделал для меня за эти годы. Ты был и остаешься частью моей семьи.

Отдельное «спасибо» дорогому другу Рубену. Ты оказал на меня сильное влияние. Ты открыл мне свое сердце, за что я бесконечно тебе признательна. Нет слов, которыми я могла бы выразить то, что ты для меня значишь. Люблю тебя, дорогой.

Я признательна моей сестре Лизе Мюррей, о жизни которой вы читали в этой книге, за поддержку. Я взялась за перо, вдохновленная тем, что ты сама пишешь. Я тебя обожаю.

Спасибо Сэм, о которой в этой книге тоже написано немало. Наша дружба была светом в окошке в самые темные моменты моей жизни. Люблю тебя.

Благодарю Алана Голдберга из «20/20», который помог собрать мою биографию, распыленную по десяткам статей в разных изданиях, в историю, которую увидели и которой вдохновились миллионы людей. Благодарю тебя за твою доброту. Ты оставил в моем сердце неизгладимый

след.

Я признательна президенту Бюро спикеров имени Вашингтона Кристине Фаррелл за помощь в том, что тысячи людей услышали меня. Когда я ухаживала за отцом, ты помогала мне претворять мои мечты в жизнь. Дружба с тобой и твоя поддержка всегда вдохновляли меня. Спасибо.

Я хочу поблагодарить моего учителя Пери, о котором писала на страницах книги, за то, что он посвятил свою жизнь образованию молодого поколения. Ты дарил ученикам свою страсть. Спасибо тебе за то, что ты превратил Академию в место, в котором можно расти духовно и расширять свои познания во благо всего общества.

Я не забуду других преподавателей академии. Без вашей помощи моя жизнь и эта книга получились бы другими. Моя глубокая благодарность Винсенту Бреветти, Джесси Кляйн, Дугласу Техту, Калебу Перкинсу, Элайе Хоксу, Марии Ханцопулос, Джорджу Кордеро, Сюзан Петри, Кристине Кемп и Мату Холцеру.

Спасибо Элизабет Гаррисон и ее сыновьям Рику, Дэнни, Джону и Шону, имена которых вы видели на страницах этой книги. Спасибо вам за то, что вы кормили меня, давали кров и любили, как родную. Я люблю вас безмерно и до конца своих дней буду благодарна за то, что вы для меня сделали. Вы – моя вторая семья.

Многие открывали для меня свои двери, когда мне было некуда идти и когда я была голодна. Эти люди делились со мной иногда последним куском, за это я им безмерно благодарна. Спасибо вам, Элизабет Гаррисон, Пола Смайлай, Джилия Бригнони, Мария Поррас, Марта Хэддок, Маргарет Битер, Даниэль Лачика и Мишель Браун.

Благодарю моего друга и спикера-коллегу Тони Литстера за советы и время, проведенное за чтением этих страниц. Спасибо тебе, дорогой Тони.

Хочу поблагодарить сотрудников спонсорской программы для студентов газеты *The New York Times*. Ваша поддержка помогает тем, кто всеми силами стремится изменить свою жизнь к лучшему. Вот короткий и далеко не полный список сотрудников, работающих над студенческой программой *New York Times*, которым я признательна: Артур Гелб, Джек Розенталь, Нэнси Шарки, Ян Сидоровиц, Дана Конеди, Кори Дин, покойные Гералд Бойд, Чип МакГрат, Боб Харрс, Шейла Рул, Билл Шмит и Роджер Лехека. Вы посвятили себя тому, чтобы дети из бедных семей могли получить в этой жизни шанс. Спасибо за то, что вы сделали для многих.

Хочу поблагодарить некоторых других друзей и членов моей семьи за их поддержку, которую они оказывали мне год за годом. Вы помогли мне и созданию этой книги. Спасибо вам: Бобби, Рубен, Эдвин, Ева, Дейв Сантана, Крис, Джеймс, Шари Иой, Лиза, Артур, Джейми, Джош, Рамиро, Фелис, Фиф, Рэй, Мелвин Миллер, Дик и Пэтти Саймон, Яст Лебхерц, Мэри Готьер, Эд Романофф, Травис Монтез, Робин Линн, Робинсон Линн, Дик Силберман, Лиза Лэйн и Лоренс Филд.

Благодарю Стана Куртиса и программу *Blessings in a Backpack* за то, что они сделали меня спикером, выступающим за права всех голодных детей Америки. Если бы программа *Blessings in a Backpack* существовала, когда я была ребенком, я бы гораздо чаще ложилась спать сытой. Благодаря вам и вашим усилиям жизнь многих детей в Америке стала гораздо лучше.

Приглашение от Лиз Мюррей

Дорогой читатель!

Сейчас я работаю мотивационным спикером, веду семинары и читаю лекции о том, как каждый из нас может жить более полной, богатой и счастливой жизнью. Больше всего на свете меня радуют примеры того, как люди преодолели трудности и преуспели. Я сделала серию видео, в которой делюсь со всеми своими идеями, рассказами и инструментами, которые способны вдохновить людей. Вы можете бесплатно скачать эти видеоролики на моем сайте www.homelesstoharvard.com. Присоединяйтесь к нашему разговору, как стать бодрым и энергичным, а также осуществить свои заветные мечты.

Рада буду получить от вас весточку, где бы вы ни жили.

Радости и любви,

Всегда ваша,

Лиз Мюррей

«Господи, дай мне спокойствия, чтобы принять то, что я не могу изменить, и смелости изменить то, что могу. А также мудрости, чтобы понять разницу».

Сноски

1

Элитная католическая школа, существующая с 1930 г. – *Здесь и далее прим. перев.*

2

Американцы не привязывают жестко смену времен года к первым числам определенных месяцев. В США считается, что времена года меняются с опозданием приблизительно на три недели.

3

Американская фолк– и поп-певица, популярная в конце 1960-х – начале 1970-х годов.

4

Перевод Библии на английский, выполненный под патронажем короля Англии Якова I и выпущенный в 1611 году.

5

Иди сюда, белая! (*исп.*).

6

Вид листовых лягушек. Родина вида – Пуэрто-Рико, поэтому коки является одним из неофициальных символов острова.

7

Детская книга американского писателя Элвина Брукса Уайта, впервые опубликованная в 1952 году.

8

От англ. *Brick* – кирпич.

9

Пенни Маршалл – американская актриса, режиссер и продюсер, которая получила известность после роли Лаверны в телесериале «Лаверна и Ширли».

10

Ральф Лорен – американский модельер и дизайнер, кавалер Ордена Почетного легиона. Настоящее имя – Ральф Лифшиц.

11

Неверно написанное слово *Freak* – человек со странностями.

12

Возможно, имеется в виду «Американская история: Фивел едет на Запад» («*An American Tail. Fievel goes west*»).

13

Игрок Национальной футбольной лиги, актер, получивший скандальную известность из-за обвинения в двойном убийстве – жены и ее любовника. Был оправдан, несмотря на улики.

14

Популярная в США и других странах телевизионная игра-викторина.

15

Шэмрок – трехлистный клевер, символ Ирландии.

16

У вас много денег (*исп.*).

17

Разновидность китайских пельменей.

18

General Educational Development (GED) – Программа общеобразовательного развития, в результате которой учащийся получает диплом, равнозначный диплому о среднем образовании.

19

Баярд Растин (1912–1987) – активист, защитник прав человека, соратник Мартина Лютера Кинга.

20

New York Public Interest Research Group (NYPIRG) – некоммерческая организация, занимающаяся исследованиями общественного мнения.

21

Combat – бой, борьба (англ.).

22

«*Korn*» – американская ню-металл-группа.

23

Приют на всю жизнь.

24

Секретарь учебного заведения, ведающий учетом студентов и их успеваемостью.

25

Названия известных гангстерских формирований в США.

26

Free Application for Federal Student Aid – Обращение за стипендией для учащихся в государственных вузах.

27

Джон Гарвард (1607–1638) – английский миссионер, в честь которого назван Гарвардский университет.

28

«Очевидная жизнь».

29

Слово «бесконечность» (англ. *Infinity*) созвучно с его настоящей фамилией – Финерти.

30

Пересечение улиц Хайт и Эшбери, один из центров психоделической революции 1960-х годов в Сан-Франциско.